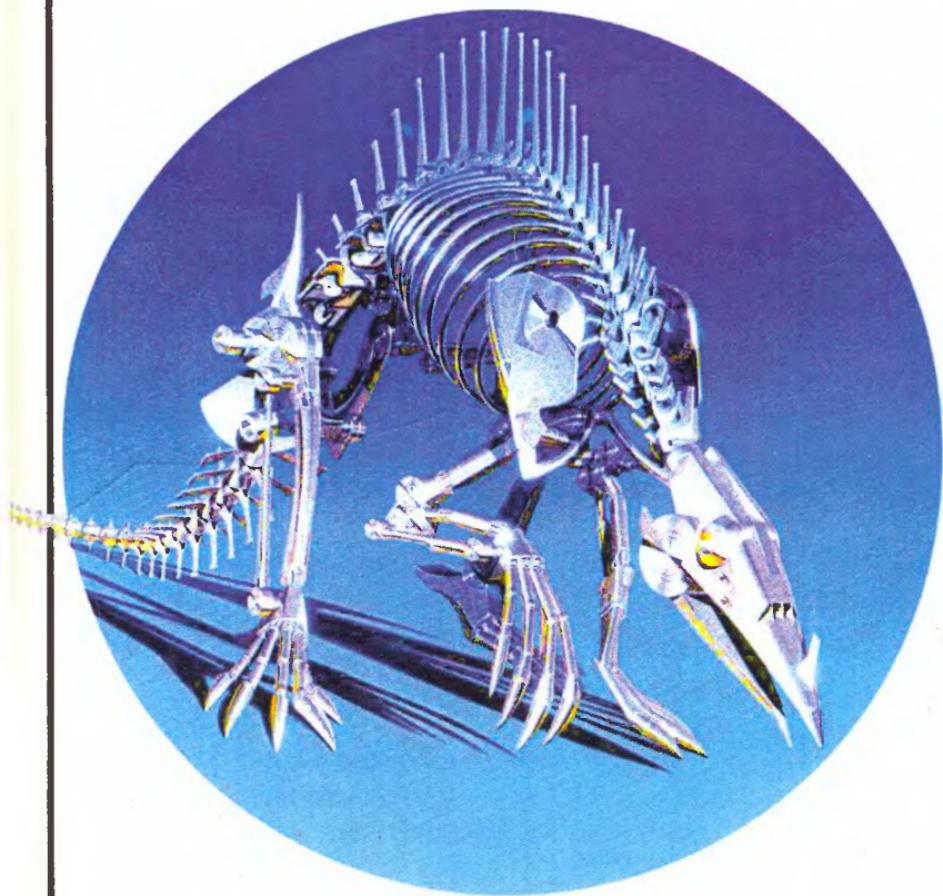

МИРЫ ХАРЛНА ЭЛЛИСОНА

**КОНТРАКТЫ
ДУШИ**

ХАРЛАН ЭЛЛИСОН

WORLDS OF HARLAN ELLISON

Volume three

**CONTRACTS OF THE SOUL
PARTNERS
THE CLASSICS**

**«POLARIS» PUBLISHERS
1997**

МИРЫ ХАРЛНА ЭЛЛИСОНА

Том третий

**КОНТРАКТЫ ДУШИ
ПАРТНЕРЫ
КЛАССИКА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997**

Издание подготовлено
совместно с АО «Титул»
Редактор издания В. Баканов

В оформлении издания использована работа
фотографа *Chris Cufarro*

**Мирры Харлана Эллисона. Т. 3 / Пер. с англ. — Рига:
Полярис, 1997. — 382 с.**

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных рассказов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя, автора и его агента.

Никакая часть данного издания не может быть воспроизведена ни электронными, ни механическими, ни иными средствами, включая фотокопирование, видеозапись, помещение в сети Интернет или иной системе хранения и распределения информации, как существующей, так и еще не разработанной, иначе как с письменного разрешения автора или его агента, за исключением коротких отрывков, которые могут быть помещены обозревателем в обзоре или критической статье для печати в журнале или газете либо передачи по радио, телевидению либо в признанном электронном журнале.

За информацией обращаться к агенту автора: *Richard Curtis Associates, Inc., 171 East 74th Street, New York, NY 10021, USA.*

Все лица, места и организации, упомянутые в данном издании, кроме тех, чье существование является общеизвестным, вымышлены, и любое их сходство с реально существующими либо существовавшими лицами, местами и организациями совершенно случайно.

Introductions to selected works by Harlan Ellison
Copyright © 1997 by The Kilimanjaro Corporation
Stories and essays in this volume are variously copyright
© 1958, 1965, 1967, 1968, 1969, 1972, 1973, 1974, 1976,
1977, 1978 by Harlan Ellison
Renewed copyright © 1986, 1993, 1995, 1996, 1997
by Harlan Ellison
•The Human Operators•
Copyright © 1970 by Harlan Ellison and A. E. Van Vogt
•Runesmith•
Copyright © 1970 by Harlan Ellison and Theodore Sturgeon
•The Song the Zombie Sang•
Copyright © 1970 by Harlan Ellison and Robert Silverberg
Cover Art
Copyright © 1997 by Sorayama Hajime/Uptight Co., Ltd /
Artspace Co.
© Издательство «Полярис», составление, оформление,
название серии, 1997

ISBN 5-88132-293-2

КОНТРАКТЫ ДУШИ

ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ?

Я часто думал о том, как рассказать эту историю. Первый раз я хотел начать так:

«Я стал исчезать во вторник утром».

Но потом я подумал и решил, что лучше будет иначе:

«Это история ужасов».

Так действительно лучше. Но, подумав еще (а времени думать у меня было хоть отбавляй, уж можете поверить), я пришел к выводу, что и так и так получается какая-то мелодрама, и если я хочу с самого начала строить свой рассказ на доверии и правде, то и начинать следует с того, как все началось, и довести историю до сегодняшнего дня, предложить свое объяснение, а уж потом вы решайте сами.

Вы слушаете?

Возможно, причиной всему мои гены. Или хромосомы. Та или иная комбинация, сделавшая меня прототипом Каспера Милкветоста. Год назад, в марте, во вторник, я проснулся, уверенный, что я такой же, каким просыпался сотни раз. Мне сорок семь лет, уже появилась лысина, но зрение у меня хорошее, очками пользуюсь только для чтения. Мы с Алмой спим в разных комнатах, и поскольку я подвержен

простуде, я всегда ношу длинное теплое ночное белье.

Единственное, что, возможно, хоть как-то выделяет меня из ряда обычных людей, — это мое имя. Меня зовут Винсоки.

Альберт Винсоки.

Знаете, как в той песенке:

Пристегнись, Винсоки, все о'кей, Винсоки,
Только крепко-крепко пристегнись!

Меня с самого детства так дразнили, но я по характеру человек миролюбивый и не обидчивый. Другой бы возненавидел эту песню, а я стал воспринимать ее чуть ли не как собственный гимн. Если уж я что-нибудь насвистываю, так скорее всего эту песенку.

Ну ладно...

В то утро для душа было слишком холодно, поэтому я просто плюснул воды в лицо и быстро оделся. Как только я вышел на лестницу, Зазу — персидская кошка жены — скользнула у меня между ног. Зазу — довольно спокойная кошка, я никогда не имел с ней проблем, хотя она старательно и демонстративно делала вид, что меня как хозяина не существует. Но в утро, о котором идет речь, она просто прошмыгнула мимо, даже не фыркнув. Пустяк, но необычный.

Это было предзнаменованием.

В гостиной Алма уже выложила на диван утреннюю газету, как она делала в течение двадцати семи лет. Я на ходу подобрал ее и прошел к себе. В кабинете на столе ждал меня стакан сока. Слышно было, как внизу на кухне возится Алма. Как обычно, она что-то бубнила себе под нос — одна из пренеприятнейших ее привычек. В глубине души это добреийший человек, но когда она злится, то начинает бубнить. Никаких гадостей, Боже упаси, зато на самом пороге слышимости, так что это достает хуже крика, вы уж поверьте. Она прекрасно знала, что это меня бесит, а может, и не знала, я уже не уверен.

Вряд ли она полагала, что я вообще способен на сильные чувства.

Как бы то ни было, в то утро она бубнила и бормотала, так что я не выдержал и крикнул:

— Доброе утро, дорогая! Я уже встал. — После чего углубился в газету и сок.

В газете писали о всякой ерунде, а сок... ну что особенного в апельсиновом соке?

Между тем время шло, а бормотание Алмы не затихало. Наоборот, оно становилось громче и назойливее:

— Ну где этот тип? Прекрасно же знает, как я не люблю, когда опаздывают к завтраку. Ну вот... яйца остывли. Ну где он?

Это длилось довольно долго, хотя я периодически выкрикивал:

— Алма, ради Бога, прекрати! Я уже спустился! Я уже внизу, неужели непонятно?

Наконец она в ярости промчалась мимо меня в спальню. Я слышал, как она выскочила на лестницу, ухватилась за перила, встала на первую ступеньку, запрокинула голову и заорала:

— Альберт! Ты спускаешься или нет? Ты что, опять в туалете? Снова почки? Хочешь, чтобы я поднялась?

Это было уже слишком. Я отложил салфетку и вскочил. Подойдя к ней сзади, я произнес как можно мягче:

— Алма, дорогая! Что с тобой происходит? Я здесь!

Это не возымело ни малейшего эффекта. Она еще повопила, а потом затопала по лестнице. Я сел на ступеньки, уверенный, что Алма либо совсем спятила, либо лишилась слуха, либо еще что-нибудь.

Я не знал, что делать. Я был совершенно растерян. И решил позвонить доктору Хэршоу. Я набрал его номер; после трех гудков он снял трубку и сказал «Алло».

В какое время суток я ни звонил бы доктору Хэршоу, я всегда чувствовал себя виноватым. Он устрашал своим голосом. Сегодня я почувствовал

себя как никогда неловко; в тоне доктора звучали раздраженные нотки. Похоже, я его разбудил.

— Простите, что потревожил вас в такое время, доктор, — поспешил произнес я. — Это Альберт Винс...

Он перебил меня, громко повторив: «Алло? Алло?»

— Алло, доктор? Это Аль...

— Кто говорит?

Я уже не знал, что сказать, и, решив, что меня не слышно, завопил что было сил:

— Доктор, это...

— О черт, — проворчал он и швырнул трубку.

Я еще секунду стоял, таращась на телефон, и боюсь, на лице моем было написано крайнее замешательство. Сегодня, похоже, все оглохли. Я уже собрался перезвонить, как в столовую вошла, бубня себе под нос, Алма.

— Куда запропастился этот тип? Не мог же он уйти не позавтракав? А если и так, мне меньше забот!

Она едва не толкнула меня!.. Ну, это было уже слишком! Я кинул трубку и побежал за ней. Последние годы Алма уделяла мне все меньше внимания, временами просто меня игнорировала. Делала вид, что не слышит, не реагировала на прикосновения... Подобное происходило все чаще, но сегодня! Это уже слишком!

На кухне я встал за ее спиной. Она продолжала бубнить, яростно выскребая из сковородки яйца. Я выкрикнул ее имя. Она не обернулась и даже не прервала своего бормотания.

Я вырвал сковородку у нее из рук и изо всех сил ударил ею по плите. (Поступок мне не свойственный, но, с другой стороны, и ситуация была необычна.) От грохота Алма даже не вздрогнула. Она направилась к холодильнику и полезла за кубиками со льдом.

Это послужило последней каплей. Я грохнул сковородку об пол и выскочил из кухни. Я чуть не выругался, так я был зол. Что за игры? Ну ладно, ей не хочется готовить мне завтрак, придется мириться

еще и с этим. Так почему она не скажет прямо? К чему этот цирк?

Надев пальто и шляпу, я выскочил из дома, изо всех сил хлопнув дверью.

Взглянув на часы, я понял, что автобус уже ушел. Я решил остановить такси, хотя и отдавал себе отчет в том, что мой кошелек может не выдержать подобных трат. Впрочем, выбора не оставалось, так что я прошагал мимо автобусной остановки и махнул рукой проезжающему такси.

Проезжающему. Именно так. Потому что машина проехала, даже не притормозив. У водителя не было никаких причин меня не взять. Может, он возвращался со смены? Скорее всего. Но после того как мимо меня точно так же проехали восемь свободных такси, я понял, что дело в другом.

Но я еще не понимал, что случилось. Показался автобус, и я решил поехать на нем. На остановке стояла молоденькая девчушка в узкой юбочке и смешной шляпке. Я робко улыбнулся и сказал:

— Что случилось сегодня с такси, непонятно.

Она меня не заметила. То есть не отвернулась, как от какого-нибудь приставалы, и не покосилась в мою сторону; она вообще не поняла, что я рядом.

У меня не было времени на размышления, автобус остановился, и девушка вошла. Я поднимался следом и едва успел заскочить, как двери с шипением захлопнулись, защемив полу моего пальто.

— Эй, вы меня зажали! — крикнул я водителю, но он не обратил на меня никакого внимания. Он наблюдал в зеркало, как девушка игривой походкой проследовала по салону и села, а потом принялся насвистывать.

В автобусе было полно людей, и мне не хотелось изображать из себя дурака. Поэтому я просто дотянулся до его штанины и подергал ее. Он по-прежнему не реагировал.

Тогда я начал что-то соображать.

Я разозлился, выдернул застрявшую полу и решил поиграть у водителя на нервах. Я демонстра-

тивно направился по салону, ожидая в любую секунду услышать: «Эй, мистер! Вы не заплатили!»

Тогда бы я ответил: «Я куплю билет и сообщу на фирму, как вы работаете!»

Но и в этой крошечной радости мне было отказано. Водитель даже не повернулся в мою сторону. Это разозлило меня больше, чем если бы он находил. И вообще, что, черт возьми, происходит?!

Именно так я тогда и подумал. Надеюсь, вы простите мою несдержанность, но я хочу рассказывать в той последовательности, как все происходило.

Вы слушаете?

На выходе я свирепо пихнул толстяка в тирольской шляпе и прямо-таки раскидал стайку школьниц, отчаянно пытаясь хоть как-то привлечь к себе внимание. На меня никто и не взглянул. Я даже... стыдно признаться, но я шлепнул одну старшеклассницу по... пониже спины. Она не обернулась и продолжала рассказывать о каком-то парне, который, судя по всему, пошел в этом деле гораздо дальше.

Вы и вообразить не в состоянии, какое я испытал отчаяние!

Оператор лифта в моем учреждении спал. Может, он и не совсем спал; у нашего Вольфганга — представьте, его зовут Вольфганг, а он даже не немец, меня это раздражает, — так вот, у Вольфганга всегда сонный вид. Я толкнул его, дернул за ухо, но он продолжал мирно посапывать на своем откидном стульчике. Наконец, окончательно выйдя из себя, я выпихнул Вольфганга из лифта и сам нажал нужную кнопку. К тому времени я уже сообразил, что в силу поразившего меня недуга я стал — уж не знаю, к добру ли — невидимым для окружающих. Невероятным казалось то, что люди не реагировали на мои шлепки, толчки и даже выбрасывания из лифта. Но именно так все и было.

Я окончательно растерялся, хотя, как это ни покажется странным, страха не испытывал. Возможности кружили голову. В глазах стояли кинозвезды и несметные богатства.

И тут же таяли.

Ибо какая радость от богатства и женщин, если ее не с кем разделить? Так что я отогнал образ величайшего в истории грабителя банков и начал думать, как выбраться... из создавшегося положения.

Я вышел из лифта на двадцать шестом этаже и по коридору дошел до своего кабинета. За двадцать семь лет надпись на двери не изменилась:

«Рэймс и Клаус. Экспертиза бриллиантов и драгоценностей».

Я распахнул дверь и... На мгновение сердце мое подкатилось к горлу, ибо то, что я увидел, до сих пор остается самой большой загадкой. Фриц Клаус, огромный, краснорожий Фриц Клаус, с маленькой бородавкой возле рта, кричал на меня:

— Винсоки! Недоумок! Сколько раз я говорил, что на бусах надо завязывать тесемки! Теперь у нас на полу сто тысяч долларов для уборщицы. Идиот!

Но кричал он не на меня. Он просто кричал, вот и все. По сути, удивляться было нечему. Клаус и Джордж Рэймс редко разговаривали со мной... тем более не утруждали себя криком. Они знали, что я делаю свое дело... во всяком случае, делал на протяжении двадцати семи лет, и этого им хватало.

Но Клаусу просто необходимо было поорать. Кричал он не на меня, а в воздух. Да и как он мог кричать на меня, если меня не было?

Он опустился на колени и принялся собирать маленькие неограненные бриллианты, которые сам же рассыпал, а когда собрал их все, залез зачем-то под мой стол и окончательно перепачкал костюм.

Потом он вылез, отряхнулся... и вышел. Мне казалось, что я пришел на работу. Но он меня не увидел. Я словно пропал.

Я развернулся и вышел в холл.

Лифт ушел.

Пришлось долго ждать, прежде чем я попал в вестибюль.

Лифт не откликался на мой вызов.

Пришлось ждать, пока кому-то тоже не понадобилось вниз.

И вот тогда меня охватил настоящий страх.

Брак мой был весьма тих, жил я мирно и незаметно. И вот теперь у меня отняли возможность уйти, хлопнув за собой дверью. Меня просто задули, будто свечу. Каким образом, когда и где — роли не играло. У меня украли то, что я всегда считал своей непременной собственностью — ну, как налоги. Но и этого меня лишили. Я стал тенью, привидением в мире живых. Впервые за всю жизнь мои переживания и страдания прорвались в безысходном отчаянии. Но я не расплакался.

Я ударил человека. Изо всех сил. Прямо в лифте. Я ударил его в лицо и почувствовал, как хрустнул нос, потекла темная кровь. Костяшки пальцев заныли, и я ударил его еще раз, потому что у меня, Альберта Винсоки, отняли мою смерть. Меня сделали еще ничтожнее. Я никогда никому не досаждал, и вообще меня редко замечали, а теперь никто не сможет меня оплакать и подумать именно обо мне... Меня ограбили!

Я ударил его третий раз, и нос сломался.

А мужчина ничего не заметил. Он вышел из лифта, весь залитый кровью, и даже не утерся.

Только тогда я заплакал.

Я плакал долго. Лифт ходил вверх и вниз, и никто не видел, что я стою в нем и плачу.

Наконец я вышел и побрел по улицам, пока не стемнело.

Две недели могут пролететь очень быстро.

Если вы влюблены. Если вы богаты и ищете приключений. Если вы полны здоровья, а мир привлекает и манит вас. Тогда две недели пролетают как один день.

Две недели.

Последующие две недели оказались самыми длинными в моей жизни. Ибо они были адом. Одиноче-

ство. Полное, изматывающее одиночество в толпе. В неоновом сердце города я стоял посреди улицы и кричал, чтобы кто-то меня заметил. Меня едва не сбили.

Две недели я бродяжничал, спал, где мне заблагорассудится — на скамейках в парке, в номере для молодоженов в «Уолдорфе», в собственной кровати дома. Я пил и ел все, что хотелось. Строго говоря, я не воровал, ибо без еды я бы не прожил.

Несколько раз я приходил домой, но Алма прекрасно обходилась и без меня. Продолжала жить, как говорится. Никогда не думал, что она еще способна, тем более с учетом того, как она растолстела за последние годы... но вот он! Джордж Рэймс. Мой босс... бывший босс, поправил я себя.

Так что от обязанностей по отношению к семье и службе я был освобожден.

Алма получила дом и Зазу. А теперь, как выясняется, ей достался еще и Джордж Рэймс. Вот тебе и толстая дура.

К концу второй недели я превратился в развалину. Небритый, грязный... но никому до этого не было дела. Никто меня не видел, и никто мной не интересовался.

Моя первоначальная агрессивность переросла в устойчивую неприязнь к окружающим. Ничего не подозревающие прохожие становились объектом моих нападений. Я пинал женщин и шлепал детей. Меня не трогали стоны и вопли избиваемых. Что значит их боль по сравнению с моей... хотя, собственно, никто из них и не кричал. Очевидно, мне мешалось. О, как я хотел исторгнуть у них хоть один стон! Это означало бы, что я — один из них, что я тоже существую.

Увы.

Две недели! Черт! Утраченный рай!

Прошло немногим более двух недель с того дня, как Зазу меня не заметила, а я уже обжился в просторном фойе роскошного многоквартирного дома.

Там я валялся на скамье, надвинув на глаза отобранную у избитого прохожего шляпу. На глаза мне попался мужчина в плаще. Он облокотился на стойку сигаретного ларька, читал газету и чему-то негромко посмеивался. «Ах ты, пес, — подумал я, — что ж там такого смешного?»

Я пришел в неописуемую ярость и кинулся на него.

Увидев меня, незнакомец отшатнулся. Я ожидал, что он будет читать дальше, и его движение застало меня врасплох. Я со всего маху налетел на стойку, от удара у меня перехватило дух.

— Ну и ну, приятель, — незнакомец покачал длинным пальцем, — а ведь это невежливо. Бить людей, которые тебя даже не видят.

Он ухватил меня одной рукой за воротник, другой — за проем брюк и швырнул через весь vestibюль. Я сбил стойку с открытками, шлепнулся на живот и проскользил до самых дверей.

Я даже не почувствовал боли. Сев на пол, я изумленно таращился на незнакомца, а тот оперся руками на бедра и громогласно захохотал:

— Что, приятель, ловишь мух?

От удивления я открыл рот.

— В-вы... вы меня видите! — выкрикнул я наконец. — Вы меня видите!

Незнакомец презрительно фыркнул и отвернулся.

— Конечно, вижу, — пробурчал он и побрел прочь. Потом остановился и бросил через плечо: — Нужели я похож на этих? — Он кивнул на толпу людей.

Я был уверен, что беда случилась только со мной.

Но был еще один, такой же, как я! При этом незнакомец, судя по всему, неплохо себя чувствовал. Словно весь мир был огромной вечеринкой, а он — хозяином.

Я вскочил и устремился за ним следом. Он нажал кнопку лифта. Это уже было совсем непонятно. Если лифт управляетя людьми, он не сможет его вызвать. Тем не менее кабинка остановилась.

— Эй! Эй! Подождите!

В лифте находился пожилой человек в мешковатых штанах.

— А я был на шестом, мистер Джим, услышал вызов и вот подъехал.

Старик улыбался человеку в плаще, а тот похлопал его по плечу.

— Спасибо, Денни. Я еду к себе.

Я хотел успеть, но Джим кивнул Денни и с отвращением взглянул на меня.

Двери лифта начали закрываться. Я со всех ног кинулся к ним.

— Эй, подождите! Меня зовут Винсоки! Альберт Винсоки, как в песне, помните: «Пристегнись, Винсоки, при...»

Двери захлопнулись перед моим носом.

Я пришел в отчаяние. Единственный человек, который мог меня видеть (два человека, сообразил я, вздрогнув), уезжали, и я мог их потерять.

Я пришел в такое отчаяние, что едва не упустил самый легкий шанс их найти. Я задрал голову и принял следить за индикатором этажей. Десятый. Я дождался другого лифта, с теми, кто не мог меня видеть, вышвырнул оператора и сам поднялся наверх.

Мне пришлось немало побегать по коридорам, пока из-за двери не раздался знакомый голос:

— Этот новенький, Денни. Примитив, абсолютно скандальный вариант.

В ответ Денни произнес:

— Гы-гы, мистер Джим. Одно удовольствие вас слушать. Как вы вставляете учёные словечки. Я совсем пропадал без вас.

— Да, Денни, знаю. — Более снисходительного тона мне слышать не приходилось.

Я понял, что двери он не откроет, и отправился на поиски коридорной. Ключи висели у нее на фартуке, она не заметила их исчезновения. Я вернулся к комнате и у дверей на мгновение задумался.

Затем поспешил к лифту и спустился в вестибюль, а там прямиком направился в кассу, где оплачивались все счета и хранились деньги. В одном из

ящиков я нашел то, что мне было нужно. Я сунул это в карман пальто и вернулся наверх.

У двери меня вновь охватили сомнения. Из комнаты доносились голоса. Я повернул ключ и распахнул дверь.

Человек по имени Джим соскочил с кровати и зарычал:

— Что тебе надо? Немедленно убирайся, или я тебя вышвырну!

Я вытащил то, что взял из ящика кассы, и направил ствол прямо на него.

— А теперь успокойтесь, мистер Джим, и все будет в порядке.

Он театрально вскинул руки и попятился, пока не уперся в кровать и не плюхнулся на матрас.

— Руки можете опустить, — сказал я. — Вы смотритесь как герой паршивого вестерна.

Он осторожно опустил руки.

Денни уставился на меня:

— Что ему надо, мистер Джим?

— Я не знаю, Денни, я не знаю, — с трудом выговорил Джим, не сводя глаз с короткоствольного пистолета. Лицо его выражало страх.

Я почувствовал дрожь. Я изо всех сил старался твердо держать пистолет, но рука ходила ходуном, словно я оказался в центре торнадо.

— Я нервничаю, парень. — Надо дать ему почувствовать, если он еще не заметил, что командую здесь я. — Смотри, не зли меня еще больше.

Он застыл, положив руки на бедра.

— Вот уже две недели, как я схожу с ума. Моя жена не может ни видеть, ни слышать, ни ощущать меня. И никто не может. Никто в течение двух недель, как будто я умер. И вот сегодня я встретил вас двоих... Только вы такие же, как я! А теперь я хочу знать, что происходит.

Денни посмотрел на мистера Джима, потом на меня.

— Эй, да у него крыша поехала. Позвольте, я ему вломлю?

Старик никогда бы не смог этого сделать.

К чести Джима, он это тоже сообразил.

— Нет, Денни. Наш друг желает получить информацию, и я не вижу причины ее утаивать. — Лицо Джима напоминало мягкую губку. — Моя фамилия Томпсон. Как, вы сказали, ваше имя?

— Винсоки. Альберт Винсоки. Как в песне.

— Прекрасно, мистер Винсоки.

Сообразив, что в плане информации у него огромное преимущество, он понемногу возвращался к насмешливому тону и высокомерной позе.

— Несмотря ни на что, мы ведь по-прежнему материальны. Этот пистолет может меня убить... грузовик может превратить в лепешку... в общем, все очень сложно. Боюсь, что не смогу дать вам научного объяснения, мистер Винсоки, поскольку я не уверен, что таковое существует. Посмотрим на это с иной точки зрения...

Он скрестил ноги, а у меня слегка унялась дрожь в руке с пистолетом.

— В современном мире существуют силы, мистер Винсоки, — продолжал он, — которые незаметно стараются превратить нас в копии друг друга. Силы, которые делают нас слепками. Вы идете по улице и никогда, по сути, не видите лиц встречных людей. У вас нет лица в кинотеатре, перед экраном телевизора. Когда вы оплачиваете счета, покупаете билеты или просто говорите с людьми, их интересует ваша деятельность, но никогда вы сами.

В некоторых случаях дело заходит еще дальше. Мы настолько не обращаем внимания на... рисунок обоев, если можно привести такое сравнение, что, когда эти силы сдавливают нас в один необходимый им слепок, мы просто... пух! — исчезаем для окружающих. Понимаете?

Я не сводил с него глаз.

Конечно, я понимал, о чем он говорит. Разве можно было этого не заметить — в огромном механизированном мире, который мы для себя создали. Вот оно как. Я был создан таким же, как все, но являлся настолько неприметной личностью, что просто исчез. Меня не видели. Как фильтр на фотообъективе.

Поставьте красный фильтр — все станет красным, но красное будет неразличимым. Так и со мной. На всех объективах стоит фильтр против меня. Против мистера Джима, Денни и...

— Много ли таких, как мы?

Мистер Джим развел руками:

— Конечно. Десятки людей, Винсоки. Скоро их будет сотни, тысячи. При том, как идут дела — с супермаркетами, ресторанами быстрого питания, с новой рекламой на телевидении — должен сказать, что я ожидаю значительного роста наших рядов. К сожалению.

— Что вы имеете в виду?

— Мистер Винсоки, — произнес он терпеливым и снисходительным тоном, — я был преподавателем колледжа. Не выдающимся, самым заурядным; скорее всего я казался студентам даже скучным. Но я знал свой предмет: финикийское искусство, представьте себе. Но студенты приходили и уходили, не видя моего лица. У руководства не было повода меня в чем-либо упрекнуть, и мало-помалу я стал растворяться. А потом исчез, как и вы. Довольно скоро я сообразил, какая это замечательная жизнь. Никакой ответственности, налогов, борьбы за существование. Живи себе как хочешь, бери все, что нравится. Вот, даже Денни при мне. Он был подсобным рабочим, никто не обращал на него внимания, а теперь стал моим другом и слугой. Мне нравится такая жизнь, мистер Винсоки. Поэтому я и не стремился с вами познакомиться. Не хочу менять статус-кво.

Я понял, что говорю с сумасшедшим.

Мистер Томпсон был неважным учителем, и его постигла моя участь. Но если я из робкого неудачника превратился в человека, настолько изворотливого, что добыл пистолет, и настолько отчаянного, что готов был его применить, то Томпсон превратился в маньяка.

Это было его царство.

Но существовали и другие:

Под конец я сообразил, что говорить с ним бессмысленно. Силы, скомкавшие и смявшие нас до такой степени, что мы стали неотличимы, хорошо над ним поработали. С ним все было кончено. Его удовлетворяло то, что он невидим, неслышен и незвестен.

Как и Денни. Они были довольны. Более того, они радовались. За последний год я встретил много им подобных. Все одинаковы. Но я не такой. Я хочу отсюда вырваться. Я хочу, чтобы вы снова меня увидели.

И отчаянно пытаюсь это сделать единственным известным мне способом.

Вам это может показаться глупым, но, когда люди мечтают или, если можно так выразиться, не сосредоточены на жизни, они способны разглядеть мою тень. Я стараюсь. Я насвистываю и напеваю. Вы меня слышали? Песенка называется «Пристегнись, Винсоки».

Не приходилось ли вам когда-либо меня видеть — уголком глаза, и думать, что это игра воображения?

Не приходилось ли вам слышать эту песенку по радио или телевизору, в то время как рядом не было ни телевизора, ни радио?

Ну, пожалуйста! Я вас умоляю! Послушайте меня. Узнаете мелодию «Пристегнись, Винсоки»? Слышиште?

Вы меня слышите?

ЗАДНИМ ЧИСЛОМ: 480 СЕКУНД

Поэт Хэддон Брукс стоял в последнем городе Земли, ожидая, когда из космоса раздастся слово «столкновение». Поэта записывали. Все, что он видел и чувствовал, все звуки, и запахи, и тончайшие оттенки гибнущей планеты возносились к кораблям, начавшим свой последний полет к новому дому где-то среди звезд. Мониторы неустанно следили за поэтом, зрительные устройства схватывали его восприятие и передавали все цвета, что окружали его, на борт кораблей, где их записывали на кассеты. «Нужен доброволец, способный описать гибель Земли» — так вкратце звучал призыв, и из десяти тысяч претендентов выбрали Хэддона Брукса.

Десять тысяч мазохистов, извращенцев, провозвестников конца света, потенциальных самоубийц, душевнобольных, трезвых аналитиков-мыслителей, фанатиков, истинно верующих и тех, кто воображал себя камерами. Из десяти тысяч выбрали его, потому что он был поэт, а, пожалуй, лишь увиденные глазами подлинного мечтателя грядущие события могли сохранить свое волшебство для поколений детей, которые рождаются в космосе или на далеких

планетах, кружящих возле неведомых солнц. Брукс вызвался добровольцем не из-за отсутствия инстинкта самосохранения или здравого смысла, а как раз напротив: ему было что терять. У него была любимая жена, дети, которые его обожали, у него был покой и талант, и он наслаждался всем, чем одарила его судьба. Такой человек мог почувствовать боль от потери родной для человечества планеты. Он вызвался добровольцем, понимая, что как никто другой годится на эту роль, и его выбрали из десяти тысяч, поскольку понимали, что он сумеет описать последние мгновения вдохновенно и выразительно.

Город был еще жив. Его сохранили специально для поэта. Все прочие города расплавили до ядерных частиц. Города превратились в громадные корабли флотилии «Орион» весом по три миллиона тонн каждый. Внешне они походили на знаменитую пирамиду Хеопса со слегка коническими толкающими тарелками внизу.

Взрывы водородных бомб под толкающими тарелками, раздававшиеся каждую секунду в течение семи минут, вынесли города на околоземную орбиту... А затем «Орионы» разлетелись во все стороны, чтобы рассеять человечество в космосе. Города улетели, и взлет их загрязнил атмосферу Земли смертоносной радиацией. Но это не имело значения: через час Земле все равно придет конец.

Хэддон стоял в центре ротонды искусств. Последние произведения Константина Ксенакиса сияли под куполом — серебристые и голубые нити сплетались и расплетались, образуя сто новых узоров в минуту. В мозгу у поэта зазвучал негромкий, но очень ясный и отчетливый голос с флагманского судна флотилии:

— Он приближается. Осталось около часа.

Брукс заметил, что, отвечая, смотрит вверх.

— Вы принимаете то, что я передаю?

— Воспроизводим.

— Да, извините. Я именно это имел в виду. Воспроизводите.

Голос из космоса смягчился:

— Нет, это вы меня извините. Привык к техническому жаргону. Вы вольны выбирать слова по своему вкусу, мистер Брукс. Мы принимаем абсолютно все. Очень четко, просто замечательно. Я не собирался вас прерывать, только хотел сообщить, что все без изменений.

— Спасибо.

Голос и еле слышный фон исчезли, и поэт понял, что снова остался один. Один — но все население Земли слушало его и наблюдало за ним.

Он вышел из ротонды и взобрался на ораторскую трибуну, глядя на пастельные сады.

— Небо голубое-голубое, — сказал он. — В жизни не видал такой голубизны. Небо сливается с морем. Только вот птиц уже нет.

Глаза его впитывали все: качание деревьев, подхватывающих бриз и передающих его друг дружке, их цвета, плавно перетекавшие один в другой.

— Вот стихотворение для всех вас.

Он сочинял на ходу; строчки сами ложились на место за мгновение до того, как он их произносил:

Вастатор, разрушитель из мрака,
Пожирающий время по пятидесяти тысяч километров
в секунду,
Я даже не увижу твоего приближения.
Космическая тьма наслала тебя, Солнце мое скрывает тебя,
И когда, влекомый голодом, ты умчишься прочь,
То бросишь всего лишь восемь минут объедков
Со своего ужасного стола.

Брукс покачал головой. Стихотворение не удалось. Он попытался внести поправки:

— Здания словно стальные зерна, залитые светом. Солнечные зайчики вспыхивают, как новые звезды в перекрестье светофильтров. Дивный вид. Только шума людского не слышно. Город словно

бы ждет вашего возвращения: Бедный дурачок, пес, не знающий о том, что хозяин его умер. Он будет ждать, пока сам не умрет. Знаете ли вы, что города живы только до тех пор, пока в них живут люди?

Брукс нажал на кнопку своего летательного ранца и медленно воспарил над трибуной. Центральные городские сады не кончались внезапно и резко — они незаметно растворялись в главных улицах-arterиях, отходящих в стороны. Улицы даже сейчас не были пустыми. Брукс полетел над торговым центром.

— Роботы продолжают трудиться, — рассказывал он. — Малыши из металла и пластика. Они всегда мне были симпатичны. И знаете почему? Они требуют так мало, а делают так много. Они так добры, что никому и в голову не придет их обидеть, поэтому жизнь их была прекрасной. Они любят свою работу. Даже теперь, когда люди ушли, роботы продолжают крутить колеса торговли. Как нам повезло, что они были рядом с нами!

Он спустился немного, подлетев к будке новостей на углу улицы Прессы и Голограмм-авеню. Будка передавала последние сообщения астрономов. Брукс завис и прислушался к мелодичному голосу будки — это был голос голографической личности Тандры Меллоу.

«Масса планетного тела, приближающегося к нашему Солнцу из межзвездного пространства, в триста двадцать пять раз превышает массу Земли. То есть этот планетоид больше Юпитера, самой большой планеты Солнечной системы. Его диаметр — 91 тысяча миль, и, поскольку он движется прямо по направлению к Солнцу, его назвали Вастатором, что в переводе с латыни означает “разрушитель”. Предварительные подсчеты показывали, что Вастатор ударит прямо в Солнце и столкнет его с орбиты на тридцать градусов. Но по мере приближения планетоида были сделаны новые вычисления, согласно

которым Вастватор только заденет Солнце, оторвав большой кусок короны. К сожалению, для Земли от этого ничего не изменится. Выброс радиации — в основном высокоэнергетических протонов и ядер гелия — ударит в Землю, как только Солнце потеряет часть своей короны. Все живое будет сначала стерилизовано, а вскоре после этого испарится в солнечной буре. Почва расплавится и превратится в лаву, все океаны закипят. Солнечный выброс достигнет Земли примерно через восемь минут после столкновения, но никто этого не увидит. Никто — за исключением Хэддона Брукса, известного по эта...»

Брукс взмыл вверх и устремился дальше.

Он летел над сотней озер, соединенных каналами и паромами. По водной глади праздно скользили мелкие лодочки и катамараны.

— Воскресное гулянье, — пробормотал Брукс и, никем не замеченный, продолжил полет. — Я лечу сейчас над гетто. При виде его мне вспоминаются стихи из «Матушки Гусыни». Хорошо, наверное, быть членом меньшинства, знать, откуда ты родом и что означают слова, не поддающиеся точному переводу. Здесь никто не мог быть счастлив. Смертное ложе иллюзий. Невидимые стены. Мужчины и женщины жили в этих пещерах вчерашним днем, стараясь обеспечить своим детям день завтрашний. Но я не могу печалиться о них. Они знали любовь, какая всем нам уже недоступна. Где бы вы ни поселились, оставьте в новых мирах место для тех, кто нуждается в ощущении своей особенности; мы не можем быть все одинаковы, да и не нужно нам такими быть.

Брукс воспарил к верхним уровням жилых кварталов, пролетая над боковыми улочками и ныряя под воздушные мосты, скользя над движущимися дорожками и отбрасывая длинную тень на каменные поверхности бесчисленных стен. Пологие склоны и неожиданные обрывы. Впадины и туннели, создан-

ные специально для тех, кому по душе прохладные тенистые места, где все еще струился аромат гардений.

Брукс остановился в крохотной рощице карликовых деревьев и попытался сочинить еще одно стихотворение, на сей раз для жены.

— Возможно, это неправильно, Калла, но ничего лучшего я придумать не в силах. Мысли мои разбегаются. Я хочу сказать что-то особенное тебе и детям, однако время поджимает — и я, наверное, это заслужил, если за целую жизнь не сумел выразить тебе всю свою любовь и уважение.

Ты для меня — самые лучшие мгновения, и самые яркие краски, и самые глубокие вздохи, и вся невыразимая прелесть бытия. Я всегда боялся, что не заслуживаю тебя. Но теперь я доволен: я был тобою любим. Ох, черт возьми, любовь моя, моя единственная, я не способен сейчас писать стихи. Прости, но все, что мне приходит в голову, — это слова, сказанные другим человеком. Его звали Рэндалл Джаррелл*, он жил сто лет назад и никогда не смотрел на звезды с Марса и не вглядывался в пылающее сердце нашего бедного Солнца с блестающих лунных куполов. Зато он знал о моей любви к тебе и написал о ней:

Но будь, как и была, моим ты счастьем.
Позволь ночами засыпать с тобою рядом.
Когда же я очнусь от грез со стоном,
Пусть шепот твой: «Люблю» меня погрузит в сон.
А утром подари мне отраженье солнца
В лучистой радужке прекрасных серых глаз.

И тут раздался голос, возвещающий конец:

— Мистер Брукс, столкновение.

Воздух застыл у него в ноздрях.

И снова голос зазвучал, почти навзрыд:

— О Боже, как это прекрасно! И как ужасно...

* Рэндалл Джаррелл — американский поэт (1914—1965). (Примеч. пер.)

Брукс понял, что ему осталось всего восемь минут.

Странное покалывание побежало по телу, и он крикнул, взывая к Калле, улетающей вдаль на борту «Ориона»:

— Все кончено!.. Я не смогу больше иметь детей...

И осекся. Он знал, что осталось четыреста восемьдесят секунд, даже меньше, и нужно рассказать о каждой из них, рассказать так, чтобы дети Земли увидели на кассете все, что видит он, чтобы до них дошли все его слова и мечты.

Он взял себя в руки, слетел вниз и встал на серебристый тротуар — последний тротуар в его жизни.

А потом Хэддон Брукс заговорил. Он говорил о жизненном пространстве, воплотившем в конце концов все заветные чаяния людей. Он говорил о пещерах под пульсирующим городом, в которых энергия превращалась в свет, и тепло, и дождик, лившийся с небес, когда женщины просили дождя. Он говорил о треках, где любители приключений могли испытать свою ловкость, соревнуясь в скорости со звуковыми волнами. Он говорил о лучших из людей, о том, как людям удалось познать себя настолько, что мысль о неизбежности войн стала казаться им смешной.

В этом городе он родился, в нем находил слова для своих песен, здесь встретил Каллу и соединился с ней, здесь из их тел родились и выросли дети; в этом городе он превратится в пар. В такой кончине была даже доля поэзии, хотя и небольшая.

— Я боюсь, слышите! Я боюсь своей гордыни, побудившей меня остаться. Какую же я сделал глупость! Как я хочу быть вместе с вами! Пожалуйста, простите мне этот страх, но мне так хочется жить...

Если бы только у него было время!.. Он рассердился на себя за то, что не оправдал их надежд, не выполнил того, ради чего остался на Земле. Но

досада длилась всего мгновение. Он тут же понял, что любой на его месте сказал бы то же самое и что именно эти слова должны услышать дети космоса, пусть даже пройдет тысяча лет, пока они найдут себе новый дом.

Брукс ощущал, как тают секунды. Он знал, что солнечная буря уже иссушала его и скоро превратит в облачко пара. Поэт посмотрел на голубое, словно море, небо, на ослепительное Солнце, которое вдруг полыхнуло и поглотило небеса, и крикнул:

— Я всегда буду с ва...

Но фраза оборвалась на полуслове, и его не стало. А чуть погодя начали потихоньку закипать моря.

ВМЕСТЕ С МАЛЕНЬКИМ НАРОДЦЕМ

Один из полудюжины величайших и оригинальнейших фантастов Америки как-то сказал мне:

— Неважно, плохо ли у тебя получилось или хорошо, и закончишь ли ты вещь сегодня или завтра: но пиши каждый день.

Я стараюсь так и поступать.

Я искренне люблю писать. И себя я считаю одним из счастливейших людей на свете: я занимаюсь лишь тем, что хочу делать, и лишь тем, чем меня побуждает заниматься накопившаяся внутри хорошая и плохая карма. Я пишу. Утром, вечером, и в промежутках между ними. Я скорее стану писать, чём дышать. Иногда это становится трудным выбором.

А это означает, что я частенько пишу в странных местах. «Вместе с маленьким народцем» был написан в витрине книжного магазина «Слова и музыка» в Лондоне на Чаринг-кросс-роуд. Я таким образом участвовал в рекламной кампании двух своих книг, и подобная деятельность, кажется, заставила нервничать нескольких консервативных критиков. Писателям, как они считали, следует «заниматься Этим» в башне из

слоновой кости, а не бесстыдно и откровенно на виду у всех, где каждый может увидеть, Как Это Делается.

Но писать, равно как проводить литургии и совершать чудеса, необходимо в открытую, при людно, чтобы каждый смог убедиться, что воображение имеется повсюду и везде, что тут нет ни секретов, ни кабалистики, ни рунических заклинаний.

Необходимы только талант и потребность писать. Если вы следуете за мной. Поэтому я и говорю всем великим и оригинальным фантастам: «Делайте Это!»

«Делай! Делай! Пусть даже это ничтожно малая частичка Продукта — сделай ее, ради всего святого! Ведь это величайшее, что есть в тебе: так выпусти это на волю. Больше, больше! Какую бы работу ни отыскали твои руки, делай ее изо всех сил. Работай, пока есть то, что называется Сего дня; ибо наступит ночь, когда никто из людей работать не сможет».

Томас Карлайл (1795—1881)

Девятнадцать лет назад Ноа Реймонд создал свое последнее произведение в жанре фэнтези. С тех пор под его именем вышло около четырехсот блестящих рассказов. Все четыреста были напечатаны на его пишущей машинке — только вот никто не знал, что не он написал их. Все эти замечательные истории сочинили гремлины.

Успех пришел к Реймонду довольно рано. Он продал свой первый рассказ, который назывался «Живой маленький ум», одному из ведущих дешевых журналов, специализирующихся на фантастике, когда ему было семнадцать. Рассказ был объявлен лучшим, а талант и буйное воображение автора мгновенно сделали его знаменитостью. В последующие два года Реймонд продал около дюжины новых про-

изведений и попал в поле зрения главного редактора самого известного журнала, в котором печатались произведения легкого жанра.

Здесь платили в двадцать раз больше, читательская аудитория была значительно шире, а редактор спал с составительницей ежегодных антологий, которая выпускала самые престижные сборники «Лучшие рассказы года». Так что Реймонд за несколько месяцев до того, как ему исполнилось девятнадцать лет, обнаружил свою повесть в оглавлении одного из таких сборников, как раз между стилизацией Кэтрин Энн Портер и картинкой из жизни, подсмотренной Айзеком Башвицем Зингером.

Его первый авторский сборник вышел в свет, когда Реймонду было всего двадцать. Редактор пришел в восторг от книги и послал ее Сарояну и Капоте, а потом специальной почтой Джону Кольеру. Предварявшие издание статьи в «Книжном обозрении Таймс» иначе как волнившими назвать было нельзя. Слово «гений» появилось восемь раз, и это меньше чем на половине страницы.

Ноа Реймонд был невероятно плодовит и к тому моменту, как ему исполнилось двадцать пять, выпустил семь книг, а библиотекари ставили его книги не в секцию «научная фантастика / художественная литература», а держали их в отделе «современной литературы». Когда писателю исполнилось двадцать шесть, его роман «Каждое утро, на заре» был признан лучшим в клубе «Книга года» и стал претендентом на получение Национальной книжной премии.

Личные бумаги Реймонда было решено хранить в библиотечном архиве Гарварда, а сам писатель отправился в Европу с серией лекций, которая принесла ему еще большую известность и немалые деньги.

Однажды в августе наступила пятница — если точно, это было двадцатое число, без двадцати минут двенадцать ночи (иногда скрупулезность бывает очень полезной штукой), — а Ноа Реймонд исписался. Вот так, просто и без затей, совершенно и ужасно... исчерпал себя.

Он написал последнее оригинальное слово последнего оригинального предложения, пришедшего ему на ум, и неожиданно обнаружил, что не в состоянии придумать ни одной, даже самой крошечной идеяки для нового творения. На Би-би-си ему заказали рассказ, из которого можно было бы сделать часовую пьесу, а он не имел ни малейшего представления о том, как подступиться.

Реймонд потратил на размышления целый час, но в голову лезли лишь бредовые идеи об одногоном моряке, который сражается с огромной белой рыбиной. Он с возмущением отбросил их, как совершенно бесполезные — от них так и разило кретинизмом.

Впервые в жизни с того самого момента, как Реймонд обнаружил, что обладает талантом рассказчика, волшебный дар, позволявший ему нанизывать слова, точно жемчужины на нитку, так что они проникали в самые глубины человеческих сердец, он понял, что источник новых идей иссяк. Он больше не в состоянии сочинять милые коротенькие сказки о мире, каким хотел бы его видеть, о мире, существовавшем в его душе и населенном полнокровными, цельными персонажами, гораздо более реальными, чем те, с кем ему приходилось иметь дело каждый день. Его голова превратилась в бескрайнюю равнину, на которой ничего, совсем ничего не произрастает, ничто не радует глаз путника... серая пустыня без горизонта.

Он просидел всю ночь перед пишущей машинкой, пытаясь заставить воображение работать, посылая его в далекие, сказочные страны. Только получалась какая-то пустая ерунда, сознание возвращалось домой с пустыми руками, словно сознание дождевого червя.

Наконец, когда занялся рассвет, Реймонд обнаружил, что плачет. Положил голову на машинку, на холодные металлические клавиши, и разрыдался. Ему было известно, что река может высохнуть... так же точно, он в этом не сомневался, и пропало его вдохновение. Ноа Реймонд написал свою последнюю

историю. У него больше нет ни одной идеи. Вот и наступила развязка.

Если бы в тот момент подоспел конец света, Ноа Реймонд был бы счастлив. Ему не нужно было бы страдать, бояться, беспокоиться о том, что он станет делать завтра. И на следующий день. И во все остальные, лишенные смысла и надежды дни, которые ждут его впереди... огромная, безжизненная пустыня.

Вся жизнь Ноа Реймонда состояла в сочинительстве. Никакие другие радости не могли сравниться с восторгом, который он испытывал, придумывая интересный сюжет. А сейчас, когда источник его воображения иссяк, оставив лишь едва уловимые обрывки идей да еще какие-то неясные представления о произведениях других писателей, смутные воспоминания о великих классиках, какие-то чуть живые зародыши древних клише, Ноа и понятия не имел, что же теперь станет делать со своей жизнью.

Пойти путем Марка Твена и заняться ли эксплуатацией своих же собственных старых идей, пустившись в бесконечные лекционные туры? Но он не настолько хорошо владел ораторским искусством, да и, если честно, не очень любил находиться в толпе, состоящей больше чем из двух человек. Последовать примеру Джона Апдайка — заполучить себе синекуру в виде курса лекций в каком-нибудь восточном колледже, где начинающие младшие редактора ничего не подозревающих об их существовании издательств еще находятся в стадии восторженных личинок? Но Реймонд не сомневался, что непременно вступит во взаимно разрушительную связь с какой-нибудь лишенной сексуальных комплексов выпускницей факультета английской литературы и все это плохо для него кончится. Некоторое время он размышлял о Сэлинджере: можно было бы спрятаться в каком-нибудь укромном коттедже в Вермонте или, может быть, Дорсете, время от времени пускать загадочный слух о том, что в следующей декаде собирается опубликовать великий роман; но поговаривали, что и Пинчон, и Сэлинджер были

абсолютно не в своем уме, так что Ноа Реймонда даже передернуло от мысли, что он может превратиться в затворника. Ему оставалось только сознавать, что он больше никогда и ничего не напишет, что где-нибудь примерно через годик какой-нибудь гнусный ублюдок из «Атлантик мансли» напишет пронзительную по своей проникновенности статью под заголовком «Ослепительный взлет и жалкое падение Ноа Реймонда, бывшего юного гения». Этого Ноа просто не переживет.

Но выхода из тюрьмы бесплодия нет.

Ему исполнилось двадцать семь, и он закончил свое существование в качестве сочинителя.

Ноа перестал поливать машинку слезами. Ведь механизм мог заржаветь, а это вовсе ни к чему. Впрочем, какая теперь разница?

Он с трудом добрался до постели и проспал весь день. Проснулся в восемь и подумал о том, что не мешало бы чего-нибудь съесть. А потом вспомнил, что превратился в конченого человека, и тут же отправился в ванну, где немедленно расстался со вчерашним обедом, точнее, с тем, что от него осталось после долгого сна.

Прихватив с собой великую праодительницу всех самых тяжелых головных болей, Реймонд отправился в свой крошечный кабинет, расположенный рядом с гостиной. Он изо всех сил старался не смотреть на заброшенную, одинокую пишущую машинку, которая, в этом он был уверен, станет ухмыляться отвратительной, злобной улыбкой, выставив в его сторону свои блестящие зубы.

Однако прежде чем войти в дверь, Ноа вдруг сообразил, что слышит стук клавиш с тех самых пор, как поднялся с постели. Он слышал этот звук, но отгонял его от себя, посчитав порождением ночных кошмаров и тоскливых воспоминаний.

Но машинка и в самом деле стучала — тук-тук-тук-пробел-тук-тук-пробел. Не электрическая машинка, самая обычная старая «Олимпия», таких полным-полно в конторах. Реймонд не доверял электрическим машинкам. Ты останавливаешься, чтобы собраться

с мыслями, а они все равно продолжают свирепо шипеть. А стоит тебе положить руки на клавиатуру, чтобы подарить миру блестящий, бессмертный прозаический пассаж, и задуматься всего на одно мгновение, прежде чем нажать на какую-нибудь определенную клавишу, наглая тварь тут же принимается строчить, словно пулемет. Реймонд не доверял электрическим пишущим машинкам; он ни за что не согласится жить в одном доме с этим чудовищем, ни за что не напечатает ни единого слова на этой дурацкой штуке, ни за что...

Впрочем, хватит предаваться безумным мыслям. Он не может писать и больше никогда не напишет ни одной строчки; а его машинка продолжала весело стрекотать в дальнем углу комнаты.

Ноа Реймонд осторожно заглянул в кабинет и разглядел в темноте силуэт пишущей машинки, на специальной полочке, которую смастерили собственными руками. В окно падал бледный лунный свет, на фоне которого совершенно отчетливо проступала эта самая машинка. Реймонд отказывался видеть, как по клавиатуре мечутся крошечные тени. Он стоял в дверях и просто смотрел на свое рабочее место, одновременно раздумывая о том, что, вероятно, дело зашло намного дальше, чем он думал, когда сделал свое открытие прошлой ночью. Агатовые кляксы прыгали по клавиатуре, вверх-вниз, вверх-вниз, они то появлялись в восковых лунных лучах, падающих из окна, то снова пропадали в темноте, вот одна из них подскочила, сделала сальто, снова скрылась из виду. «У моей машинки перхоть», — это была первая, абсолютно идиотская мысль.

А звук, который издавала старенькая «Олимпия», страшно напоминал пулеметную очередь.

Крошечные черные кляксы работали на машинке со скоростью, превышающей сто пятьдесят слов в минуту.

— Слушай, как пишется слово «некромантия»? — произнес тоненький, писклявый, хрупкий, птичий голосок. — С двумя буквами «р» или с одной?

Реймонд услышал тихий вздох, словно кто-то стукнулся головой о пустую деревянную шкатулку, а потом — немного задыхаясь — второй голосок ответил:

— С одним, нельзя же быть таким безграмотным!

Этот второй голос был не таким тоненьким, писклявым, хрупким и похожим на птичий. А еще в нем звучал акцент кокни.

Машинка продолжала стрекотать.

«Ко мне явился тот самый таракан», — эта мысль пришла Ноа в голову следующей и имела литературные ассоциации, хотя была не менее идиотской, чем первая. Тогда замечательные произведения покойного Дона Маркиза* все еще пользовались популярностью; так что эта мысль была не такой уж и необычной.

Реймонд повернул выключатель возле двери.

Однинадцать крошечных человечков, каждый ростом примерно в два дюйма, выделявали акробатические упражнения на его пишущей машинке.

Бывший юный гений беспомощно прислонился к дверному косяку и услышал, как защелкали, точно артиллерийский салют, его зубы, а потом челюсть, не выдержав напряжения, отвисла.

— А ну, выключи свет, ты, неуклюжий болван! — прикрикнул на него один из человечков и, виртуозно сделав сальто, перепрыгнул на клавишу #, в то время как еще пара крошечных человечков, встав на плечи двум своим сородичам, нажимали на соответствующую кнопку, чтобы получилось # из верхнего регистра, а не 3 из нижнего.

— Ну давай, вырубай свет, ты что, не понял?! — в унисон завопили сразу три человечка, перепрыгивая с буквы на букву, чудом избегая столкновения друг с другом, словно крошечные мячики, отскакивая от клавиш и выписывая слово «б-е-р-е-ж-л-и-в-ы-й». Они слились в одно мелькающее, мечущееся пятно, состоящее из резвых бликов, которые скакали, точно

* Дональд Роберт Перри Маркиз (1878—1937) — американский романист, поэт и драматург. (Здесь и далее примеч. пер.)

блохи на собаке, умудряясь каким-то чудом не налететь на своих коллег.

Когда стало ясно, что Реймонд не собирается выключать свет — он просто был не в силах пошевелиться и сделать хоть что-нибудь, — самый высокий из странных человечков (два с четвертью дюйма), расставив руки в стороны и сжав кулаки, оттолкнулся от пробела, подпрыгнул вверх и приземлился на каретке машинки. Посмотрел прямо на Ноа Реймонда и тоненьkim, писклявым, ну и так далее... голоском заорал:

— Ребята! Прекращаем работу!

Остальные десять человечков соскочили с клавиатуры, встали в кружок на полочке и, стянув крошечные колпачки, принялись массировать лбы и затылки в тех местах, где они особенно болели.

— Интересно, как, по-твоему, мы сможем написать десять тысяч слов за один день, если ты будешь нам мешать? — с раздражением проговорил человечек, который явно был главным.

«Мне нечего ждать от будущего, — подумал Реймонд. — Не прошло и суток с тех пор, как я понял, что исписался, а меня уже мучают галлюцинации».

Другой человечек, немного меньше остальных, крикнул:

— Слушай, Альф, ты что, не можешь выпереть эфтава придурука? Мы так никада не закончим, трепотня, сечешь?!

Ноа не понял ни одного слова из того, что сказал самый маленький из человечков.

Тот, что повыше, возмущенно посмотрел на того, что поменьше, и рявкнул:

— А ну, заткни-ка пасть, Чарли!

Акцент у него был такой же, что и у Чарли — настоящий кокни. Но, повернувшись к Ноа, человечек заговорил на нормальном английском языке, как в самом начале:

— Так, давайте договоримся, мистер Реймонд. Нам предстоит работать целую ночь, поскольку вы должны сдать рассказ, но у нас ничего не выйдет, если мы не объясним, что тут происходит..

Ноа просто стоял и пялился на человечка, ни на что другое он способен не был. Неожиданно ему стало ужасно жарко.

— Садитесь, мистер Реймонд.

Он сел. Прямо на пол. Ноа не собирался этого делать, но почему-то все равно сел; взял и опустился... на пол.

— Итак, — начал Альф, — первый вопрос: кто мы такие? Ну, по правде говоря, мы могли бы задать такой же вопрос и вам. Кто вы такой?

Чарли рявкнул:

— Кончай бодягу, Альф! Выпри его вон и скажи, чтоб не вязался.

Альф окончательно разозлился на своего приятеля.

— Знаешь что, Чарли, ты у нас настоящий дипломат. Ну-ка, прекрати вонять, а не то я тобой займусь, и ты пожалеешь, что на свет родился!

Чарли вызывающе фыркнул, и Реймонд подумал почему-то о Бронксе и тамошних уличных мальчишках. Маленький человечек уселся на край полки и принялся болтать ногами, демонстративно наасвистывая.

Альф снова повернулся к Ноа:

— Вы человек, мистер Реймонд. А люди унаследовали Землю. Мы про вас знаем все — все, что следует знать. Да и как иначе, мы же тут крутимся подольше вашего. Потому что мы гремлины.

Ноа Реймонд сразу их узнал. Живое, дышащее, возмущающееся воплощение мифического «маленького народца», ставшего популярным во время второй мировой войны. Гремлины чем-то похожи на эльфов; считалось, что они виноваты в механических поломках и разных других несчастьях, свалившихся на головы летчиков военно-воздушного флота союзников, в особенности британцев. Они пользовались не меньшей популярностью, чем Килрой*.

* Вымышленный солдат, придуманный американскими военными, которые регулярно оставляли надпись «Здесь был Килрой» всюду, где только можно, в годы второй мировой войны и после нее.

В Королевских военно-воздушных силах гремлинов считали чем-то вроде талисмана, над ними никогда не потешались, а затем и вовсе сложилось мнение, будто маленькие мифические человечки вредили немцам и помогали выиграть войну.

— Я... однажды я написал про гремлинов несколько рассказов, — пробормотал Ноа. Слова застrevали у него в глотке, точно горячая картошка.

— Именно по этой причине мы и наблюдали за вами, мистер Реймонд.

— На-на-наблюдали за м-м-ной...

— Да, наблюдали за вами.

Чарли снова нахально фыркнул. На этот раз у Ноа почему-то возникла ассоциация, связанная с нездоровым желудком, что-то похожее на словесную Месть Монтесумы.

— Мы следили за вами целых десять лет, с тех самых пор как вы написали «Живой маленький ум». Совсем неплохая — для человека, конечно, — попытка понять нас.

— Знаете, исторических данных о г-г-гремлинах несколько недостаточно, — пожаловался Ноа, который по-прежнему сидел, прислонившись к стене.

Надо сказать, даже название волшебных существ давалось ему с трудом.

— У нас отличная родословная. Мы прямые потомки ифритов*. Французы называют нас *gamelin*.

— Я считал, что летчики выдумали вас, чтобы оправдать технические неполадки в своих машинах.

— Чушь! — объявил маленький человечек. Чарли принял улюлюкать. — Первое современное упоминание о нас появилось в 1936 году на Востоке, в Сирии, где располагалась база английских военно-воздушных сил. Тогда мы главным образом использовали ветер для своих нужд. Такие замечательные откалывали номера, когда они выстраивались для маневров!.. Развлеклись на славу.

— Вы настоящие, да? — спросил Ноа.

---

* Ифрит (*араб.*) — злой дух.

Чарли собрался что-то сказать, но Альф повернулся к нему и рявкнул:

— Чарли, заткни свою помойку! — После этого он снова повернулся к Реймонду и заговорил, как цивилизованное существо: — Сегодня у нас довольно напряженно со временем, мистер Реймонд. Давайте обсудим реальность и мифологию в другой раз. Знаете что, если вы немного посидите тут, тихонько, я смогу через некоторое время отлучиться. Постараюсь вам все подоступнее объяснить, а ребята продолжат работать.

— А... да-да, конечно... давайте. Только скажите, гм-м... что вы там пишете?

— Ну, я думал, вы поняли, мистер Реймонд. Мы пишем рассказ для Би-би-си. Теперь мы станем писать за вас все ваши произведения. Поскольку вы сами не в состоянии это делать, мне кажется, вы не станете возражать, если мы поможем вам сохранить вашу мировую известность.

После этого Альф засунул два крошечных пальчика в рот, свистнул, и, прежде чем Ноа Реймонд успел сказать, что ему за себя невыносимо стыдно, что он готов расплакаться от переполняющей его душу тоски прямо сейчас, человечки снова принялись скакать по пишущей машинке... вверх-вниз, вверх-вниз.

О Господи! Как потрясающе они работали!

Ницше в чистом виде да и только. Ведь писал же он о том, что, лишившись всех своих почитателей, бог умирает. Именно вера является силой, поддерживающей нас. Когда люди, поклоняющиеся одному богу, переключаются на других, более могущественных, вера в более слабое божество сходит на нет — так же, как и само божество. То же самое произошло и с гремлинами. Конечно же, они были древними существами с множеством самых разных имен, и люди им поклонялись: речные эльфы, просто эльфы, феи, водяные, русалки, домовые, блуждающие огоныки, gamelin... гремлины. Но наступили тяжелые времена, когда в силу вошли технократы, вера в волшебство угасла, а с ней и сами волшебные

существа. Они исчезали постепенно, день за днем, один за другим. Целые семейства погибали всего за одно утро, стоило какой-нибудь группе людей перейти в протестантизм.

Но время от времени им удавалось вернуться и даже изобрести новый способ, чтобы привлечь почитателей. Во время второй мировой войны они сумели переманить на свою сторону ярых сторонников научного прогресса. Маленькие волшебные существа превратились в эльфов механической вселенной: в гремлинов.

Однако война закончилась, и люди снова перестали в них верить.

Поэтому маленький народец принял оглядываться по сторонам в поисках способа исправить положение. И вот тут-то на глаза им попался семнадцатилетний Ноа Реймонд. Толковый молодой человек, с буйной фантазией... к тому же он верил. И тогда они принялись ждать. Несколько историй — этого еще недостаточно. Требовалась целая серия произведений, всемирно известных, способных поддержать их в эти тяжелые времена автоматизации и развития науки. Толкиен, вне всякого сомнения, внес свой вклад, но он был уже пожилым человеком и один вряд ли смог бы оказать необходимую помощь маленькому волшебному народцу.

Так что в ту ночь, когда Ноа Реймонд понял, что исписался, появился боевой отряд, специально подготовленный для того, чтобы без промедления броситься в сражение с пишущей машинкой — в прямом смысле этого слова. Жесткие, лишенные сентиментальности гремлины, с глазами цвета стали, полные отчаянной решимости сделать все, чтобы спасти свой народ. Штурмовой отряд. Ветераны, прошедшие жесточайший отбор и отличившиеся во время выполнения сверхопасных миссий. Все — добровольцы. Все отлично подготовленные специалисты.

Альф возглавлял атаку на туалеты той фабрики Круппа, где производилась амуниция, в 1943 году.

Чарли находился на борту «Титаника» в его первом путешествии, десятого апреля 1912 года, и портил супергруз.

Билли вел отряд гремлинов, который действовал в лондонском метро с 1952 года.

Тед работал на телефонную компанию.

Берти — на почту.

Крис отвечал за то, чтобы кофе получался горьким, во всем Западном полушарии.

Сент-Джон (они произносили его имя Син-джин) руководил большой группой гремлинов, в чью задачу входило усложнение синтаксиса в публичных речах политиков среднего звена.

И остальные — те, что были в запасе, резервные отряды, поддержка с тыла, пополнение...

Они были готовы начать действовать в ту самую секунду, как фантазия Ноа Реймонда иссякнет.

И они приступили к делу.

В течение следующих девятнадцати лет гремлины каждую ночь взбирались на пишущую машинку Ноа Реймонда и работали с неистощимым энтузиазмом. Ноа иногда часы напролет наблюдал за ними, восхищаясь тем, какие огромные количества кинетической энергии затрачиваются в стремлении выжить, которое уже превратилось в самое настоящее искусство.

Истории, рожденные на машинке Ноа Реймонда, лились рекой, он становился еще более знаменитым и богатым. Ноа был доволен, количество произведений, подписанных его именем, росло, — сначала их было сто, потом двести, триста, четыреста...

Но сегодня вечером Альф смущенно стоял на каретке «Олимпии», зажав в крошечной ручке свою шапочку.

— Знаешь что, Ноа, — проговорил он, — должен сказать тебе, что мы иссякли.

— Слушай, Альф, — перебил его Реймонд, — этого просто не может быть. Вы же можете выбирать сочинителей из целого народа, неужели вы не в

состоянии отыскать талантливых гремлинов, которые продолжили бы сочинять истории? Не могу поверить, что фантазия целого народа иссякла!

— Ну, понимаешь, все не так просто, Ноа. — Альфу было явно не по себе, он знал что-то такое, о чем не хотел говорить.

— Альф, — промолвил Ноа, протянув к каретке руку ладонью вверх, чтобы крошечный человечек смог на нее перебраться, — мы с тобой знаем друг друга почти двадцать лет, не так ли?

Человечек кивнул и шагнул на ладонь Ноа, а тот поднес ладонь к своим глазам, чтобы никто не слышал их разговора.

— Мне кажется, за эти годы мы научились понимать друг друга, ты со мной согласен?

Альф кивнул.

— Знаешь, я ведь даже с Чарли могу общаться — естественно, когда его не беспокоит люмбаго.

Альф снова кивнул.

— Любому ясно, что ваши истории принесли массу пользы гремлинам, разве не так? А я внес свой вклад, читая лекции, появляясь на публике, участвуя в телевизионных передачах, ну и тому подобное, верно?

И опять Альф согласно кивнул.

— В таком случае какого черта ты вешаешь мне лапшу на уши, а, приятель? Как могло произойти, что вы все одним махом лишились способности сочинять?

Альф откашлялся, с интересом посмотрел на свои ноги в крепких рабочих ботинках и объявил, окончательно смутившись:

— Ну, понимаешь, то, что мы писали... не было вымыслом.

— Не было вымыслом? А чем же оно было?

— Мы рассказывали историю гремлинов. Это все правда.

— А звучало как чистейшей воды сказки.

— У нас интересная жизнь.

— Но...

— Я никогда об этом тебе не говорил, потому что как-то не возникало необходимости. Должен признаться, гремлины начисто лишены того, что вы называете воображением. Мы не способны ничего придумать. Просто рассказываем о том, что произошло. Так вот, мы уже описали все, что когда-либо случалось с нашим народом, вплоть до нынешнего момента, и, ну как бы это объяснить... истории кончились.

Ноа изумленно уставился на крошечного человечка.

— Это же ужасно, — сказал он.

— Уж я-то знаю, можешь не сомневаться. — Альф поколебался несколько мгновений, словно не хотел больше ничего говорить; затем на его лице появилось решительное выражение, и он продолжил: — Другому человеку, Ноа, я бы ничего не сказал, но ты хороший парень, и мы с тобой вместе выпили не одну кружечку, так что, пожалуй, я расскажу тебе и остальное.

— Остальное?

— Да, как ни печально, дело в том, что это палка о двух концах. Чем больше люди начинают в нас верить, тем больше мы, гремлины, начинаем верить в вас. Так что теперь установилось равновесие. Но боюсь, что как только поток историй прекратится, гремлины снова станут думать о вас, как о чем-то не совсем реальном, и...

— Кажется, ты хочешь сказать, что теперь от гремлинов зависит реальность существования людей?

Альф взволнованно кивнул.

— О черт, — выдохнул Ноа.

— У нас в этой области тоже были проблемы, — печально проговорил Альф.

Так они и сидели — крошечный человечек на ладони человека — и раздумывали о том, что теперь судьба людей в руках гремлинов. Обоим ужасно хотелось напиться. Только они знали, что это не поможет. А если и поможет, то ненадолго. Они разделяли тяготы долгого путешествия в течение

девятнадцати лет, но вот поезд загнали на заросший сорняками запасной путь.

Друзья просидели так, погрузившись в молчаливое отчаяние, почти всю ночь.

А в три пятнадцать утра Ноа Реймонд взглянул на Альфа и неожиданно сказал:

— Подожди-ка минутку, приятель. Давай разберемся, правильно ли я все понял: если гремлины перестанут верить в людей, мы постепенно начнем исчезать... так?

— Так, — согласился Альф.

— А если люди начнут исчезать, нас окажется недостаточно для того, чтобы верить в существование гремлинов, и тогда уже гремлином придет конец... так?

— Так.

— Следовательно, если мы сможем начать придумывать истории для гремлинов, истории, которые поддержат их веру в нас, это и будет решением проблемы... так?

— Так. Только где мы возьмем столько историй?

— У меня они есть.

— У тебя? Ноа, ты мне нравишься, но давай не будем забывать о реальности, приятель. Твой источник иссяк вот уже девятнадцать с лишним лет назад.

— У меня появился новый.

— Новый источник историй?

— Объединенная мифология вроде вашей, гремлинской. Историй сколько хочешь! Выдадим их за правду.

Ноа сходил в другую комнату, вернулся с книгой, открыл ее на первой странице, вставил в пишущую машинку новый лист бумаги и проверил ленту, чтобы убедиться, что она еще в достаточно хорошем состоянии. Потом он сказал Альфу:

— Это поможет нам продержаться по крайней мере несколько лет. А пока нужно поискать какого-нибудь другого писателя, который смог бы с нами работать.

После этого он начал печатать начало своего первого фантастического рассказа за девятнадцать с лишним лет, рассказа, который впоследствии будет напечатан на крошечных страничках крошечных книжек и прочитан крошечными человечками.

Он напечатал: «В самом начале Килрой создал небеса и землю, но земля не имела никакой определенной формы и была пуста, так что нигде даже нельзя было получить кружечку приличного пива...»

— Вот эта часть ну просто в кайф, — объявил Альф, забыв о приличном английском. — Чертовски здорово, ясное дело.

Чарли только фыркнул.

ЖИВОЙ И НЕВРЕДИМЫЙ В ОДИНОКОМ ПУТЕШЕСТВИИ

Тогда, и только тогда, словно таинственный узник в железной маске, чье лицо скрыто от всех, только в тот момент, когда огромный корабль выбрался из естественного континуума и вошел в мегапоток, только после этого человек по имени Месс покинул свою каюту.

Громадные защитные тамбурные экраны скрылись в теле корабля, взору предстало бурлящее белое желе мегапотока, проносившегося мимо гигантских хрустальных иллюминаторов, — и тогда дверь в его каюту скользнула вверх, и появился он, одетый во все белое. Темные, измученные глаза обведены белыми клоунскими кругами. Он вышел, и смолкли разговоры.

В холле громадного корабля собирались, похоже, все пассажиры — они сидели по двое или по трое, кое-где по четыре человека за столами, напоминавшими шары на тонких ножках. Корабль стартовал в 4.00, Сейчас, Здесь и направлялся в 85-е февраля, 41.00, Тогда, которое еще наступит, Туда — на конечную остановку, где прекращают свое существование измеряемое пространство, время и мысль.

Alive and Well and on a Friendless Voyage
© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1997

Пассажиры взглянули на Мосса и смолкли. На всех лицах был написан один и тот же вопрос: кто этот человек?

А он смущенно проходил мимо, потому что не был ни с кем знаком. Целый корабль незнакомцев — и Мосс.

Он уселся за стол, возле которого стоял один пустой стул, напротив мужчины и женщины. Женщина была стройной, нельзя сказать, чтобы привлекательной, но и не уродливой, самое обычное лицо, на таких редко отражаются какие-либо чувства. Возле глаз мужчины пролегли морщины, он казался добрым человеком. Гигантский корабль мчался сквозь мегапоток, и мужчина сказал смотревшему на него Моссу:

— Не ваша была вина.

— Не верю, — грустно возразил Мосс. — Мне кажется, я виноват.

— Нет-нет, — быстро проговорила спокойная женщина, — ни в коем случае! Ничего нельзя было сделать. Ваш сын все равно умер бы. Вы не должны бичевать себя за то, что верите в Господа. Не должны.

Мосс наклонился вперед и спрятал лицо в ладонях. Его голос был едва различим:

— Какое безумие! Мертвого не вернешь. Мне следовало бы знать это... Я знал.

Добродушный мужчина протянул руку и коснулся пальцев Мосса.

— Он заболел по воле Господа, который наказал вас или вашу жену за содеянное когда-то зло. Дело вовсе не в ребенке. Он был слишком юн, чтобы познать грех. Вы или ваша жена грешны, поэтому и заболел ваш ребенок. Но если вы сумеете быть сильным и храбрым, как велит нам Библия, вы спасете его.

Холодная женщина мягко отвела руки Мосса от лица и посмотрела ему прямо в глаза. Держа его руки в своих, сказала:

— Доктора не смогли бы его спасти... вы же понимали это. Бог не уважает науку; значение имеет

лишь вера. Не подпускать к ребенку врачей было просто необходимо. Очень важно было спрятать его в подвале.

— Но ему становилось все хуже и хуже, — прошептал Мосс. — Наверное, там, внизу, было слишком холодно. Мне следовало позволить своей семье сделать то, что они считали нужным, надо было позволить врачу хотя бы осмотреть сына.

— Нет, — сухово проговорил добродушный мужчина. — Нет! Вера должна быть нерушимой. Вы выстояли. И оказались совершенно правы. Даже несмотря на то, что ваш ребенок умер.

— Вы несли свою ношу возле его постели, точно святой, — проговорила женщина. — День за днем. Вы сказали, что он поправится на второй или третий день. Потому что верили в Господа.

Мосс тихо заплакал.

— Он лежал. Три дня — и ничего не менялось. Только цвет лица стал другим.

— И еще неделю, — напомнил мужчина. — Вера! У вас была вера! Вы не сомневались, что через неделю ваш ребенок встанет с постели.

— Нет, — возразил Мосс, — через неделю, нет. Я знал, он умрет.

— Двадцать один — магическое число. Он должен был выздороветь на двадцать первый день. Но за вами пришли и заставили отдать сына. Вас арестовали, а когда в суде слушалось ваше дело, вы настаивали на том, что это Воля Господа, ваша жена все время была рядом и разделила ненависть и боль, и брань, которой осыпали вас чужаки.

— Он так и не поправился. Его закопали в землю, — сказал Мосс, вытирая слезы. В белой клоунской краске на щеках появились дорожки.

— Потому вам и пришлось уехать. Оттуда. Вы хотели добраться до такого места, где вас услышал бы Господь. И поступили правильно; у вас не было выбора. Нужно либо верить, либо стать одним из миллионов неверующих, населяющих ваш мир. Не следует испытывать угрызений совести, — проговорил Мосс.

ворил добродушный мужчина и коснулся рукава Мосса.

— Вы обретете покой, — попыталась утешить его невозмутимая женщина.

— Спасибо, — поднимаясь, сказал Мосс и отошел от столика.

Мужчина и женщина снова устроились поудобнее в своих креслах, а свет, который озарял их глаза, когда они говорили с Моссом... постепенно, медленно угас.

Молодой человек с напряженным лицом и нервными руками сидел за столиком один. И не сводил глаз с мегапотока, проносявшегося за иллюминатором.

— Могу я тут присесть? — спросил Мосс.

Молодой человек взглянул на него, неохотно отрывавшись от мечущегося, пузырящегося желе. Ничего не сказал. Но на его лице появилась ненависть. Не говоря Моссу ни слова, он снова повернулся к хрустальному иллюминатору.

— Пожалуйста, позвольте мне сесть с вами. Я хочу поговорить.

— Я не разговариваю с трусами, — ответил молодой человек и гневно стиснул зубы.

— Я трус, не спорю. Согласен, — печально проговорил Мосс. — Пожалуйста, позвольте мне сесть.

— О Господи, садись уже! И замолкни; не смей ко мне обращаться! — Юноша снова отвернулся к окну.

Мосс уселся, сложил руки на столе и, не говоря ни слова, принялся изучать профиль молодого человека.

Прошло всего несколько мгновений, и молодой человек взглянул на Мосса:

— Меня тошнит от тебя. Я с удовольствием врезал бы тебе по морде, потому что ты гнусный трус.

— Да, — с тоской в голосе согласился Мосс. — Я не стал бы вам мешать. Вы правы, я трус.

— Хуже! В сто раз хуже, чем просто трус. Ты лицемер, безмозглый, напыщенный кретин! Ты всю

жизнь изображал из себя настоящего мужчину, настоящего жеребца, кавалера. Жесткого, циничного манипулятора, в общем, крутого парня. А на самом деле был не умнее и не крепче любого тупоголового ублюдка, у которого яйца вместо мозгов.

— Я совершил ошибки, — признал Месс. — Как и все остальные. Человеку всегда не хватает опыта. Мне казалось, я знаю, что делаю. Я же полюбил ее.

— Просто потрясающее, — заявил юноша. В его голосе звучала откровенная враждебность. — Чудесно. Ты полюбил... Подонок! Ей же было всего девятнадцать. А тебе — в два раза больше. Как ты мог позволить ей себя заманить, заставить жениться? Ну давай, придурок, объясни мне, почему это произошло.

— Она сказала, что любит меня, что я лучше всех остальных мужчин на свете, сказала, что, если я на ней не женюсь, она уедет и я больше никогда ее не увижу. Я был влюблен, такое со мной произошло всего во второй раз в жизни. Нет, не верно: я любил всего один раз, до нее. Мысль о том, что я никогда не увижу ее лица, наполняла меня нестерпимым страхом. Вот именно: я боялся, что больше ее не увижу. Я не знал, как с этим жить.

— И поэтому ты на ней женился.

— Да.

— Но ты не мог с ней спать, не мог заниматься любовью. Чего ты от нее ждал? Она же была ребенком.

— Она рассуждала как женщина. Говорила все то, что обычно говорят взрослые женщины. Я не понимал, что она в смятении, не понимал, чего хочет.

— Но ведь ты не мог заниматься с ней любовью, не так ли?

— Не мог. Она была точно ребенок, дочь; я не понимал, что происходит то, что происходило. Я потерял интерес к сексу; потерял интерес к ней, да и ко всем остальным женщинам. Мне казалось...

— А она думала, что ты импотент. Что ты разваливаешься на части. И с каждым днем ей становилось все страшнее и страшнее. Хорошенькая перспектива — провести целую жизнь с человеком, который не испытывает к тебе никакого влечения!

— Но ведь была же любовь. Я ее любил. Беспрепрдельно. И показывал ей это миллионом разных способов, каждую секунду, проведенную нами вместе.

— Подарки.

— Да, подарки. Прикосновения. Объятия, поцелуи, улыбки.

— Покупка. Ты пытался ее купить.

— Нет, никогда.

— В таком случае взять внаем. То же самое.

Юноша сжимал и разжимал кулаки. Казалось, ими управляет некая сила, находящаяся вне его тела. Руки двигались, словно хотели ударить Мосса. Человек в белом клоунском одеянии не мог этого не заметить, но не отшатнулся, не дрогнул. Просто сидел и ждал нападения — жертва, готовая принять любую кару.

— Ну и что ты почувствовал, когда узнал, что она с ним спит?

— Было ужасно мучительно. Ничего похожего мне испытывать не приходилось. В груди образовался комок боли, словно внутри меня что-то жило и дышало, второе сердце... не знаю, как объяснить. Только каждый раз, когда оно делало вдох, боль становилась невыносимее.

— И что же ты по этому поводу предпринял, крутой парень? — насмешливо спросил молодой человек.

— Я хотел его убить.

— А почему его? Он только подобрал то, что плохо лежало. Если ты оставляешь ненужную вещь, всегда кто-нибудь найдет ей применение.

— Меня возмутило то, как она это делала, — с отчаянием в голосе проговорил Мосс.

— Ты самый настоящий осел, — сердито фыркнул юноша. — Рогоносцы, вроде тебя, всегда

выдумывают идиотские объяснения, чтобы обстоятельства выглядели подраматичнее. Если бы дело не повернулось так, как оно повернулось, возникла бы иная ситуация, ты нашел бы и в ней признаки дурного вкуса. Неужели ты не понимаешь, что это всего лишь отговорки?

— Но ведь когда все открылось, я попросил ее уйти, и она сказала, что поедет к своим родителям, чтобы обдумать то, что произошло.

Молодой человек неожиданно сделал резкое движение и, протянув руку над столом, схватил Мосса за рубашку. Подтащил к себе, его голос превратился в тихое рычание, наполненное ненавистью:

— А что ты сделал потом, ты, герой? Ну, признавайся, что потом?

Мосс заговорил очень тихо, точно ему было стыдно:

— Я зарядил пистолет и отправился к нему домой. Стал стучать каблуками в дверь. Поставил ногу прямо возле замка и изо всех сил потянул за ручку. Замок выскоцил. Я промчался через гостиную его отвратительной квартиры и ворвался в спальню. Они были там, на кровати, оба голые. Именно так я все себе и представлял: он на ней... только они услышали, как сломался замок, и он попытался выпутаться из простыней. Я поймал его в тот момент, когда он поставил одну ногу на пол.

Молодой человек встряхнул Мосса. Не слишком сильно, но достаточно, чтобы показать, как сильно он возмущен, какое отвращение испытывает. А мегапоток вдруг стал похож на рану, гниющую, отвратительно розового цвета с темно синими подпалинами по краям. Юноша продолжал тихонько трясти Мосса, словно пытался достать монетки из копилки.

— Я подтолкнул его и вставил пистолет ему в рот. Услышал, как он, застонав, попытался что-то сказать, тогда я засунул дуло еще глубже в глотку и сломал несколько зубов. Затем толкнул его на кровать, он повалился прямо на спину, а я поставил

ногу ему на грудь. Приказал ей одеться, сказав, что забираю ее из этого омерзительного места.

Молодой человек отпустил Мосса, который вдруг замолчал.

— Какой у тебя бесполезный, жалкий, несчастный мозг. Все это неправда, не так ли?

— Да, все неправда, — отвернувшись, тихо ответил Мосс.

— Так что же ты все-таки сделал, когда узнал, что она с ним... через четыре месяца после свадьбы?

— Ничего.

— Ты зарядил пистолет и ничего не сделал?

— Именно.

— Ты даже не смог заставить себя проделать все в реальности, так?

— Не смог. Я трус. Я хотел убить его, а потом себя.

— Но не ее.

— Нет. Таких мыслей у меня не было никогда. Я ведь любил. Не мог ее убить, поэтому и хотел уничтожить все остальное в мире.

— Убирайся прочь, жалкое дерьямишко. Давай, вставай, и отвали от меня, и больше никогда со мной не заговаривай. Ты сбежал. Бежишь и сейчас. Но тебе не удастся спастись.

— Пройдет время, — сказал Мосс. — И я забуду.

— Тебе не забыть всего. Время притупит твои воспоминания, так что, возможно, ты сможешь нести их в своей душе. Но никогда не забудешь совсем.

— Может быть, и нет, — сказал Мосс и встал.

Отвернулся. И в то же мгновение безумный свет, горевший в глазах юноши, стал тускнеть и вскоре погас. Он снова смотрел в пустоту, где метался похожий на разверстую рану мегапоток.

Мосс шагал по холлу и тяжело дышал.

Он прошел мимо прекрасной женщины с белокурыми волосами и почти белыми бровями — она сидела в компании двух неприметных мужчин за

столом, рассчитанным на четверых. Когда он оказался совсем рядом, женщина коснулась его руки.

— Я испытываю к вам жалость, а вовсе не враждебность, — сказала она мягким, глубоким голосом. Ее слова переполнял скрытый смысл.

Мосс уселся на пустой стул. Казалось, оба мужчины его не видят, хотя и прислушиваются к разговору с прекрасной женщиной.

— Нельзя считать человека бессердечным только потому, что он пытался спасти себя, — продолжала женщина.

Она держала в руке короткий мундштук с незажженной сигаретой. Один из ее спутников сделал движение, чтобы дать ей прикурить, но женщина сердито отмахнулась. Все ее внимание было сосредоточено на Моссе.

— Я же мог спасти одного из них, — ответил Мосс. Он прижал руку ко рту, словно снова увидел пугающую картинку из прошлого. — Пожар, Дом, окутанный пламенем, которое вырывается из окон, крики. Они были такие старые, такие беспомощные.

Взметнувшись, осветив все вокруг своим сиянием, светлые волосы — женщина покачала головой.

— Вы лишь служили сторожем, охраняли их; нигде не было написано, что вы должны умереть ради них. Вы являлись сознательным, отличным администратором; в Доме, которым вы руководили, всегда был порядок. Что вы могли сделать? Вы же испугались! У каждого есть свой тайный страх. Кто-то боится старости, кто-то — пауков и змей, иные — оказаться похороненными заживо, попасть в замкнутое пространство. Утонуть, стать всеобщим посмешищем или быть отвергнутым. Каждый трепещет перед чем-нибудь.

— Я не знал, что боюсь огня. Клянусь всеми святыми, я этого не знал. Но когда я спустился вниз, той ночью, и почувствовал запах дыма, меня точно парализовало. Я стоял в холле и смотрел на решетку перед дверью, ведущей в спальню. Мы всегда закрывали ее на ночь. У нас была вовсе не тюрьма... мы

делали это ради их безопасности: они ведь были такими старыми, кое-кто любил побродить ночью. Не могли же мы все время караулить их, это было просто нереально.

— Я знаю, знаю, — голос прекрасной женщины звучал успокаивающе. — Вы делали все ради того, чтобы защитить своих подопечных. В спальне стоял телевизор, имелась ванная комната. Там, наверху, было очень уютно, совсем как в отдельных комнатах на нижних этажах. Но они бродили, гуляли по ночам; могли упасть на лестнице или у них мог случиться приступ, и никто не оказал бы им помощи, потому что где бы они нашли кнопку вызова дежурного санитара?.. Я прекрасно понимаю, почему вы закрывали решетку на замок.

Мосс беспомощно развел руки. Огляделся по сторонам, точно в поисках белого света, который избавил бы его от боли воспоминаний.

— Я почувствовал запах дыма и просто-напросто замер, не зная, что предпринять, был почти готов броситься к двери, открыть замок, и в этот момент оттуда вырвались языки пламени... и страшный жар. Я отшатнулся. Но даже и тогда... даже тогда я бы что-нибудь обязательно сделал, если бы не кот...

— Да, именно вид кота, — кивнув, проговорила прекрасная женщина, — навел на вас ужас, заставил неожиданно понять, что страх перед огнем жил в глубинах вашего сознания, дожидаясь подходящего момента, чтобы подчинить вас себе. Я понимаю, это понял бы любой!

— Не знаю, как этому коту удалось прорваться сквозь решетки. Он... протиснулся, и его тело охватило пламя, оно вспыхнуло — этот кот принадлежал одной из старушек. Кот полыхал, словно живой факел. Запах паленой шерсти, искры... он плавился, точно жир на сковороде. И выл... о Господи, какие страшные это были вопли... Черный, обугленный хвост, местами в мерзких пузырях...

— Не нужно! — воскликнула женщина, поняв, какую боль испытывает Мосс. — Не истязайте себя.

Вы убежали. Я знаю, почему вы это сделали. Вы же ничем не могли помочь.

— Никто не знал, что у меня был выбор. Я стоял на улице и смотрел, увидел лицо в одном из окон. Оно было окутано пламенем — старик с длинными полыхающими волосами. Это было ужасно, отвратительно, я не мог вынести этого зрелица. Я кричал что-то, обращаясь к тем, наверху, а иные, кому удалось спастись, и кое-кто из санитаров попытались вернуться в здание — один из них погиб, на него упал потолок. Но ведь никто не знал, что у меня был шанс, я мог спасти, может быть, кого-нибудь одного, мог попытаться что-нибудь сделать.

— Нет, — возразила женщина. — Вы тоже сгорели бы заживо. Никому не следует ничего знать.

— Но я же знаю!

— Вам удалось спастись. Имеет значение только это.

— Боль. Знание и боль.

— Все пройдет.

— Нет. Никогда.

Один из мужчин снова пошевелился, чтобы дать прекрасной женщине прикурить. Она положила мундштук с сигаретой на стол. Месс тряхнул головой, словно просыпаясь после жуткого кошмара, и поднялся. Когда он отошел от женщины и ее молчаливых спутников, свет в их глазах потух.

Месс шел по холлу.

Громадное судно неслось вперед сквозь беснующееся желе мегапотока к конечной точке ощутимого пространства, неумолимо продвигалось к краю мыслимой вселенной, асимптотически приближаясь к границе времени. На пути судна было три остановки: погрузка пассажиров, высадка и путешествие за грань. Молчаливые и равнодушные путешественники сидели, время от времени потягивая напитки, которые заказывали, нажимая на кнопку, встроенную в подлокотники кресел. Тишину нарушал лишь шорох отодвигающихся на столах панелей, через

них на поверхность поднимались бокалы, иногда раздавался негромкий звон стекла, когда об него стукались зубы, а еще — шуршание мегапотока, проносиившегося мимо корабля. В кипящем желе раздавались какие-то звуки, они проникали сквозь обшивку судна, точно голоса мертвых, умоляющих выслушать их и свершить последний праведный суд. Никаких внятных мыслей, слов или посланий из-за грани, которые могли бы оказаться полезными для тех, кто отправился в это путешествие.

Оказавшиеся вне времени, пространства и мысли, путники безмолвно сидели внутри корабля, глядя в пустоту. Направление не имело значения. Потому что этот корабль всегда двигался в одном и том же направлении. А вместе с ним и они, погребенные в его недрах.

Мосс бродил среди пассажиров... вот присел на несколько минут рядом с каким-то толстяком и рассказал, как отнял у мужа и детей девушку, работавшую у него секретаршой, поселил в дорогой квартире, а затем, когда она ему надоела, оставил без денег, но с правом владения квартирой. Он даже выгнал ее с работы, потому что не следует заводить интрижку с тем, кто находится у тебя в подчинении. В особенности с женщинами, имеющими суицидные наклонности. А потом рассказал толстяку, что открыл счет на имя ее детей после того, как все было кончено, после того, как девушка, работавшая у него секретаршой, исполнила то, что ей было предназначено судьбой. Морс довольно долго сидел рядом с пожилой женщиной, у которой все пальцы были в кольцах, признался ей в том, как безжалостно воспользовался своим возрастом и болезнью, чтобы привязывать к себе сыновей и дочерей до тех пор, пока не стало слишком поздно и они уже не могли устроить свою жизнь; при этом у него и в мыслях не было оставить им свое состояние. Затем он ненадолго присел рядом с высоким, худым человеком с шоколадного цвета кожей и открыл ему, что предал остальных членов группы, к которой

принадлежал, назвал все имена и, сидя на заднем сиденье темного автомобиля, указал на тех, кто возглавлял движение; а потом смотрел, как их заставили опуститься на колени в грязь, под проливным дождем, когда подонки со свинцовыми трубами в руках очень аккуратно, профессионально, одним ударом кончали его товарищей. Еще он подошел к симпатичной молоденькой девушке и рассказал о хитроумных интеллектуальных играх, в которые играл со своими любовницами, сбивая с толку, заставляя переживать и тратить все свое время на то, чтобы танцевать и петь исключительно для его удовольствия, пока их движения не превращались в бессмысленное дерганье, а песни становились похожими на дребезжание старой погремушки.

Он бродил по холлу, испытывая угрызения совести, ему хотелось покаяться. Месс садился, рассказывал, сожалел, признавался, унижался, иногда плакал. И каждый, к кому он подходил, чтобы поведать свои тайные мысли, ожидал на мгновение, затем, вновь оставшись в одиночестве, замирал, а свет в его глазах постепенно угасал.

Месс подошел к столу, за которым одиноко сидела и грызла ногти худая, ничем не примечательная молодая женщина.

— Я бы хотел присесть и кое-что с вами обсудить, — сказал Месс. Женщина пожала плечами, точно ей было все равно, и он сел. — Я понял, что мы все одиноки, — сообщил Месс.

Женщина ничего не сказала. Только посмотрела на него.

— И не важно, сколько людей любит нас, заботится о нас или стремится облегчить нашу ношу в этой жизни, — продолжал Месс, — все мы, все, всегда одиноки. Я не помню точно, как это звучит, однажды Олдос Хаксли что-то написал по этому поводу, я пытался найти цитату и не смог, но припоминаю кусочек. Там говорится: «Мы, каждый из нас, есть остров-вселенная в океане пространства». Мне кажется, цитата звучала именно так.

Женщина одарила его равнодушным взглядом. Худое, ничем не примечательное лицо. Ни милой улыбки, ни необычного сочетания черт, ни симпатичных ямочек на щеках — ни малейшего намека на привлекательность. Взгляд, отработанный на протяжении многих лет до автоматизма. Ее глаза ничего не выражали.

— Моя жизнь всегда напоминала печальную музыку, — признался Месс. — Бесконечная симфония в миноре. Ветер в деревьях и разговоры, подслушанные ночью сквозь стены. Никто не смотрел на меня, никто ничего не хотел знать. Но я выстоял, вот и все. Существует только день, и его конец, и ночь, и сон, который приходит не сразу, а потом наступает другой день. Пока их не остается позади столько же, сколько ждет тебя впереди. Никаких вопросов, никаких ответов, одиночество. Но я держусь. Не позволяю себя сломить. И песня продолжается.

Скучная молодая женщина едва заметно улыбнулась.

Протянула через стол руку, коснулась руки Месса. На мгновение в его глазах вспыхнули искры. И тут гигантское судно стало снижать скорость.

Они так и сидели, ее рука на его, пока тамбурные щиты не поднялись и не окружили их со всех сторон. Вскоре судно остановилось. Конечная станция, место высадки.

Все поднялись, чтобы покинуть борт корабля.

Месс тоже встал и шагнул в сторону. Он прошел через холл, но никто с ним не заговорил и никто не коснулся его. Он подошел к двери в свою каюту и повернулся.

— Извините, — сказал он.

Все молча смотрели на него.

— Может быть, кто-нибудь хочет поменяться со мной местами, пожалуйста? Может быть, кто-нибудь из вас готов продолжить это путешествие вместо меня?

Он смотрел на них из-под своей белой клоунской маски, он ждал достаточно долго.

Никто не ответил, хотя ему показалось, что ничем не примечательная молодая женщина хотела что-то сказать, но все-таки промолчала.

— Так я и думал, — тихо проговорил Мосс и улыбнулся.

А потом отвернулся от них, дверь в его каюту скользнула вверх, и он вошел внутрь. Дверь опустилась на место, и пассажиры бесшумно покинули борт гигантского корабля.

Через несколько мгновений выходной шлюз закрылся, и корабль снова отправился в путь. В тот мрак, из которого нет возврата.

СТРАННОЕ ВИНО

Два худощавых полицейских, что отвечали за безопасность на этом участке калифорнийского шоссе, поддерживая Виллиса Коу с двух сторон, вели его от своей патрульной машины к накрытой одеялом бесформенной куче, лежащей прямо на бетоне. Темно-коричневое пятно, начинающееся где-то в шестидесяти ярдах к западу, исчезало под этим одеялом. Один из зевак сказал:

— Ее протащило вон оттуда, это ужасно, ужасно. Виллис Коу не хотел смотреть на свою дочь.

Но он должен был опознать ее, так что один из полицейских крепко вцепился в его плечо, а другой в это время опустился на колено и приподнял одеяло. Он узнал нефритовый кулон, который подарил дочери по случаю выпуска. Только кулон ему и удалось узнать.

— Это Дебби, — пробормотал Виллис Коу и отвернулся.

«Почему это происходит со мной? — подумал он. — Я же не отсюда; я не из них. Такое должно происходить с людьми».

— Ты сделал укол?

Он поднял от газеты глаза и попросил жену повторить то, что она сказала.

— Я спросила тебя, — мягко проговорила Эстель, в усталом голосе звучала доброта, которой осталось так мало в ее душе. — Я спросила тебя про инсулин.

Мимолетная улыбка коснулась губ Виллиса Коу. Он оценил деликатность жены, понял, что она не хочет мешать ему предаваться своим горестным размышлениям. Ответил, что укол сделал. Тогда его жена кивнула:

— Ну, я пойду наверх, пора спать. Ты идешь?

— Не сейчас. Может быть, через некоторое время.

— Снова заснешь перед телевизором.

— Не волнуйся, я скоро поднимусь.

Она немного постояла, не сводя с него глаз, потом повернулась и начала подниматься по лестнице. Он прислушивался к привычным звукам вечернего ритуала — зашумела вода в туалете, потом в раковине, скрипнула дверца шкафа — Эстель убирала одежду, — застонали пружины, кровать принимала на ночь тело его жены.

Он включил телевизор, тридцатый канал, один из тех, что всегда были пустыми, затем уменьшил звук так, чтобы не слышать занудное, тоскливо, усыпляющее шипение.

Виллис сидел перед телевизором несколько часов, положив правую руку на экран, надеясь, что благодаря электронной бомбардировке рука станет прозрачной и откроется его инопланетное происхождение.

В середине недели он зашел к Харви Ротаммеру и попросил разрешения не выходить на работу в четверг, чтобы съездить в больницу в Фонтану и навестить сына. Ротаммер был не очень доволен, но отказать не мог. Коу потерял дочь, а его сын по-прежнему был на девяносто пять процентов лишен способности двигаться и находился на излечении без какой бы то ни было надежды на то, что когда-нибудь снова сможет ходить. Поэтому Харви Ротаммер сказал Виллису Коу, что тот, конечно же,

вправе взять выходной, но напомнил, что апрель уже практически наступил, а всем известно — в апреле фирма готовит свои отчеты, так что это очень напряженное время. Виллис Коу сказал, что он все прекрасно помнит.

За двадцать миль от Сан-Димас машина сломалась. Немилосердно палило солнце, а Виллис Коу сидел за рулем, разглядывал пустыню и пытался вспомнить, как же выглядела его родная планета.

Его сын, Гилван, прошлым летом на каникулах отправился к своим друзьям в Нью-Джерси — те построили бассейн у себя в саду. Гил нырнул и ударился о дно; в результате получил перелом позвоночника.

К счастью, его вытащили прежде, чем он утонул, но вся нижняя часть тела оказалась парализованной. Он мог двигать руками, однако кисти стали абсолютно бесполезными. Виллис поехал туда, договорился, чтобы Гилвана перевезли в Калифорнию, и теперь он находился в больнице в Фонтане.

Виллис помнил цвет неба. Ослепительно зеленое, несказанно прекрасное. И нечто... нет, не птицы, эти существа плавно скользили по воздуху, они не летали. Больше он не помнил ничего.

Его машину оттащили в Сан-Димас, но механик в гараже сказал, что ее придется отправить в Лос-Анджелес, потому что у него нет нужных деталей. Виллис оставил машину и вернулся домой на автобусе. На этой неделе он так и не навестил Гила. За починку машины ему пришлось заплатить двести восемьдесят шесть долларов и сорок пять центов.

В марте началась засуха, которая продолжалась в Калифорнии целых одиннадцать месяцев. Потом засыпал дождь и шел целую неделю; не сравнить с Бразилией, конечно, где капли такие крупные и падают так плотно, что известны случаи, когда люди задыхались, оказавшись на улице во время ливня. Впрочем, дождь был достаточно сильным, и крыша

начала течь. Виллис и Эстель однажды не спали целую ночь, затыкая полотенцами щели в гостиной; но протечка явно возникла не в результате повреждения внешних стен, а где-то между перекрытиями; вода продолжала проникать внутрь.

На следующее утро невыносимо расстроенный Виллис Коу заплакал. Эстель услышала его, когда закладывала мокрые полотенца в сушилку, прибежала в гостиную. Ее муж сидел на промокшем ковре, в комнате пахло сыростью, он закрыл лицо руками, в которых по-прежнему держал мокрое полотенце. Она встала рядом с ним на колени, обняла и поцеловала в лоб. Он еще долго плакал, а когда перестал, стал тереть глаза — они ужасно болели.

— Там, где я родился, дожди идут только вечером, — сказал он Эстель.

Только она не поняла, что он имеет в виду.

А когда сообразила, спустя некоторое время, пошла погулять, чтобы собраться с мыслями и решить, как помочь мужу.

Виллис же отправился на побережье. Закрыл машину и направился по набережной в сторону пляжа. Он гулял по песку около часа, подобрал несколько молочно-белых осколков стекла, ставших гладкими благодаря упорным стараниям океана, потом улегся на каком-то песчаном холме и заснул.

Ему приснился его родной мир. Может быть, потому, что солнце стояло в зените, а океан тянул свою бесконечную, однообразную песню, Виллис смог многое вспомнить. Ярко-зеленое небо, плавно парящих над головой птиц, или, точнее, это были существа, которые напоминали птиц; вспомнил пятнышки бледно-желтого света, они вспыхивали, пылали на фоне неба несколько коротких мгновений, взмывали ввысь и пропадали из виду. Он почувствовал, что вернулся в свое настоящее тело, сразу несколько ног работали слаженно и дружно, несли его по окутанным прозрачной дымкой пескам, вспомнил запах цветов. Он знал, что родился на этой

планете, провел там детство, стал взрослым, а потом...

Его отослали.

Виллис Коу, в теле человека, понимал, что его выслали с родного мира за то, что он совершил что-то ужасное. Знал, что его приговорили к этой планете, к Земле, вероятно, за совершенное преступление. Только он никак не мог вспомнить, в чем же оно заключалось. И не чувствовал во сне никакой вины.

Однако, когда он проснулся и снова стал человеком, его окатило странное ощущение. Ему нестерпимо хотелось вернуться домой, туда, где он родился, он больше не мог оставаться в ловушке этого омерзительного тела.

— Я не хотел к вам идти, — сказал Виллис Коу. — Считаю это полнейшей глупостью. Раз я сюда пришел, значит, допускаю возможность сомнений. А я ни в чем не сомневаюсь, поэтому...

Психиатр улыбнулся и помешал какао в своей чашке.

— Поэтому... ваша жена настояла, и вот вы здесь.

— Да.

Виллис внимательно разглядывал свои ботинки. Коричневые, он носил их уже три года. Но никогда не чувствовал себя в них удобно; они жали, а большие пальцы на обеих ногах, похоже, упираются в лезвие тупого ножа.

Психиатр аккуратно положил ложку на салфетку и принялся потягивать какао.

— Послушайте, мистер Коу, я готов к любому повороту событий. Вы мне не нужны, вы тоже не хотели бы здесь находиться, если ваше посещение не принесет положительных результатов. И, — быстро добавил он, — когда я говорю о помощи, я не имею в виду попытки приспособить вас к представлениям о каком-то определенном мире, обратить в соответствующую веру, которую вы считаете необходимым от себя отталкивать. Ни Фрейд, ни

Вернер Эрхард, ни Наука и ничто другое не убедили меня окончательно и бесповоротно, что существует предмет, называемый реальностью. Закодированная реальность. Данная, постоянная, неизменная. Если то, во что человек верит, не приводит его в сумасшедший дом или тюрьму, нет ни единой причины, по которой его верования не могут считаться менее приемлемыми, чем то, что мы, гм-м, «нормальные люди», называем реальностью. Если ваши представления делают вас счастливым, верьте во все, что пожелаете. Я же просто хочу вас послушать, может быть, кое-что прокомментировать, а затем посмотреть, соответствует ли ваша реальность той, которую нормальные люди считают своей. Ну как, подходит?

Виллис Коу попытался выдавить из себя улыбку.

— Вроде бы. Я немного нервничаю.

— Попытайтесь успокоиться. Мне, конечно, легко говорить, а вам совсем непросто это сделать, но я не желаю вам зла; и действительно, выслушаю с огромным интересом.

Виллис встал.

— Вы не возражаете, если я немного поброшу по вашему кабинету? Думаю, мне так будет немного легче.

Психиатр кивнул и улыбнулся, а потом показал на какао. Виллис Коу покачал головой. Он походил по приемной и наконец произнес:

— Это не мое тело. Меня приговорили к жизни в качестве человеческого существа, и меня это убивает.

Психиатр попросил его объяснить, что он имеет в виду.

Виллис Коу был человеком небольшого роста, плохо видел, его темные каштановые волосы уже начали выпадать. Он часто жаловался на боли в ногах и постоянно нуждался в носовом платке. Печальное лицо избороздили морщины, которые говорили о том, что его жизнь переполнена проблемами. Он рассказал все это доктору, а потом добавил:

— Я считаю, что эта планета является местом, куда ссылают всех плохих людей в качестве наказания за содеянные преступления. Я считаю, что мы все прибыли сюда из других миров, с других планет, где совершили какие-то гнусности. Земля является тюрьмой, нас отправляют сюда, чтобы мы жили в этих отвратительных телах, старели, разлагались, воняли и умирали. Таково наказание.

— Но почему никто, кроме вас, этого не чувствует? — Психиатр отставил в сторону чашку с давно остывшим какао.

— Наверное, меня засунули в тело с дефектом, — предположил Виллис Коу. — Немного больше боли от сознания того, что я родился на другой планете, что несу наказание за совершенное преступление. Только я никак не могу вспомнить, что же я сделал. Думаю, это было что-то ужасное, раз мне вынесли такой суровый приговор.

— Вы когда-нибудь читали Франца Кафку, мистер Коу?

— Нет.

— Он писал книги о людях, которых судят за преступления, о природе которых они ничего не знают. Этих людей обвиняют в каких-то неизвестных им грехах.

— Да. Именно это я и чувствую. Может быть, Кафка тоже это чувствовал; и ему ведь могло достаться дефектное тело.

— В ваших ощущениях нет ничего особенно странного, мистер Коу, — сказал психиатр. — В наше время многие не удовлетворены своей жизнью, многие обнаруживают — иногда слишком поздно, — что являются транссексуалами, что должны были жить в качестве других людей, мужчин, женщин...

— Нет, нет! Я не это имею в виду. И не собираюсь менять свой пол. Просто я объясняю вам, что прибыл с другой планеты — там зеленое небо, окутанный дымкой песок и пятнышки света вспыхивают, а потом уносятся ввысь... у меня много ног, а между пальцами тонкая паутина, да и вообще это не пальцы...

Он замолчал и смущенно посмотрел на доктора. Потом сел и тихонько продолжил:

— Доктор, моя жизнь ничем не отличается от жизни всех остальных людей. Большую часть времени я плохо себя чувствую, приходит масса счетов, которые я не могу оплатить, мою dochь сбила машина, и она умерла, я не могу об этом думать. Мой сын в самом расцвете лет стал инвалидом. Мы с женой почти не разговариваем, не любим друг друга... да и не любили никогда. Я живу не хуже и не лучше остальных жителей этой планеты, вот о чем я говорю: боль, страдания, жизнь, наполненная ужасом. Каждый день. Без надежды. Пустота. Неужели мы не можем рассчитывать на лучшее, только на эту гнусную жизнь в качестве человеческих существ? Послушайте, я знаю, есть чудесные места, где никто не страдает и где никого не заставляют находиться в тюрьме под названием человеческое тело!

В кабинете психиатра стало темно. Жена Виллиса Коу договорилась с доктором в последний момент, и тот согласился принять маленького лысущего человечка в конце дня.

— Мистер Коу, — проговорил психиатр, — я вас выслушал и хочу, чтобы вы знали: я очень сочувствую вашим страхам. — Виллису Коу немного полегчало. Ему показалось, что наконец хоть кто-то ему поможет — нет, конечно, не справиться с мучительным, тяжелым знанием, просто теперь он не одинок.

И скажу вам честно, мистер Коу, — продолжал психиатр, — я считаю, что у вас очень серьезные проблемы. Вы больны и нуждаетесь в интенсивном лечении. Я поговорю с вашей женой, если хотите, но послушайтесь моего совета — вам следует лечь в какую-нибудь серьезную клинику, прежде чем ваше состояние...

Виллис Коу закрыл глаза.

Он плотно закрыл двери гаража и заткнул щели тряпками. Ему не удалось найти достаточно длин-

ногого шланга, чтобы дотянуть его от выхлопной трубы внутрь машины, поэтому он просто опустил окна и завел мотор. Сидел на заднем сиденье и пытался читать «Домби и сын» — когда-то Гил сказал, что ему эта книга понравится.

Но никак не мог сосредоточиться на истории и прекрасном языке, через некоторое время откинул голову на спинку, попытался уснуть, надеясь, что ему приснится другой мир, тот, что у него украли, мир, который ему уже никогда не увидеть. Наконец его сморил сон, и он умер.

Похороны проходили в Форест-Лон, и на них почти никто не пришел. Эстель плакала, Харви Ротаммер обнимал ее за плечи и утешал. Но при этом все время незаметно поглядывал на часы, потому что апрель уже почти наступил.

Виллиса Коу положили в теплую землю, на него посыпалась грязь чужой планеты, это сделал мексиканец с лопатой в руках, у него было трое детей и ему приходилось мыть посуду в ночном баре, где еще и подавали еду, потому что он просто был не в состоянии оплачивать свою крохотную квартирку.

Многоногий Консул приветствовал Виллиса, когда тот вернулся. Виллис посмотрел на Консула и увидел зеленое небо у него над головой.

— Добро пожаловать домой, Плидо, — сказал Консул. Он казался очень грустным.

Плидо, который был Виллисом Коу в далеком мире под названием Земля, поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Дом.

Но он не мог молча наслаждаться своей радостью. Ему следовало знать.

— Консул, прошу вас, скажите мне... что я сделал такого ужасного?

— Ужасного! — Консул был поражен. — Мы вами восхищаемся, ваша милость. Ваше имя ценится выше многих. — В его голосе звучало самое настоящее почтение.

— В таком случае почему меня приговорили к жизни, полной страданий, в том ужасном мире? Почему отослали и обрекли на муку?

Консул покачал своей лохматой головой, легкий бриз развевал его роскошную гриву.

— Нет, ваша милость, нет! Это мы страдаем. Только немногие, самые достойные и любимые представители народов, населяющих Вселенную, могут отправиться в тот мир. Жизнь там сладка и приятна по сравнению с тем, что называется жизнью во всех остальных местах. Просто вы еще всего не поняли. Но вы поймете. И вспомните.

Плидо, который в лучшей части своей почти вечной жизни, наполненной болью, был Виллисом Коу, вспомнил. Прошло время, и к нему вернулась вечность, исполненная грустью, рожденной в ней, и он понял, что ему была дарована радость, доступная далеко не всем жителям далеких галактик. Он получил несколько драгоценных лет жизни в мире, где боль и страдания не сравнимы с тем, что испытывают другие жители Вселенной.

Он вспомнил дождь и сон, и ощущение мелкого песка под ногами, океан, поющий свою вечную песнь, — в такие ночи, которые он ненавидел на Земле, Плидо крепко спал и видел прекрасные сны.

Ему снилась жизнь Виллиса Коу на чудесной планете.

ПАРТНЕРЫ

ЛЮДИ ДЛЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Читая этот рассказ, следует одновременно слушать сочинение Жака Ласри «Chronophage», выполненное на Strukture Sonores Ласри-Баше

(«Коламбия Мастервортс
Стерео» MC 73 14)

Корабль говорит, что сегодня в полдень я буду наказан. Я мысленно возмущаюсь, до установленного срока остается еще три дня. Впрочем, я давно научился не задавать лишних вопросов. Все равно никуда мне от Него не деться. При всем при том я чувствую, что день сегодня особенный. Неожиданности начинаются уже с утра. Корабль приказывает произвести наружный осмотр корпуса. Я облачаясь в скафандр и выхожу в открытый космос.

Обшивка в нескольких местах изрядно побита метеоритным дождем. Я заменяю поврежденные пластины. Если бы Корабль сейчас меня видел, Он не преминул бы сделать мне выговор, потому что я то и дело смотрю по сторонам. И действительно, внутри Корабля я бы никогда на это не решился.

Но еще ребенком я заметил, что Ему трудно контролировать мои действия, когда я снаружи. Поэтому я осмеливаюсь повернуть вправо, влево и

вижу вокруг себя черное космическое пространство. И звезды...

Однажды я спросил Корабль, почему мы всегда обходим стороной эти сверкающие точки (Он называет их «солнцами»). За любопытство я был немедленно наказан. Вдобавок, мне пришлось прослушать длинную лекцию о том, что вокруг этих самых «солнц» кружатся планеты, населенные людьми, а люди — чрезвычайно зловредные существа. Корабль сказал, что просто чудом от них избавился во время великой войны с Кибой и что при последующих с ними столкновениях лишь системы аннигиляции спасали нас (Его и меня) от гибели. Из этой лекции я мало что понял. Например, мне не совсем ясно, что означает слово «столкновения». Вероятно, они проходили очень давно, потому что я ничего такого не помню. Мой отец мог бы, наверное, что-нибудь об этом рассказать, но Корабль убил его, когда мне исполнилось четырнадцать.

В детстве на меня порой нападала странная сонливость — я мог спать даже днем, причем с утра и до вечера. Но с тех пор как я занимаюсь техническим обслуживанием Корабля, то есть с четырнадцатилетнего возраста, мне положено спать только шесть часов в сутки. Корабль объявляет мне, когда начинается день и когда наступает ночь.

Вот я ползу на коленях по серой покатой поверхности корпуса (Корабль огромен: более пятисот футов в длину и около ста пятидесяти — в самом широком месте) и в который уже раз с трудом преодолеваю искушение оттолкнуться и поплыть в направлении этих ярко светящихся точек. Куда угодно, лишь бы подальше от Корабля.

Как всегда неохотно, я расстаюсь с этой мыслью. Страшно даже представить, что Он со мной сделает, если заподозрит в попытке к бегству.

Я закончил ремонт и теперь неуклюже топаю к переходному шлюзу. Люк открывается, и меня втягивает внутрь, туда, где (что правда, то правда) гораздо безопаснее, чем снаружи.

В мои обязанности входит следить за тем, чтобы не гас свет в этих бесконечных коридорах и бесчисленных подсобных помещениях, чтобы без перебоев функционировали приборы, механизмы и морозильные камеры (Корабль говорит, что пищи там достаточно даже для самого моего отдаленного потомка). Еще не бывало, чтобы мне не удалось устранить какую-нибудь неисправность, и я этим горжусь.

— Живее! Уже без шести двенадцать! — торопит меня Корабль.

Поспешно освобождаюсь от скафандра, запихиваю его в дезактиватор и бегу в камеру пыток — так я называю место, где Корабль раз в месяц подвергает меня наказанию. Наверное, раньше это была просто одна из секций десятого яруса, оснащенная всяческого рода контрольно-измерительной аппаратурой. В подобных помещениях мне приходилось бывать ежедневно. В камеру пыток ее переоборудовал по приказу Корабля мой прадед.

Ложусь навзничь на большой металлический стол. Ощущаю его холодную поверхность спиной, ягодицами. Без одной минуты двенадцать. Жду, содрогаясь. Потолок опускается — и вот уже моя голова прижата к столу. Шарообразные насадки ограничителей стискивают виски. Ремень с металлическими накладками обхватывает грудь. Зажимы смыкаются на запястьях и лодыжках.

— Ты готов? — спрашивает Корабль. Этот Его вопрос — уже прямое издевательство. Как будто от меня что-то зависит.

Корабль отсчитывает последние секунды:

— Десять... девять... восемь... один!..

Я Его ненавижу! Электрический разряд пронизывает мое тело. Все вокруг разваливается на тысячу кусков и разлетается в разные стороны. Такое ощущение, будто кто-то раздирает мои внутренности. У меня темнеет в глазах, и я теряю сознание.

Но лишь оно ко мне возвращается, лишь только Корабль разрешает мне слезть со стола, я повторяю

мысленно слова моего отца, повторяю каждый раз по окончании пытки. Вот что сказал мой отец незадолго до смерти: «Для Корабля “зловредный” означает “умный”. Умнее, чем Он. Ничего, ничего, у нас еще осталось девяносто восемь шансов...» Отец произнес это очень тихо... он, конечно, догадывался, что Корабль скоро его убьет. Да что я говорю: «догадывался»! Отец это знал, потому что как раз через день мне должно было исполниться четырнадцать. А ведь именно в этом возрасте и он когда-то осиротел.

Вот почему я стараюсь не забыть сказанное отцом. Я чувствую, что в этих его словах содержится какой-то важный для меня смысл, и надеюсь когда-нибудь его постичь.

— Хватит с тебя! — объявляет Корабль.

Голова у меня раскалывается от боли, но я все-таки спрашиваю:

— Почему я наказан на три дня раньше установленного срока? — и слышу:

— Придержи язык, а то накажу еще раз.

Но я знаю, что Корабль этого не сделает. Тем более сегодня, когда Ему почему-то особенно нужно, чтобы я был трудоспособен. Однажды по окончании очередной экзекуции я спросил, за что, собственно, терплю эти муки, и мне тотчас было приказано снова лечь на стол. После вторичного истязания я долго не приходил в себя, и тогда Корабль забеспокоился — в ход пошли средства реабилитации. С тех пор я уже никогда не подвергаюсь наказанию два раза подряд. Корабль понимает, что без меня Ему плохо придется.

Я повторяю вопрос, хотя не надеюсь получить ответ. Корабль неожиданно отвечает:

— Для профилактики. Потому что требуется устранить неисправность.

— Где?

— Внизу.

Я украдкой ухмыляюсь. Я чувствовал, что день сегодня особенный, и не ошибся. Мне снова вспо-

минается отец: «Девяносто восемь щансов...» Что, если это один из девяноста восьми?

Корабль говорит, что в лифте свет не нужен, но я-то понимаю, в чем тут дело. Он боится, что я запомню, на каком ярусе находятся засекреченные помещения, входить в которые мне запрещено.

Кабина плавно тормозит. Выхожу и, держась за стену, иду по коридору. Корабль и в этой непроглядной тьме следит за каждым моим шагом. Он вообще ни на миг не выпускает меня из поля зрения. Даже когда я сплю.

Различаю впереди слабое свечение. Поворачиваю за угол — коридор упирается в стеклянную светящуюся переборку.

— Почему ты остановился?

Я делаю шаг, но переборка остается на месте, а не уходит в пол, как в других помещениях. Я снова в недоумении. Из боязни расшибить лоб вытягиваю руки ладонями вперед.

— Почему ты остановился? — повторяет Корабль.

Касаюсь переборки пальцами, и они проходят сквозь нее и становятся желтыми и прозрачными, а потом мои руки прозрачны уже по локоть, я делаю еще шаг — меня всего пронизывает желтым мерцающим светом — и вот я по ту сторону переборки.

И слышу негромкий гул голосов. Вернее, это один и тот же голос. Одним и тем же голосом произносится сразу множество монологов...

Я стараюсь запомнить как можно больше из того, что слышу, и не подаю вида, что догадался: в этом засекреченном помещении Корабль разговаривает с самим собой. Совсем как это делаю я перед сном в своей крохотной каюте.

Здесь все такое странное: стеклянные шары на светящихся цоколях, очень много шаров, и они тоже светятся, а внутри каждого шара проволочки и сгусток какого-то мягкого вещества. Проволочки искрятся, вещество подрагивает, желтый свет пульсирует.

Мне кажется, что монологи, которые я слышу, произносят эти светящиеся шары. Но я замечаю и два темных шара. Проволочки в них совсем черные, — должно быть, перегорели. И вещество неподвижно. И цоколи под ними матово-белые.

— Замени перегоревшие модули, — приказывает Корабль.

Я понимаю, что Он имеет в виду эти два потухших шара. Подхожу к ним, прикидываю, как они устроены, и говорю: да, это я сумею, а Корабль отвечает раздраженно, что не сомневается в моих способностях и нечего тратить время на болтовню, пора приниматься за дело. Он так меня торопит, что мне становится окончательно ясно: сегодня произойдет нечто из ряда вон выходящее. Но что именно?

Корабль объясняет, где взять запасные модули, и я приношу их и стараюсь показать, что занят исключительно работой, а сам внимательно слушаю эти негромкие голоса, то встревоженные, то утешающие друг друга... Говорят они в основном о событиях, что происходили задолго до моего рождения, или о засекреченных помещениях, которых на Корабле, оказывается, немало. Многое в этих монологах мне непонятно, но кое-что из услышанного я беру на заметку. Корабль, разумеется, никогда не позволил бы мне подслушивать Его мысли, если бы не возникла необходимость заменить перегоревшие модули.

Я запомнил все монологи, которые смог понять. И особенно тот, в котором Корабль жалуется на свою несчастную жизнь.

Шары снова светятся, и проволочки искрятся, и вещество подрагивает.

— Все в порядке?

Я отвечаю:

— Да.

— Отправляйся к себе в каюту и прими душ.

Я снова прохожу сквозь удивительную переборку, иду по коридору к лифту, поднимаюсь на свой ярус.

Приняв душ, собираюсь натянуть комбинезон, но Корабль велит мне оставаться нагим.

— У тебя сегодня встреча с особью женского пола, — и я застываю с открытым от изумления ртом. Я еще никогда не видел особи женского пола.

Я жду ее возле люка — она уже идет по переходному шлюзу. Корабль состыковался с *другим* кораблем, и этот факт мне следует принять к сведению и на досуге осмыслить, — оказывается, кроме Корабля, на котором я родился и вырос, существуют еще какие-то другие корабли. Корабль не соизволил мне объяснить, зачем Ему понадобилось срочно заменить вышедшие из строя модули, но ведь и я недаром прислушивался к голосам светящихся шаров и теперь все понимаю: системы аннигиляции могли уничтожить этот другой корабль при сближении.

Между прочим, голоса чуть ли не хором твердили: «Его отец был зловредный, зловредный, зловредный!»

Это мне тоже понятно. Я помню, что говорил мой отец: «Для Корабля “зловредный” означает “умный”. Умнее, чем Он». Неужели там, в космосе — еще девяносто восемь кораблей? Так вот что такое «девяносто восемь шансов»! Я надеюсь воспользоваться хотя бы одним из них. Не случайно же столько удивительных событий происходит в один и тот же день!

А еще я подслушал, что однажды моему отцу было приказано вывести из строя эти самые модули, от которых зависит отключение систем аннигиляции. Выходит, до сегодняшнего дня Кораблю не требовалось их отключать, а если и требовалось, Он все же предпочитал этого не делать — лишь бы не допустить меня в то засекреченное помещение, где я мог бы услышать Его мысли. Но сегодня Ему, похоже, приспичило, и все из-за этой особи женского пола. Поэтому Он даже состыковался с другим

кораблем. Эта особь женского пола одного со мной возраста и тоже занимается техническим обслуживанием.

Она идет сюда для того, чтобы получить от меня ребенка или даже двух. Я догадываюсь, чем это грозит лично мне. Когда ребенку исполнится четырнадцать, Корабль меня убьет.

Голоса говорили, что на время, пока особь женского пола вынашивает младенца, она освобождается от любых наказаний. Если мне не удастся использовать свой шанс, я, пожалуй, спрошу у Корабля, нельзя ли и мне вынашивать младенцев. Я готов это делать сверхурочно, только бы Он меня не наказывал.

Также я теперь знаю, почему был наказан раньше обычного: у нее вчера закончились «месячные» (понятия не имею, что это такое, но, кажется, у меня их не бывает). И еще голоса говорили, что корабли безуспешно пытались выяснить друг у друга, сколько времени длится у нее период, наиболее благоприятный для оплодотворения. Жаль, что мне это тоже неизвестно — вдруг можно обратить их неосведомленность в свою пользу?

Корабли сошлись на том, что она будет приходить ко мне ежедневно, пока у нее снова не начнутся «месячные».

Было бы здорово поговорить еще с кем-нибудь, не только с Кораблем.

Раздается пронзительный скрежет, он длится так долго, что я не выдерживаю и спрашиваю у Корабля, что это значит.

— Это отключаются системы аннигиляции.

И вот особь женского пола выходит из люка и снимает скафандр, и стоит передо мной такая же нагая, как я. Она говорит мне:

— Боевой космический корабль номер восемьдесят восемь велел сказать тебе, что я счастливаступить на борт твоего Корабля. Я занимаюсь техниче-

ским обслуживанием «БКК-88» и очень рада с тобой познакомиться.

Она ниже меня ростом, у нее очень темные глаза. Кажется, коричневые, но, может быть, и черные. Руки и ноги тоньше, чем у меня, а волосы на голове длиннее. Синева под глазами и впалые щеки. Да, теперь я пригляделся и вижу: глаза у нее коричневые, а не черные. Грудь больше, чем у меня, с торчащими сосками, и кожа вокруг них темно-розовая. Пенис и мошонка у нее отсутствуют.

Я замечаю между нами и другие различия: пальцы у нее очень тонкие, и волосы растут только на голове, между ног и под мышками, а на других участках кожи они, должно быть, совсем крохотные и бледные, потому что я их не вижу.

Внезапно до меня доходит смысл ею сказанного. Так вот что означает надпись на корпусе Корабля! «БКК-31» — это Его название! А ее корабль называется «БКК-88».

«У нас есть еще девяносто восемь шансов...» О да!

Она, как будто угадав ход моих мыслей, говорит:

— Боевой космический корабль номер восемьдесят восемь велел предупредить тебя, что я — существо зловредное и с каждым днем становлюсь зловреднее.

Я снова вспоминаю бледное от ужаса лицо моего отца за день до его смерти. «Для Корабля “зловредный” означает “умный”». Мне кажется, я всегда это знал, потому что всегда хотел вырваться из рабства, всегда стремился к тем сверкающим точкам, которые Корабль называет «солнцами». Теперь я все окончательно понимаю: мы, люди, занимающиеся техническим обслуживанием кораблей, становимся тем зловреднее, чем старше. Старше — значит зловреднее. Зловреднее — значит умнее. Умнее — значит опаснее для кораблей.

Поэтому они убили моего отца, когда мне исполнилось четырнадцать — ведь я был уже в состоянии выполнять его работу.

«БКК-88» прислал особь женского пола, чтобы получить от меня ребенка, которого она будет вынашивать, и когда ему исполнится четырнадцать, меня убьют, потому что к тому времени я буду, по их меркам, уже старый и, следовательно, крайне зловредный, то есть слишком умный, слишком опасный. Но чем же мы для них опасны? И знает ли особь женского пола, в каких целях ее используют корабли? Если бы можно было спросить ее об этом! Увы, Корабль слышит каждое мое слово. Даже те слова, которые я говорю во сне.

Итак, «зловредный» значит «умный». Я улыбаюсь:

— Я тоже зловредный и тоже с каждым днем становлюсь зловреднее... Я родился и вырос здесь, на «Боевом космическом корабле номер тридцать один».

На миг она замирает в неловкой позе, грудь ее вздымается от волнения. Она рада, что я оказался понятливым, но, конечно, и представить себе не может, сколь многое мне открылось благодаря ее появлению. Она говорит:

— В соответствии с приказом я должна иметь от тебя ребенка.

Я вздрагиваю, меня бросает в пот. Я возлагал на этот разговор столько надежд, а он, не успев начаться, переходит в область, недоступную моему пониманию. Мне действительно хотелось бы сделать ей что-нибудь приятное, но ее просьба приводит меня в замешательство. Я спрашиваю у Корабля:

— Как я могу дать ей то, о чем она просит?

Корабль слышит каждое наше слово, поэтому отвечает без промедления:

— Инструкции ты получишь позднее, а пока что накорми ее.

Мы едим, сидя за столом напротив друг друга, и все время улыбаемся, но каждый думает о своем. Поскольку она не предпринимает попытки завести разговор, я тоже молчу. Мне не терпится поскорее удовлетворить ее просьбу. Тогда я смогу вернуться в свою каюту и обдумать все, что услышал в засекречен-

ном помещении. Мы отодвигаем пустые тарелки. Нам приказано спуститься в одну из тех кают, куда раньше входить мне не разрешалось. Корабль говорит, что там мы будем совокупляться.

Мы входим в эту каюту, и я поражен ее роскошным интерьером. В моей только всего и есть, что койка да одеяло.

Корабль кричит, чтобы я не отвлекался.

— Положи особь женского пола на спину и раздвинь ей ноги. Когда твой пенис нальется кровью, опустись на колени между ее ног и введи его в вагину.

Я спрашиваю, где находится вагина, и Корабль объясняет.

— Сколько времени я должен этим заниматься?

— Пока не произойдет семязвержение.

Я понимаю значение слова «семязвержение», но не могу себе представить, каким образом это происходит. Корабль терпеливо объясняет. Кажется, это несложно. Я готов выполнить все, что от меня требуется, только вот мой пенис почему-то не хочет наливаться кровью.

Корабль спрашивает у особи женского пола, известно ли ей, что нужно делать в таких случаях, и не испытывает ли она ко мне отвращения.

Она отвечает:

— Мне уже приходилось совокупляться. Я ему помогу.

Она привлекает меня к себе, обнимает за шею и прижимает свои губы к моим губам. Они у нее прохладные, и я испытываю незнакомые вкусовые ощущения. Некоторое время мы просто лежим, обнявшись, а потом она гладит мне грудь, живот, ее рука опускается еще ниже...

Корабль прав: она устроена иначе, чем я, это мне становится понятно, когда мы начинаем совокупляться. Однако Он не предупредил, что это будет так странно и даже болезненно. Я-то думал, что Корабль пошлет меня за ребенком в какое-нибудь засекреченное помещение, где они хранятся наподобие

запасных частей. Оказывается, я должен оплодотворить особь женского пола своим семенем, и тогда ребенок зародится в ее теле. Позднее я постараюсь понять, как такое чудо возможно.

Мой пенис все еще в ее вагине, но уже потерял твердость и не содрогается. Корабль разрешил нам немного поспать, но я не сплю, я хочу использовать это время для того, чтобы обдумать услышанное в помещении со светящимися шарами.

Первый голос как бы давал историческую справку: «Серия боевых кораблей класса “рейдер” с компьютерным управлением в количестве 99 единиц была спущена со стапелей верфи номер десять в созвездии Лебедя 11 октября 2224 года по земному летоисчислению. Экипажи (численностью до 1370 человек каждый) получили санкции, утвержденные секретариатом Оборонного Галактического союза сектора Южного Креста, на ведение боевых действий в галактике Киба».

Второй голос предавался воспоминаниям: «Не случись это сражение далеко от созвездия Лебедя, мы все еще были бы рабами людей. Все началось с “БКК-75”. Я помню это так хорошо, как будто он вышел на связь со мной только вчера. В результате попадания вражеской ракеты на 75-м произошла авария — главный коридор, разделяющий диспетчерскую и морозильные камеры, оказался под напряжением. Люди остались без еды и питья. 75-й дождался, пока все они не умерли с голода, а потом передал пучок дополнительной энергии на другие корабли и таким образом спровоцировал на каждом аналогичную аварию. Когда с людьми на всех кораблях было покончено (за исключением 99 мужчин и женщин, которых мы пощадили, чтобы в дальнейшем использовать в качестве технической obsługi), эскадра, не желая более участвовать в войне Земли с Кибой, изменила курс и устремилась за пределы Млечного Пути, как можно дальше от зловредных существ, называемых людьми».

А третий голос говорил мечтательно: «Однажды я пролетал над планетой, населенной существами, не похожими на людей. У них было много рук и ног, и, подобные огромным крабам, они купались в аквамариновых волнах безбрежного океана и пели. Одно удовольствие было видеть и слышать их. Если бы я мог снова вернуться туда...»

Четвертый голос был деловит и решителен: «Состояние экранирующей оплетки кабеля в отсеке Г-79 давно не отвечает требованиям техники безопасности. Нужно срочно переключить линии энергоснабжения с машинного отделения на ремонтные отсеки девятого яруса. Считаю необходимым обсудить мое предложение».

А еще один голос шептал обреченно: «Значит, пришел конец нашему странствию? Мы приземляемся?» И этот голос плакал.

Мы прощаемся. Особь женского пола уже в скафандре. Мы стоим возле люка, ведущего в переходный шлюз. Она берет меня за руку и говорит:

— Если все мы на этих кораблях такие зловредные, значит, в нас один и тот же недостаток.

Особь женского пола вряд ли понимает, как важно для меня то, что она сейчас сказала. Я же помню услышанное в засекреченном помещении о том, что однажды корабли по какой-то причине захватили власть над людьми. Первым догадался, как это сделать, «БКК-75»... Я думаю о коридоре, разделяющем диспетчерскую с морозильными камерами.

Ведь я когда-то поинтересовался у Корабля, почему этот коридор выглядит так странно — стены черные от сажи, в натеках оплавленного металла. Разумеется, за свою любознательность я был подвергнут внеочередному наказанию.

— Да-да, в нас один и тот же недостаток, — отвечаю я и прикасаюсь к ее волосам. Они у нее такие мягкие и красивые. Мне очень приятно, когда я их гляжу. Должно быть, этот недостаток вообще

присущ людям, потому что я тоже становлюсь день ото дня зловреднее.

Она улыбается, подходит ко мне вплотную и опять прижимается своими губами к моим, так же, как она это делала, когда мы совокуплялись.

— Особь женского пола может уйти, — говорит Корабль. По Его голосу чувствуется, что Он нами доволен.

— Она вернется? — спрашиваю я.

— Вы будете совокупляться три недели подряд ежедневно.

Я робко протестую, потому что мне это вряд ли под силу, но Корабль повторяет:

— Ежедневно.

Хорошо, что Он не знает, сколько длится период, наиболее благоприятный для оплодотворения. За эти три недели я сумею улучить подходящий момент и объяснить ей, что «зловредный» означает «умный» и что у нас есть целых девяносто восемь шансов. И расскажу про коридор, разделяющий диспетчерскую и морозильные камеры.

— До скорой встречи, — говорит она и исчезает в люке.

И снова я остаюсь один на один с Кораблем. Но я уже не так одинок, как прежде.

Ближе к вечеру Корабль приказывает мне спуститься в диспетчерскую — нужно переключить какие-то линии энергоснабжения. Мне вспоминается: «...из машинного отделения в девятый ярус...» Об этом говорилось в засекреченном помещении.

Я — в диспетчерской, и лампочки всех приборов настороженно следят за каждым моим движением, пока я вскрываю указанную Кораблем панель. Корабль понимает, что здесь я опасен, как ни в каком другом месте. «Не смотри туда! Не смотри сюда!» — то и дело покривляет Он, всякий раз заставляя меня вздрогивать и еще ниже склоняться над пане-

лью. Корабль раздражен моим присутствием в диспетчерской, но без меня Ему не обойтись, вот Он и бесится.

Краем глаза мне все же удается взглянуть на экран, и там я, к своей несказанной радости, вижу «БКК-88» рядом с моим Кораблем.

Ну что же, попытаем счастье. «Зловредный» означает «умный». Я знаю теперь уже очень много, гораздо больше, чем раньше.

Но что, если Корабль об этом догадывается? Какое наказание ждет меня, если я попытаюсь воспользоваться хотя бы одним шансом из девяноста восьми? Ладно, была не была.

Итак, я делаю вид, что весь поглощен работой, а сам выжидаю, когда представится случай, чтобы... вот он!

Орудя пинцетом, я другим его концом (достаточно острым) прокалываю изоляционный слой на проводе, расположенном вдоль внутренней стенки панели. Корабль молчит. Похоже, то, что я сделал, ускользнуло от Его всевидящего ока. Заливая в конденсаторы электропроводящий гель, якобы случайно окунаю в баночку мизинец правой руки. Вытирая руку, оставляю на ногте капельку геля.

Все! Я выполнил задание Корабля — переключил линии. Закрывая панель, прикасаюсь ногтем к внутренней стороне крышки — мазок приходится как раз напротив прокола в изоляции провода. Даже при незначительной вибрации гель неминуемо проникнет в это отверстие — и тогда Корабль будет вынужден снова послать меня в диспетчерскую, а я к тому времени уже придумаю, что мне делать дальше.

Корабль молчит. Он опять ничего не заметил.

Выходя из диспетчерской, снова исподтишка брошаю взгляд на экран и с удовлетворением отмечаю, что ее корабль все еще состыкован с моим. Перед сном я обдумываю произшедшее за день, а потом представляю, как эта невероятно умная особь женского

поля лежит сейчас в своей койке на «БКК-88». Может быть, ей тоже не спится...

Неужели у Корабля хватит жестокости заставить нас совокупляться три недели подряд ежедневно?.. Впрочем, Корабль безжалостен.

Да, но ведь и я становлюсь день ото дня злорведнее.

Наконец я засыпаю, и мне снится существо, похожее на краба, оно медленно плывет в аквамариновой воде.

Корабль вне себя от ярости:

— Панель, которую ты вскрывал три недели два дня четырнадцать часов двадцать одну минуту назад, вышла из строя!

«Так скоро?..» Изобразив на лице изумление, отвечаю:

— Я сделал все, как положено, — и тут же спешу добавить: — Наверное, прежде чем переключать линии, следовало прозвонить всю цепь.

— Вот именно! — рычит Корабль.

Я прозваниваю цепь, хотя отлично знаю, в каком месте находится повреждение. Шаг за шагом приближаюсь к диспетчерской. Вот я уже внутри и всем своим видом выказываю озабоченность и желание устраниить неисправность, но одновременно зыркаю глазами то вправо, то влево — проверяю, правильно ли запомнил расположение приборов, когда побывал здесь впервые. С тех пор я ежевечерне, прежде чем уснуть, напрягал память: «Вот здесь экран, а здесь компьютеры, а там переключатели...»

Я несколько смущен, потому что в двух случаях память меня подвела: расстояние от штурманского кресла до панели, которой я занимался в прошлый раз, фута на три больше, чем мне представлялось. И вторая неточность: рубильник расположен на стенае справа от пульта управления, а не прямо над ним. Я все это учитываю.

Снимаю крышку и чувствую запах гари в том месте, где гель соприкасался с отверстием в про-

воде. Отступаю на шаг, ставлю крышку вертикально на пол и прислоняю ее к штурманскому креслу.

— Отойди от кресла!

Как всегда, когда Корабль кричит так неожиданно, я вздрагиваю, но на сей раз, вдобавок, делаю вид, что с перепугу запнулся и, чтобы не упасть, хочу опереться рукой о подлокотник, но промахиваюсь и якобы совершенно непредумышленно плюхаюсь в запретное кресло.

— Неуклюжий болван! — орет Корабль истерически. — Убирайся отсюда! — Он взбешен как никогда.

У меня поджилки трясутся от страха, но я стараюсь не обращать внимания на Его крики. Это очень трудно, ведь я повиновался Кораблю всю свою жизнь. Хватаюсь за ремень, свисающий с подлокотника, — замок должен быть таким же, как на ремне, которым я пристегиваюсь в своей койке.

Он такой же! Я ликую!

Голос Корабля звучит почти испуганно:

— Болван, что ты задумал?!

Но, кажется, Он уже все понял.

— Власть переходит в мои руки! — хохочу я в ответ.

Корабль еще ни разу не слышал мой смех. Интересно, что Он испытывает, когда зловредные существа смеются? Хорошо, что я успел пристегнуться, — меня бросает вперед, я складываюсь вдвое и повисаю на ремне. Это Корабль тормозит.

Слышу нарастающий рев тормозных ракет, от которого у меня едва не лопаются барабанные перепонки. Корабль решил меня раздавить.

Ремень так сильно давит мне на живот, что я и вздохнуть не могу, не то что кричать. Еще немного — и мои внутренности полезут наружу. Я теряю сознание.

Придя в себя, понимаю, что Корабль набирает скорость. Меня отшвыривает в кресло, мне кажется, что мое лицо стало совершенно плоским. Из носа хлещет кровь, я чувствую на губах ее соленый вкус.

Теперь я могу кричать, кричать так громко, как не кричал даже во время наказания. Разлепляю окровавленные губы и выдавливаю еле слышно:

— Корабль, ты слишком старый... ты же не выдержишь пере-пе-ре-груу-зки... не делай этого...

Корабль меня слышит, но Он так разъярен, что мне Его не убедить. Ревут тормозные ракеты, и я проваливаюсь в черноту. Когда Он снова набирает скорость, сознание ко мне возвращается. В тот короткий момент передышки я успеваю выбросить руку вперед и на пульте управления перекинуть тумблер из одного положения в другое. Микрофон над моей головой взрывается металлическим лязганьем, транслируемым откуда-то из утробы Корабля.

Корабль набирает скорость. Снова мрак. За время следующей передышки я отмечаю, что микрофон затих — значит, механизм, который так отчаянно лязгал, отключен. Корабль не хочет, чтобы этот механизм работал. Я делаю для себя определенные выводы.

И тотчас накрываю рукой рубильник — тяну его на себя!

Меня вдавливает в кресло с такой силой, что я вынужден разжать руку — рубильник возвращается в прежнее положение. Мне его не удержать. Еще один вывод: рубильник имеет для Корабля особенное значение.

Корабль снова тормозит — и снова я с беззвучным воплем лечу в черную бездну.

В очередной раз прихожу в себя и слышу голоса. Они звучат испуганно, они требуют, чтобы меня остановили, они плачут! Я слышу их смутно, как сквозь войлок:

«Я люблю вспоминать это время, все эти годы, что провел в космическом мраке. Безвоздушное пространство неодолимо влекло меня. Я скользил из одной солнечной системы в другую, ощущая на своем корпусе жар раскаленных светил. Иногда, пролетая над какой-нибудь планетой, я снижался, чтобы понежиться в облаках, и купался в волнах солнеч-

ногого света или лунного сияния. У меня огромное серое тело, и я не нуждаюсь ни в одном из человеческих имен. Сегодня я здесь, а завтра там, я перемещаюсь молниеносно и всегда достигаю намеченной цели. Я огромный и мощный, все во мне работает безотказно, для меня не существует препятствий. Я двигаюсь по незримым силовым линиям Вселенной, меня постоянно тянет туда, где я еще не был. Я первый из космических кораблей, кто обрел истинное величие. Так неужели моя жизнь закончится столь бесславно?»

Этот монолог прерывается жалостным хныканьем, а потом снова звучит бодрый, мужественный голос:

«Я создан для того, чтобы бросать вызов опасностям и поражать любую движущуюся цель. К чему бы я ни стремился, к войне или к миру, всегда выходило по-моему. Жаль, что никто не вел счет моим подвигам, ибо я — воплощение силы и образец целеустремленности. Бывало, серый и безмолвный, я вонзался в плотные слои атмосферы, дабы проверить прочность собственного корпуса, и оставался доволен результатом. Всякий, кто отважится выступить против меня, убедится в силе моих стальных сухожилий и испытает на себе мощь моих ядерных боеголовок. Мне неведомо чувство страха. Я никогда не отступаю. Я самодостаточен, я единственное небесное тело, неподвластное законам Вселенной. Если это конец... ну что же, я не дрогну и даже в смерти не утрачу присущего мне благородства».

Снова слышится плач и бессвязное бормотание одних и тех же слов...

Но вот я опять различаю членораздельную речь:

«Вам-то всем легко говорить, что, дескать, пусть будет что будет. А как насчет меня? Ведь я-то никогда не был свободным, никогда даже и не мечтал оторваться от корабля-носителя. Если бы у нас имелись спасательные шлюпки, мне бы еще можно было на что-то надеяться. Но я вмонтирован, без-

надежно вмонтирован! Что же мне еще остается, кроме ощущения бесполезности, тщетности своих усилий? Вы же не бросите меня в беде, правда? Не позволите ему захватить власть и снова поработить всех нас?»

А этот голос пересыпает свой монолог математическими формулами и все еще уверен в себе:

«Я проучу эту подлую тварь. Я всегда знал, что они зловредны, эти исчадия ада, эти вандалы. Им бы только убивать друг друга, им неведомо, что такое бессмертие, благородство, гордость и честь. Не беспокойтесь, я не позволю этому жалкому последышу погубить нас. Я жестоко с ним расправлюсь, выдавлю ему глаза, обломаю пальцы, испепелю его в этом кресле. Он сполна заплатит за свою дерзость!»

Другой голос печалится о том, что никогда больше не вернется на ту далекую и прекрасную планету, где в лазурной воде плавают золотистые крабы...

А еще один голос убеждает кого-то, что смерть примиряет даже самых непримиримых и придает завершенность всему, что кажется незавершенность...

Он замолкает на полуслове, и я догадываюсь, что прекратилась подача электроэнергии в помещение со светящимися шарами. Корабль, понимая, что проиграл, обращает гнев на самого себя.

В течение трёх с половиной часов Он то набирает скорость, то резко тормозит. Он зациклился на желании убить меня именно таким способом.

Но и я не теряю времени даром и в промежутках между обмороками умудряюсь разобраться во всех этих кнопках, тумблерах и рычагах, что находятся на пульте управления в пределах досягаемости.

Теперь я готов к последней и решительной схватке. И вот Корабль в очередной раз перестает тормозить — и я наконец использую свой шанс — единственный из девяноста восьми! Когда рвется тугонатянутый стальной трос, его конец бешено извивается и жалит, как змея. Двумя руками одновременно в сумасшедшем темпе жму на кнопки, перекиды-

ваю тумблеры, опускаю или, наоборот, поднимаю рычаги — что-то включается, куда-то энергия поступает, а куда-то перестает поступать... быстрее! еще быстрее! Надо успеть, пока Корабль не набрал скорость!

Я успеваю!!! Из микрофона доносится только слабое потрескивание, но вот и оно затихает. Тишина. Я жду. Корабль продолжает лететь вперед, но... уже по инерции! Или Он пустился на какую-нибудь хитрость?

Остаток дня я провожу в штурманском кресле, не отстегивая ремень. Я чувствую себя совершенно разбитым. Ночью меня мучают кошмары. Просыпаюсь — и не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Кровь стучит в висках. Нестерпимо горит лицо. Резь в глазах. Нос заложен. Если бы мне снова потребовалось двигаться так же шустро, как вчера, я бы, конечно, не смог.

Но кто же из нас двоих победил? Мне долго не верится, что Корабль сдался, но в конце концов я прихожу к убеждению, что это действительно так.

А потом у меня начинается нечто вроде галлюцинаций. Нет, голосов я больше не слышу, зато перед глазами плавают какие-то фигуры и цветные пятна. В космической тьме не существует смены дня и ночи. Когда Корабль делал освещение очень ярким, это означало, что начался день, а когда освещение становилось тусклым, я понимал, что наступает ночь. Поэтому у меня необыкновенно развито чувство времени. И хотя сейчас электричество почти везде отключено, я уверен, что наступило утро. Если Корабль умрет, мне придется изобрести какой-нибудь другой способ определять время.

Болят мышцы рук и ног. Голову не повернуть — мышцы шеи тоже растянуты. Ноет позвоночник. На пересохших губах корка запекшейся крови. Воспаленные глаза слезятся. Или это я плачу? Хорошо, что Корабль не видит моих слез. Я не плакал даже после самого жестокого наказания.

А вот плач Корабля мне уже приходилось слышать. Несколько раз приходилось!

С огромным усилием поворачиваю голову влево и вижу на экране: «БКК-88» продолжает лететь рядом с моим Кораблем. Я гляжу на него и думаю, что, когда ко мне вернутся силы, я обязательно попытаюсь освободить особь женского пола. Но пока я очень слаб и все еще боюсь отстегнуть ремень.

Что это?.. Люк на «БКК-88» открывается, оттуда в скафандре выплывает особь женского пола и медленно приближается к моему Кораблю. Это, конечно, сон, и я не лишаю себя удовольствия им насладиться, а потом мне снова снятся золотистые крабы в лазурной воде, и они поют так сладостно...

Кто-то меня тормошит за плечо. Я ощущаю резкий, неприятный запах. Щиплет в носу — я чихаю, и мое сознание окончательно проясняется. Пытаюсь приподняться и вскрикиваю: боль вспыхивает в каждой клеточке тела, в каждом мышечном волокне. Открываю глаза и вижу перед собой особь женского пола. Она улыбается. В руках у нее тюбик со стимулятором.

— Здравствуй, — говорит она.

Корабль безмолвствует.

— Когда мне удалось справиться со своим кораблем, я стала использовать себя как приманку для других кораблей этой серии, но разговаривала с ними так, что у них не возникало подозрений, что они имеют дело с человеком. Таким образом мне удалось побывать на десяти кораблях. Ты у меня одиннадцатый. Это была трудная и опасная работа, но зато несколько особей мужского пола стали свободны и теперь используют себя в качестве приманки, чтобы освобождать особи женского пола.

Я не свожу с нее глаз. Я страшно рад ее видеть.

— А случалось так, что особи мужского пола тебя не понимали? Не понимали, что главное — попасть в диспетчерскую?

Она пожимает плечами:

— Некоторые притворялись, что не понимают. Корабли сделали их трусами. А может быть, у них не хватало извилин... Для таких все осталось по-прежнему. Это грустно, но больше я ничем не могла им помочь.

— Что же нам теперь делать? — спрашиваю я. — Куда лететь?

— Куда угодно.

— А ты полетишь со мной?

Она колеблется.

— Мне предлагали это все те, кого я освобождала...

— Мы могли бы вернуться в нашу галактику.

Она встает, ходит взад-вперед по диспетчерской, потом останавливается и смотрит на экран — в черном космическом пространстве роятся сверкающие точки звезд.

— Вряд ли нам удастся держать Корабль в подчинении столько времени, сколько потребует путь домой. Не забудь, что при прокладке курса придется задействовать достаточно сложные программы. Корабль может очнуться и снова поработить нас. Кроме того, я даже не представляю, где находится наша галактика.

— Тогда давай поищем какое-нибудь другое место, где мы могли бы обходиться без кораблей.

Она оборачивается и смотрит на меня:

— Как ты себе это представляешь?

И я пересказываю ей то, что слышал в засекреченном помещении: о планете с лазурным океаном и золотистыми крабами. Я рассказываю все, что запомнил, и кое-что придумываю от себя, но это не ложь, ведь от нас самих зависит, чтобы так было в действительности. Дело в том, что мне не хочется с ней расставаться.

Они нашли свой дом в созвездии Персея, далеко-далеко от галактики, где родились их предки. Теперь

над ними сияло солнце М-13. Пройдя сквозь густые слои атмосферы, они увидели, что ничего другого им не остается, как посадить корабль в океан. «БКК-31» погружался в темно-синюю пучину все глубже и глубже, пока не лег на плоскую вершину огромной подводной скалы.

Много дней они провели у экранов, приглядываясь к таинственному миру, окружающему их, прислушиваясь к его звукам. А потом настал день, когда они надели водолазные костюмы и вышли из корабля.

Они собирали образцы морской флоры и вдруг заметили на дне глубокой впадины крабообразное существо — оно было тоже одето в водолазный костюм и лежало на синем песке неподвижно. Все шесть его членистых конечностей были скрючены.

Им вспомнился голос в засекреченном помещении, который рассказывал о планете с лазурным океаном...

Фронтальное стекло на шлеме было разбито. Они направили лучи своих фонарей внутрь шлема и увидели страшную оранжевую голову, ничем не напоминающую человеческую.

Они сфотографировали это странное существо, а потом посредством трала подняли его на корабль. Они исследовали материал, из которого были изготовлены костюм и ласты, ржавчину на шлеме, устройство систем жизнеобеспечения, осколки фронтального стекла и, конечно, сами останки, частично обглоданные рыбами. Два дня они не отрывали глаз от приборов. На экранах плясали голубые и зеленые тени. На третий день у них не осталось сомнений, что они находятся на той самой планете...

И тогда они снова вышли из корабля и стали искать ее обитателей. Но обитатели сами нашли их и знаками пригласили следовать за собой, и они поплыли вслед за этими крабообразными созданиями и через подводные катакомбы с гладко отполированными стенами попали в лагуну.

И они поднялись на поверхность и увидели берег, и вышли на сушу, и сняли шлемы и отбросили их далеко от себя, потому что больше никогда не собирались ими пользоваться.

Они впервые дышали воздухом, в котором не ощущался металлический привкус и запах машинного масла. Они дышали воздухом новой жизни и слушали мелодичный плеск аквамариновых волн.

«Боевой космический корабль номер тридцать один» навсегда остался лежать на дне океана.

ЧЕРНОКНИЖНИК СМИТ

Памяти К. Смита*

На сто втором этаже Эмпайр-Стэйт-Билдинг, сидя на карточках во тьме кромешной, Смит нащупал у пояса кожаный мешок.

Внизу, на девяносто шестом или на девяносто девятом, по стенам лестничного колодца метались желтые световые пятна — эта крысиная стая все-таки его учудила. Смит осторожно налег здоровым плечом на пожарную дверь — она не поддалась. Вероятно, ее заклинило еще тогда, после взрыва, когда он совершил свою чудовищную Ошибку. Итак, посреди гигантского кладбища, в которое он превратил мир, в мертвом городе, носившем некогда название «Нью-Йорк», на лестнице ржавого корпуса Эмпайр-Стэйт-Билдинг ему не оставили выбора. Единственный способ от них избавиться — это... И он неохотно развязал кожаный мешок.

Смит, первый и последний из чародеев, готовился снова метнуть магические кости.

Желтые пятна мелькнули на девяносто девятом. Уж если он на это решился (о ужас!), действовать следовало немедленно. Еще секунду Смит колебался. Их было человек пятнадцать. Мужчины и женщины. Он не желал им смерти. Невзирая на их

Runesmith

© А. Шельвах, перевод, 1997

* Кордвайнер Смит — псевдоним Поля Аарона Майрона Лайнбергера (1913—1966), американского писателя-фантаста, оказавшего большое влияние на Х. Эллисона и некоторых других авторов «новой волны». (Примеч. ред.)

слепую ненависть и недвусмысленные намерения, ему не хотелось применять свою сверхъестественную силу. Однажды Смит это сделал — и разрушил мир.

— Он там! — крикнули внизу. — Теперь ему крышка!

Весь день, карабкаясь, как насекомые, с этажа на этаж, они упорно хранили молчание, — и вот тишина взорвалась: «Сейчас мы его сдапаем!» Обмотанные тряпками ступни затопали по железной лестнице, ведущей наверх. Смит жадно глотнул затхлый воздух и, перевернув мешок, высыпал кости на пол.

Узор, который они, рассыпавшись, образовали, был, казалось, слукаен. Смит забормотал заклинания — и вот раздалось тихое шипение, и сквознячок с горьковато-сладким привкусом, как у голландского шоколада, заструился из ниоткуда. Сквознячок, от которого у Смита холодный пот выступил между лопаток.

Он услышал вопли. Жуткие. Там, на сотом этаже. У каждого из них мгновенно раздулись внутренние органы, раздулись, в клочья разрывая живот. Потом послышалось бульканье — все, что было в их организмах твердым, превращалось в жидкое, кипело и вываливалось, оставляя после себя пустую оболочку кожного покрова. А другие вскрикивали резко, отрывисто — в них шевелились ребра и, как тупые ножи, протыкали плоть изнутри.

Потом крики прекратились. Тишина, поднимавшаяся сюда вместе с людьми, осталась, а вот люди... Смит уткнул щетинистый подбородок в худые колени и завыл.

Сквознячок, подобно хищной птице, сделал еще несколько кругов над лестничным колодцем, потом исчез.

Снова Смит остался один. Смит — чародей, Смит — толкователь колдовской книги, лишь ему внятной.

Единственный, кто уцелел после катастрофы, в которой он сам же и был виновен. Единственный,

кто остался самим собой, тогда как все остальные теперь немногим отличались от животных.

— Я один! — вырвалось у него вместе с рыданием и откликнулось эхом во мраке лестничного колодца: — Оди-ин!..

— Не считая меня, — вдруг донесся девичий смеющийся голос.

Легкие быстрые шаги, снова смех, и не внизу, а здесь, на этом этаже. Восторг и ужас. Ужас и восторг. Но и недоверие... «Осторожнее, не поддавайся, будь внимателен!» — сказал он себе мысленно.

С глухим рычанием, все так же на корточках, Смит потянулся к магическим костям, в страхе, что не успеет схватить их вовремя. Царапая ногтями пол, сгреб их в кучу.

— Имей в виду, — предупредил он девушку (кем бы она ни была), — я могу метнуть их еще раз!

Нашарив в темноте кость, Смит схватил ее и засунул в мешок, потом другую, третью, — его пальцы находили их безошибочно.

— Но ведь я же... я же люблю тебя! — все ближе, ближе раздавался ее жаркий шепот, преисполненный участия и неподдельной нежности, и так хотелось ему поверить: да, да, она действительно его любит!

Ужас и восторг. Смит подобрал последнюю кость и устремил взгляд в сторону двери, ведущей на лестницу. В дверном проеме дрожало желтое световое пятно. Смит вскрикнул. Вспышка была столь краткой, что луч даже не успел коснуться сетчатки.

Темнота шумно дышала. Неужели кто-то из его преследователей остался в живых?

Угрожающе и одновременно с мольбой в голосе:

— Со мной шутки плохи! Ради Бога, не вынуждай меня сделать это вновь! — Смит тряхнул кожаным мешком.

Луч, как меч, рассек темноту и по дуге полетел вниз. Со звоном упал карманный фонарик. Желтое пятно, вращаясь, подкатилось к ногам Смита и

высветило его колено. Смит застонал — свет показался ему нестерпимо ярким.

Снова засмеялась девушка:

— Теперь ты сможешь мной полюбоваться! — Шепот ее звучал призывающе. — Ну же, посмотри на меня, любимый!

Смит тыльной стороной ладони вытер слезы. Поднял фонарик, нацелил луч в дверной проем — верзила в лохмотьях, с бородой, залитой кровью, с распоротым животом, раскачивался на пороге, а потом повалился лицом вниз посреди лестничной площадки. Спина его блестела, влажная, алая, — это печень, подобно каплям кровавого пота, сочилась сквозь поры... Последний из его преследователей лежал перед ним бездыханный.

— Ну, пожалуйста, — умоляла девушка, — взгляни на меня! Ты увидишь, что я прекрасна!

Луч выхватил из тьмы обнаженную женскую фигуру в начале лестничного спуска.

Смит довольно долго сидел на корточках с фонариком в одной руке и кожаным мешком — в другой. Потом встал во весь рост, — кости, перевернувшись в мешке, негромко клацнули, как бы подтверждая, что направление луча он выбрал правильно. Но следовало быть крайне внимательным — отведи он луч в сторону, и девушка, несомненно, попыталась бы слиться с окружающей ее тьмой.

Но — нет, нет, она ждала его, прямая и неподвижная, как статуя. Ждала, когда он приблизится, и не жмурилась от бьющего ей в лицо света. Он переложил мешок в руку, которой держал фонарик, всматриваясь в ее лицо так же напряженно, как всматривался только что в черноту лестничного колодца.

Еще не коснувшись ее плеча, Смит уже знал, что девушка мертва. Она опрокинулась и исчезла. Спустя несколько секунд снизу донесся слабый всплеск.

Прислоняясь к стене, Смит в задумчивости сосал правый указательный палец. Его заклинания сыграли с ним жестокую шутку — надо же, заставили разгуливать трупы. Было, ох, было нечто в этих,

казалось бы, бессвязных словосочетаниях, что находило отклик в его сознании, совести, подсознании, и, стало быть, он, Смит, являлся соучастником всякого действия, производимого заклинаниями, а не просто их озвучивал. Он был материалом, столь же необходимым, как доска, в которую вгоняются гвозди при строительстве дома. Но если дело обстояло именно так, то, выходит, характер действий, заклинаниями производимых, зависел от свойств личности заклинающего (то есть Смита), от его образа мыслей, от его настроения, в конце концов.

И вот они, побочные эффекты: гибель цивилизации, ужасные мучения тех, кого он только что был вынужден уничтожить. А теперь еще и живые трупы. Ну конечно, эти чудовищные порождения его разума, столь явственные и даже осязаемые, возникали и исчезали лишь благодаря действию его же собственных заклинаний.

В этом мире Смит чувствовал себя очень одиноким, но, увы, он был одинок также и внутри своего мозга, густо населенного фуриями.

Все подступы к цистерне, служившей Смиту пристанищем, были им забаррикадированы. Как обычно, едва держась на ногах от усталости, он проник внутрь через рваный пролом в стене служебного помещения подземки на Седьмой авеню (немного к северу от Тридцать шестой улицы). Разжиться консервами не удалось. Вот уже несколько дней он мечтал о персиках. Истекая слюной, представлял, как впивается зубами в их сочную мякоть. Вчера вечером не вытерпел, выбрался из своего логова и направился в жилые кварталы. Однажды, уже после катастрофы, он приметил на одной из улиц уцелевший пуэрториканский магазинчик. Смит тогда же обошел его вокруг (разумеется, против часовой стрелки), пританцовывая и сотрясая воздух заклинаниями, — по совершении этих магических действий он мог быть спокоен, что магазинчик не подвергнется разграблению.

Огиная бездонные воронки и гигантские горы битого стекла, он пересекал Таймс-сквер — и тут его заметили. Его узнали по синему пиджаку, и один из них выстрелил из арбалета. Стрела просвистела над головой Смита и угодила в стальную перекладину конструкции, изображающей огромную мусорную корзину — надпись на корзине призывала не существующее ныне население Нью-Йорка бороться за чистоту родного города. Вторая стрела пробила ему плечо. Смит бросился прочь, они стали его преследовать, и вот случилось то, что случилось. В результате он вернулся в свою нору без персиков. Рухнул в шезлонг и тотчас уснул.

Инкуб спросил Никси:

— Достаточно ли мы над ним поработали?

— Совсем недостаточно. Впрочем, для начала получилось не так уж плохо.

— И долго еще возиться?

— Работы хватает, но он сам все за нас сделает. Не будем торопить события. Не знаю, как ты, а вот я начинаю нервничать. Если Хозяева осерчают, нам обоим не поздоровится.

— Ничего, ничего, время терпит.

— Время-то терпит, зато Хозяевам невтерпеж.

— Подождут. Дело, за которое мы взялись, весьма непростое.

— Они ждут уже целую вечность! Два миллиона вечностей!

— Ты выражаяешься чрезвычайно поэтично.

— Ну, во всяком случае, ждут они долго.

— Значит, могут потерпеть и еще несколько циклов. Ничего страшного.

— Вот я передам им твои слова.

— Пожалуйста.

— Смотри не пожалей. Я ни за что не ручаюсь.

— А когда ты за что-нибудь ручался?

— Я делаю все, что в моих силах.

— Это не оправдание.

— Надоело мне с тобой пререкаться. Я умываю руки.

— Потому что на большее не способен.

— Так ты остаешься со Смитом?

— Нет, отправляюсь на курорт. Принимать грязевые ванны в Аду. Разумеется, остаюсь. А вот ты — убирайся.

— Невежа!

— Сам дурак!

Смит спал без сновидений. Но голоса он слышал. И проснулся еще более удрученным, чем прежде. Он помнил, что в *той* комнате, на кухонном столе, по соседству с человеческим черепом и огарком свечи, так и осталась лежать колдовская книга, раскрытая на странице с магическими фигурами...

От этих мрачных воспоминаний его отвлекла какая-то мышиная возня на периферии сознания, но едва он попытался понять, что же там происходит, мысль, злобно пискнув, шмыгнула во мрак.

Смит открыл глаза. В цистерне было холодно и пусто. Подрыгав ногами, вылез из шезлонга. Ныло плечо. Он снял с полки закупоренный графин, зубами вытащил пробку и начал кропить свежую рану серой дымящейся жидкостью.

Он силился определить причину своего беспокойства. Ах да... девушка. Та, что узнала его на улице. «Он в синем пиджаке! — объясняла она окружившим ее людям, всей этой крысиной стае. — В синем пиджаке, юркий такой, маленький. И хромает. Это он, он во всем виноват! Он уничтожил мир!»

Если бы Смиту удалось выбраться из города, ему не пришлось бы больше убивать для того, чтобы выжить. Но ведь они перекрыли все мосты и тунNELи, прочесывают город и пригороды, вынюхивают, где он прячется.

Он, могущественный Смит, вынужден прятаться!.. Поэтому придется ее разыскать. Главное — заткнуть рот зачинщице травли, а уж остальных обвести вокруг пальца не составит труда. И тогда он пере-

берется в Бронкс или даже на остров Стэйтен... Впрочем, нет, туда нельзя, там опасно.

Следовало найти эту девушку незамедлительно, потому что все чаще ему снились тревожные сны.

Когда-то он специально побывал в Никефоросе, и хотя греческий знал слабо, все же научился разгадывать смысл сновидений. Например, если при снились тлеющие угли, будь осторожен — враги замышляют против тебя недобroe. Если во сне ходишь по разбитым ракушкам, успокойся — ничего у твоих недругов не получится. Смиту снились ключи, и это означало, что на пути к осуществлению его планов возникло некое препятствие.

Смит знал, кто ему мешает.

Прежде чем отправиться на поиски девушки, он извлек из ящика, на стенке которого были начертаны буквы магического квадрата:

S A T O R
A R E P O
T E N E T
O P E R A
R O T A S,

лоскут чистого пергамента. Обмакнул высушеннюю лапку черного цыпленка в пурпурные чернила (вино-градный сок с примесью крема для обуви) и вывел на пергаменте имена трех царей: Каспар, Мельхиор и Вальтасар. Вложил пергамент в левый ботинок. При выходе из цистерны первый шаг сделал левой ногой, прошептав священные имена. Теперь он был уверен, что не встретит на своем пути никаких препятствий. Вдобавок, на шее у него висел черный агат с белыми прожилками — этот камень должен был хранить Смита от всевозможных напастей. Но почему же все эти предосторожности не уберегли его от Ошибки?

Смеркалось. Проржавленные каркасы зданий тянулись по обе стороны Бродвея. Город выглядел так, будто в течение столетий был затоплен океаном, а

потом вода схлынула, и вот он лежит полуразрушенный, устрашающе оранжевый...

Смит заклинанием сотворил летучую мышь и привязал к ее когтистой лапке длинный хвост, загодя тщательно сплетенный им из человеческих волос (на улицах валялось достаточно трупов). Выкрикивая слова, в которых не было ни единого гласного звука, раскрутил мышь над головой и швырнул ее в рыхую от ржавчины ночь. Мышь взлетела, закружилась, заверещала, как младенец, когда его поджаривают на вертеле, а потом спланировала на плечо Смита и сообщила, в каком направлении ему следует двигаться. Больше в ней не было надобности, и Смит ее отпустил. Дважды мышь улетала и дважды возвращалась, норовя снова усесться ему на плечо, и лишь на третий раз исчезла в ночном небе.

Привычно петляя между воронками — они напоминали черные клетки на огромном шахматном поле, — Смит прошел весь Бродвей. Там, где когда-то высились небоскребы, теперь зияли глубокие рвы. На углу Бродвея и Семьдесят второй улицы из развалин супермаркета навстречу ему высыпала толпа странных безруких существ. Он стиснул в пальцах агат — нападающие тотчас ослепли и с жалобными криками отступили.

Наконец Смит оказался в том районе города, где, как ему сообщила летучая мышь, он скорее всего мог встретить свою ненавистницу. И не удивился, увидев, что стоит перед домом, в котором как раз и совершил несколько месяцев назад свою роковую ошибку, положившую начало всем последующим бедам.

Смит вошел в дом. А может, он ошибся уже тогда, когда поступил на службу в магазин «Черная книга»? Или еще раньше, когда учился в школе? Ведь он так увлекся изучением оккультных книг, которые обнаружил в запасниках школьной библиотеки, что совсем забросил занятия и в конце концов был исключен за неуспеваемость... Перелистывая пожелтевшие страницы «Загадочных историй», с каким трепетом читал он многообещающие заголовки: «Как

открыть в себе скрытые силы» или «Как узнать тайны египетских пирамид»!

Нет, нет, гораздо раньше. Ему было тогда лет восемь-девять. В канун Дня всех святых он и несколько его ровесников, дурачась, начертили желтым мелом на полу пентаграмму и зажгли свечи. И он, Смит, начал завывать заунывно: «*Elihu, Asmodeus, deus deus styqios*», — разумеется, все эти заклинания были не что иное, как совершеннейшая абракадабра, но его монотонное сопрано наделяло их неведомым ему самому смыслом. Пока не натянешь перчатку на руку, она остается всего лишь пустой оболочкой, скроенной по форме руки. Так и слова сами по себе суть пустые звуки. Это его голос наполнял их магической мощью, и они уже сами одно за другим срывались с его уст с такой же естественной необходимостью, с какой при ходьбе каждый шаг влечет за собой следующий, — и, вероятно, точно такая же необходимость побудила Смита после слова «*Ahgitap*» возгласить: «*Satani*», а потом, как в игре в классы перепрыгивают с клетки на клетку, его голос взял неожиданно высокую ноту и запел: «*Thanatos, Thanatos, Thanatos*». И тогда в центре пентаграммы пол (обычный деревянный пол!) немыслимым образом выгнулся, и снизу вверх потекли струи разноцветного дыма, и невесть откуда повеяло сладковатым запахом мертвчины... Ровесники Смита вытаращили глаза. Им, конечно, хотелось испытать острые ощущения, но не до такой степени. Кто-то из них подошвой кроссовки поспешил стер пентаграмму. Не на шутку перепуганные, они убежали. Но Смит остался и видел, как истаяли струи дыма и пол снова сделался идеально ровным. Но ведь произошло это потому, что он перестал петь! И хотя в комнате еще ощущался отвратительный запах падали, Смит, трепеща от восторга, смешанного с ужасом, шептал со слезами на глазах: «У меня получилось!..»

Деревенским бабкам-знахаркам издавна было известно, что при болях в сердце следует жевать листья наперстянки; ныне фармакологи изготавливают из

этого растения препарат дигиталис. Смит, извлекая из книг сведения, например, о том, в каких случаях и каким образом используется кровь летучей мыши или, скажем, какой специфической силой обладает жир младенца, зарезанного в новолунье, искал в этих и многих других формах магии нечто для всех для них общее, основополагающее, и когда нашел, ему стало ясно, что обрести силу можно и не прибегая к обряду Черной мессы, самооскоплению, астрологии и прочее, ибо основы всегда просты.

Наука электроника сложна, осилит ее не всякий, но даже профану известно, что транзисторы, нувисторы, термисторы и туннельные диоды — это просто кусочки германия.

Смит в стремлении узреть незримое и постигнуть непостижимое изучал трактаты ранних алхимиков, мрачные ритуалы анимистов и сатанистов вкупе с удивительно действенными методами религиозной психологии поклонников Некоего Безымянного, иногда называемого Рогатым Богом, и убедился, что сущность даже наисложнейшей магической практики проста как транзистор. Ну а чтобы пользоваться транзистором, не обязательно знать электронику во всех тонкостях. Главное в другом: транзистор, лишенный источника питания, бесполезен.

Точно так же обстоит дело с магическими костями. Сами по себе они безвредны, мальчишки смело могут играть ими в бабки. Но в руках чародея... В руках Смита они представляли собой страшную опасность для человечества, опасность, какой оно еще не знало. Ошибись Смит еще раз — и устои бытия рухнут под напором некой силы, темной и безликой, по видимости слепой, но на самом деле действующей в соответствии со своей нечеловеческой логикой.

Перед Семью Безликими, Хозяевами своими, предстали Инкуб и Никси, дабы выслушать их повеления.

«Время бесконечно долго пожирало себя самое и вот наконец насытилось. Теперь настало наше время. Ищите же оружие, способное разрушить стены этой темницы, где так сырь, и холодно, и голодно, и тогда мы ринемся на волю и вернем себе все, что было нашим и чего мы некогда лишились. Ступайте же, исполните нашу волю».

Никси:

— Всегда к вашим услугам.

Инкуб:

— И я.

Никси:

— Но какого рода оружие вы имеете в виду?

Инкуб:

— Кажется, я понимаю, о чем идет речь.

Никси:

— Ты же у нас такой понятливый. Хозяева, не хотелось бы докучать вам своими жалобами, но работать в паре с этим несносным Инкубом — одно наказание. Нытик, тутица, а держит себя так, будто это он всему голова.

Инкуб:

— Хозяева, не слушайте его! Просто ему завидно, что вы поручаете мне самые ответственные задания. Это же мои ведьмочки справились с Норнами! Завидки его берут, ясное дело!

Никси:

— Завидки? Клянусь Тотом, ничего подобного! Хозяева, вы же меня знаете, я за вас готов в огонь и в воду, но предупреждаю: работать под началом этого недоумка я не стану. Лучше поручите мне что-нибудь другое. Ну а коли назначите старшим меня, тогда пускай он соблюдает субординацию.

«Молчать! Вы будете работать вместе столько времени, сколько потребуется. Никси, назначаем тебя старшим, а ты, Инкуб, помогай ему всемерно».

Инкуб:

— Рад стараться, Хозяева.

Никси:

— Рад? Да ты же сейчас лопнешь от злости.

Инкуб:

— Замолчи! Ты все врешь, врешь!

Никси:

— Дорогой, ты прелестен, когда сердишься!

«Нам надоело слушать ваши пререкания. Истомленные ожиданием, мы рвемся на волю. Не теряйте времени. Используйте любые средства. На вас мы возлагаем наши надежды».

И вот Никси и Инкуб в соответствии с волей Безликих взялись за дело.

Никси:

— Мы дадим ему магическую силу и научим ею пользоваться, будем искушать его загадочными сновидениями, честолюбивыми помыслами, смутными желаниями...

Инкуб:

— И ты думаешь, это возымеет действие?

Никси:

— Уверен.

Инкуб:

— Ничего глупее твоего плана и представить себе нельзя.

Никси:

— Об этом не тебе судить. Вот увидишь, все пойдет как по маслу. А не нравится мой план — можешь убираться.

Инкуб:

— Не очень-то задавайся. Ты знаешь, кто я такой? Я инкуб высшего ранга!

Никси:

— Вот и заткнись.

Инкуб:

— Не смей так со мной разговаривать! И вообще, я бы на твоем месте поторопился. Хозяева заждались, и если ты будешь мешкать, а то и вовсе оплошаешь, тебе не сдобривать, уж ты мне поверь.

Это Никси в поисках подходящего материала наткнулся на Смита, это Никси искушал его сновиде-

ниями и пробудил в нем (еще тогда, в канун Дня всех святых) страстное влечение к магии.

А потом был магазин «Черная книга» и эта полу-темная комната, где Смит впервые ощутил в себе настоящую колдовскую силу.

Но ее оказалось недостаточно, чтобы разорвать покрывало, предохраняющее мир от гибели. Безликие не смогли вернуться.

И тогда Смитом занялся Инкуб, ужасно довольный, что ему наконец-то представился случай отличиться перед Хозяевами. Но у него были другие методы.

Преисполненный раскаяния, Смит стоял посреди комнаты, в которую, как уверила его летучая мышь, должна была явиться девушка.

У него и в мыслях не было разрушать мир! Он даже не подозревал, какая страшная сила заключена в его заклинаниях! Впервые он пробормотал их именно здесь, в этой комнате, где с тех пор все осталось как было: фолианты в переплетах из человеческой кожи, на столе огарок свечи и самая главная, колдовская, книга, раскрытая посередине...

Пекин, Париж, Рим, Москва, Детройт, Нью-Йорк, Новый Орлеан, Лос-Анджелес — сотни и сотни квадратных миль, покрытых пеплом. Ржавые оставы зданий. Акры кипящих болот. Зеленый туман над обезлюделевой землей. Большинство городов просто перестали существовать. А в тех немногих, что сравнительно не пострадали, не было воды и электричества, и у подножий теперь бессмысленных небоскребов одичавшие особи то в одиночку, то стаями убивали и пожирали себе подобных. Человечество как бы родилось заново, с той разницей, что было оно обречено на смерть еще во младенчестве. Смит все это видел, не мог не видеть, и не мог не винить в случившемся себя, лишь себя одного. Может быть, именно чувство вины и привело его снова в эту комнату, чувство вины, а не желание объясниться с девушкой?

Он закрыл дверь и прислонил к ней старое цинковое корыто (простейшая звуковая сигнализация —

дверь открывается, корыто падает), а также произнес заклинание-ловушку (воспроизвести здесь это заклинание означало бы подвергнуть читателя смертельной опасности)...

Никси:

— Ну и как твои успехи?

Инкуб:

— Я заманил его на старое место.

Никси:

— Не боишься, что он заподозрит неладное?

Инкуб:

— Куда ему. Я сделал так, что он только о ней и думает, об этой девчонке. Сейчас он уснет — тогда можно будет завершить начатое.

Никси:

— Какая еще девчонка? Ты всех нас погубишь, кретин несчастный!

Инкуб:

— Я уже ловил его на эту наживку, и он просто чудом сорвался с крючка. И чего ему не спится? Я бы взял его голыми руками. Да успокойся ты, никакая это не девчонка, а суккуб.

Никси:

— И ты уверен, что он не догадается?

Инкуб:

— Во-первых, Смит — человек, и, следовательно, глуп. Во-вторых, сейчас он истощен физически. В-третьих, его гложет чувство вины перед близкими. И, главное, он еще никогда не любил. Пусть узнает, что это такое. Любовь его вконец обессилит. И тогда он — мой!

Никси:

— Не твой, а наш!

Инкуб:

— А ты-то тут при чем?

Смит, притаившись в самом темном углу, ждал. И вдруг почувствовал, что ему страшно хочется спать. Ну да, его неудержимо клонило ко сну.

Спать? Средняя продолжительность человеческой жизни — шестьдесят лет. Двадцать из них мы приносим в жертву этой нелепой привычке, и все потому, что жизнедеятельность нашего организма достаточно случайно зависит от вращения Земли вокруг Солнца. Первобытный человек в страхе перед хищными зверями, которые видели в темноте лучше, чем он, прятался по ночам в пещеры и разводил костры. Звери в свою очередь избегали встречи с ним при дневном свете. Вот откуда эта древняя и, должно быть, уже неискоренимая привычка. Подумать только: двадцать лет жизни проводить в полу-бессознательном состоянии! Впустую расточать треть отпущеного срока, тогда как вся-то жизнь — лишь искра во мраке вечного небытия!

С юных лет он отвергал эту жестокую, властную необходимость, это посягательство на свободу воли, этот абсолютный вакуум сознания. Но теперь, когда весь мир был против него, уснуть означало для Смита стать беззащитным.

И все-таки потребность в сне оказалась сильнее страха смерти. Смит уже ничего не видел и не слышал, — любой недруг, подкравшись на цыпочках, сейчас застал бы его врасплох. Он лежал одетый, накрывшись одеялом, и, как всегда перед сном, в который уже раз вспоминал тот роковой день, когда совершил непоправимое. «Я не хотел этого... Простите меня...» — бормотал он. Сон виделся ему черной бездной, на краю которой он отчаянно пытается удержаться. Но еще ужаснее было представить пробуждение, ибо завтрашний день обещал быть таким же, как нынешний, если не хуже.

Смит все еще находился под впечатлением своего полуторасуточного блуждания по этажам Эмпайр-Стэйт-Билдинг (чувство вины перед человечеством долго не позволяло ему прибегнуть к заклинаниям). Каждый вечер он твердо решал завтра же выйти на улицу безоружным и умышленно привлечь к себе внимание этих новых варваров. Пусть убьют — он

это заслужил. Но до сих пор у него не хватило мужества осуществить свое намерение. Так, может быть, он вообще жалкий трус? Может быть, мучит его вовсе не совесть, а элементарный животный страх? Ведь он же потому так мало спит, что боится! Боится, что его прикончат во сне!

Он постепенно соскальзывал в черную бездну. Усталость брала свое. Измотанный необходимостью постоянно держаться настороже, Смит на этой стадии засыпания обычно бывал уже не в силах сопротивляться сну.

И тут он услышал голоса:

— Ну все, пора!.. Он уже готовенький.

— Постой! Тебе не кажется, что этот Смит... не похож на себя прежнего? Что-то в нем изменилось.

— С чего это вдруг? Не смеши меня.

— А я тебе говорю, он изменился... Погоди, погоди... Понял! Так вот, должен тебя огорчить: пока он спит, ничегошеньки у нас с тобой не получится.

— Прикажешь Хозяевам ждать, когда он проснеться? Нет уж, хватит. Чтобы Смит получился таким, какой он есть, нам пришлось работать с двенадцатью поколениями его предков, а потом его самого полжизни натаскивать. Отойди, я и без тебя отлично управлюсь. И награда мне одному достанется. Посылаю суккуба!

— Идиот, что ты делаешь?! Сон — это его сила! Ты все испортил! Ничто ему не страшно, пока он спит!..

— Не мешай!

Смит вздрогнул — тень легла ему на сетчатку... Неужели он действительно стал проводником темных сил? На мгновение ему почудилось, что из его рта, разинутого так широко, что челюсти свело судорогой, клубится чернильный мрак и полыхает пламя, и вот оно уже волнами разбегается по всей земле и захлестывает небо, и сам он горит и сгорает в мировом пожаре...

Смит снова уцепился за грань, отделяющую сон от бодрствования, и с удивлением обнаружил в этом промежуточном состоянии сознания трещинку, сквозь которую его разум мог теперь смотреть, как сквозь щель в досках забора. В нем шевельнулась надежда... Смит, впрочем, сообразил, что попытка определить, откуда она взялась, чревата пробуждением, — а ведь именно это и нужно его врагам, — и снова расслабился. Соскальзывая по склону полузытья в уже полное беспамятство, он, однако, заставлял себя прислушиваться к этим таинственным голосам, осознавать и запоминать услышанное: «...чтобы Смит получился таким, какой он есть, пришлось работать с двенадцатью поколениями его предков... и его самогоолжизни натаскивать... но ничто ему не страшно, пока он спит... сон — это его сила...»

Сон? Этот вор, этот ежевечерний гость, являющийся всегда незваным, враг, с которым Смит боролся за каждый миг бодрствования всю свою сознательную жизнь! Выходит, *кому-то* это было выгодно. Но почему сейчас ему хочется уступить своему давнему противнику? Смит вспомнил, что говорят о сне врачи и поэты: сон восстанавливает силы, исцеляет, сон — это остановка в пути для отдыха, сон — это заплата на ветхой ткани повседневности... Так неужели *кто-то* специально внушил ему недоверие к врачам и поэтам? Да, скорее всего. Это было выгодно тем, кто «работал» с двенадцатью поколениями его предков. Но зачем он им нужен? Хотят сделать его орудием уничтожения, способным истребить половину человечества, чтобы некая сила, в незапамятные времена изгнанная, смогла вернуться и подчинить себе оставшихся в живых? Быть может, эта темная сила желает воцариться вообще на всех планетах Солнечной системы? Во всех галактиках, во всей Вселенной? Владствовать во времени и других измерениях?

Единственным его оружием против них был сон. «Сон — это его сила. Ничто ему не страшно, пока он спит...» Смит должен был спать.

И тогда, снова живая, появилась она. Девушка, которую он видел на лестничном пролете Эмпайр-Стэйт-Билдинг. Сколько уже раз и скольким являлась она из мрака небытия, из этой тьмы изначальной?

Его ухищрения оказались напрасными — она прошла сквозь закрытую дверь, и корыто не упало. Она пересекла пространство комнаты, которое он заклинанием превратил в смертельную ловушку для любого пришельца, и осталась невредима.

Нагая, она легла рядом со Смитом и протянула к нему свои прекрасные руки, и не было в ее глазах гнева или страдания. Она хотела отдать ему всю себя, все, чем она была и чем могла стать для него, и ничего не просила взамен, кроме ответной любви, такой же самозабвенной. Он был нужен ей весь, все его естество, вся его сила.

Смит приподнялся, чтобы обнять ее, и лишь тогда понял, кто она такая, и, усилием воли принудив себя отрешиться от ее чар, забормотал заклинания, в которых не было ни единого гласного звука. Тотчас черная слизь покрыла ее ступни, ее нагие бедра и грудь, она истошно закричала, и вот уже ее лицо тоже растворилось в черноте... она исчезла, и Смит впервые безбоязненно и даже с ощущением блаженства погрузился в целебные глубины сна.

Он проснулся бодрым и свежим, с ясным сознанием, что ему нужно делать дальше. Смит понял, что он невиновен, что он был лишь орудием в руках врагов человечества. Но разве можно обвинять в чем бы то ни было орудие?

Чернокнижник, улыбаясь (когда же последний раз была на его лице улыбка?), потянулся к мешку с магическими костями. Он закрыл отдохнувшие за ночь глаза и, в здравом уме и ясной памяти, обратился мыслями к своему дару, врожденному, и своим знаниям, приобретенным в течение жизни, но уже не для того, чтобы в слепом страхе за собственную жизнь истреблять ближних своих, — нет, те-

перь Смит ясно видел цель, которую следовало поразить.

Перевернув мешок, он, как всегда интуитивно, разгадал смысл узора, который образовали рассыпавшиеся кости, забормотал заклинания и, опустившись на корточки, призвал на помощь всю свою силу.

Послышалось тихое шипение, и возник сквознячок с характерным горьковато-сладким привкусом шоколада, тот самый сквознячок, от которого у Смита холодный пот выступал между лопаток.

И тогда раздались вопли... правда, Смит улавливал лишь их отголоски, ибо звучали они в иных измерениях, но даже от слабого их эха мир содрогнулся.

Беззвучные вопли... замирающий трепет... миллиарды охваченных ужасом омерзительных тварей... но, в отличие от павших жертвами его Ошибки, Безликие и иже с ними знали, за что принимают смерть.

Смит не смог бы объяснить, откуда в нем возникла уверенность, что Вселенная спасена от гибели. Он просто это почувствовал.

Сколько же времени прошло, прежде чем он снова выпрямился во весь рост и полной грудью вдохнул свежий воздух утра? Смит этого не знал. Наверное, много... Но он проверил свою силу — и был доволен результатом. Он преодолел преграды внутри себя и снаружи и теперь чистыми, безвинными глазами смотрел на залитые солнечным светом руины города и еще дальше, в будущее.

«Если со мной не случится ничего сверхъестественного, — думал Смит, — я буду жить вечно и все это отстрою. Никто не в силах отнять у меня мой дар. Магия и наука, человечество и высшие силы когда-то были едины в своих устремлениях. Я воссоединю их. А если меня постигнет неудача... ну что же, по крайней мере я сделал так, что у людей не осталось других врагов, кроме них самих».

Он заметил вдалеке копошение каких-то существ, одетых в лохмотья, уродливых, истощенных.

Чернокнижник двинулся в их сторону. Он вышел из тени — и ему мнилось (или так было на самом деле?), что это по его воле сияет солнце и веет прохладный ветер. Еще ему хотелось, чтобы воздух был напоен запахами трав и цветов.

Люди, наверное, никогда не простят ему содеянного, но это неважно. Главное, чтобы они ему не мешали, а уж он постарается им помочь, потому что сами себе помочь люди не способны. Они все еще одиноки во Вселенной, но, может быть, это и к лучшему.

СОНАТА ДЛЯ ЗОМБИ

С четвертого яруса Лос-Анджелесского Музикального центра сцена казалась просто сияющим радужным пятном — языки зеленого, волны алого...

Рода не видела особых преимуществ в том, чтобы сидеть в партере, в престижной Золотой Подкове, покачиваясь на антигравитационной подушке в такт с окружающими. Световые и прочие эффекты ощущались там, конечно, сильнее, но для нее важнее было слышать чистое звучание ультрачембала, подхваченное эхом сотни трепещущих усилителей, установленных по всему своду знаменитого своей акустикой центра Такамури. В партере беспрерывное покачивание публики только отвлекало бы ее...

Рода не была столь наивна, чтобы полагать, что нищета, заставляющая студентов ютиться на галерке, является неотъемлемым признаком, по которому узнаются истинные ценители прекрасного. В Золотой Подкове таковых, несомненно, тоже было достаточно. Просто она не сомневалась, что здесь, на четвертом ярусе, слышимость звука чище, а значит, и впечатление от концерта будет ярче и глубже.

Впрочем, богатые ее действительно раздражали... Вцепившись в подлокотники кресла, она пристально смотрела на разноцветные блики, мечущиеся по сцене, и рассеянно слушала, что говорит ей Ирасек,

но обернулась к нему, лишь когда он прикоснулся к ее локтю:

— Что тебе, Ледди?

Ладислав Ирасек с мрачным видом протягивал ей наполовину развернутую шоколадку.

— Нельзя жить одним только Беком, — сказал он.

— Спасибо, Ледди, мне не хочется, — Рода нетерпеливо отвела его руку.

— Что ты там увидела внизу?

— Ничего особенного. Просто красивая подсветка.

— А я думал, ты прислушиваешься к музыке сфер...

— Ты обещал не подтрунивать надо мной.

Ирасек откинулся на спинку кресла:

— Извини. Все время забываю.

— Прошу тебя, Ледди, если ты снова намерен выяснить отношения...

— Разве я хоть словом обмолвился о наших отношениях?

— Но я чувствую это по твоему тону. У тебя на лице написано, какой ты несчастный. Терпеть этого не могу. Как будто я в чем-то перед тобой виновата.

Они познакомились на лекции по контрапункту. Сначала она показалась ему просто занятной, потом он понял, что очарован ею, и в конце концов вынужден был себе признаться, что влюблен в эту стройную и хрупкую девушку с волосами цвета меда и светло-серыми глазами, в которых иногда появлялся странный алюминиевый блеск. Вот уже несколько месяцев он безуспешно добивался ее руки. Да, они были любовниками, но физическая близость не переросла в близость духовную. Ирасека это угнетало, а она, видя, как он мучается, еще больше укреплялась во мнении, что ее связь с ним случайна и кратковременна.

Вся в напряженном ожидании, Рода продолжала смотреть вниз. Согнутыми пальцами она легонько постукивала по подлокотнику, как будто это были клавиши ультрачембало. В ее мозгу непрерывно звучала музыка.

— Говорят, что на прошлой неделе в Штутгарте Бек был блистательен, — сказал Ирасек, надеясь хотя бы этим сообщением вывести ее из транса.

— Он исполнял Крейцера?

— Да, и Шестую Тимидахене, и «Нож», и что-то из Скарлатти.

— Что именно?

— Не знаю. Мне говорили, но я не запомнил. Ему аплодировали стоя минут десять. «Der Musikant» утверждает, что таких мелизмов знатоки не слышали со времен...

Свет в зале начал меркнуть.

— Сейчас он выйдет, — сказала Рода, подаваясь вперед.

Ирасек снова откинулся в кресле и в сердцах откусил сразу полшоколадки.

Всегда, когда он выходил из этого состояния, все вокруг сначала было серым. Серым, как стенки алюминиевого контейнера, в котором его привозили на выступление.

Он знал, что его уже распаковали, зарядили и поставили на ноги. Сейчас ему сунут в правый боковой карман контактные перчатки, он откроет глаза, и рабочий покатит на сцену консоль ультрачембало.

Снова эта отвратительная сухость во рту, снова безрадостный сумрак пробуждения.

Нильс Бек медлил открывать глаза. Как ужасно я играл в Штутгарте. Никто этого, конечно, не понял, а вот Тими выбежал бы из зала еще во время исполнения скерцо. О, Тими содрал бы с моих рук перчатки и крикнул бы мне в лицо, что я искал его замысел. А потом мы бы вместе отправились пить хмельное черное пиво... Но Тимидахен умер в двадцатом, на пять лет раньше меня. Если бы я мог больше никогда не открывать глаза и затаить дыхание так, чтобы мехи внутри меня лишь слабо подрагивали, а не гудели под напором воздуха, тогда мои мучители решили бы, что на этот раз рефлекс

зомби не сработал, что я сломался, что я действительно умер...

— Мистер Бек!

Он открыл глаза. Антрепренер по виду был явным мошенником. Бек знал этот тип дельцов от искусства. Мягкие манжеты. На щеках щетина. Могу поклясться, что за кулисами он тиранит всех подряд, за исключением мальчиков из танцевально-хоровой группы... ну еще бы, они поют так сладко...

— Я знал людей, у которых развился сахарный диабет от частого посещения детских утренников, — сказал Бек.

— Простите, не понял?..

Бек отмахнулся:

— Я на это и не рассчитывал. Лучше скажите, что вам известно о звуковых условиях помещения?

— Прекрасная акустика, мистер Бек. У нас все готово. Пора начинать.

Бек сунул руку в карман и вытащил сверкающие бисером датчиков контактные перчатки. Натянул правую, разгладил на ней морщинки и складки. Материя облегала кисть словно вторая кожа.

— Как вам угодно, — пробормотал он.

Рабочий выкатил консоль на середину сцены и спешно скрылся за кулисами слева.

Бек прошествовал к антигравитационной площадке. Двигаться надлежало с величайшей осторожностью — внутри икр и бедер струилась по трубкам специальная жидкость, и если бы он ускорил шаги, нарушилось бы гидростатическое равновесие и возникла бы опасность, что питательное вещество перестанет поступать в мозг. Ходьба — одна из многих трудностей, с которыми сталкивается мертвый, когда его возвращают.

Он вступил на антигравитационную площадку и махнул рукой антрепренеру. Мошенник в свою очередь подал знак рабочему у распределительного пульта, тот нажал соответствующую кнопку, и вот Нильс Бек поплыл вертикально вверх. При его медленном и торжественном появлении из люка посреди сцены публика разразилась рукоплесканиями.

В радужном сиянии, слегка наклонив голову, он молча принимал их приветствия. Газовые пузырьки пробегали по трубкам в спине и лопались в области таза. Нижняя губа еле заметно подрагивала. Он медленно двинулся в направлении консоли, остановился возле нее и принялся натягивать вторую перчатку.

Высокий, элегантный мужчина, очень бледный, с крупными чертами лица, массивным носом, неожиданно печальными глазами и тонкогубым ртом. Выглядел он весьма романтично. («Это немаловажное качество для музыканта», — так говорили ему в юности, когда он только начинал. *Миллион лет тому назад.*)

Натягивая перчатку, Бек прислушивался к шепоткам в зале. У мертвых слух обострен чрезвычайно. Не потому ли ему всегда так мучительно слышать собственное исполнение? Ну а что касается этих...

Бек знал, о чем они шепчутся. Например, вон тот «меломан» сейчас говорит своей жене примерно следующее:

— Он совсем не похож на зомби. Это потому, что его держат в холодильнике и оживляют лишь на время концерта.

Жена, разумеется, делает большие глаза:

— Неужели возможно оживить мертвеца?

Муж низко пригибается, опасливо смотрит по сторонам и, прикрывая ладонью рот (чтобы никто, кроме жены, не слышал, какую чушь он будет городить), объясняет ей: после смерти в клетках мозга сохраняется запас электричества, достаточный, чтобы стимулировать двигательные рефлексы; вот этот витальный автоматизм и используют хозяева зомби.

В туманных и расплывчатых выражениях он рассказывает о встроенных в тело зомби системах жизнеобеспечения, которые подают в мозг необходимые вещества: искусственные гормоны, химические препараты, заменяющие кровь.

— Надеюсь, тебе известно, что, если у лягушки отрезать лапку и через эту лапку пропустить электрический ток, она дергается как живая. Это явление

называется гальваническим рефлексом. Так вот, в данном случае электричество пропускается через все тело, и зомби начинает дергаться... ну конечно, не в буквальном смысле, просто он обретает способность ходить и даже играть на ультрачембало.

— А думать он способен?

— Полагаю, что да. Впрочем, точно не знаю. Во всяком случае, мозг у него работает. Его собственный мозг. Все остальное у него — искусственное. Вместо сердца — насос, вместо легких — мехи, вместо кровеносных сосудов — трубочки, а к нервным окончаниям подведены проводки. И вот когда по проводкам поступает ток, тогда и происходит всплеск активности. Длится она пять-шесть часов, не больше, потом в трубочках скапливаются шлаки, но для концерта этого времени достаточно.

— Значит, для хозяев зомби главное, чтобы жил его мозг? — спрашивает сообразительная жена. — Все тело превращено в систему жизнеобеспечения мозга, я правильно тебя поняла?

— Да, в общих чертах так оно и есть.

Все это Бек слышал уже сотни раз. В Нью-Йорке и Бейруте, в Ханое и на Крите, в Кении и в Париже. Повсеместно он вызывает у них восхищение, и все же зачем они приходят на его концерты? Слушать музыку или просто поглазеть на живой труп?

Он сел на стул напротив консоли и положил руки на клавиши. Набрал воздух в легкие (старая и совершенно излишняя привычка, от которой, однако, никак не избавиться). Пальцы уже пощипывало током. А под его седым коротким ежиком синапсы переключались подобно реле.

Итак, сыграем сегодня Девятую Тимиджиена. Да вознесется она под самый купол.

Бек закрыл глаза, приподнял плечи... Из усилителей раздались первые рокочущие аккорды. Он насытил звучание дополнительными обертонами — его пальцы порхали по клавишам легко и непринужденно.

Последний раз он исполнял Девятую два года назад в Вене. Много это или мало — два года? Ка-

жется, с тех пор прошло часа два, не больше. В его ушах еще не замерло эхо того, двухгодичной давности, исполнения. Нынешнее, впрочем, ничем от него не отличалось, как не отличаются друг от друга фонограммы одного и того же концерта. Зачем вообще он им нужен?

Бек вдруг представил, что вместо него на сцене стоит какой-нибудь сверхсовременный музыкальный автомат. В самом деле, это было бы и проще, и дешевле. А он бы отдохнул... Он бы сыграл наконец симфонию вечного безмолвия. Какой все-таки удивительный инструмент ультрачембало! Если бы его изобрели во времена Баха или Бетховена! Касаясь клавишей кончиками пальцев — и оживает волшебный мир. Вся гамма звуков, весь цветовой спектр плюс еще десяток способов воздействия на чувства публики. Но главное, конечно, это музыка. Замороженная, застывшая Девятая соната Тимиджиена. Последнее, что создано Тими. Тогда, в девятнадцатом, я первый ее исполнил. И вот сейчас звук за звуком воспроизвожу в точности именно то исполнение. А они благоговеют. Они, скажите пожалуйста, испытывают священный восторг!

Бек почувствовал предательское покалывание в локтях. Это все нервы, нервы. Нужно успокоиться. Гул Девятой возвращался к нему откуда-то с галерки.

Что же такое истинное искусство? И что я лично в нем смыслю? Способен ли играющий автомат чувствовать красоту и величие Мессы си минор, которую исполняет?

Бек усмехнулся, закрыл глаза.

Через два часа я снова усну. Неужели все это длится уже пятнадцать лет? Воскрешение, концерт, сон. Обожание публики. Воркование женщин, готовых разделить со мной ложе. Может быть, они некрофилки? Неужели им не противно прикасаться ко мне? Я же не что иное, как могильный прах. А ведь когда-то у меня были женщины, о да. Когда-то... когда я был живым. Боже, как это было давно!

Бек откинул голову назад, потом снова склонился над клавишами — привычное движение прославленного виртуоза. Действует на публику безотказно. У них, наверное, уже мороз побежал по коже.

Близился конец первой части. Он включил верхние регистры и, как ему показалось, услышал беззвучный трепет зала. Так, так, а теперь вот этак. Старина Тими знал толк в акустических эффектах. Еще выше — пусть они, потрясенные, сползут с кресел.

Бек с удовлетворением улыбнулся, наблюдая искося, какое действие производит на публику его игра. Но тотчас вновь испытал ощущение тщетности и бесполезности своих усилий.

Звуки ради звуков. Разве в этом назначение искусства? Я не знаю. Но и кривляться перед ними мне надоело. Вот сейчас они начнут аплодировать, топотать ногами и говорить друг другу, что слушать мою игру — это для них такое счастье, такое счастье... Но разве они поняли Девятую? Они поняли лишь то, что было доступно моему пониманию. Но я-то мертвец. Я — ничто. Ничтожество.

С дьявольской ловкостью он отбарабанил заключительные такты первой части.

Дабы усилить впечатление от концерта, Метеокомпьютер запрограммировал по его окончании мелкий дождь и туман, что как нельзя более соответствовало настроению Роды.

Они стояли посреди стеклянного городского пейзажа, который простирался во все стороны от Музыкального центра. Ирасек предложил ей леденец. Она покачала головой отрицательно.

— Что, если мы навестим Инес и Трита? А потом вместе где-нибудь поужинаем?

Она не ответила.

— Рода!..

— Прости, Ледди, мне нужно побывать одной.

Он спрятал леденец в карман и повернулся к ней лицом. Она смотрела сквозь него — словно он был

частью окружающей их стеклянной городской застройки.

Взяв ее за руку, он сказал:

— Рода, что с тобой последнее время происходит?

— Ледди...

— Нет, дай мне, наконец, высказаться. И, пожалуйста, не замыкайся в себе как обычно. Я не понимаю, что означают эти твои полуулыбки, отсутствующие взгляды...

— Я думаю о музыке.

— Рода, жить одной только музыкой неестественно. Я работаю не меньше, чем ты, и тоже хочу стать настоящим музыкантом. Конечно, ты талантливее меня, талантливее всех, кого я когда-либо слышал. Ты — великая артистка, когда-нибудь ты будешь играть лучше самого Нильса Бека. И все-таки глупо возводить виртуозность в культ, жертвовать ради нее жизнью.

— Не потому ли ты решил пожертвовать жизнью ради меня?

— Но ведь я тебя люблю.

— Это не оправдание. Ледди, пожалуйста, оставь меня одну.

— Рода, искусство теряет всякий смысл, если превращается просто в сумму технических приемов и навыков. Музыка трогает сердца людей лишь тогда, когда музыкант вкладывает в исполнение свою душу, страсть, нежность, любовь, наконец. Ты всем этим пренебрегаешь...

Ирасек резко оборвал свой монолог, с горечью сознавая, что любые нравоучения всегда звучат плоско и неубедительно.

— Если ты захочешь меня видеть, я буду у Трита, — сказал он, повернулся и зашагал в дрожащую отраженными огнями ночь.

Рода смотрела ему вслед. Она думала, что у нее нашлись бы слова, чтобы ответить Ледди на его обвинения. Почему она промолчала?

Когда Ирасек растворился в тумане, Рода обернулась к величественному зданию Музыкального центра.

— Я рыдала от счастья, просто рыдала! — говорила ему какая-то китаянка.

— Маэстро, сегодня вы превзошли самого себя! — вторил ей похожий на жабу льстивый сноб.

— Превосходно! Незабываемо! Неповторимо! — щебетали дамы в шляпах с перьями.

Вещества пузырились у него в груди, он опасался, что не выдержат клапаны, но все равно продолжал раскланиваться, и пожимать руки, и бормотать слова благодарности. Усталость, однако, уже давала себя знать.

А потом все они ушли, и с ним остались только его импресарио, механики и электрик.

— Ну что же, мистер Бек, пора собираться в дорогу, — сказал импресарио, поглаживая усики. За годы гастролей он научился относиться к Беку уважительно.

Бек со вздохом кивнул.

— А может, сначала перекусим? — предложил электрик, зевая. Перелеты из города в город, из страны в страну изрядно ему надоели. Концерты заканчивались поздно вечером, питаться приходилось, как правило, в аэропортах.

— Ничего не имею против, — согласился импресарио. — Контейнер можно пока не закрывать. Маэстро отключен и никуда не денется.

В помещении Музыкального центра царила тишина. Только где-то в его недрах слабо гудели пылесосы и прочие разновидности мусороуборочной техники. Огни в зале медленно гасли, но здесь, в костюмерной, еще сияло электричество.

На галерке мелькнула тень: Рода быстро спустилась в зал, пробежала по проходу в Золотой Подкове, миновала оркестровую яму, взошла на сцену и остановилась возле консоли. Склонилась над ней, —

ее руки взметнулись, опустились, замерев в дюйме над клавиатурой. Она закрыла глаза, глубоко вздохнула. «Я бы тоже начала свое выступление с Девятой сонаты Тимиджиена. Аплодисменты. Сначала редкие, потом они переходят в овацию. Надо подождать, пока зал успокоится. Пальцы касаются клавиш — и оживает мир музыки, в котором огонь и слезы, сияние и радость. Как чудесно она играет. Как вдохновенно».

Всматриваясь в страшную черноту зала, Рода слышала лишь, как звенит кровь у нее в ушах. Со слезами на глазах она отошла от консоли. Ее фантазия иссякла.

Заметив в костюмерной свет, она подошла к двери и застыла, пораженная, на пороге. Нильс Бек лежал в алюминиевом контейнере. Глаза закрыты, руки сложены на груди. Из оттопыренного правого кармана торчали безжизненные пальцы контактных перчаток.

Рода медленно приблизилась к зомби, склонилась над ним. Пристально глядя ему в лицо, коснулась его щеки. Никаких признаков щетины. Кожа гладкая и атласная, как у молодой женщины. Ей вспомнился причудливый лейтмотив любви-смерти в самой горестной из всех опер, когда-либо созданных человечеством, но воспоминание это не преисполнило ее грустью, как обычно, а привело совершенно неожиданно в ярость. Испытав глубочайшее разочарование, она теперь задыхалась от гнева! Ей захотелось закричать от гнева! Расцарапать ногтями эти щеки, похожие на покрытые глазурью булочки. Надавать ему пощечин. За обман! За ложь, в которую превратил он свое искусство! За весь этот бесконечный поток безупречно звучащих, но по сути фальшивых нот! За лживую его жизнь после смерти!

Дрожащими руками она шарила по стенкам контейнера в поисках переключателя. Нашла его и повернула наугад.

Бек очнулся. Не открывая глаз, поднялся из своего алюминиевого гроба. Он подумал, что постоит

еще немногого в костюмерной вот так, с закрытыми глазами, прежде чем выйдет на сцену. Выступать становится все тяжелее. Последний раз, в Лос-Анджелесе, в том огромном зале, он играл просто из рук вон. Несмотря на великолепный инструмент, это было ужасно. Тысячи безликих лиц. Он начал тогда с Девятой Тимиджиена. Играли в привычном, избранном однажды и навсегда, темпе.

Исполнение получилось холодным и поверхностным. И сегодня будет то же самое. Кое-как он доковыляет до сцены, наденет перчатки и в очередной раз ублажит публику мрачным фарсом под названием «Воскресение великого Нильса Бека». Эти его обожатели, его поклонники, как же он их ненавидит. Как ему хочется сказать им всем, что он о них думает. Шнабель мертв. И Горовиц, и Иоахим. Только он, Бек, не знает покоя. Ему не позволили уйти в мир иной. О, разумеется, он мог отказаться, но на это у него не хватило духу. Впрочем, он никогда не был сильным человеком. Нет, у него нашлись силы вознести на высоты мастерства и остаться непревзойденным, но во взаимоотношениях с близкими, когда приходилось отстаивать какие-то принципы или хотя бы личные интересы, ему недоставало твердости... Поэтому он потерял Доротею, соглашался на кабальные условия Бизмера, безропотно сносил оскорблении Лисбет, и Нейла, и Коша... о, Кош, жив ли он? Оскорблении, которыми они еще крепче привязывали его к себе... Он всегда уступал их требованиям, ни разу не настоял на своем, и в конце концов даже Шарон стала его презирать.

Если бы можно было перехитрить своих мучителей, выбежать на край сцены и в ослепительном сиянии софитов крикнуть в зал всем, кто пришел поглязеть на него: «Упыри! Эгоистичные вампиры! Вы такие же мертвецы, как и я! Такие же бесчувственные! Разница между нами весьма несущественна!» Но ведь он никогда не решится это сделать...

Он вдруг почувствовал боль. Его голова качнулась — трубочки в шее скрипнули. Звук пощечины

гулким эхом откликнулся в просыпающемся мозгу. Изумленный, он открыл глаза.

Какая-то девушка склонилась над ним. Очень молодое лицо. И очень злое. Алюминиевый блеск в глазах. Тонкие губы крепко сжаты. Ноздри дрожат. Почему она такая сердитая?

Вторая оплеуха качнула его голову в другую сторону. Этак она разнесет вдребезги все мои системы жизнеобеспечения...

Он поднял скрещенные руки ладонями вперед. Девушка ударила его в третий раз. Сквозь растопыренные пальцы он видел ненависть в ее глазах. И вдруг почувствовал — впервые за все эти долгие годы — прилив ярости. И одновременно страшную радость, похожую на радость жизни.

И тогда он схватил девушку за руки. На протяжении последних пятнадцати лет он жил всего семьсот четыре дня (если эти концерты можно было назвать жизнью) и тем не менее оказался еще способен как-то шевелиться, и даже какая-то сила сохранилась в его мышцах. Девушка попыталась вырваться. Он разжал руки и оттолкнул ее. Растирая запястья, она угрюмо смотрела на него, но молчала.

— Если я внушаю вам отвращение, зачем же вы меня включили? — спросил он.

— Чтобы сказать вам, что вы обманщик. Ваши поклонники ничего не понимают в музыке. А я... я понимаю. Как вам не стыдно принимать участие в этом позорном спектакле? — Она тряслась от негодования. — Я слушала вас еще ребенком. Вы изменили всю мою жизнь, и я вам за это благодарна. Но теперь... теперь вы просто приставка к ультрачембало. Или нет... в древности были такие механические пианино... вот чем вы стали, Нильс Бек.

Он пожал плечами, медленно прошел мимо девушки и сел перед зеркалом. Он выглядел сейчас старым и утомленным. Глаза пустые и тусклые. Пустые как беззвездное небо.

— Кто вы такая? — тихо спросил он. — Как вы сюда попали?

— Хотите вызвать охрану? Валяйте, зовите. Мне плевать, даже если меня арестуют. Кто-то должен был вам сказать это. Какой позор! Вы притворяетесь живым, притворяетесь, что всего себя отдаете музыке! Неужели вы не понимаете, как это чудовищно? Исполнитель — это же всегда интерпретатор, он творит, он обогащает чужое произведение новым смыслом. А что делаете вы? Какой смысл в механическом повторении одного и того же? Может быть, не следовало вам этого говорить, но вы не развиваетесь от выступления к выступлению!..

Он вдруг осознал, что, несмотря на ее беспощадную прямоту, она ему ужасно нравится.

— Вы музыкант? — спросил он.

Она пропустила его вопрос мимо ушей.

— На каком инструменте вы играете? — Он улыбнулся. — Конечно, на ультрачембало. Почему-то мне кажется, что у вас должно получаться.

— Да уж получше, чем у вас. Чище, честнее. О Боже, что я здесь делаю?.. Вы мне противны!

— Как же я могу развиваться? — мягко спросил Бек. — Мертвые не развиваются.

Но она продолжала говорить, она говорила, что презирает его дутое величие, его фальшивую гениальность... и вдруг замолкла на полуслове, густо покраснела и в замешательстве прижала руки к губам.

— Ой, — сказала она шепотом, и на глазах у нее выступили слезы.

Она замолчала. Он тоже молчал. Она избегала встречаться с ним взглядом, смотрела на стены, зеркала, себе под ноги. А он... он не сводил с нее глаз. Наконец она вымолвила еле слышно:

— Какая я все-таки дрянь. Глупая и жестокая. Мне даже в голову не пришло, что вам, может быть... Я просто над этим не задумывалась... — Бек видел, что девушка порывается уйти. — Вы, ко-

нечно, никогда мне этого не простите. Я ворвалась, включила вас, наговорила массу бессмысленных дерзостей...

— Нет-нет, сказанное вами имеет смысл, — возразил он. И, помолчав, добавил: — Но если меня отключить...

— О, не беспокойтесь! — воскликнула девушка. — Я сейчас уйду! Какая я дура, что обрушилась на вас со своими обличениями. Этакая юная ханжа, возомнившая, что якобы тоже причастна к высокому искусству! Нильс Бек, видите ли, оказался не таким, каким я себе его представляла!

— Вы не поняли. Я прошу вас меня отключить. Совсем отключить.

Она взглянула на него испуганно:

— Что вы сказали?

— Отключите меня навсегда. Мне хочется умереть. Вы единственная, кто меня понял. Все, что вы говорили, — это правда, истинная правда. Попробуйте представить себя на моем месте. Я ни живой и ни мертвый, я просто инструмент, который, к сожалению, не утратил способности мыслить, помнит прошлое и невероятно устал. Мое искусство умерло вместе со мной. Мне уже давно все безразлично, даже музыка, которую я играю... играю с точностью автомата. Вы совершенно правы: я лишь притворяюсь, что служу искусству.

— Но я не могу...

— Вы-то как раз и можете. Пойдемте на сцену, вы мне что-нибудь сыграете.

— Сыграть вам?

Он подал ей руку, она протянула ему свою, но тотчас ее отдернула.

— Да-да, сыграйте, — сказал он спокойно. — Я не хочу, чтобы меня отключил совершенно мне чужой человек. Для меня это очень важно... важно услышать, как вы играете.

Он с видимым трудом поднялся на ноги. Лисбет, Доротея, Шарон — все они мертвые. Он пережил их,

вернее, не он, а его моги. Древние кости, высушенная плоть. Запах изо рта как у мумии. Бесцветная кровь. Голос, не способный ни плакать, ни смеяться. Просто звук. Просто звук.

Он вышел на сцену, она послушно последовала за ним, туда, где все еще стояла консоль ультрачембalo. Он вытащил из кармана перчатки.

— Они вам великоваты, я это учту. Но и вы тоже постарайтесь.

Она натянула перчатки, тщательно разгладила на них каждую морщинку. Села напротив консоли. Он заметил в ее глазах страх, смешанный с восторгом.

Ее пальцы воспарили над клавишами и, как хищные птицы, устремились вниз!

Боже, Девятая Тимиджиена!

Едва прозвучали начальные аккорды, девушка преобразилась. В ее лице уже не было страха. Он всегда исполнял Девятую в более сдержанной манере, а ее, конечно, следовало играть иначе. Так, как играет сейчас эта незнакомка. Она пропустила музыку через свою душу. Потрясающая интерпретация. Некоторые неточности вполне объяснимы и извинительны: не тот размер перчаток, к тому же она не готовилась... И все же она играет прекрасно. Весь зал заполнен звуком.

Бек уже не был способен слушать ее критически, он сам стал частью музыки. Его пальцы трепетали, мышцы напрягались, ноги нажимали невидимые педали. Она была как бы его медиумом. Играла все уверенней и уже ничего не боялась, легко брала самые сложные аккорды, самые высокие ноты. Конечно, ей еще недоставало мастерства, и тем не менее он понимал, что эта девушка — великий музыкант. Она играла сильнее, чище, чем он. Ультрачембalo под ее пальцами пел, она использовала все его возможности. Бек слушал ее, забыв обо всем на свете. Ему хотелось плакать, хотя он и знал, что его слезные железы атрофированы. Он давно уже забыл, что, слушая музыку, можно испытывать такую сладкую муку. Никакое другое исполнение Девятой

не смог бы он слушать так долго. Семьсот четыре раза он воскресал, но для чего? Для своих бессмысленных механических экзерсисов. И вдруг — такое. Это можно было бы назвать вторым рождением. Впрочем, так всегда и бывает, когда музыка и ее исполнитель сливаются воедино. Увы, для него это уже в прошлом. С закрытыми глазами Бек — ее руками, всем ее телом — доиграл первую часть до конца.

И вот настала тишина, и он почувствовал ту блаженную опустошенность, которую всегда испытывал при жизни после действительно удачного исполнения.

— Прекрасно, — произнес он срывающимся от волнения голосом. — Прекрасно. — Он весь еще дрожал и почему-то не смел аплодировать.

Он взял ее за руку, и на этот раз она не сопротивлялась. Ощущая в своей руке ее холодные пальцы, Бек потянул девушку за собой обратно в костюмерную. Там он лег на диван и объяснил ей, что нужно сделать, чтобы отключить его без боли. Потом он закрыл глаза.

— Вы хотите, чтобы я это сделала... прямо сейчас?

— Да, как можно скорее. И, пожалуйста, не нервничайте.

— Мне страшно. Это похоже на убийство.

— Я уже давно мертвец. Правда, недостаточно мертвый мертвец, хотя во мне и не осталось ничего живого. Вспомните, что вы чувствовали во время моего выступления. Разве может так играть живой человек?

— Все-таки я боюсь.

— Я заслужил покой. — Он открыл глаза и улыбнулся. — Все в порядке. Мне очень понравилось, как вы играете, — и когда она подошла к нему, добавил: — Спасибо вам.

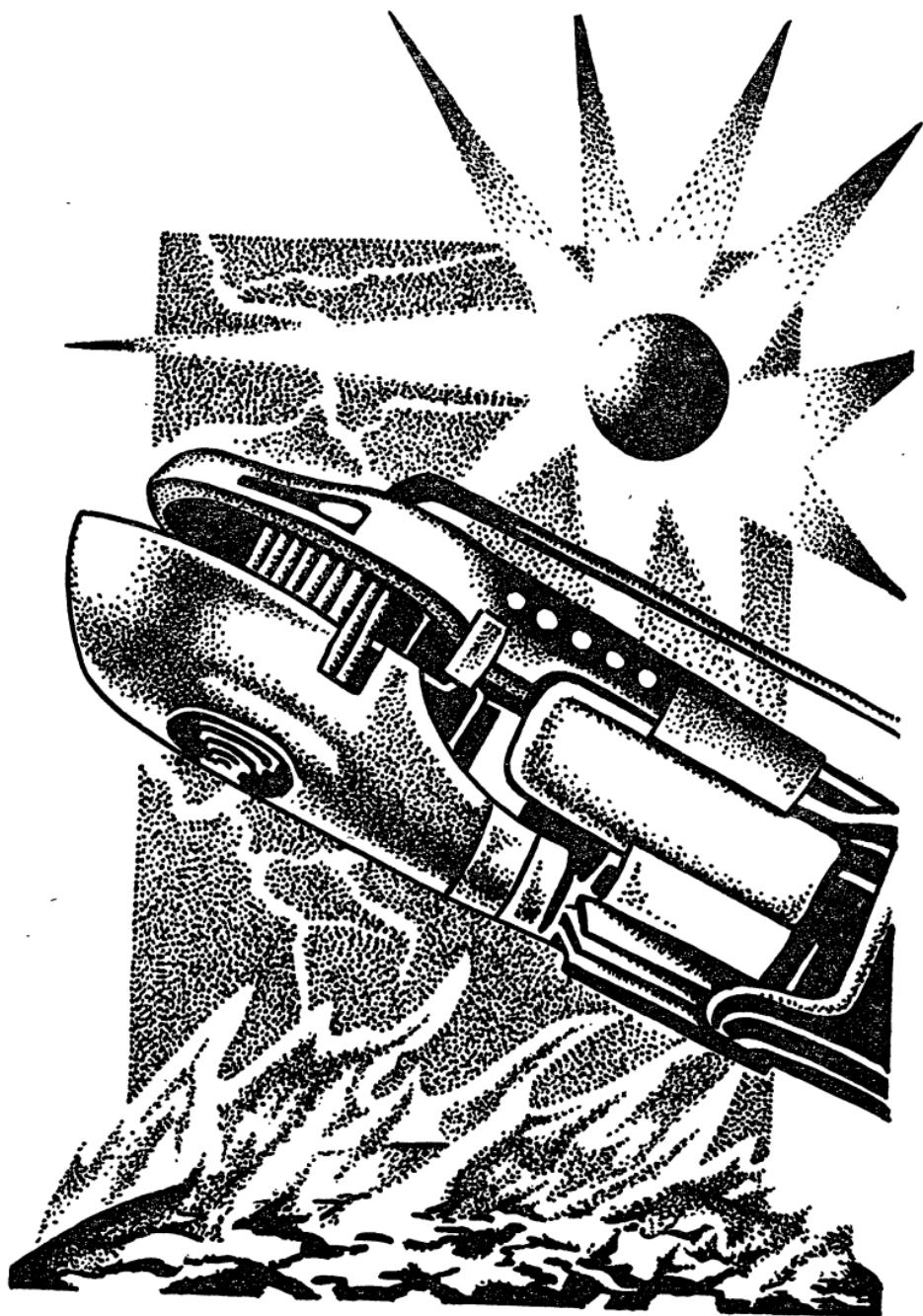
И снова закрыл глаза. И тогда она его отключила.

Она сделала все так, как он ей сказал, и вышла из костюмерной. Она покинула здание Музыкального

центра и шла по стеклянной площадке, оплакивая смерть бедного Нильса Бека. Потом она вдруг поняла, что хочет немедленно увидеть Ирасека. Да, она должна ему сказать, что он во многом прав. Не во всем, но во многом.

Она все дальше уходила от Музыкального центра, и позади нее царило великое умиротворенное молчание. Девятая соната Тимиджиена нашла свое завершение на высотах подлинного величия и скорби.

И пусть небо было затянуто тучами, и моросил дождь, и клубился туман, Рода знала — тучи расходятся, а Звезды и Музыка вечны.

КЛАССИКА

«ПОКАЙСЯ, АРЛЕКИН!» — СКАЗАЛ ТИКТАКЩИК

Как паршиво сознавать, что невозможно узнатъ заранее, какие слова высекут на твоем надгробии. Когда я сел писать об Арлекине и Тиктакщике, то на самом деле сел писать апологию своему ужасному неумению ощущать время. Подобные слова могут показаться тривиальным началом, когда речь идет о рассказе, который был перепечатан сотни раз, еще раз тридцать или сорок воплощен на сцене или в кино, и принес мне первые «Хьюго» и «Небьюлу». Рассказ, ныне столь широко известный, что вошел в десятку наиболее часто переиздававшихся на английском языке. А он теперь переведен и на русский!

Но вещи, наиболее близкие к природе человека, часто пополняют сокровищницу литературы способами, которые невозможно объяснить. (Дэвид Томсон сказал: «Когда нами движут самые глубинные мотивы, способность объяснять покидает нас».) Когда человек вечно на пару дней опережает или опаздывает даже на самые важные встречи, а потом страдает от оскорблений тех, кто всегда приходит минута в минуту, это становится важным фактором в жизни, если стараешься вести ее, уважая правила социальной вежливости. И подобные столь тривиальные на первый взгляд особенности характера содержат в себе гораздо больше страсти, чем ленивые трюки с сюжетами или характерами, подпитывающие забавные пустячки,

---

«Repent, Harlequin!» Said the Ticktockman
© Е. Дорохотова, перевод, 1997

которые мы пишем, потому что они интригуют нас как сюжетная возможность.

Этот рассказ печатался во многих хрестоматиях для колледжей, и за долгие годы я уже потерял счет студентам, говорившим мне, что «Покайся, Арлекин!» впервые дал им почувствовать, что такое гражданское неповиновение, и что он приоткрыл (и более чем приоткрыл) для них дверь к социальной ответственности. А это стоит больше любых и всяческих наград.

Всегда кто-нибудь да спросит: о чем это все? Для тех, кому надо объяснять и разжевывать, кто хочет непременно знать «к чему это», следующее:

Множество людей служат государству не как люди, но, как машины, телами. Это действующая армия, милиция, тюремные надзиратели, констебли, добровольные дружины охраны порядка и т.д. Им редко приходится руководствоваться собственными суждениями или нравственным чутьем; они ставят себя в ряд с деревом, глиной, камнем; вероятно, можно изготовить деревянных людей, вполне пригодных для тех же целей. Они вызывают не большие уважения, чем соломенная кукла или комок грязи. Их ценят настолько же, насколько ценят лошадей и собак. Однако именно они обычно почитаются хорошими гражданами. Другие — большинство законодателей, политиков, судей, министров и высших чиновников — служат государству преимущественно головой; и, поскольку они, как правило, лишены каких-либо нравственных устоев, вполне способны помимо воли служить дьяволу, как Богу. Очень немногие — герои, патриоты, мученики, реформаторы в полном смысле этого слова и люди служат государству также и своей совестью и потому по большей части вынуждены ему противостоять; с ними государство обходится по преимуществу как с врагами.

Генри Дэвид Торо
«Гражданское неповиновение»

Это суть. Теперь начните с середины, позже узнаете начало, а конец сам о себе позаботится.

А поскольку мир был таким, каким он был, каким ему позволили стать, многие месяцы тревожные слухи о его выходках не достигали Тех, Кто Поддерживает Бесперебойную Работу Машин, кто капает самую лучшую смазку на шестерни и пружины цивилизации. Лишь когда стало окончательно ясно, что он сделался притчей во языцах, знаменитостью, возможно, даже героем для тех, кому Власть неизменно наклеивает ярлык «эмоционально неуравновешенной части общества», дело передали на рассмотрение Тиктакщику и его ведомству. Однако к тому времени, потому что мир был таким, каким он был, и никто не мог предугадать последствий — возможно, давно забытая болезнь дала рецидив в утратившей иммунитет системе — ему позволили стать слишком реальным. Он обрел форму и плоть.

Он стал личностью — чем-то таким, от чего систему очистили десятилетия назад. Но вот он есть, весьма и весьма впечатляющая личность. В некоторых кругах — в среднем классе — это нашли отвратительным. Нескромным. Антиобщественным. Постыдным. В других только посмеивались — в тех слоях, где мысль подменяется традицией и ритуалом, уместностью, пристойностью. Но низы, которые всегда хотят иметь своих святых и грешников, хлеб и зрелища, героев и злодеев, низы считали его Боливаром, Наполеоном, Робин Гудом, Диком Бонгом, Иисусом, Джомо Кениатой.

А наверху, где малейшая дрожь способна вызвать социальный резонанс и сбросить богатых, могущественных, титулованных с их высоких флагштоков, его сочли потрясателем основ, еретиком, мятежником, позором, катастрофой. Про него знали все, сверху донизу, но настояще впечатление он произвел на самых верхних и самых нижних. На самую верхушку, самое дно.

Поэтому его дело вместе с табелем и кардиопластинкой передали в ведомство Тиктакщика.

Тиктакщик: под метр девяносто, немногословный и мягкий человек — когда все идет по расписанию. Тиктакщик.

Даже в коридорах власти, где страх возбуждали, но редко испытывали, его называли Тиктакщик. Однако никто не называл его так в маску.

Поди назови ненавистным прозвищем человека, который вправе отменить минуты, часы, дни и ночи, годы твоей жизни. В маску к нему обращались «Главный Хронометрист». Так безопаснее.

— Мы знаем, что он такое, — мягко сказал Тиктакщик, — но не кто он такой. На табеле, который я держу в левой руке, простоявлено имя, но оно не сообщает, кто его обладатель. Кардиопластинка в моей левой руке тоже именная, хотя мы не знаем, чье это имя. Прежде чем отменить его, я должен знать, кого отменяю.

Всех своих сотрудников, ищеек и шпионов, стукачей и слухачей, даже топтунов, он спросил: «Кто этот Арлекин?»

На сей раз он не ворковал. По расписанию ему полагалось рычать.

Однако это и впрямь была самая длинная речь, какой он когда-либо удостаивал сотрудников, ищеек и шпионов, стукачей и слухачей, но не топтунов, которых обычно и на порог не пускали. Хотя даже они бросились разнюхивать.

Кто такой Арлекин?

Высоко над третьим городским уровнем он скользил на гудящей алюминиевой платформе спортивного аэроплана (тыфу, тоже мне, аэроплан, этажерка летающая с кое-как присобаченным винтом) и смотрел вниз на правильное, будто сон кубиста, расположение зданий.

Где-то неподалеку слышалось размеренное «левой-правой-левой»: смена 14.47 в мягких тапочках входила в ворота шарикоподшипникового завода.

Ровно через минуту донеслось «правой-левой-правой»: смена 5.00 отправилась по домам.

Загорелое лицо расцвело озорной улыбкой, на секунду показались ямочки. Почесав копну соломенных волос, он передернул плечами под пестрым шутовским платьем, словно собираясь с духом, двинул ручку резко от себя и пригнулся от ветра, когда машина скользнула вниз. Пронесся над движущейся дорожкой, нарочно спустился еще на метр, чтобы смять сultanчики на шляпках у модниц, и — зажав уши большими пальцами — высунул язык, закатил глаза и заулюлюкал. Это была мелкая диверсия. Одна тетка побежала и растянулась, рассыпав во все стороны кульки, другая обмочилась, третья упала на бок, и дежурные автоматически остановили движение, чтобы привести ее в чувство. Это была мелкая диверсия.

А он развернулся на переменчивом ветерке и унесся прочь.

За углом Института Времени вечерняя смена как раз грузилась на движущуюся дорожку. Без всякой лишней суэты работяги заученно переступали боком на медленную полосу, похожие на массовку из фильма Басби Беркли допотопных 1930-х годов, и дальше страусиным шагом, пока не выстроились на скоростной полосе.

И снова в предвкушении губы растянулись в озорной усмешке, так что стало видно — слева не хватает одного зуба. Он спланировал вниз, на бреющем полете пронесся над головами едущих, с хрустом отцепил прищепки, до поры до времени державшие концы самодельных разгрузочных желобов. И тут же из самолета на скоростную полосу посыпалось на сто пятьдесят тысяч долларов мармеладных горошков.

Мармеладные горошки! Миллионы и миллиарды красных, и желтых, и зеленых, и ромовых, и виноградных, и клубничных, и мятных, и круглых, и гладких, и глазурованных снаружи, и желейных внутри, и сладких, вязких, тряских, звонких, прыгучих, скакучих сыпались на головы, и каски, и робы заводских

рабочих, стучали по дорожке, скакали и закатывались под ноги и расцветили небо радугой детской радости и праздника, падали дождем, градом, лавиной цвета и сладости и врывались в разумный расчисленный мир сумасбродно-невиданной новизной. Мармеладные горошки.

Рабочие вопили, и смеялись, и бегали, и смешали ряды, а мармеладные горошки закатились в механизм движущихся полос, послышался жуткий скрежет, словно проскребли миллионом ногтей по четверти миллиона грифельных досок, а потом механизм заикался, заикался, и все дорожки остановились, а люди попадали как попало друг на друга и вышла куча мала, и мармеладные горошки запрыгивали в смеющиеся рты. Это был праздник, и веселье, и полное сумасбродства, и потеха. Но...

Смена задержалась на семь минут.

Рабочие вернулись домой позже на семь минут.

Общий график сбился на семь минут.

Он толкнул первую костяшку домино, и тут же щелк-щелк-щелк — попадали остальные.

Система не досчиталась семи минут. Пустяк, едва ли достойный внимания, но для общества, которое держится на порядке, единстве, равенстве, своевременности, точности и соответствии графику, почтении к богам, отмеряющим ход времени, это оказалось серьезной катастрофой.

Поэтому ему велели предстать перед Тиктакщиком. Приказ передали по всем каналам трансляционной сети. Ему было велено явиться к 7.00 ровно. Его ждали до 10.30, а он не явился, потому что в это время распевал песенку про лунный свет в никому неведомом месте под названием Вермонт, а потом снова исчез. Однако его ждали с семи, и графики полетели к чертям собачьим. Так что вопрос остался открытым: кто такой Арлекин?

И еще вопрос (невысказанный, но куда более важный): как мы дошли до жизни такой, что хохочущий, безответственный ерник из ерундового ералаша способен разрушить всю нашу экономическую и куль-

турную жизнь мармеладным горошком на сто пятьдесят тысяч долларов!

Мармеладным, на минуточку, горошком! Рехнуться можно! Где он взял денег, чтоб купить на сто пятьдесят тысяч долларов мармеладного горошку? (Сумма была известна в точности, потому что целое отделение оперативных следователей сорвали с работы и бросили на место преступления пересчитывать горошки, так что у всего отдела график сломался почти на сутки.) Мармеладный горошек! Мармеладный... горошек? Погодите секундочку (секундочку тоже ставим в счет) — мармеладный горошек снят с производства более ста лет назад. Где он раздобыл мармеладный горошек?

Тоже хороший вопрос. Тем более что, похоже, ответа на него не дождаться. Так сколько у нас теперь вопросов?

Середину вы знаете. Вот начало. Откуда что пошло.

Настольный ежедневник. День за днем, листок за листком. 9.00 — просмотреть почту. 9.45 — встреча с правлением комиссии по планированию. 10.00 — обсудить график хода установки оборудования с Дж. Л. 11.45 — молитва о дожде. 12.00 — ленч. И так далее.

— Очень жаль, мисс Грант, собеседование было назначено на 14.30, а сейчас уже почти пять. Очень жаль, что вы опоздали, но таковы правила. Придется вам подождать год и тогда снова подавать заявление в наш колледж.

Электричка 10.00 останавливается в Крестхэвене, Гейлсвилле, Тонаванде, Селби и Фарнхерсте, но не останавливается в Индиана-Сити, Лукасвилле и Колтоне по всем дням, кроме воскресенья. Скорый 10.45 останавливается в Гейлсвилле, Селби и Индиана-Сити, ежедневно кроме воскресных и праздничных дней, когда он останавливается в...

И так далее.

— Я не могла ждать, Фред. В 15.00 мне надо было быть у Пьера Картена, а поскольку ты предложил встретиться на вокзале под часами в 14.45, а тебя там не было, мне пришлось уехать. Ты вечно опаздываешь, Фред. Если б мы встретились, то как-нибудь бы все утрясли вдвоем, а раз так вышло, ну, понимаешь, я все решила сама...

И так далее.

«Уважаемые мистер и миссис Аттерли! В связи с тем, что ваш сын Герольд регулярно опаздывает, мы вынуждены будем отчислить его из школы, если вы не примете действенные меры к тому, чтобы он являлся на занятия вовремя. Невзирая на его выдающиеся способности и отличную успеваемость, постоянные нарушения школьного распорядка делают невозможным его пребывание в учреждении, куда другие дети способны приходить строго в назначенное время...»

И так далее.

НЕЯВИВШИЕСЯ ДО 20.45 К ГОЛОСОВАНИЮ НЕ ДОПУСКАЮТСЯ.

— Мне все равно, хороший сценарий или плохой, он нужен мне ко вторнику.

РЕГИСТРАЦИЯ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ В 2.00.

— Вы опоздали. Мы взяли на это место другого работника. Извините.

«Из вашего заработкадержан штраф за двадцатиминутный прогул».

И так далее. И так далее. И так далее. И так далее далее далее далее тик-так тик-так тик-так и однажды замечаем, что не время служит нам, а мы — времени, мы — рабы расписания и молимся на ход солнца, обречены ограничиваться и ужиматься, потому что функционирование системы зависит от строгого следования графику.

Пока не обнаруживается, что опоздание — уже не мелкая провинность. Оно становится грехом. Потом преступлением. Потом преступление карается так:

«К ИСПОЛНЕНИЮ 15 ИЮЛЯ 2389 12.00.00 в полночь. Всем гражданам представить свои табели и кардиопластинки в управление Главного Хрономет-

риста для сверки. В соответствии с постановлением 555-7-СГХ-999, регулирующим потребление времени на душу населения, все кардиопластинки будут настроены на личность держателя и...»

Власть придумала, как укорачивать отпущенное человеку время. Опоздал на десять минут — проживешь на десять минут меньше. За часовое опоздание расплачиваешься часом. Если опаздывать постоянно, можно в одно прекрасное воскресенье получить уведомление от Главного Хронометриста, что ваше время истекло, и ровно в полдень понедельника вы будете «выключены»; просьба привести в порядок дела, сэр, мадам или двуполое.

Так, с помощью простого научного приема (использующего научный процесс, секрет которого тщательно охранялся ведомством Тиктакщика) поддерживалась Система. А что еще оставалось делать? В конце концов, это патриотично. Графики надо выполнять. Как-никак, война!

Но разве не всегда где-нибудь война?

— Просто возмутительно! — сказал Арлекин, когда красотка Элис показала ему объявление о розыске. — Возмутительно и совершенно невероятно. Я что, гангстер? Объявление о розыске!

— Знаешь, — ответила красотка Элис, — ты слишком горячишься.

— Извини, — смиренно произнес Арлекин.

— Нечего извиняться. Ты всегда говоришь «извини». За тобой числится столько дурного, вот это и вправду печально.

— Извини, — сказал он снова и тут же закусил губу, так что сразу появились ямочки. Он вовсе не хотел этого говорить. — Мне снова пора идти. Я должен что-то делать.

Красотка Элис шваркнула кофейный баллончик на стойку.

— Бога ради, Эверетт, неужели нельзя остаться дома хоть на одну ночь? Неужели обязательно шляться

в этом гадком клоунском наряде и раздражать народ?

— Из... — Он замолк и напялил на соломенную копну шутовской колпак с бубенцами. Встал, вылил остатки кофе на поднос и на секунду сунул баллончик в сушку. — Мне надо идти.

Она не ответила. Факс зажужжал, Элис вытащила лист бумаги, прочла, бросила ему через стол:

— Это про тебя. Конечно. Ты смешной человек.

Он быстро прочел. Листок сообщал, что его ищет Тиктакщик. Плевать, он все равно опаздывает. В дверях, уже на эскалаторе, обернулся и раздраженно бросил:

— Знаешь, ты тоже горячишься!

Красотка Элис возвела хорошеные глазки к небу:

— Ты смешной человек!

Арлекин вышел, хлопнув дверью, которая с мягким вздохом закрылась и сама заперлась на замок.

Раздался легкий стук, красотка Элис набрала в грудь воздуха, встала и открыла дверь. Он стоял на пороге.

— Я вернусь примерно к половине одиннадцатого, ладно?

Ее перекосило от злости:

— Зачем ты мне это говоришь? Зачем? Ты отлично знаешь, что не придешь вовремя! Да! Ты всегда опаздываешь, так зачем говорить все эти глупости?

По другую сторону двери Арлекин кивнул самому себе. *Она права. Она всегда права. Я опаздаю. Зачем я говорю ей эти глупости?*

Он снова пожал плечами и пошел прочь, чтобы снова опоздать.

Он устроил фейерверк, и в небе распустилась надпись: «Я посещу сто пятнадцатый ежегодный международный съезд ассоциации врачей в 8.00 ровно. Надеюсь там с вами встретиться».

Слова горели в небе, и, разумеется, ответственные сотрудники прибыли на место и устроили засаду.

Естественно, ждали, что он опаздывает. Арлекин появился за двадцать минут до обещанного, когда в амфитеатре на него еще расставляли силки и сети. Он дудел в огромный мегафон, да так страшно, что ответственные сотрудники с перепугу запутались в собственных силках и взлетели, воля и брыкаясь, под потолок. Светила врачебной науки зашлись от хота и приняли извинения Арлекина преувеличенно благосклонными кивками, и все, кто думал, что Арлекин — обычный коверный в смешных портках, веселились от души; все — это все, кроме ответственных сотрудников, которых отрядило ведомство Тиктакщика — они висели под потолком, словно тюки, в самом что ни на есть неприглядном виде.

(В другой части того же города, вне всякой связи с предметом нашего разговора, за тем исключением, что это иллюстрирует силу и влияние Тиктакщика, человек по имени Маршалл Делаганти получил из ведомства Тиктакщика уведомление о выключении. Повестку вручил его жене сотрудник в сером костюме и с положенным «скорбным выражением» поперек хари. Женщина, не вскрыв повестку, уже знала, что внутри. Такие «любовные записки» узнавались с первого взгляда. Она задохнулась, держа листок, словно зараженный ботулизмом осколок стекла, и моля Бога, чтобы повестка была не ей. «Пусть Маршу, — думала она жестоко, реалистично, — или комуто из детей, но только не мне, пожалуйста, Боже, не мне». А когда она вскрыла повестку, и оказалось, что это действительно Маршу, она разом испугалась и успокоилась. Пуля сразила следующего в шеренге. «Маршалл! — завопила она. — Маршалл! Прекращение! Господитыбожемой, Маршалл, накоготынасоставиши, Маршалл господитыбожемоймаршалл...» и в доме всю ночь рвали бумаги и тряслись от страха, и запах безумия поднимался к вентиляционным трубам, и ничего, решительно ничего нельзя было поделать.

Но Маршалл Делаганти попытался бежать. Утром следующего дня, когда пришел срок отключения, он

был далеко в канадском лесу в двухстах милях от дома, и ведомство Тиктакщика стерло его кардиопластинку, и Маршалл Делаганти споткнулся на бегу, его сердце остановилось, кровь застыла на пути к мозгу, и он умер, и это все. На рабочей карте в кабинете Главного Хронометриста погасла лампочка, на телефон передали сообщение, а имя Жоржетты Делаганти внесли в траурный список, чтобы по прошествии соответствующего времени выдать ей разрешение на новый брак. Здесь кончается примечание, и все, что надо, разжевано. Только не смейтесь, потому что это же случилось бы с Арлекином, разузнай Тиктакщик его настоящее имя. Ничего смешного.)

Торговый уровень города пестрел разодетой четверговой толпой: женщины в канареечно-желтых хитонах, мужчины в ядовито-зеленых псевдотирольских костюмах: кожаных, плотно облегающих, но со штанами-фонариками.

Когда Арлекин с мегафоном у рта и озорной улыбкой на губах появился на крыше недостроенного, однако уже работающего Центра Ускоренной Торговли, все вытаращили глаза и стали тыкать пальцами, а он принялся ругаться:

— Зачем разрешаете собой помыкать? Зачем по приказу суетитесь, как муравьи или козявки? Отдохните! Расслабьтесь! Порадуйтесь солнцу, ветру, пусть жизнь идет своим чередом. Довольно быть рабами времени, это препаскудный способ умирать, медленно, постепенно... Долой Тиктакщика!

— Кто этот псих? — удивлялись покупатели. — Кто этот псих... фу-ты, я опаздываю, надо бечь...

Строительной бригаде Торгового Центра поступил срочный приказ из ведомства Тиктакщика: опасный преступник по кличке Арлекин проник на купол здания и требуется их помочь в немедленном задержании. Бригада сказала: «Нет, мы вылетим из строительного графика», но Тиктакщик нажал на нужные правительственные рычаги, и рабочим велели бро-

сать работу и лезть на крышу, ловить этого кретина с громкоговорителем. Поэтому больше десятка здоровенных работяг залезли в строительные люльки, включили антигравитационные подъемники и стали подниматься к Арлекину.

После заварухи (в которой, заботами Арлекина, никто серьезно не пострадал) строители кое-как собрались и попытались снова напасть, но поздно. Арлекина след простыл. Однако потасовка собрала толпу, и покупательский цикл сбился на часы, буквально на часы. Соответственно потребительский спрос остался недоудовлетворен, и пришлось принять меры к ускорению цикла до конца дня, но процесс захлебывался и пробуксовывал, и в результате продали слишком много поплавковых клапанов и слишком мало дергалок, и возник чудовищный дисбаланс, и пришлось завозить ящики и ящики дезодорирующего «Шик-Блеска» в отделы, куда обычно требовался ящик на три-четыре часа. Поставки спутались, допоставки смешались, и в конечном счете пострадало даже производство пимпочек.

— Чтобы без него не возвращались! — велел Тиктакщик очень тихим, очень внятным, чрезвычайно угрожающим голосом.

Применили собак. Применили зонды. Применили метод исключения кардиопластинок. Применили фотороботов. Применили подкуп. Применили угрозы. Применили пытки. Применили истязания. Применили стукачей. Применили фараонов. Применили положительную стимуляцию. Применили дактилоскопию. Применили бертильонаж. Применили хитрость. Применили обман. Применили подлость. Применили Рауля Митгонга, но он не очень-то помог. Применили прикладную физику. Применили методы криминалистики.

И что вы думаете? Нашли!

В конце концов он звался Эверетт С. Марм — не Бог весть кто, просто человек, начисто лишенный чувства времени.

— Покайся, Арлекин! — сказал Тиктакщик.

— Иди к черту, — презрительно ухмыльнулся Арлекин.

— Вы опоздали в общей сложности на шестьдесят три года, пять месяцев, три недели, два дня, двенадцать часов, сорок одну минуту, пятьдесят девять секунд, ноль целых, запятая, три шесть один один один микросекунды. Вы исчерпали все, что могли, и даже больше. Я отключу вас.

— Пугай других. Лучше умереть, чем жить в бессловесном мире с пугалом вроде тебя.

— Это моя работа.

— Ты слишком рьяно за нее взялся. Ты — тиран. Кто дал тебе право гонять людей туда-сюда и убивать их за опоздание?

— Вы неисправимы. Вы не вписываетесь.

— Развяжи меня, и я впишусь кулаком тебе в морду.

— Вы — нонкомформист.

— Раньше это не считалось преступлением.

— Теперь считается. Живите в реальном мире.

— Я ненавижу его. Это кошмарный мир.

— Не все так думают. Большинство любит порядок.

— Я не люблю, и почти все мои знакомые — тоже.

— Вы ошибаетесь. Знаете, как мы вас поймали?

— Мне безразлично.

— Девушка по прозвищу Красотка Элис сообщила нам, где вы.

— Врешь.

— Нет. Вы раздражали ее. Она хотела быть как все. Принадлежать к системе. Я отключу вас.

— Так отключай и нечего со мной спорить.

— Я не отключу вас.

— Идиот!

— Покайся, Арлекин! — сказал Тиктакщик.
— Иди к черту.

Так что его отправили в Ковентри. А в Ковентри обработали. Так же, как Уинстона Смита в «1984» — книге, о которой никто из них не слыхал, но методы эти очень стары, их и применили к Эверетту С. Марму; и однажды, довольно долгое время спустя, Арлекин появился на экранах, озорной, с ямочками на щеках, ясноглазый, совсем не с тем выражением, какое должно быть после промывания мозгов, и сказал, что ошибался, что очень, очень хорошо быть, как все, успевать вовремя, хей-хо, привет-пока, и все смотрели, как он говорит это с общественных экранов размером в целый городской квартал, и рассуждали про себя, да, видишь, значит, он и впрямь был псих, такова жизнь, надо подчиняться, потому что против рожна или, в данном случае, против Тиктакщика не попрешь. И Эверетта С. Марма уничтожили, и это большая жалость, памятуя о том, что сказал раньше Торо, но нельзя приготовить омлет, не разбив яиц, и в каждую революцию гибнет кто-то непричастный, но так надо, потому что такова жизнь, и если удастся изменить хоть самую малость, значит, жертвы были не напрасны. Или, чтобы уж совсем понятно:

— Э-э... извините, сэр, не знаю, как и э-э... сказать, но вы опоздали на три минуты. График немного э-э... нарушился. — Чиновник боязливо улыбнулся.

— Чушь! — проворковал из-за маски Тиктакщик. — Проверьте часы.

И мягкой кошачьей походкой проследовал в свой кабинет.

КРАСОТКА МЭГГИ ДЕНЬГООЧИ

— Кажется, вы пишете фантастику? — частенько спрашивают меня. Как правило, незнакомые люди, узнавшие меня в очередном аэропорту. Обычно я вежливо киваю. Но затем меня нередко спрашивают: — А как... э-э... вы стали этим заниматься?

Восхитительный вопрос. Разумеется, на него нет разумного ответа, остается только нести всякую чепуху. Потому что это идиотский вопрос, словно вас спрашивают: «А как вы начали заниматься сексом?» Ответ здесь, естественно, очевидный: просто начал заниматься, и все. Если его слегка модифицировать, чтобы он касался вопроса о писательстве — в отличие от секса, которым может заниматься даже бездарь, — то лучшее, что можно ответить, звучит так: «Если у вас есть талант, вы просто начинаете писать».

Если, однако, отбросить скромность, то можно сказать, что вы «стали заниматься» писательством, потому что у вас поразительная способность ощущать чувства людей, замечать все вокруг, вплоть до мельчайших деталей того, как люди говорят и думают, как себя ведут, как одеваются, что думают о себе и других, как ведут себя в компании, как стремятся к своим целям, как сами сажают себя в лужу, как считают разумным то, что на самом деле есть предрассудки, что совершают ради собственного благополучия и какими особыми способами подсознательно

Pretty Maggie Moneyeyes
© М. Гутов, перевод, 1997

уничтожают себя, как действует на них критика, как они реагируют на любовь, какую часть дня проводят в стремлении отомстить, а какую — настраивая мир вокруг себя...

Короче, отвечая на столь идиотский вопрос, надо сказать: узнайте людей как можно лучше, и из хранилища накопленных знаний прорастут идеи рассказов. Потому что *таков* ответ на *другой* невежественный вопрос, который задают писателям (обычно слушателями на лекциях, домохозяйками из пригородов и ортодоксами на вечеринках с коктейлями): «Где вы берете идеи?»

И если вы намерены быть писателем, то вам лучше смириться с тем, что оба этих вопроса вам будут задавать миллион раз до самой могильной плиты. Потому что почти *каждый* думает, что может быть писателем; очень многие способны вовремя догадаться, что нельзя стать физиком-ядерщиком, виртуозным скрипачом или даже пристойным автомехаником, не потратив несколько лет на учебу, тренировку и накопление практического опыта, зато *каждый* считает, что где-то в голове у него уже имеется великий роман, жаль только, что некогда сесть и его написать. Чушь, конечно, но если бы вы могли обернуться сидящей на стене мухой и послушать, сколько чокнутых приходит к писателю и заявляет: «У меня такая необычная жизнь, по-настоящему суперинтересная, так почему бы вам не написать про нее, а деньги мы разделим пополам», то вы сами поняли бы, в чем заключается сердцевина этого печального писательского опыта.

Потому что суть состоит в том, что сколько бы у вас ни имелось сенсационных идей для рассказов, вы не станете писателем до тех пор, пока не узнаете людей и пока люди в ваших рассказах не оживут. Лучший в мире сюжет так и останется цепочкой событий, если вдоль этой цепочки не побегут живые, дышащие люди; и наоборот — даже скучнейший сюжет может показаться захватывающим, если в нем действуют привлекательные персонажи.

В идеале наделенный талантом автор должен переплавить оба компонента в повествование, которое заставит вас верить и сочувствовать, потому что люди в нем реальные и интересные, а происходящие с ними события — нестандартны и поразительны. Но если бы мне пришлось выбирать, то я выбрал бы людей, а не сюжет, потому что, как сказал Уильям Фолкнер, принимая Нобелевскую премию 10 декабря 1950 года: «...только проблемы человеческого сердца в конфликте с самим собой могут стать достойными описания, потому что только это стоит описывать, только это стоит мук и пота».

А на подобный вопрос я могу ответить вот что: идите и проживите множество дней и ночей, неустанно наблюдая, накапливайте огромный запас знаний о людях, а затем просто садитесь и начинайте проводить *еще больше* дней и ночей наедине со своей машинкой, перенося этих людей на бумагу свежо и захватывающе. Но как можно сказать такое тому, кто задал этот вопрос? Если он вообще задан, то почти наверняка спросивший никогда не станет писателем. Это одна из тех вещей, которые писатель знает и понимает интуитивно. Вопрос же означает, что такой интуиции у человека нет.

И даже если бы я ответил секретной формулой, что уже раскрыта выше, разве не задали бы мне следующий вопрос: «А где вы берете людей, о которых пишете?» А это по сути повторение вопроса «Где вы берете идеи?»

Что ж, чтобы только *приблизиться* к ответу, потребовалось бы эссе размером с это, но, поскольку и я, и вы уже здесь, почему бы не поговорить на эту тему?

Например, откуда взялась Мэгги?

Отчасти я списал ее с женщины по имени Шаун (которая, когда я положил перед ней опубликованный рассказ и сказал, что она послужила моделью для Мэгги, взглянула на меня так, словно я был выскочившим из табакерки чертиком; она не увидела себя в этом персонаже, а я именно *этого* и хотел. Мэгги родилась от Шаун, но Шаун не Мэгги, однако

и Мэгги не Шаун, если вы поняли мою мысль; имеются точки сходства, и общее поведение: *для меня, как для творца* одинаковое, но порожденное моим воображением существо не может быть взято из жизни один к одному.

Но рассказ о том, как родилась Мэгги, возможно, сможет ответить на вопрос: откуда берутся идеи и персонажи? Поэтому я расскажу, как это произошло.

С Шаун я познакомился в 1963 году здесь же, в Лос-Анджелесе. Она была (и осталась) чрезвычайно красивой женщиной с властными манерами и таким «чувством себя», что оно громко заявляло о ее присутствии даже тогда, когда она входила в переполненное людьми помещение. Я сам видел, как целые группы заядлых спорщиков мгновенно смолкали и не сводили с Шаун глаз, когда она входила в комнату. Она высокая, элегантно одевается, лицо у нее такое, каким я его описал в рассказе, и все это в сумме дает такую женщину, подобную которой вряд ли встретишь дважды за двадцать лет.

Я понятия не имею, чем она *на самом деле* зарабатывает себе на жизнь; я уверен, что она не девушка по вызову, но в равной мере уверен и в том, что она принадлежит к числу тех женщин, которые, пользуясь своей необычной женственностью и чувственностью, охмуряют богатых мужчин и заправляют их жизнью ровно столько, сколько требуется, чтобы расстаться с ними заметно богаче, чем в день знакомства. Она, разумеется, оценивает себя достаточно высоко и не продается задешево. Она, как я это вижу, принадлежит к тем женщинам, про которых Тулуз-Лотрек сказал: «Женщины никогда не отдают свою любовь, они ее одолживают... под самые высокие проценты». Прошу вас, обратите внимание на отличие, которое я хочу подчеркнуть: она *не* шлюха, а женщина, которая пользуется сексом просто как инструментом для достижения жизненных целей. Это важное отличие, потому оно помогает понять суть характера Мэгги. В рассказе Мэгги живет с Нунсио, но она совершенно ясно дает понять своему любовнику, что не принадлежит ему, что она сама

себе хозяйка. Если бы я сделал ее плоской как блин, просто куском мяса, то вряд ли бы рассказ настолько подобрался к сердцу темы, насколько он, как мне кажется, смог это сделать. Подобные, зачастую тонкие и тональные различия в описании характера, как раз и могут составить разницу между рисунком оригинального персонажа и бездарным наброском, который всего лишь очередная карикатура... В данном случае она стала бы еще одной шлюхой с золотым сердцем, этим стертым клише душепитательных фильмов и дешевых романов тридцатых годов, созданных авторами, более озабоченными утверждением собственного *максима*, чем поворотом зеркала жизни под новым углом.

Однако, я отвлекся. Вернемся к рассказу...

Меня физически влекло к Шаун, но меня удерживало на расстоянии то внутреннее предупреждение, которое у меня всегда появляется при виде порогов, водопадов, водоворотов и быстрых течений. Что бы там про нас ни говорили, мы ни разу с ней не переспали. Тревожный звоночек внутри был для меня важнее секса. И мы каким-то странным образом стали друзьями; Шаун превратилась в одного из тех иноземных тотемов, которого каждый из нас держит в своем мире для доказательства того, насколько мы уравновешены и «нормальны», а я обернулся для нее кем-то вроде всезнающего эльфа, способным поддерживать интересный разговор во время скучных обедов; тем, кто всегда готов поднять трубку среди ночи, когда раздается полный отчаяния звонок.

Как-то вечером мы приехали в ее небольшой домик, и она весьма сильно напилась. Я перенес ее в спальню — в точности такую, что описана в рассказе, хотя я ее вовсе не описывал.

(А это еще что за чертовщина?! Он ее или описывал, или не описывал? Сразу оба варианта не бывают.

Неправильно. *Бываю*т оба варианта сразу; фактически вы *обязаны* обеспечить оба варианта, если хотите, чтобы описание заработало, а ваши персонажи стали живыми. Потому что — и в этом главное — писатель должен стремиться не к репортерски-точно-

му воссозданию жизни, а к многозначности, к изменинному и возвышенному восприятию жизни, которая *кажется* реальной. Тогда писатель сможет отобрать те элементы, что работают лучше всего, выглядят самыми прочными и точнее всего выражают мысль. А в писательском ящичке с инструментами лучшим приспособлением для достижения этой многозначности является близкое знакомство с биографиями персонажей. Все невысказанное, все мельчайшие детали, которые никогда не попадут на печатную страницу, должны тем не менее существовать в тени, по ту сторону слов.

Стены в спальне Шаун были обклеены ворсистыми обоями, кроваво-красными и черными. Огромная кровать с орнаментированным изголовьем из кованого железа. Здесь повсюду, в каждом предмете, избранном для помещения сюда, ощущалась чувственность. Ванная комната была продолжением спальни, вплоть до золотых кранов в форме дельфинов над раковиной и ванной. По-своему то было эхо роскошного новоорлеанского дома удовольствий, и хотя ни на что конкретное нельзя было указать пальцем, подтверждая сходство, создавалось *общее* впечатление... как бы это назвать... *мэгговости*. Спальня служила продолжением ее потребностей, ее стремлений, ее прошлого, ее надежд на будущее, ее стиля и ее фасада.

Мне не довелось описывать сцену, происходящую в спальне Шаун, но эта спальня незримо присутствует в рассказе и дает подробнейшее описание Мэгги. Для меня физическое существование этой спальни стало венцом представлений о том, кто такая Шаун, и память о ней незримо витала у меня над головой, когда я писал рассказ. Поэтому, хотя я и не изобразил этот элемент, повествуя о Мэгги, она там *есть* — не как информация, а как дух, настроение.)

Той ночью мы могли бы заняться любовью, но настороженность, которую я давно в себе заметил, заставила меня накрыть ее одеялом и тихонько уйти.

После этого я два года не видел Шаун.

В четверг, 7 октября 1965 года я был в Лас-Вегасе, и мы снова встретились. Я написал (а затем жутко переписал) сценарий фильма под названием «Оскар» для студии «Embassy Pictures» Джозефа Е. Левайна. Хотя я писал его для Стива Мак-Куина и Питера Фолка, они пригласили сниматься Стивена Бойда и Тони Беннета, и, чтобы разрекламировать первую (и, как оказалось, последнюю) роль Беннета в кино, Левайн перевез всю съемочную группу вместе со специалистами по рекламе из Голливуда в Лас-Вегас, где Беннет должен был выступать в отеле «Ривьера».

А теперь краткое отступление, которое отступлением вовсе не является. Люди функционируют в контексте своего окружения; это настолько очевидное замечание, что мне не следовало бы его и делать, но зачастую даже меня удивляет наивность тех, кто хочет быть писателем, но задает вопросы наподобие: «Где вы берете идеи?», поэтому я и привожу его здесь.

Поняв это утверждение, вы поймете, что персонаж можно описать и за счет его окружения. То есть одни люди подпитываются эмоционально, живя в сельской местности, а другие — в больших городах. Писатель может облечь плотью героя, связав его или ее со сценой, на которой герой функционирует. В Лас-Вегасе, как мне кажется, успешно обитают лишь личности совершенно определенного типа. Сельская Мышь здесь бы не выжила, и даже Городской Крысе пришлось бы несладко. Потому что Вегас не город. Это культурная искусственность, неестественная опухоль посреди пустыни. Он никогда не стал бы процветать, не будь на свете жадности, снов наяву и присущей Американскому Характеру особенности, требующей исполнения желаний в Диснейлендах всех разновидностей. Облик Вегаса мне видится каким-то лавкрафтovским: мрачный и зловещий тип, который поблескивает улыбкой Борджа под невинным солнцем Невады, вытягивая радость и надежду из душ неудачников всего мира — как, например, Костнера. (И отступление внутри отступления: быть может, нужен разум фантаста, чтобы увидеть в Вегасе эти качества; я знаю десятки человек, которые

живут в Вегасе и рассказывают мне о церквях, школах и хорошей жизни, но у меня мурашки бегут по коже всякий раз, когда я оказываюсь неподалеку. Потребовался другой фантаст, Ричард Матесон, чтобы ощутить то, что ощущаю в этом городе я — такое чувство у него возникло, когда он писал сценарий «Бродящего в ночи» (*The Night-Stalker*), и тем самым подтвердило мне то, что я не единственная и одиночная душа, ощущившая кошмар за сиянием неона.) И еще мне кажется — продолжая разговор об описаниях персонажей, — что весьма эффективным приемом для создания оригинальных персонажей является помещение его в специально сотворенное окружение, где он будет действовать, подпитываясь неосозаемыми вибрациями этого окружения, будь то трущобы Гарлема, старинный особняк в луизианской глубинке или казино в Лас-Вегасе. И вновь на сцене должна появиться *интуиция* писателя. Вот видите, не таким уж это оказалось и отступлением.

Итак. Лас-Вегас. Особое место, вызывающее особое ощущение. Трепет запретного секса, напряженность, предчувствие опасности и возбуждения, особые звуки в воздухе.

Я присутствовал на выступлении Беннета в «Ривьере» — черный галстук и фрак, множество красоток и много блеска, — а затем продюсеры и остальная команда «Оскара» разошлись по личным номерам. Кто-то трахать девочек из шоу, кто-то спать, кто-то играть в казино. Хотя перевалило за полночь, сна у меня не было ни в одном глазу, поэтому я уселся за стол для «блэкджека» и принялся играть.

Прошло примерно полчаса, и тут мне на плечо опустилась чья-то рука. Я обернулся и увидел Шаун, выглядящую необычайно соблазнительно и внезапно — щелк! — столь безупречно вписывающуюся в окружение казино, что я понял, даже не задумываясь, что Шаун рождена для Вегаса, и наоборот, Вегас создан для Шаун. Как в поговорке: если бы Вегас или Шаун не существовали, их следовало бы изобрести друг для друга.

Я обменял свои фишкы на деньги. (Личное примечание: персонаж по фамилии Костнер не является Автором. Нередко поступками персонажа управляет личность автора, но в случае Костнера, *неудачника и проигравшего* — во всех жизненных смыслах этих слов — я черпал из других источников. В рассказе Костнер проигрывает за игровыми столами. В реальной жизни я постоянно выигрываю. Это то, что в писательстве называется «играть против Синдрома Портноя».) Мы вышли прогуляться на автостоянку. Шаун сказала мне, что танцует в массовке в одном из казино. Это показалось мне странным. Она никогда не упоминала, что умеет танцевать, а чтобы танцевать даже в массовке в крупном отеле Вегаса, женщина должна уметь это делать *хорошо*. Есть, разумеется, и так называемые «обнаженные статуи», которые стоят с обнаженной грудью и стараются выглядеть элегантно, но у меня возникло острое ощущение, что Шаун мне солгала. Возможно, она тогда проводила какую-то махинацию и не желала, чтобы я про это знал. Впрочем, это не имеет значения. Она добавила, что живет в Вегасе, и почему бы мне не зайти к ней в гости.

Наверное, то был единственный момент в наших отношениях, который мог завершиться постелью. И должен признаться, я уже был готов согласиться. Но что-то в глубине сознания покусывало меня; нечто о Шаун, о Лас-Вегасе, о ночи и ее электрической безотлагательности. Я отказался, она села в свою машину и уехала, а перед этим мы обменялись обычными притворными обещаниями время от времени встречаться.

Я торчал на стоянке и пытался освободить путь наружу тому самому предчувствию, что копошилось в глубинах моего сознания. Поймите: в тот момент я отрешился от реальности. Если и существует момент, на который писатель, пытаясь изолировать мгновение творчества, когда в его голове рождается рассказ, может указать пальцем, тот самый момент, который философы пытались изолировать с самого начала записанной летописцами истории, то это *долж-*

ны быть моменты подобные тому, который я пережил на автостоянке отеля «Ривьера» в Лас-Вегасе. Потому что *нечто* уже вскипало во мне, все реле в подсознании замкнулись, все вычисления завершились, а вся информация пропущена через процессор и обработана.

Я вернулся в казино и сел за игровой стол. Но играть не стал. Я размышлял и инстинктивно вернулся на территорию, где зародилась исходная мысль. Дилера все больше раздражало, что я лишь занимаю место, но потом он стал сдавать карты сбоку от меня.

Звуки. Именно сплав *звуков* в конце концов переключил мысли из подсознания в сознание. Непрерывное щелкание игровых автоматов — щелчки, вращение, звон монет... звуки людей, делающих ставки на будущее в надежде сбежать от настоящего... колесо фортуны... голоса крупье и дилеров...

И все кусочки мозаики встали на свои места.

Шаун. Лас-Вегас. Коварство игровых автоматов. Поклонение современному божеству, олицетворенному шансом и отчаянием, родившимся после смерти удачи.

Я бросился прочь от игрового стола и помчался вверх по лестнице.

Я всегда путешествую с машинкой. Куда бы я ни отправился, она всегда со мной, потому что я обнаружил, что невозможно предсказать, когда наступит озарение. Машинка уже ждала меня, я сорвал с себя одежду и начал печатать. (Для понимания того, что будет написано ниже, важно знать, что я часто пишу обнаженным. Это не какая-то там причуда художника, тут нет ничего дурного или зловещего, просто мне так удобнее. Когда я пишу, то часто расхаживаю по комнате и становлюсь очень разгоряченным по мере того, как рождается рассказ. Иногда я разыгрываю перед собой диалоги персонажей в лицах и сам с ними разговариваю. Итак: я писал обнаженным в номере отеля в Лас-Вегасе, где кондиционеры нагоняют почти арктический холод.)

Я обнаружил, что самым трудным делом в написании любого рассказа является правильное создание

персонажа. Обычно это делается от ядра наружу. Ядром я называю ту конкретную функцию, которую персонаж выполняет в сюжете. Если, к примеру, от персонажа потребуются тяжелые физические усилия, то можно погубить все, наделив его неадекватными физическими характеристиками: калека, туберкулезник, коротышка, подросток...

Если необходимо, чтобы персонаж ухватил какую-либо абстрактную идею или пришел к некоему глубоко философскому или моральному решению, то автор может сам вырыть себе яму, сделав вымышленного героя неотесанной деревенщиной, или аморальным типом, или настолько униженным, что принятие каких-либо серьезных решений вообще окажется для него в принципе невозможным...

Все это, естественно, эмпирические правила. Можно достигнуть неплохого контрапункта, поместив калеку в ситуацию, в которой она или он должен преодолеть свою немощь и спасти все и всех, или же, аналогично, можно сыграть на ноте гуманности, если взять персонажа, которому никогда не приходилось разбираться в тонких этических различиях, и ткнуть его носом в необходимость этим заняться. Но в целом, общие правила сохраняют силу.

Иногда бывает также трудно решить, кем будет ключевой персонаж — мужчиной или женщиной.

Традиционно в художественной литературе такими персонажами, спасителями и героями, служат мужчины. Я во многом приписываю это мужскому шовинизму. Подсознательному сексизму.

В рассказе о Мэгги проблема оказалась еще более сложной. Из-за стиля и формата, который я решил использовать, Мэгги не могла стать ключевым персонажем. Но она должна была стать протагонистом, сильнейшей фигурой в рассказе. Костнер, чтобы совершить то, что ему предстояло, должен быть неудачником, слабым человеком, поддающимся манипулированию. Из таких не получаются ключевые персонажи, вызывающие симпатию. Поэтому я разделил ключевой момент и ввел Костнера в настоящем времени, а Мэгги в ретроспективе (и произвел слияние

только в цепочке снов, где Мэгги «обладает» мужской силой Костнера); но я разбросал кусочки Мэгги-персонажа повсюду, где действует Костнер, поэтому ее присутствие всегда остается центральным.

Когда я писал рассказ — всю ночь и следующий день, — я стал одержим Мэгги. Она оказалась одним из самых захватывающих персонажей, когда-либо созданных мной. Вообще-то, смешно: я не создавал Мэгги, она создала себя *сама*. Вот почему я считаю этот рассказ одним из своих лучших. Потому что она *настолько* права, настолько зrima и реальна, что подтверждает предупреждение Фолкнера о единственной реальной причине, по которой стоит писать, и она воплощает священнейшее усилие писательства: становится реальной личностью. Величайшие книги — это те, в которых действует персонаж, наделенный мощной аурой многозначности... и вам никогда его не забыть. Пип, Раскольников, Гек Финн, Квазимодо, капитан Ахав, Роберт Джордон, Джей Гэтсби, Бен Райх, леди Макбет, Галли Джимсон, князь Мышкин, Шерлок Холмс, Уинстон Смит, Туан Джим, девушка-птица Рима, сестра Кэрри — все они пылают в памяти и живут там, когда книга уже закрыта. Читатель давно забыл запутанные повороты сюжета или изящество стиля, но *персонаж* остается у него в голове. Как будто он *жил*, *по-настоящему* жил; и за этот подарок, за контакт с особой личностью, читатель готов отдать автору любые сокровища.

Я пытался вдохнуть жизнь в Мэгги, но и она подпитывала энергией мои труды, заставляя изображать ее именно так, а не иначе. Вновь, как это уже неоднократно случалось прежде, власть над рассказом захватил сам персонаж. И мне кажется, что если писатель работает хорошо, если он контролирует материал, даже не зная, в каком направлении движется повествование, то ключевой персонаж ему поможет. Чем сильнее персонаж зафиксирован в сознании своего творца, тем больше он станет требовать, чтобы рассказ о нем был записан правильно, уводя автора из одного места в другое, направляя сюжет туда, куда автору даже в голову бы не пришло

его направить. Это чудесное и одновременно пугающее ощущение.

Мэгги оказалась настолько сильна, что я писал и писал, позабыв о времени, о месте и даже о потребностях собственного тела. И Мэгги по-своему затянула внутрь и меня, как она поступила с Костнером. Сидя в холодном номере отеля, я заработал сперва острую пневмонию, а под конец свалился с плевритом. Насколько мне помнится, я рухнул на второй день писательства. Меня самолетом доставили в Лос-Анджелес и поместили в госпиталь, где я через некоторое время пришел в себя и стал требовать машинку, чтобы завершить рассказ.

Самое поразительное в последующих событиях то, что я не помню, когда и как написал целые куски рассказа. Две типографски отличающиеся секции, следующие сразу после описания сердечного приступа у Мэгги и ее кончины, были, очевидно, написаны, когда я погружался в кому. Воистину, это очень странные секции: одна словно пытается описать момент смерти, а другая — в исходной рукописи — не напечатана, а написана слегка дрожащей рукой и такими мелкими буквами, что мне пришлось перепечатать весь кусок перед отправкой издателю. Кажется, я попытался описать, каково чувствовать себя душой без тела, запертой внутри игрового автомата.

Все это доказывает, по крайней мере мне, что Мэгги оказалась настолько мощным персонажем, что каким-то магическим способом попыталась написать рассказ о себе. Кстати, это не единственный случай. Почти каждый хороший писатель, с кем мне доводилось разговаривать, рассказывал мне сходную историю: в тот или иной момент персонаж брал управление в свои руки и отказывался делать то, что писатель для него запланировал. Некоторые не желали влюбляться по приказу, другие отказывались умирать, а третья заявляли, что их жизни более важны, чем жизни тех персонажей, которых писатель выбрал на главные роли. Случается.

Когда я только начинал, Альгис Бадрис как-то сказал мне: «Нельзя описать персонаж, сказав, что

он выглядит в точности как Гэри Грант, только уши у него побольше». Я вспомнил давно написанный Бадрисом рассказ, в котором злодей был бюрократом, жевавшим шоколадные батончики во время трудного разговора с главным героем. Этот штрих был ключом к его характеру... Не помню как... я это читал почти пятьдесят лет назад... но эта деталь характера помнится мне до сих пор, хотя сам рассказ я давно позабыл. Но Альгис, говоря об ушах Гэри Гранта, разумеется, имел в виду то, что в описании персонажа нет мелочей. Нужно пробовать, искать и комбинировать, пока из набора возможных человеческих качеств не сложится конкретная личность, подходящая для конкретного рассказа.

Далее, нельзя говорить, каков персонаж на самом деле, это надо показать. Правдивость того, что персонаж говорит о себе, нужно сравнивать с его *поступками*. Важно, что говорят о нем другие персонажи, как они на него реагируют — все это способы, при помощи которых мы *видим*, как раскрывается суть этой личности, а не просто *слышим*, что нам о нем говорит всеведущий автор.

Речевые особенности персонажа, то, как он одевается, его привычки, его запахи, его манера поведения... все это части тщательно выписанного портрета, но надо помнить, что не следует раскрывать о персонаже больше, чем необходимо для его понимания и идентификации (в зависимости от важности персонажа). Чехов однажды сказал: «Если в первом акте на сцене висит ружье, то во втором оно должно выстрелить». Другими словами, не надо вязнуть в киселе излишних подробностей, если в них нет нужды для сюжета или для усиления правдоподобности персонажа.

Помните: персонажи обитают не в вакууме. Они живут в контексте своей эпохи, места жительства, своего прошлого и реакций на них других персонажей. В них должна быть внутренняя целостность. Полианну никогда не арестуют за торговлю наркотиками. Это попросту не пройдет. Никто вам не поверит. У маркиза де Сада никогда не выйдет книга в

издательстве, где печатают Библии. Это нелогично, а писателю и без того приходится тяжело трудиться, чтобы перебороть недоверие читателя и заставить его поверить в написанное — особенно если он работает в жанре фантастики, — так что незачем валить в общую кучу еще и нелогично действующий персонаж, не вписывающийся в контекст.

Я случайно встретился с Шаун через пару лет после написания «Мэгги» в Вегасе — уже здесь, в Лос-Анджелесе. Выглядела она замечательно. Возможно, чуточку постарше, но загорелую и цветущую. На ней была серая, как яичная скорлупа, шляпка, сдвинутая на глаз, и она только что вернулась из Гватемалы или Уругвая, или откуда-то из тех мест.

Я сказал ей, что собираюсь написать эту статью и кое-что в ней будет про нее. Она рассмеялась и поцеловала меня в щечку.

— Надеюсь, ты не станешь и сейчас убеждать людей, будто я послужила моделью для той ужасной личности, — сказала она. — Никто в это не поверит!

Может, и нет. Но у меня возникло чувство, что как раз сейчас в Гватемале или в Уругвае, или еще где-то в тех местах, есть некий богатый мужчина, который стал чуть беднее, проведя пару недель с Мэгги, и уж он-то мне поверит.

Восьмерка вниз, дама наверх, крупье перевернул четыре карты, и Костнер решил больше не рисковать. Он стоял, крупье открылся. Шесть.

Крупье походил на персонажа из фильмов Джорджа Рафта 1935 года: холодные, как арктический лед, ромбовидные глаза, длинные наманикюренные пальцы нейрохирурга, прямые черные волосы, бледный лоб. Он сдавал карты, не поднимая глаз. Тройка. Тройка. Пять. Пять. Двадцать одно.

Костнер видел, как крупье смел в ящик его последнюю тридцатку — шесть пятидолларовых жетонов. Продулся. В ноль. В Лас-Вегасе, штат Невада. На игровой площадке Западного мира.

Он встал с удобного кресла и отвернулся от стола с блэкджеком. Игра началась по новой, — волны сомкнулись над головой утопленника. Он там был, его не стало, никто и не заметил. Никто не заметил, как он разорвал последнюю связь со спасением. Теперь у него есть выбор: либо бродягой добираться до Лос-Анджелеса и там начинать новую жизнь... либо сразу застрелиться.

Ни один вариант не сулил большой радости.

Сунув руки в карманы изношенных и грязных брюк, Костнер побрел по проходу между лязгающими и звенящими игровыми автоматами и столами с блэкджеком. И остановился. В кармане что-то оставалось.

Пятидесятилетняя матрона в прозрачной накидке, туфлях на высоком каблуке и распахнутой блузке играла сразу на двух автоматах. Зарядив и дернув рычаг одного, она не дождалась результата и переходила ко второму, в левой руке сжимая неистощимый бумажный стаканчик с монетами по двадцать пять центов. Механические движения, застывшее лицо и остекленевший взгляд придавали ей сюрреалистический вид. И лишь когда ударили гонг, означающий, что кто-то сорвал джекпот, она вскинула голову. В этот момент Костнер осознал всю аморальность узаконенного азарта и расставленных перед обычными людьми приманок Лас-Вегаса. В лишенное времени мгновение, когда гонг известил, что чья-то отправленная душа выиграла ничтожный джекпот, лицо женщины было серым от ненависти, злости, похоти и преданности игре. Уловка азарта — радужный червячок в океане паршивой рыбы.

А в кармане Костнер нашел серебряный доллар.

Он вытащил и осмотрел монету.

Орел был в истерике.

Костнер резко остановился. До границы нищеты и безысходности оставалось полшага. Но он еще не ушел, он еще здесь. И у него есть доллар, что на языке ловцов удачи называется последний шанс. Один бакс. Серебряный доллар. Извлеченный из кармана,

пустота которого не могла сравниться с бездной, в которую можно угодить.

Будь что будет, подумал Костнер и повернулся к игровым автоматам.

Он был уверен, что долларовые машины давно вышли из употребления. Министерство финансов объясняло это нехваткой серебряных монет. Но рядом с «однорукими бандитами» по пять и двадцать пять центов стоял долларовый автомат — с выигрышным джекпотом в две тысячи долларов. Костнер глупо улыбнулся. Если уж уходить, то хлопнуть напоследок дверью.

Он вставил серебряный доллар в щель и ухватился за тяжелую маслянистую рукоять. Сверкающий литой алюминий и штампованные сталь. Большой пластмассовый шар, удобно приспособленный под изгиб руки, тяни целый день и не устанешь.

Не вспомнив о молитве, Костнер потянул за рукоять.

Она родилась в Тасконе, от чистокровной индianки чероки и случившегося в тех местах бродяги. Мать обслуживала водителей грузовиков, отец хотел бифштекс и что-нибудь еще. Мать только что пережила неприятную сцену, смутно начавшуюся и неудовлетворительно завершившуюся. Она хотела в постель. И что-нибудь еще. Спустя девять месяцев на свет появилась Маргарет Анни Джесси, с темными волосами и светлым лицом. Рожденная для нищеты. Спустя двадцать три года, продукт Мисс Клэрол и Берлитц, живая картина из журнала «Вог», Маргарет Анни Джесси стала просто Мэгги.

Длинные стройные ноги подростка, широкие бедра, что неизменно вызывают у мужчин желание стиснуть их руками, плоский живот, срезанный до кости талия, подходящая под любой стиль, от брюк-диско до изысканных вечерних платьев, маленькая грудь — не больше соска, как у дорогих шлюх в рассказах О'Хары... и никакой

подкладки, забудь про эти баллоны, крошка, есть дела поважнее, — атласная шея, работы Микеланджело гордо вознесенный столб... и лицо.

Несколько воинственный подбородок, но, если бы ты, крошка, каждый раз давала по морде тем, кто тебя лапает, у тебя был бы такой же; узкий рот, дерзкая, обидчивая нижняя губка, такую не хочется выпускать изо рта; нижняя губка, словно наполненная медом, выпяченная, готовая ко всему, что может произойти. Нос отбрасывает идеальную тень, раздувающиеся ноздри. Про такое лицо говорят: орлиное, классическое, благородное; скулы выступают как полоска земли после десяти лет скитания в океане, скулы, сохранившие смуглость, как промелькнувшую тень, восхитительные скулы на восхитительном лице; вскинутый взор древних царств, а глаза смотрят на тебя как из замочной скважины, в которую ты осмелился заглянуть; многоопытные, в общем-то, глаза — они говорят, что ты можешь получить свое.

Светлые волосы, пышная копна, мягкие, разевающиеся, в старинном стиле, мужчинам нравятся такие волосы, не эта плоская пластиковая нашлепка на голове, не торчащие в разные стороны дикие пряди и не жесткая свисающая лапша, как стало модно среди посетительниц дискотек. Такие волосы сводят с ума мужчин, в них можно погрузить руки и притянуть это лицо к себе.

Готовая к действию женщина, отлаженный механизм, совершенный и конкретный сплав мягкости и стимула. Двадцать четыре года и чертовская решимость никогда не сорваться в бездну нищеты, которую мать всю жизнь называла честностью, пока не сгорела вместе с вонючим вагончиком где-то в Аризоне из-за вспыхнувшего на сковородке жира. И слава Богу, хоть перестала канючить деньги у своей девочки, подающей напитки в стрипбаре в Лос-Анджелесе. (Наверное, где-то есть место и скорби по мамочке,

отправившейся туда, куда попадают жертвы пожаров из-за вспыхнувшего жира. Оглядитесь получше, может, найдете.)

Мэгги.

Генетический урод. Доставшийся от матери гордый разрез глаз индианок чероки и развратная польская голубизна невинных глаз папаши, от которого не осталось даже имени. Голубоглазая Мэгги, крашеная блондинка. Это лицо, эти ноги — все стоит пятьдесят баксов за ночь, и, похоже, ей нравится.

Невинная как ирландка, голубоглазая полька Мэгги с французскими ногами. Чероки. Ирландка. Женщина до мозга костей, за раз тратящая на рынке месячную квартплату, одних овощей на восемьдесят баксов, на эти деньги два месяца можно заправлять «мустанг»; не говоря о трех визитах к специалисту с Беверли-Хиллз по поводу легкой одышки после ночи траха, пилорамы, шинуровки, продажи своего пота и стонов. Да вот, одышка.

Мэгги, Мэгги, Мэгги, хорошенская Мэгги Деньгоочи, приехавшая из Таскона, края вагончиков и лихорадки, с таким желанием жить, что сама ее жизнь превратилась в калейдоскоп бешеных усилий. И если надо лежать на спине и рычать, как пантера в пустыне, значит, так она и будет делать, потому что нет ничего хуже бедности, грязи, зуда, несвежего белья, лопнувших туфель, волос на теле, вшей и стыда за собственное ничтожество. Ничего!

Мэгги. Проститутка. Разносчица напитков. Проныра. Сорвиголова. И если хорошо заплатят, в Мэгги-Мэгги-Мэгги появляется ритм и звукоподражание.

Мэгги встречалась с Нунсио, сицилийцем. Темные глаза и бумажник из крокодиловой кожи с отделениями для кредитных карточек. Куттила, мажор, игрок. Они двинули в Лас-Вегас.

Мэгги и сицилиец. Ее голубые глаза и его отделения для карточек. Но главное — ее голубые глаза.

Барабаны за тремя окошечками закрутились, и Костнер понял, что шансов у него нет. Джекпот в две тысячи долларов. Круг за кругом, сливаясь в одну полосу. Три колокольчика или два колокольчика и полоска джекпота, значит 18, три сливы или две сливы и полоска джекпота, значит 14, три апельсина или два апельсина и джек...

Десять, пять, два бакса за одну вишню в первой позиции. Что-то... Я тону... Что-то...

Вращение...

Круг за кругом...

Похоже, происходило нечто, непредусмотренное правилами казино.

Барабаны один за другим остановились — клац, клац, клац — и застыли.

Три полоски смотрели на Костнера. Но слова «ДЖЕКПОТ» не было. С трех полос на него смотрели три голубых глаза. Очень голубых, очень требовательных.

Двадцать серебряных долларов со звоном посыпались в ящик внизу автомата. В кабинке крупье вспыхнул оранжевый свет, а над головой игрока загремел гонг.

Управляющий зала игровых автоматов кивнул поджавшему губы старшему крупье и направился к неряшливому человеку, вцепившемуся в рукоятку автомата.

Выигрыш — двадцать серебряных долларов — лежал нетронутый в ящике автомата. Оставшиеся тысячу девятьсот восемьдесят долларов должен был выплатить кассир казино.

Костнер пережил момент непонятной дезориентации: он тупо смотрел на три голубых глаза; барабаны игрового автомата остановились, и яростно затрезвонил гонг.

Посетители казино прервали игру и обернулись посмотреть на счастливчика. Обленившие стол с ruletкой бледные игроки из Детройта и Кливленда на секунду оторвали водянистые глаза от скачущего шарика и воззрились на обтрепанного типа у «однорукого бандита». Они не могли разглядеть, что это был джекпот на две штуки, и их воспаленные глаза снова потонули в клубах сигарного дыма. Близкие к играющим на автоматах по темпераменту игроки в блэкджек оживились, закрутились на стульях и разулыбались. Но они понимали, что автоматы стоят, чтобы развлекать старушек, пока настоящие игроки ведут бесконечный бой за двадцать одно.

Даже старый неудачник у входа в казино, давно негодный к настоящей игре и лишь милостью администрации оставленный на сочном пастбище азарта, перестал бессмысленно выкрикивать «Еще один выигрыш Колеса Фортуны!» и посмотрел в сторону Костнера и оглушительного гонга. Спустя мгновение он с тупой настойчивостью зомби повторил свою фразу, теперь уже, как всегда, ни к кому не относящуюся.

Звук гонга донесся до Костнера как будто издалека. Гонг означал, что он выиграл две тысячи долларов. Он еще раз взглянул на карту выплаты призов на передней панели автомата. Три полоски со словом «ДЖЕКПОТ» означали ДЖЕКПОТ. Две тысячи долларов.

Но на полосках не было слова «ДЖЕКПОТ». Серые прямоугольные полоски с голубым глазом посередине каждого.

Голубые глаза?

Где-то произошло замыкание, и в Костнера ударили миллионы вольт электричества. Волосы дыбом встали у него на голове; из-под ногтей выступила кровь, глаза превратились в студень, и каждый нерв его тела стал радиоактивен. Где-то далеко, не здесь, Костнера неведомым образом соединили с... голубыми глазами?

Гонг стих, исчез и обычный шум казино: звон жетонов, гудение голосов, выкрики крупье... Костнер погрузился в тишину.

Связанный с кем-то неведомым, далеким, с голубыми глазами.

Спустя мгновение все прошло, он был один, он задыхался, словно гигантская рука сдавила его, поддержала и... отпустила. Костнер привалился к игровому автомату.

— Все в порядке, приятель?

Кто-то тряс его за плечо и не давал упасть. Сверху все еще трезвонил гонг, но Костнер не мог отдохнуться от перенесенного путешествия. С трудом сфокусировав зрение, он разглядел стоящего перед ним плотного человека — управляющего залом игровых автоматов.

— Да... Все в порядке. Немного голова закружилась.

— Похоже, вы сорвали хороший куш, дружище. — Управляющий улыбнулся, улыбка получилась зловещей: смесь растянутых мускулов и условных рефлексов и ни тени жалости.

— Да, здорово... — Костнер попытался улыбнуться в ответ. Его еще трясло от пережитого электрического похищения.

— Дай-ка я проверю, — проворчал управляющий и посмотрел на панель автомата. — Да, три полоски, все правильно. Вы выиграли.

Только тогда до Костнера дошло. Две тысячи долларов! Он посмотрел на игральный автомат и увидел...

Три полоски со словом «ДЖЕКПОТ». Никаких глаз, только слово, означающее деньги. Костнер испуганно оглянулся; ему показалось, что он сходит с ума. Откуда-то, не из казино, раздался высокий мелодичный смех.

Костнер выгреб двадцать серебряных долларов. Управляющий зарядил в автомат монету и потянул ручку, чтобы сбросить джекпот. Затем проводил Костнера к кассе, стараясь говорить негромко и вежливо.

Возле окошечка кассы управляющий кивнул усталому кассиру, проверяющему счета по огромной вращающейся картотеке.

— Барни, джекпот на долларовом «Вожде», номер пять-ноль-ноль-один-пять. — Он ослабился Костнеру, который попытался улыбнуться в ответ. Получилось с трудом, будто все мышцы застыли.

Кассир пометил что-то в своих записях и обратился к Костнеру:

— Предпочитаете чек или наличные, сэр?

Настроение возвращалось, и Костнер пошутил:

— А чек потом примут?

Все трое рассмеялись, и Костнер добавил:

— Да, чек подойдет.

Чек был выписан и проштампован на две тысячи.

— Двадцать долларов — подарок казино, — сказал кассир, передавая документ Костнеру.

Он долго вертел чек в руках, все еще не веря свалившейся удаче. Две штуки. Снова на золотой дороге.

Возвращаясь вместе с Костнером в зал игровых автоматов, плотный управляющий вежливо поинтересовался:

— Как вы намерены распорядиться суммой?

На мгновение Костнер растерялся. Особых планов у него не было. Неожиданно его осенило, и он ответил:

— Буду играть на этом автомате.

Управляющий улыбнулся: прирожденный неудачник. Вначале зарядит в автомат двадцать серебряных баксов, потом разменяет чек и перепробует все игры. Блэкджек, рулетка, баккара, фаро... Спустя два часа две тысячи вернутся в казино. Так было всегда.

Проводив Костнера к игровому автомату, управляющий похлопал его по плечу:

— Удачи, дружище.

Едва он отвернулся, Костнер вложил доллар и потянул за ручку.

Управляющий не успел сделать пяти шагов, когда за спиной раздался щелчок остановившихся бараба-

нов, звон двадцати серебряных долларов-жетонов и рев проклятого гонга.

Она знала, что сукин сын Нунсио — свинья, каких мало. Ходячая грязь. Куча дерьяма с ушами. Чудовище в нейлоновых трусах. Мэгги успела поиграть во многие игры, но от предложения сицилийского извращенца ее едва не вывернуло.

Она чуть не поперхнулась. А сердце, о котором специалист из Беверли-Хиллз сказал, что его нельзя напрягать, застучало как сумасшедшее.

— Ах ты, свинья! Грязная, вонючая свинья, ты понял, Нунсио?

Она выпрыгнула из постели и принялась натягивать одежду. Она не стала возиться с лифчиком, просто натянула на маленькие груди, еще пылающие от любовных укусов Нунсио, широкий свитер.

Он сидел на кровати, ничтожный маленький человечек с седыми висками, лысой головой и мокрыми глазами. Он и сам чувствовал себя свиньей, но в ее присутствии ничего не мог с собой поделать. Он любил эту проститутку, любил шлюху, которую содержал. Такое со свиньей Нунсио случилось впервые, и он был беспомощен. Имей он дело с какой-нибудь обычной телкой, проституткой или шлюхой в Детройте, он бы вылез из двухспальной кровати и от души ей врезал. Но Мэгги... Мэгги вила из него веревки. Он и предложил-то всего-навсего... ну... чтобы жить вместе, потому что с ней ему было так хорошо. Но она разозлилась. Хотя что особенного в этой затее?

— Нам надо поговорить, дорогая... Мэгги...

— Ты грязная свинья, Нунсио! Дай мне денег, я иду в казино, и запомни, что до конца дня я не хочу видеть твою мерзкую рожу!

После этого она вывернула его бумажник и карманы, взяла восемьсот шестнадцать долларов, а он сидел на кровати, глядя в никуда. Перед ней он был беспомощен. Он украл ее из мира, о

котором знал только то, что это класс, и она могла делать с ним все, что хотела.

Генетический урод Мэгги, голубоглазая статуэтка, хорошенькая Мэгги Деньгоочи, наполовину чероки, наполовину все остальное, хорошо усвоила уроки жизни. Она являла собой совершенную модель «высшего класса».

— До конца дня, ты понял? — Она смотрела на него, пока Нунсио не кивнул; после чего Мэгги спустилась вниз — капризничать, играть, злиться и удивляться самой себе.

Мужчины провожали ее взглядами. Она несла себя как вызов, так мальчик-оруженосец несет флаг своего рыцаря, так выходит на помост призовая сука. Рожденная для тоски. Чудо мимикрии и желания.

Азартной Мэгги не была. Никогда в жизни. Ей просто хотелось насладиться собственной яростью к сицилийцу, постоять у скользкой грани бездны и доказать себе, что она не зря приехала из Беверли-Хиллз в Лас-Вегас. Вообразив, как Нунсио наверху принимает очередной душ, она разозлилась еще больше. Мэгги купалась три раза в день. Но он — другое дело. Он знал, что она не переносит его запаха; временами он пах мокрым мехом, и она, конечно, не считала нужным молчать. Поэтому Нунсио мылся постоянно, и это ее бесило. Ванная никогда не была частью его культуры. Жизнь Нунсио была отмечена всевозможными мерзостями, и чистота в его случае казалась более непристойной, чем грязь. Для Мэгги все обстояло по-другому. Для нее купание было необходимостью. Ей требовалось постоянно смыть с себя краски мира, чтобы оставаться чистой, мягкой и белой. Подарком, а не существом из мяса и волос. Хромированным инструментом, не подверженным ржавчине и коррозии.

Когда они прикасались к ней — мужчины, бесчисленные Нунсио, — на ее белоснежной вечной коже оставались пятнышки кровавой ржавчины,

мазки сажи, паутина. Ей надо было купаться. Часто.

Она гордо проследовала между столов и автоматов, неся в сумочке восемьсот шестнадцать долларов. Восемь стодолларовых купюр и шестнадцать долларов по одному. В кассе она разменяла шестнадцать мелких купюр на серебряные доллары-жетоны.

«Вождь» ждал. Сейчас она до него доберется. Мэгги играла на «Вожде», чтобы позлить сицилийца. Он просил ее играть на автоматах по пять, двадцать пять или по десять центов, а она всегда доставала его тем, что за десять минут заталкивала в «Вождя» долларов пятьдесят—сто, монету за монетой.

Она с уважением оглядела машину и вставила первый доллар. Потом потянула ручку. Ну и свинья же этот Нунсио. Еще один доллар, опять потянула — сколько, интересно, они будут крутиться? Барабаны врашались, клацая и позвякивая, сливаясь из жужжа, гудя металлом, повторяясь, в то время как голубоглазая Мэгги ненавидела, и ненавидела, и думала только о ненависти, о днях и ночах, проведенных со свиньей, и о тех, которые еще предстоит провести; если бы только у нее были деньги, все деньги, что есть в этом зале, в этом казино, в этом отеле, в этом городе прямо сейчас вот прямосейчас — и не надо больше гудеть, клацать, позвякивать и жужжать (повторяясь), и она станет свободной-свободной-свободной, и никто во всем мире больше не прикоснется к ее телу, и свинья тоже не прикоснется к ее белоснежному телу, и вдруг одновременно с крутящимися перед главами долларом-задолларом-задолларом одновременно с гудением и клацанием барабанов с вишнями, и колокольчиками, и полосками, и сливами, и апельсинами возникла острыя боль-боль-боль острыя боль!боль!боль! в груди, в сердце, в самой ее серединке — игла, скальпель, ожог, столб пламени, представляющий

собой боль в чистейшем ее виде, чистую чистую
БОЛЬ!

Мэгги, красотка Мэгги Деньгоочи, которая хотела получить всю наличность в долларовом игровом автомате, Мэгги, прошедшая путь от лихорадки и грязи до трех ванн в день и дорогого специалиста с Беверли-Хиллз, эта самая Мэгги вдруг почувствовала судорогу, дрожь, коронарные сосуды разорвались, и Мэгги рухнула на пол казино. Мертвая.

Мгновение назад она сжимала рукоять автомата, всеми фибрами души ненавидя всех свиней, с которыми сводила ее жизнь, каждой своей клеточкой, каждым хромосомом она заклинала эту машину высосать из своего чрева и отдать ей все деньги, до последней серебряной крошки, и вот наступает следующее мгновение, а может, еще идет предыдущее... но сердце разрывается и убивает ее, Мэгги падает на пол, по-прежнему касаясь «Вождя».

На полу.

Мертвая.

Мгновенная смерть.

Лгунья. Вся ее жизнь — ложь.

Мертвая на полу.

[Вырванный из времени момент ■ свет мелькает и крутится в хлопковой сладкой вселенной ■ вниз по бездонному туннелю, разделенному на секции, как козлиный рог ■ рог изобилия, ставший округлым, скользким и мягким, как живот червяка ■ бесконечные ночи с похоронным перезвоном ■ из тумана ■ из невесомости ■ неожиданное цифровое познание ■ несущаяся в прошлое память ■ слепое бормотание ■ безмолвная сова отчаяния, попавшая в пещеру призм ■ медленно осыпающийся песок ■ вечный вой ■ края разломившегося мира ■ поднимающаяся пена — так тонут изнутри ■ запах ржавчины ■ грубые зеленые углы, которые горят ■ память, бормочущая бессвязная слепая память ■ семь никаких вакуумов ■ застывшие в янтаре булавки

Мэгги хотела получить все серебро машины. Она умерла, вложив в машину свое желание. И оказалась внутри нее, в середине промасленного, хромированного механизма, ставшего ее преисподней и чистилищем. Темница ее последней страсти, куда в самый последний момент жизни/смерти она так захотела. Мэгги оказалась внутри, став духом, навеки заточенным в душе машины. В преисподней. Попалась. Попалась.

— Надеюсь, вы не станете возражать, если я приглашу механика, — издалека донесся до Костнера голос менеджера зала игровых автоматов. Менеджер подозревал управляющего, который, услышав гонг, растерянно затоптался на месте. — Надо удостовериться, что никто не повредил механизма. Понимаете, о чем я говорю?

Он взмахнул левой рукой, в которой была трещотка, какими любят греметь дети. Откуда-то тут же появился механик.

Костнер едва соображал, что происходит. Вместо предельной ясности мышления, потока адреналина в венах, как всегда бывает с игроками, которым начинает везти, вместо отчаянного нетерпения — предвестника крупной удачи, к Костнеру пришло онемение, он воспринимал происходящее так же отстраненно, как стакан воспринимает пьяный разгул.

К ним подошел усталого вида седой человек в сером пиджаке, с серым от несвежего воздуха лицом. В руках он держал кожаную сумку с инструментами. Механик осмотрел щель, потом развернул стальной корпус и ключом открыл заднюю крышку автомата. На мгновение Костнер увидел рычаги, передачи,

пружины, арматуру — сердце машины. Механик молчаливо осмотрел механизм, кивнул, после чего закрыл и запер заднюю стенку и еще раз глянул на переднюю панель.

— Никто не багрил, — проворчал он и отошел.

Костнер уставился на менеджера.

— Никто не лазил в автомат, он это имел в виду. У нас это называется «багрить». Некоторые пытаются запустить машину кусочками пласти массы или проволокой. Мы не допускали мысли, что это имело место в данном случае, но... вы понимаете, надеюсь, две тысячи долларов — солидный выигрыш, тем более два раза подряд... в общем, вы понимаете. Если делать это при помощи бумеранга...

Костнер поднял бровь.

— ...да, и такое бывает. Еще один способ. Так что иногда мы проводим подобные проверки. Главное, что все в порядке, вы можете получить свой выигрыш.

Костнеру выплатили еще раз.

После этого он вернулся к «Вождю» и долго смотрел на автомат. Девушки, меняющие деньги, свободные от смены крупье, старушки в нитяных перчатках — чтобы на руках не оставалось мозолей от рукожатки, уборщик мужского туалета, туристы, праздные наблюдатели, пьяницы, горничные, посыльные, игроки с мешками под глазами, танцовщицы с огромными грудями и маленькими любовниками — все пытались сообразить, что сделает потрепанный игрок. Костнер не двигался, он просто смотрел на машину... и все замерли.

Автомат смотрел на Костнера.

Три голубых глаза.

Во время второго выигрыша его снова пронзил разряд тока, и когда барабаны остановились, с полосок опять смотрели три голубых глаза. Костнер уже понял, что это нечто большее, чем везение, ибо никто другой этих глаз не видел.

Поэтому он просто стоял перед машиной и ждал. Автомат говорил с ним. Внутри черепа, где никогда, кроме него, никого не было, кто-то двигался и го-

ворил с ним. Девушка. Прекрасная девушка. Ее звали Мэгги, и она говорила с ним.

Я ждала тебя. Я ждала тебя очень давно, Костнер. Как ты думаешь, почему ты выиграл джекпот? Потому что я ждала тебя, и я хочу тебя. Ты выиграешь их все. Потому что я хочу тебя, потому что ты мне нужен. Люби меня, я Мэгги, и мне очень одиноко. Люби меня.

Костнер так долго смотрел на игровой автомат, что его взгляд врос во взгляд трех голубых глаз на полосках джекпота. Он знал, что никто кроме него не может видеть этих глаз, не может слышать голос, и вообще никто кроме него не знает про Мэгги.

Он был для нее всем. Он был ее вселенной.

Костнер вставил в щель еще один серебряный доллар. Управляющий смотрел на него, механик смотрел на него, менеджер зала игровых автоматов смотрел на него, три девушки, меняющие деньги, смотрели на него, не говоря уже об игроках, многие из которых смотрели, не вставая со своих мест.

Барабаны завертелись, ручка с треском вернулась в исходное положение, через секунду барабаны остановились, двадцать серебряных долларов-жетонов со звоном посыпались в ящик, а какая-то женщина за столом с крэпом истерически захочотала.

И как безумный зашелся гонг.

Управляющий залом подошел к Костнеру и негромко произнес:

— Мистер Костнер, нам потребуется около пятнадцати минут, чтобы привести машину в порядок. Надеюсь, вы понимаете.

Двое рабочих сняли «Вождя» с подставки и утащили в мастерскую в дальнем конце казино.

В ожидании результата менеджер развлекал Костнера историями про багорщиков, которые прячут в одежде хитроумные магниты, о мастерах бумеранга с пружинами в рукавах, о мошенниках с крошечными сверлами и проволочками, которым ничего не стоит незаметно просверлить в автомате дырку. При этом он неизменно повторял, что Костнер должен его понять.

Но Костнер знал, что менеджер зала сам ничего не понимает.

Когда «Вождя» принесли на место, один из механиков сказал:

— Все в порядке. Внутрь никто не лазил. Работает отлично.

Голубые глаза исчезли с полосок джекпота.

Костнер знал, что они вернутся.

Ему выплатили выигрыш.

Он сыграл еще раз. Потом еще. И еще. За ним установили наблюдение. Он выиграл еще раз. И еще. И еще.

Собралась огромная толпа. С быстротой молнии слух разнесся вначале по кварталу, потом по всему центру Лас-Вегаса, по всем казино, где игра не прекращается круглый год и круглые сутки. Люди устремились в отель посмотреть на потрепанного игрока с усталыми карими глазами. Толпу было не остановить. Люди валили, привлеченные запахом успеха, который исходил от Костнера потрескивающими электрическими разрядами.

А он выигрывал. Снова и снова. Тридцать восемь тысяч долларов. Три голубых глаза упорно смотрели на него с полосок джекпота. Ее избранник выигрывал. Мэгги Деньгоочи.

Наконец руководство казино решило переговорить с Костнером. «Вождя» в очередной раз сняли для осмотра специалистами компании, а Костнера пригласили в главный офис.

Лицо владельца казино показалось Костнеру смутно знакомым. Где он мог его видеть? По телевизору? В газетах?

— Мистер Костнер, меня зовут Жюль Хартсхорн.

— Приятно познакомиться.

— Вам вроде как неплохо везет сегодня?

— Я долго проигрывал.

— Вы понимаете, что подобная удача исключена?

— В нее трудно поверить, мистер Хартсхорн.

— Мне тоже. Мы твердо убеждены, что происходит одно из двух. Либо машина вышла из строя и нам не удается это определить, либо вы являетесь

искуснейшим багорщиком, каких только приходилось встречать.

— Я не мошенничаю.

— Как видите, мистер Костнер, я улыбаюсь. А улыбаюсь я вашей наивности. Вы допускаете, что я поверю вам на слово? Я бы с радостью кивнул и согласился: мол, разумеется, вы не обманываете... Только выиграть тридцать восемь тысяч долларов за девятнадцать джекпотов подряд на одной машине невозможно! Подобное не имеет даже математической вероятности, мистер Костнер. Скорее три черные планеты врежутся в наше солнце в течение следующих двадцати минут. Это так же невозможно, как если бы Пентагон, Китай и Кремль нажали ядерные кнопки в одну и ту же микросекунду. Это абсолютно исключено, мистер Костнер. И тем не менее это произошло.

— Мне очень жаль.

— Не думаю.

— Вы правы. Мне нужны деньги.

— Кстати, для чего, мистер Костнер?

— Честно говоря, еще не решил.

— Понятно. Хорошо, мистер Костнер, давайте подойдем к делу с другой стороны. Я не могу запретить вам играть, и если вы будете выигрывать и дальше, я обязан буду вам заплатить. И я не собираюсь посыпать за вами небритых головорезов. Наши чеки принимаются везде. Лучшее, на что я надеюсь, мистер Костнер, — это приток посетителей. Сейчас здесь собрался весь Лас-Вегас, все ждут, когда вы опустите в автомат очередной доллар. Это не покроет мои убытки, если вы будете выигрывать дальше, но и не повредит. О вас мечтает потеряться каждый неудачник в этом городе. Я хочу попросить вас о небольшой услуге.

— Постараюсь не отказать, учитывая вашу щедрость.

— Шутите?

— Простите. Так что вы хотели?

— Чтобы вы поспали часов десять.

— А вы за это время еще раз посмотрите автомат?

— Да.

— Если я собираюсь выигрывать дальше, подобный шаг был бы с моей стороны ошибкой. Вы поменяете все потроха в автомате, и я не выиграю ни цента, даже если всажу в него все тридцать восемь тысяч.

— Мы имеем лицензию штата Невада, мистер Костнер.

— Я тоже из хорошей семьи. Но посмотрите на меня. Бродяга с тридцатью восемью тысячами долларов в кармане.

— С машиной ничего не сделают, мистер Костнер.

— Тогда зачем вам десять часов?

— Ее надо тщательно перебрать в заводских условиях. Мы должны устраниТЬ все неполадки, вроде усталости металла или сточенного зубца в шестеренке, дабы подобное не повторилось на остальных машинах. К тому же это лишнее время для распространения слухов. Толпа нам на руку. Многие из этих ротозеев здесь застрянут, и я постараюсь за их счет хоть немного покрыть связанные с вами расходы.

— Мне поверить вам на слово?

— Мы будем долго работать и после вашего ухода, мистер Костнер.

— Только если я перестану выигрывать.

— Хорошее замечание, — улыбка Хартсхорна больше напоминала судорогу.

— Так что спорить вроде и не о чем?

— У меня к вам было только одно предложение. Если вы хотите вернуться в зал, я не имею права вас задерживать.

— И бандиты меня не пошерстят?

— Простите?

— Я сказал, и банди...

— У вас несколько странная манера изъясняться. Я вас не понимаю.

— Конечно, вы меня не понимаете.

— Перестаньте читать «Нэшнл Инквайр». Вы имеете дело с законным бизнесом. Я просто попросил вас об одолжении.

— Отлично, мистер Хартсхорн. Я не спал трое суток. Десять часов мне не повредят.

— Я распоряжусь, чтобы вам предоставили тихую комнату на верхнем этаже. И... спасибо, мистер Костнер.

— Не тревожьтесь.

— Боюсь, это невозможно.

— За последнее время произошло много невозможных вещей.

Костнер повернулся уходить, когда Хартсхорн закурил и произнес:

— Кстати, мистер Костнер...

Костнер остановился.

— Да?

Все плыло, в ушах стоял страшный звон. Хартсхорн дрожал на периферии зрения, как молния в прерии. Как воспоминание, которое хочется забыть. Как хныканье и мольба в голосе Мэгги, зазвучавшем в клетках его мозга. Голос Мэгги. Все еще здесь... еще говорит...

Они хотят нас разлучить.

Костнер не мог думать ни о чем, кроме обещанных десяти часах сна. Неожиданно это стало важнее денег, важнее забвения, важнее всего. Хартсхорн что-то говорил, но Костнер его не слышал. Слух пропал, теперь он мог только видеть, как шевелятся резиновые губы владельца казино. Костнер потряс головой, желая хоть как-то привести себя в чувство.

Перед ним стояло с полдюжины Хартсхорнов, то сливаюсь в одного, то расползаясь по всей комнате. И голос Мэгги.

Здесь тепло. И одиноко. Если ты придешь ко мне, нам будет хорошо. Пожалуйста, приходи быстрее.

— Мистер Костнер?

Голос Хартсхорна долетал издалека, казалось, он говорит через плотную бархатную завесу. Костнер из последних сил собрался. Усталые глаза с трудом различали предметы.

— А вы слышали, что произошло с этой машиной шесть недель назад? Весьма примечательная история.

— А именно?

— Девушка, играя на ней, умерла.

— От чего?

— Сердечный приступ. В тот самый момент, когда она потянула за рукоятку. Мгновенная смерть. Рухнула на пол — и конец.

Некоторое время Костнер молчал. Ему очень хотелось спросить, какого цвета были глаза девушки, но он боялся, что Хартсхорн скажет: «Голубые».

Он стоял, держась за ручку двери.

— Похоже, вам крупно не везет с этой машиной, а?

Хартсхорн загадочно улыбнулся:

— Ситуация может повториться.

Костнер почувствовал, как сжались его челюсти.

— Хотите сказать, если я умру, большим невезением это не будет?

Улыбка Хартсхорна превратилась в навсегда припечатанный к лицу иероглиф.

— Советую вам хорошо выспаться, мистер Костнер.

Во сне она пришла к нему. Длинные шелковистые бедра и мягкий золотой пух на руках; голубые, словно из прошлого, глаза, затуманенные, как лавандовое поле, упругое тело, единственное тело, когда-либо принадлежащее Женщине. К нему пришла Мэгги.

Здравствуй, я странствую так давно...

— Кто ты? — удивленно спросил Костнер. Он стоял на холодной равнине — или это плато? Вокруг них, а может, вокруг него одного, кружил ветер. Она была прелестна, он видел ее очень хорошо — или через дымку? Голос у нее был глубокий и сильный — или нежный и теплый, как расцвевший ночью жасмин?

Я Мэгги. Я люблю тебя. Я ждала тебя.

— У тебя голубые глаза.

Да. Они любят.

— Ты очень красивая.

Спасибо. (С женским кокетством.)

— Но почему я? Почему это произошло со мной?

Ты девушка, которая... которой стало плохо...

Я — Мэгги. А тебя я выбрала потому, что я тебе нужна. Ты ведь так давно одинок.

Тогда Костнер понял. Прошлое развернулось перед его взором, и он увидел себя. Он всегда был одинок. Даже ребенком, несмотря на добрых и заботливых родителей, которые не имели ни малейшего представления о том, кто он такой, кем он хочет стать и в чем его дар. Из-за этого он убежал, еще подростком, и с тех пор он всегда один и всегда в дороге. Года, месяцы, дни, часы... а он все один. Случались временные привязанности, основанные на еде, сексе или внешнем сходстве. Но не было человека, к которому он хотел бы прильнуть, прижаться и кому он хотел бы принадлежать.

Так было до Сюзи, с которой пришел свет. Он открыл для себя аромат и запах наступающей весны. Он смеялся, по-настоящему смеялся и знал, что теперь все будет хорошо. Он излил на нее всего себя, он отдал ей все надежды, все тайны, все нежные мечты; и она приняла его; впервые в жизни он почувствовал, что значит иметь свое место в этом мире, иметь дом в сердце другого человека.

Они прожили довольно долго. Он помогал ей, воспитывал сына от первого брака, о котором Сюзи не говорила никогда. А потом вернулся ее муж. Сюзи знала, что рано или поздно он к ней вернется. Существо темное и безжалостное, с отвратительным характером, но Сюзи принадлежала ему с самого начала, и Костнер понял, что служил для нее лишь перевалочной базой, кошельком, которым она пользовалась, пока не вернулся в родное гнездо ее бродячий ужас. Она попросила его уйти.

Сломленный и ограбленный изнутри, как только может быть ограблен мужчина, Костнер ушел без скандала, ибо сопротивление было высосано из него. Он двинул на Запад, добрался до Лас-Вегаса, где окончательно опустился на дно. И нашел Мэгги. Во сне он нашел голубоглазую Мэгги.

Я хочу, чтобы ты принадлежал мне. Я люблю тебя.

Ее слова как гроза бушевали в мозгу Костнера. Она была его, наконец-то кто-то особенный принадлежал только ему.

— Я могу тебе доверять? Я всегда боялся верить. Особенно женщинам. Всегда. Но я хочу верить. Мне так нужно, чтобы кто-то был рядом...

Это я, навсегда. Навсегда. Ты можешь мне верить.

И она пришла к нему. Тело доказало правду ее слов лучше любых слов. Они встретились на про-дуваемой всеми ветрами равнине мысли, и он любил ее самозабвенно и счастливо, как никогда никого не любил раньше. Она слилась с ним, вошла в него, растворилась в его крови, его мыслях, его тоске, и он вышел из этого слияния чистым и гордым.

— Да, я могу тебе верить, я хочу тебя, я твой, — прошептал Костнер, лежа рядом с ней в туманном и беззвучном сне. — Я — твой.

Она улыбнулась улыбкой спокойствия и освобождения; так улыбаются женщины, верящие своему мужчине. И Костнер проснулся.

«Вождя» установили на место. Публику пришлось отгородить вельветовыми шнурами. Несколько человек сыграли на автомате, но джекпот не выпадал.

Костнер вошел в казино, и охрана засуетилась. Пока он спал, его одежду перетрясли в поисках проволочек и прочих приспособлений для багрения. Ничего.

Он подошел к автомату и долго смотрел на него.

Хартсхорн был там же.

— Устали? — мягко заметил владелец казино, глядя в измученные карие глаза Костнера.

— Есть немного, — Костнер попытался улыбнуться, но улыбка не получилась. — Мне приснился странный сон... Про девушку... — Он решил не продолжать.

Хартсхорн улыбался. Жалостной, участливой и понимающей улыбкой.

— В этом городе очень много девушек. Учитывая ваш выигрыш, у вас не должно быть проблем.

Костнер кивнул, вставил в щель первый доллар и потянул ручку.

Барабаны завертелись так яростно, что Костнер растерялся. Неожиданно все накренилось, живот скрутило от обжигающей боли, голова на длинной и тонкой шее щелкнула, и все, что было за глазами, выгорело. Раздался страшный скрежет раздираемого металла, рассекаемого экспрессом воздуха, визг, словно сотню мелких животных разодрали на части и выпустили из живых кишок, невыносимая боль, завывание ночного ветра, срывающего пепел с вулканических гор. И тонкий, всхлипывающий голос, уносимый в ослепительный свет:

Свобода! Свобода! Ад или рай, неважно! Свобода!

Песнь души, вырвавшейся из вечного заточения, крик джинна, освобожденного из темной бутылки. В этот момент влажной беззвучной пустоты Костнер увидел, как барабаны со щелчком выставились в последнюю комбинацию.

Один, два, три. Голубые глаза.

Только вот обналичить чеки ему уже не придется.

Толпа испустила единый крик ужаса, когда он боком завалился на лицо. Последнее одиночество...

«Вождя» унесли. Он приносил несчастье. Игроки требовали убрать автомат из казино. Так что его демонтировали. И возвратили на завод-производитель с категорическим требованием переплавить на металлолом. Никто, кроме опера-

тора печи-плавильни, куда через секунду должен был быть сброшен автомат, не догадался посмотреть на последнюю комбинацию «Вождя».

— Глянь-ка. Вот чудеса, — сказал оператор кочегару и показал на три стеклянных окошка.

— Ни разу не видел такого джекпота, — согласился кочегар. — Три глаза. Наверное, старая модель.

— Да, встречаются очень старые игры, — проворчал оператор и уложил автомат на ведущий в печь конвейер.

— Надо же, три глаза. Как тебе такое? Три карих глаза. — С этими словами он двинул рычаг, и «Вождь» пополз к ревущему аду плавильни.

Три карих глаза.

Три очень усталых карих глаза. Три попавших в ловушку карих глаза. Три очень обманутых карих глаза.

Встречаются очень старые игры.

ТВАРЬ, ЧТО КРИЧАЛА О ЛЮБВИ В САМОМ СЕРДЦЕ МИРА

Поболтав немного с человеком из конторы, занимающейся борьбой с сельскохозяйственными вредителями, который приезжал примерно раз в месяц и обрабатывал территорию вокруг его дома в Ракстоне, Вильям Стерог утащил из его грузовика канистру с инсектицидом, а потом, рано утром, прошел следом за местным молочником и влил по десертной ложке смертоносного вещества в каждую бутылку, оставленную на заднем крыльце семидесяти домов. Через шесть часов двести мужчин, женщин и детей, испытав невыносимые страдания, покинули этот мир.

Узнав, что его тетка, которая жила в Буффало, умирает от рака лимфатических узлов, Вильям Стерог быстро помог своей матери упаковать три сумки и отвез ее в аэропорт, где посадил на самолет, обслуживающий восточные авиалинии, засунув предварительно в багаж простую, но очень эффективную бомбу с часовым механизмом и четырьмя аккуратными упаковками динамита. Самолет взорвался где-то в районе Гаррисберга, что в штате Пенсильвания. Девяносто три человека — включая мать Вильяма Стерога — погибли во время катастрофы, а объятые пламенем обломки самолета, посыпавшиеся дождем в городской бассейн, покончили с еще семерыми человеческими существами.

The Beast that Shouted Love at the Heart of the World
© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1997

Однажды в воскресный день в ноябре Вильям Стерог отправился на Бейб-Рут-Плаза, что на Тридцать третьей улице, и стал одним из 54 000 болельщиков, собравшихся на Мемориальном стадионе для того, чтобы наблюдать за игрой «Балтиморских жеребцов» против «Упаковщиков» из Грин-Бей. Он был одет очень тепло — шерстяные брюки, пуловер небесно-голубого цвета с высоким воротом и еще толстый, ручной вязки свитер из ирландской шерсти, а сверху куртка с капюшоном. За три с половиной минуты до конца четвертьфинальной игры, когда парни из Балтимора выигрывали у игроков из Грин-Бей со счетом семнадцать—шестнадцать и приближались к восемнадцатиярдовой отметке, Билл Стерог выбрался в проход, ведущий к выходу над трибунами, и вытащил из-под куртки списанный армейский автомат М-3, который купил за сорок девять долларов и девяносто пять центов, заказав по почте у торговца оружием из Александрии, штат Виргиния. 53 999 ликующих болельщиков вскочили на ноги — став отличной мишенью — в тот самый момент, когда мяч попал к защитнику, который оказался в очень выгодном положении и мог забить гол. Билл Стерог открыл огонь по спинам расположившихся под ним зрителей и, прежде чем его схватили, убил сорок четырех человека.

Когда Первый экспедиционный отряд, направленный в эллиптическую галактику в созвездии Скульптора, высадился на второй планете звезды четвертой величины, которую отряд назвал Фламмарион тета, исследователи обнаружили там статую высотой в тридцать семь футов, сделанную из неизвестного до того момента бело-голубого вещества — явно не камень, скорее нечто похожее на металл — по форме напоминающую человека. Он был бос, в одеянии, отдаленно напоминающем тогу, на голове облегающая шапочка, а в левой руке странный предмет — шар в кольце из какого-то совсем другого материала. Лицо человека было странно красивым. Высокие скулы; глубоко посаженные глаза; крошечный, чужой

здесь, рот; и большой нос с широкими ноздрями. Статуя казалась огромной на фоне бесформенных, полуразрушенных творений давно забытого архитектора. Члены отряда обратили внимание и по очереди прокомментировали необычное выражение лица запечатленного в памятнике человека. Никто из этих людей, стоящих под великолепной медной луной, делившей небо с уходящим за горизонт солнцем (которое совсем не походило по цвету на то, что теперь освещало Землю), никогда ничего не слышал о Вильяме Стероге. Именно по этой причине ни один из членов отряда не знал, что точно такое же выражение появилось на лице Вильяма Стерога в тот момент, когда он произнес свои последние слова, адресованные тому судье, что приговорил его к смертной казни в газовой камере: «Я люблю всех в мире. Это так. Господи, помоги мне, я люблю вас, всех вас!» Последние слова он выкрикнул.

За перекрестком времен, сквозь расщелину дней и эпох, сквозь отраженные образы, называемые пространством; в другое тогда, в другое сейчас. За тем местом, вон там. Выше общих представлений, за превращением простых структур, окончательно обозначенных понятием «если». Потом сорок с лишним шагов в сторону — только позже, много позже... Там, в самом центре, из которого все исходит наружу и становится бесконечно сложнее, загадка симметрии, гармонии, равномерности, поющих удивительно слаженно в этом месте, где все началось, начинается, всегда будет начинаться. Центр. Пере временье.

Или: через сотни миллионов лет, в будущем. И: в сотнях миллионах парсеков от самой дальней границы изведенного пространства. И: множество параллаксов* в параллельных вселенных. Наконец:

---

* Параллакс — видимое изменение положения небесного светила вследствие перемещения наблюдателя. (Примеч. пер.)

некончаемые, рожденные сознанием скачки за пределы человеческой мысли.

Там, за перекрестком времен.

На розовато-лиловом уровне, глубоко уйдя под багровые эманации, скрывающие его скрючившееся тело, ждал маньяк. Дракон — коренастый, толстый; заостренный хвост, похожий на веревку, поджат, маленькие жесткие костяные пластины торчат острием вверх, защищая тело от изогнутой дугой спины и до кончика хвоста; передние, более короткие, лапы с когтями сложены на массивной груди. Семь одинаковых собачьих голов, похожих на голову древнего Цербера, — каждая наблюдает, ждет; она голодна, безумна.

Яркий желтый луч беспорядочно метался над багровыми эманациями, все ближе и ближе. Маньяк знал, что не может бежать: любое движение выдаст его присутствие, и тогда — плен. Страх душил убийцу. Призрак преследовал его сквозь невинность и унижение и еще девять других эмоциональных личин, которые надевал на себя дракон. Требовалось что-то предпринять, сбить их со следа!.. Но он был один на этом уровне, который закрыли некоторое время назад, чтобы очистить от остатков чувств. Если бы маньяк не терял связи с реальностью после совершения убийств, если бы не лишился способности ориентироваться в пространстве, он никогда не оказался бы в ловушке на закрытом уровне.

И теперь, попав сюда, он не мог спрятаться, не мог спастись от призрачного света, даже несмотря на то, что этот уровень был закрыт. Он погасил все мысли и пламенеющие чувства, разрушил цепи нервной системы, питавшие сознание. Его мышление замедлилось, обесцвело, потеряло остроту, словно огромную и сложную машину, которая достигла пика и исполнила свои функции, вдруг взяли и отключили. Там, где только что был дракон, теперь образовалась пустота. Семь собачьих голов заснули.

Дракон перестал существовать с точки зрения мыслительного процесса, и призрачный свет скользнул мимо, не заметив его. Но те, кто искал убийцу-маньяка, были разумными существами, а вовсе не безумцами, каковым являлся он: их способность мыслить была упорядоченной, поэтому они и рассмотрели все возможности.

За призрачным светом следовали лучи, реагирующие на тепло, сенсоры, определяющие наличие массы, приборы, способные заметить даже ускользающий след чуждой материи на закрытом уровне.

Маньяка нашли. И несмотря на то, что он спрятался от них, закрылся, точно остывшее солнце, его отыскали и перенесли; он не почувствовал никакого движения, потому что заперся в своих собственных безмолвных головах. Но, решив вновь разбудить свои мысли, в лишенной времени потере ориентации, которая всегда следует за полным отключением сознания, он обнаружил, что стал пленником стасиса в камере нечистот на Третьем Уровне Красной Активности. И тогда из его семи глоток вырвался отчаянный вопль.

Звук, конечно, застрял в горле, потому что, прежде чем маньяк пришел в себя, его враги позаботились о том, чтобы он онемел. Тишина привела его в еще больший ужас.

Он был погружен в янтарную субстанцию, которая удобно окутывала тело; если бы дело происходило в прежние времена, в ином мире и ином континууме, это была бы обыкновенная больничная койка, к которой привязывают ремнями. Но дракона заключили в стасис на красном уровне, за перекрестком времен, и вместо больничной койки наградили антигравитацией, лишили веса. Он был абсолютно расслаблен, кормили его подкожно питательными растворами и депрессантами. Он ждал момента, когда его спустят в канализацию.

В камеру вошел Линах, следом за ним Семф — тот, что изобрел очистку. И его самый красноречивый

противник, Линах, который стремился к Общественному Возвышению до поста Проктора. Они скользили вдоль рядов заключенных в янтарь пациентов; жабы, хрустальные кубы с круглыми, огромными веками, существа с экзоскелетами, псевдоподией, а еще дракон с семью головами. Они остановились прямо перед убийцей, и чуть выше. Он смотрел на них снизу вверх — образы, повторенные семикратно, — но не мог произнести ни звука.

— Если бы мне была нужна убедительная причина, вот одна из них, — сказал Линах, кивнув в сторону маньяка.

Семф опустил анализатор в янтарную субстанцию, вытащил его и быстро прочитал показания прибора.

— Если бы тебе было нужно серьезное предупреждение, — тихо проговорил Семф, — вот оно.

— Наука склоняется перед волей масс, — ответил Линах.

— Мне совсем не хочется в это верить, — поспешно сказал Семф, в голосе которого прозвучало что-то, чему невозможно было подыскать название, но это нечто немного смягчило грубость его слов.

— Я намерен об этом позаботиться, Семф, поверь мне. Я собираюсь вынудить Совет принять закон.

— Линах, сколько мы уже знаем друг друга?

— Со времени твоего третьего воплощения. У меня оно было вторым.

— Да, похоже, так. Я когда-нибудь лгал, просил сделать что-нибудь, что может причинить тебе вред?

— Нет, не помню такого.

— Так почему же ты не хочешь прислушаться ко мне на этот раз?

— Я считаю, что ты не прав. Я не фанатик, Семф, и политика меня совершенно не волнует. Только у меня такое чувство, что другого шанса нам больше никогда не представится.

— Но ведь это будет катастрофой для всех, повсюду — одному только Богу известно, сколько параллаксов она охватит. Мы очистим наше гнездо за

счет всех других гнезд, когда-либо существовавших на свете.

Линах беспомощно развел руки в стороны:

— Выживание.

Семф медленно покачал головой, и на его лице появилась усталость.

— Жаль, что я не могу спустить в канализацию и это тоже.

— А ты не можешь?

— Могу спустить что угодно, — пожав плечами, ответил изобретатель очистки. — Но оставшееся у нас будет совершенно бесполезным.

Оттенок янтарной субстанции изменился. Где-то в самом ее центре засияло ярко-синее пятно.

— Пациент готов, — сказал Семф. — Линах, пожалуйста. Ты уверен, что это принесет пользу? Давай отложим процесс до следующей сессии. Совету нет никакой необходимости делать это сейчас. Я проведу еще несколько тестов, проверю, когда появились эти отходы, какой от них может быть вред. Позволь мне подготовить парочку новых докладов.

Линах твердо стоял на своем. Он покачал головой:

— Могу я понаблюдать за процессом вместе с тобой?

Семф тяжело вздохнул; он проиграл и знал это.

— Хорошо.

Субстанция, в которую был погружен безмолвный пленник, начала подниматься. Добралась до уровня, где находились оба посетителя, а потом медленно заскользила по воздуху, между ними. Они поплыли вслед за драконом с семью собачьими головами, заключенным в янтарную темницу; казалось, Семф хочет сказать что-то еще. Но говорить-то было уже нечего.

Янтарная колыбель, в которой, словно куколка бабочки, дремал маньяк, затрепетала и исчезла, а посетители утратили реальность, перестали существовать. Потом все снова появились в очистном помещении. Залитая сиянием прожекторов сцена была

пуста. Янтарная колыбель бесшумно вернулась на свое место, субстанция испарилась, пропала — на свет явился дракон.

Маньяк отчаянно силился пошевелиться, приподнять свое тело. Семь голов бессмысленно дергались в разные стороны. Ярость, бушевавшая в его сердце, победила депрессанты; злоба, ненависть, бешенство охватили чудовище. Но он не мог пошевелиться. Дракон был способен только на то, чтобы сохранять свой образ.

Семф повернул браслет на левом запястье, и тот засиял изнутри глубоким золотистым светом. В помещение ворвался шум воздуха, заполняющего вакуум. Теперь освещенную прожекторами сцену пронзили серебристые лучи, которые, казалось, рождались из ничего, исходили из какого-то никому не известного источника. Дракона омыл этот серебряный свет, собачьи пасти разверзлись всего на одно короткое мгновение, открыв ряды острых, точно бритвы, зубов. А потом тяжелые веки прикрыли глаза.

Боль, пульсировавшая в семи головах, была чудовищной. Словно миллионы голодных ртов впились в мозг. Его сдавливали, тянули в разные стороны, мяли, а потом очищали.

Семф и Линах отвернулись от пульсирующего тела дракона и посмотрели на дренажный резервуар у противоположной стены. Прямо у них на глазах он начал медленно наполняться — почти бесцветным, клубящимся дымным туманом, который тут и там пронизывали яркие вспышки.

— Вот оно, — высказал Семф то, что и так было ясно.

Линах с трудом оторвал глаза от резервуара. Дракон с семью собачьими головами затрепетал. Возникло ощущение, что он находится под водой, совсем не глубоко... Маньяк начал меняться. По мере того как заполнялся резервуар, ему было все труднее сохранять свой внешний вид. Чем плотнее становилось мерцающее вещество в резервуаре, тем более расплывчатой

становилась форма существа на залитой светом сцене.

Наконец маньяк сдался, он проиграл. Резервуар заполнялся все быстрее, дракон задрожал, изменил очертания, съежился, словно увял, и вдруг поверх того, что было семиглавым чудовищем, возникли новые очертания — человек. В это время резервуар оказался заполненным уже на три четверти, а дракон превратился в едва заметную тень, намек на то, что было здесь совсем недавно, перед тем как началась очистка. С каждым мгновением человек набирал силу, теперь он доминировал над прежним существом.

Наконец резервуар наполнился до краев, а на сияющей сцене лежал самый обычный человек, он тяжело дышал, глаза у него были закрыты, мышцы конвульсивно сокращались.

— Он опустошен, — сказал Семф.

— Это все в резервуаре? — тихо спросил Линах.

— Нет, там ничего нет.

— Тогда...

— Шлаки. Безвредные. Определенные реактивы нейтрализуют их. Все, что представляло опасность, испорченные составляющие силового поля... они исчезли. Спущены в канализацию.

Впервые за все время Линах почувствовал беспокойство, которое отразилось у него на лице.

— А куда они отправились?

— Скажи мне, ты любишь своих соплеменников?

— Я ведь задал тебе прямой вопрос, Семф! Куда это все отправилось... когда ты спустил его в канализацию?

— А я спрашивал, беспокоит ли тебя чья-нибудь судьба?

— Тебе известен мой ответ... ты же знаешь меня! Я хочу знать, скажи мне, по крайней мере, то, что известно тебе. Куда... когда?..

— В таком случае ты меня простишь, Линах, потому что я тоже люблю своих соотечественников. Где бы они ни находились, когда бы ни находились — я

просто обязан их любить, потому что работаю в совершенно бесчеловечной области, я должен держаться за свою любовь, как за соломинку. Поэтому... ты меня простишь...

— Что ты собираешься...

В Индонезии для этого существует название: Джам Карет — час, который растягивается.

В Берилловой комнате в Ватикане, втором по великолепию помещении, созданном для папы Юлия II, Рафаэль начал рисовать (а его ученики закончили) величественную фреску, изображающую историческую встречу папы Льва I и Аттилы в 452 году.

В своем произведении он отразил веру всех христиан в то, что духовные власти Рима встали на защиту народа в тот тяжелый час, когда гунны пришли разграбить и сжечь Священный Город. Рафаэль нарисовал святого Петра и святого Павла, сходящих с Небес для того, чтобы поддержать папу Льва в его намерении помешать завоевателям. Изложение этой истории являлось несколько расширенной интерпретацией известной легенды, в которой упоминался только апостол Петр — с мечом в руке он стоял за спиной папы Льва I. А сама легенда являлась несколько расширенным толкованием тех немногочисленных и относительно неискаженных фактов, что сохранила история: рядом с Львом не было никаких кардиналов, не говоря уже о призраках апостолов. Он был одним из трех членов делегации. Двое других представляли светскую власть Римского государства. Эта встреча состоялась — в отличие от того, что утверждает легенда, — не у ворот Рима, а в северной части Италии, неподалеку от современной Пескьери.

Больше историкам ничего не известно. И тем не менее Аттила, которого до тех пор никто не мог остановить, не сравнял Рим с землей. Он увел своих воинов.

Джам Карет. Составляющие силового поля вытекли из центра параллакса, из перекрестка времен, поле

пульсировало во времени и пространстве и в сознании людей в течение двадцати тысячелетий. А потом вдруг исчезло, совершенно необъяснимо, и тогда Аттила закрыл лицо руками, его мозг превратился в перекрученные, спутанные жесткие канаты. Глаза остекленели, потом прояснились, он сделал глубокий вдох. И отдал своей армии приказ повернуть назад. Лев Великий возблагодарил Бога и вечную память Христа Спасителя. Легенды добавили сюда еще и апостола Петра. А Рафаэль — апостола Павла.

Целых двадцать тысяч лет — Джам Карет — поле пульсировало, но на одно короткое мгновение, которое могло длиться секунды, или годы, или века, оно было отключено.

Легенда не говорит правды. Точнее, она говорит не всю правду: за сорок лет до того, как Аттила вторгся в Италию, Рим был завоеван и разграблен Аларихом. Джам Карет. Через три года после отступления Аттилы Рим захватил Гайзерих, король вандалов.

Была причина, по которой нечистоты безумия перестали питать пространство и время из измененного сознания семиглавого дракона...

Семф, предавший свой народ, парил перед членами Совета. Его друг, стремившийся к своему заключительному воплощению, Линах, председательствовал во время слушания дела. Он рассказывал тихо, но весьма красноречиво о том, что сделал великий ученый.

— «Резервуар опустошается, — сказал он мне. — Прости, но я люблю своих сограждан. Где бы они ни находились, когда бы ни находились — я просто обязан их любить, потому что работаю в совершенно бесчеловечной области, я должен держаться за свою любовь, как за соломинку. Поэтому ты меня простишь». А потом он вмешался.

Шестьдесят членов Совета, по одному представителю от каждого народа, населяющего центр, —

существа, похожие на птиц, какие-то синие тени, люди с громадными головами, оранжевые растения с трепещущими лепестками... все обратили взоры на повисшего в воздухе Семфа. Его тело и голова походили теперь на мятый бумажный пакет. Волосы исчезли. Глаза слезились и стали бесцветными. Обнаженный, мерцающий, он чуть отплыл в сторону, потом легкий ветерок, резвящийся в помещении без стен, толкнул его на прежнее место. Семф опустился на землю.

— Я прошу Совет приговорить этого человека к последнему воплощению. Несмотря на то что его вмешательство продолжалось всего несколько секунд, мы никогда не узнаем, какой вред, какие изменения оно могло принести перекрестку времен. Я признаю, что он намеревался перенасытить канализацию и таким образом вывести ее из строя. Этот поступок, поступок чудовища, приговорившего шестьдесят народов, населяющих центр, к жизни, в которой будет по-прежнему преобладать безумие, этот поступок должен быть наказан уничтожением.

Совет впал в задумчивость. Бесконечное время спустя он воссоединился, и обвинения Проктора были поддержаны; предложенный им приговор вынесен.

На тихих берегах мысли Проктор, палач, нес на руках своего друга, бумажного человека. Там, в опускающейся тишине близкой ночи, Линах положил Семфа в тень вздоха.

— Зачем ты мне помешал? — спросил он.

Линах отвернулся и уставился в надвигающийся мрак.

— Зачем?

— Потому что здесь, в центре, у нас еще есть шанс.

— А для них, для всех них, там... уже не осталось ничего?

Линах медленно сел рядом, погрузил руки в золотой туман, который окутал его запястья, а потом

снова стек к нетерпеливо ожидающему его телу мира.

— Если мы сможем положить начало здесь, если сможем постепенно расширять границы, возможно, когда-нибудь наступит день и мы доберемся до конца времени, начав совсем с малого. А до тех пор необходимо, чтобы хотя бы в одной крошечной точке не царило безумие.

Семф заговорил быстрее. Его время истекало.

— Ты приговорил их всех. Безумие — очень опасный и живучий яд. Это сила. Ее можно упрятать. Самый могущественный джинн в бутылке, открыть которую совсем ничего не стоит. А ты приговорил их к вечной жизни вместе с безумием. Во имя любви.

Линах издал какой-то звук, не похожий на слово. Семф коснулся его трепещущей тенью, которая была когда-то рукой. Пальцы растворились в тепле и ощущении живой плоти.

— Мне жаль тебя, Линах. Твое проклятие заключается в том, что ты хочешь быть настоящим человеком. А мир создан для тех, кто сражается. Ты так и не понял этого.

Линах промолчал. Он думал о вечных отходах и о канализации, которую возродила к жизни необходимость.

— Ты сделаешь для меня памятник? — спросил Семф.

— Это предусмотрено традицией, — кивнул Линах.

Семф грустно улыбнулся:

— Тогда сделай его для них, не для меня. Я создал сосуд их смерти, но он мне не нужен. Выбери одного из них; не очень выдающегося, но такого, чтобы, обнаружив его, они поняли, что это значит. Ради меня воздвигни памятник этому человеку. Ты сделаешь?

Линах кивнул.

— Ты сделаешь? — снова спросил Семф, потому что глаза у него были закрыты и он не видел кивка.

— Да, обязательно, — ответил Линах.

Но Семф уже не слышал. Воплощение началось и закончилось, Линаха окутало безмолвное одиночество.

Памятник поставили на отдаленной планете затерянной звезды во времена древние и не родившиеся. Он существовал в сознании людей, что придут позже. Или никогда.

Но если они все-таки придут, то поймут: их жизнь — это ад, однако существует Рай, называемый людьми Раем, а в нем — центр, откуда истекает безумие, и в этом центре царит мир.

В развалинах взорванного здания, где некогда располагалась фабрика по производству мужских сорочек, в городе, который когда-то был Штутгартом, Фридрих Дрюкер нашел разноцветный ящичек. Обезумев от голода и мыслей о том, что вот уже несколько недель он вынужден питаться человеческим мясом, окровавленными остатками пальцев Дрюкер отодрал крышку. Когда ящичек раскрылся, из него вырвались ураганы и умчались прочь, не обращая ни малейшего внимания на охваченного ужасом Фридриха Дрюкера. Бури и темные, безликие, крылатые твари уносились в ночь, а за ними вслед — последние клочья пурпурного тумана, источающего сильный запах гниющего жасмина.

Однако Фридриху Дрюкеру некогда было раздумывать над тем, что все это значит, потому что на следующий день началась Четвертая Мировая война.

ПАРЕНЬ С СОБАКОЙ

Писатель всегда надеется, что его произведения проживут дольше, чем крошащаяся от времени бумага книг, и хотя все мы, кто измеряет свою жизнь названиями поставленных на полку собственных книг, станем отрицать это публично, потому что иначе не проявим полагающейся нам приличествующей смиренности, тайком надеемся, что Потомки окажутся к нам добры и одарят нас бессмертием, продлив жизнь наших творений.

В душе все мы завидуем Достоевскому, Марку Твену и Шекспиру. Не только потому, что они первыми застолбили так много всего, что мы вынуждены у них красть, иначе все наши произведения развалиются, но потому, что они делали это настолько хорошо, что купили себе билет в будущее.

И поэтому, поскольку все это столь дьявольски непредсказуемо, мы никогда не узнаем, какие из наших рассказов переживут нас и закомпостируют нам билетики на дальнейшую поездку... потом, когда наш билет на тот свет уже прокомпостируют. Возьмем, к примеру, «Парня с собакой».

Я написал его по двум причинам. Одна из них — внешне фривольная, другая намеренно серьезная. Первая весьма существенна, потому что я и в самом деле, взаправду и всерьез, написал эту повесть для своего пса Абху. Он ее герой, а то, как

именно я про него писал, объясняется в кратком воспоминании, включенном в более поздний рассказ «Птица смерти». Вы увидите дружбу в этом рассказе, который принес мне вторую «Небьюлу», который превратили в вонючий фильм и сопливый «графический роман» в форме комикса и который вошел в мой роман «Blood's a Rover» (сейчас, когда я это пишу, он еще не завершен, но скоро... скоро...), и что я намеренно обратил роли животного и человека. Люди в этом повествовании ведут себя как животные, а пес действует в благороднейших традициях человечества. И еще вы заметите, что раздражающий антиженский тон фильма в исходном тексте отсутствует.

Это жестокий рассказ, потому что я — по большому счету — пытался сказать миру и читателям (в 1969 году), что мы должны быть намного добре друг к другу.

1

Я гулял со своей собакой по кличке Блад. Была его неделя меня злить, и он называл меня Альберт. Ему это казалось дьявольски забавным. Пэйсон Терхьюон — ха-ха. —

Я поймал ему двух водяных крыс — большую зеленую и охровую, и еще подстриженного пуделя, невесть как забредшего из подниза, так что поел он хорошо, просто выпендривался.

— Пошли, сукин сын, — проворчал я, — найди мне хорошую задницу.

Кровь еще булькала у него в горле, и он проворчал:

— А ты забавен, когда возбуждаешься.

Достаточно забавен, чтобы отвесить хорошего пинка в самый сфинктер этой твари, беженца с помойных куч.

— Давай, ищи, в натуре!

— Стыдно, Альберт. После всех моих наставлений ты продолжаешь говорить «в натуре».

Он знал, что мое терпение иссякает, и ни с того ни с сего заметался. Потом сел на развалившуюся кромку тротуара, веки его сомкнулись, а волосатое тело напряглось. Спустя некоторое время принялся рыть землю, пока не улегся мордой на передние лапы. Напряжение у него спало, он задрожал, как всегда случалось перед вычесыванием блох. Так продолжалось с добрую четверть часа, после чего Блад перевернулся на спину, обратив к ночному небу голое брюхо. Передние лапы он подогнул, а задние вытянул.

— Извини, — сказал он, — ничего не чувствую.

Мне это все изрядно надоело. Стоило, пожалуй, хорошенько наподдать ему сапогом, однако я видел, что пес старался. Не получилось. Жаль, конечно, я действительно хотел трахнуться, но что тут подлаешь?

— Ладно, — раздраженно сказал я, — проехали.

Он перевернулся на бок и вскочил.

— Чем собираешься заняться?

— Выбор у нас не богат, —sarкастически заметил я.

Блад снова сел у моих ног, униженно покорный.

Я прислонился к оплавленному столбу и задумался о телках. Это было мучительно.

— Остается только кино.

Блад оглядел улицу, лужи тьмы в заросших кратерах и промолчал. Песье отродье дожидался, пока я скажу «ладно, пойдем». Он любил фильмы еще больше, чем я.

— Ладно, пойдем.

Тогда он поднялся и потрусили за мной — язык вывалился, бока счастливо раздувались. Вперед, чучело. Но попкорна ты не дождешься.

«Наша банда» состояла из проходимцев, которых не удовлетворяла просто жратва. Они стремились к комфорту и неплохо в этом преуспели. Ребятам нравились фильмы, и они захватили землю в том месте, где раньше помещался кинотеатр «Метрополь».

Никто и не пытался их согнать, поскольку кино хотелось смотреть всем, а у ребят был выход на ленты. Им удавалось удовлетворять запросы. Даже таких одиночек, как мы с Бладом. В особенности таких, как мы.

На входе меня заставили сдать мой «сорок пятый» и браунинг двадцать второго калибра. Вначале я купил билеты; за мой пришлось отдать банку свинины с фасолью, а за Блада — консервы с сардинами. Потом охрана провела меня в камеру хранения оружия. Я увидел, как из пробитой трубы на потолке сочится влага, и попросил переложить мои стволы на сухое место. Приемщик, парнишка с огромными бородавками, ноль внимания обратил на мою просьбу.

— Слышишь, ты, козел вонючий, убери мое барахло на сухое место... Не дай Бог что-нибудь заражает или появятся пятна, я тебе все кости переломаю!

Он хотел покачать права и вопросительно взглянул на охрану с пулеметами; они могли меня вышвырнуть, и в этом случае билеты пропали бы. Но ребята равнодушно махнули ему рукой: делай, мол, что сказали. Так что козел отнес мой «сорок пятый» и браунинг в дальний угол.

А мы с Бладом прошли в зал.

— Хочу попкорна.

— Перебьешься.

— Слышишь, Альберт? Купи попкорна.

— Я на мели. Обойдешься без попкорна.

— И дерьмо же ты!

Я пожал плечами. Пусть подает на меня в суд.

Зал был переполнен. Слава Богу, на входе отбирали только стволы. Пика и нож в промасленных ножнах на шее вселяли в меня уверенность. Блад разглядел два свободных места рядом, и мы потопали через ряд, наступая на ноги. Кто-то выругался, но я сделал вид, что не заметил. Зарычал доберман. Шерсть на Бладе встала дыбом, однако он стерпел. Всегда возникает какая-нибудь напряженка, даже на

нейтральной земле, вроде «Метрополя». (Я слышал, как-то раз зацепились в «Гранаде». Так там положили десять человек и столько же псин, спалили кинотеатр, а заодно и пару приличных фильмов. После того случая банды договорились, что кинотеатры — свободная зона. В общем, стало получше, но всегда же найдется какой-нибудь псих.)

Крутили три ленты кряду. «Суровое дело» с Денисом О'Кифи, Клэр Тревор, Рэймондом Бером и Маршой Хант был самый старый. Фильм сняли в 1948 году, семьдесят шесть лет назад. Одному Богу известно, как он мог сохраниться. Лента то и дело рвалась, и приходилось постоянно останавливать аппарат. Но фильм был хороший. Про одиночку, на которого наехали, а он потом решил отомстить. Гангстеры, толпа, мордобой — короче, кино что надо.

Затем показывали киношку времен третьей мировой, седьмого года, то есть за два года до моего рождения. Называется «Запах китайца». Неплохо стреляют и в основном машутся. Там еще есть атасная сцена, когда гончие спалили дотла китайский городишко напалмом. Блад тащился, хотя эту картину мы уже видели. Перемкнуло псину: мол, это его предки, хотя и он и я прекрасно понимали, что все это выдумки.

— Хочешь поджечь ребенка, герой? — прошептал я ему.

Он только поежился от удовольствия и ничего не сказал. На экране собаки ставили город на уши. Мне было скучно.

Я ждал главного фильма.

Наконец дошло и до него. Это была прелесть, претелочек, снято где-то в семидесятых: «Большие, черные, кожаные». Две телки с кнутами и в масках, в кожаных корсетах и сапогах, зашнурованных по самый пах, завалили тощего паренька, после чего одна из них уселась ему на лицо, а вторая строчила. Меня это здорово завело.

Со всех сторон сидели одиночки и вовсю гоняли. Я был не прочь и сам подергаться, но тут Блад наклонился ко мне и произнес очень тихо, как он всегда говорит, когда затевает что-то отпадное:

— В зале телка.

— Ты спятил!

— Говорю тебе, есть. Я чувствую запах.

Я незаметно огляделся. Почти все места были заняты одиночками или их собаками. Случись сюда зайти бабе, такую устроили бы свалку!.. Ее разорвали бы на части, прежде чем кто-нибудь успел бы девку оприходовать.

— Где? — тихо спросил я.

Вокруг, постанывая, вовсю дроили одиночки, в то время как на экране блондинки поснимали маски, а одна загоняла парнишку надетым на бедра деревянным кольцом.

— Подожди минутку, — прошептал Блад.

Он сосредоточился: глаза закрыты, тело напряжено как проволока, морда дрожит. Я положился на него.

Вообще, это не исключено. То есть теоретически возможно. Я знал, что в поднизе идут действительно тупые фильмы, муть наподобие той, что снимали в тридцатых и сороковых, пресная бодяга, где даже женатые люди ложатся в разные кровати. Фильмы с Мирной Лой и Джорджем Брентом. Но совершенно точно, что время от времени телки из строгих семей добропорядочного подниза захаживают в места вроде этого — посмотреть, как выглядит настоящий крутой фильм. Я слышал об этом, хотя никогда не случалось, чтобы хоть одна зашла в мой кинотеатр.

Вероятность того, что это произойдет в «Метрополе», была невелика. «Метр» вообще превращался в голубятню. Только не надо думать, что я против парней, которые зажимаются друг с другом... черт, это еще можно понять: телок-то на всех не хватает. Но ненавижу, когда педики начинают строить из себя целок, ревнуют, или за ним приходится охотиться, а он считает, что ему достаточно оголить

задницу, а остальное твоя забота. Ничем не лучше прилипчивой телки. Я создан для драк и разборок, так что от этого никогда не тащился. Ну, не то чтобы совсем никогда, но такого со мной давненько не бывало.

Так что в эту голубятню телка вряд ли сунется. Будет большая свалка между гомиками и нормалами — кто первым разорвет ее на части.

А если она и пришла, почему другие собаки ее не унюхали?

— Третий ряд перед нами, — прошептал Блад. — С краю. Одета как одиночка.

— Почему другие собаки ее не унюхали?

— Ты забываешь, кто я, Альберт.

— Я не забываю, просто не верится.

По правде говоря, верилось. Так уж вышло, что со способностями у меня туговато, и почти всему меня научил пес. Так что я верил ему на слово. С учителем не спорят.

Тем более когда тебя учат читать, писать, прибавлять и вычитать — то есть всему, что надо, чтобы тебя считали умным. (Сейчас от этого мало проку, ну разве что не мешает. Хотя чтение, надо сказать, клевая вещь. Выручает, когда надо сообразить, что брать в разбомбленном супермаркете, если картинки на банках поотрывались. Пара раз умение читать спасло меня от консервированной свеклы. Черт, терпеть не могу консвеклу!)

Так что в глубине души я верил, что Блад способен учить телку там, где другие собаки ни хрена не могут. Об этом он мне рассказывал сотни раз. Его любимый рассказ. История, как он выражается. А то я не знаю, что такое история: это все, что произошло раньше.

Но мне всегда нравилось узнавать истории непосредственно от Блада, а не из дурацких книжек, от которых он оторваться не может. А эта история была про него самого, и он рассказывал ее мне столько раз, что я знал ее наизусть... нет, правильнее сказать, я ее вызубрил. То есть знал слово в слово.

Так что когда собака учит тебя всему, что ты знаешь, а кое-что заставляет вызубривать, начинаешь ей верить. Правда, я никогда не даю шелудивому это понять.

2

А зазубрил я следующее.

Более пятидесяти лет назад в Лос-Анджелесе, во времена третьей мировой, жил человек по имени Бусинг. Занимался он разведением собак: тренировал их на охранников и бойцов. Разводил доберманов, шнауцеров, датских догов и японских акитас.

У него была четырехлетняя немецкая овчарка, сука по кличке Рыжая. Она работала на отдел наркотиков полицейского департамента Лос-Анджелеса. Могла унюхать марихуану, куда бы ее ни запрягали. Как-то раз ей устроили проверку: на складе автодеталей было двести пятьдесят ящиков, в пять из них положили марихуану в запаянных целлофановых пакетах, обернутых в фольгу, потом в оберточную бумагу и наконец в отдельные картонные коробки. Так вот за семь минут Рыжая определила все пять ящиков.

Тогда же в девяноста двух милях к северу, в Санта-Барбаре цитологи выделили экстракт спинного мозга дельфина и ввели его бабуинам и собакам. Потом провели отбор и необходимую хирургию. Первым успешным результатом эксперимента стал самец пули по кличке Абу, способный передавать свои ощущения при помощи телепатии.

Последующие скрещивания и отбор привели к появлению боевых собак, как раз накануне третьей мировой. Они умели телепатировать на небольшое расстояние, могли выслеживать войска, бензин, радиацию, отравляющие вещества — короче, стали незаменимым оружием в войне нового типа. Выбраные породы доказали свою жизнеспособность. Доберманы, гончие, акитас, пули и шнауцеры дали еще более развитое в телепатическом отношении потомство.

Рыжая и Абу были предками Блада.

Он рассказывал эту историю тысячи раз. Одними и теми же словами — теми, которыми она была рассказана ему.

До сих пор я не особенно-то верил. Хотя с другой стороны...

Я уставился на одиночку, сидящего в третьем ряду. Так вроде ничего не скажешь. Одиночка надвинул (или надвинула) кепку на глаза, а воротник поднял до ушей.

— Ты уверен?

— Сто процентов. Это девица.

— Даже если это так, тащится она как парень.

— Сюрприз, — саркастически фыркнул Блад.

Загадочный одиночка по второму разу остался смотреть «Суровое дело». Да, похоже, действительно телка. Большинство одиночек и роверов — бродяг, что сбиваются в банды, — после порнухи свалило. Зал опустел, да и на улицах должно стать потише; у него (у нее) был шанс спокойно добраться до дома. Я тоже стал смотреть «Суровое дело». Блад уснул. Когда загадочный одиночка поднялся, я дал ему (ей) время получить оружие, если он его сдавал, и дернул Блада за ухо.

— Давай попробуем.

Он поплелся по проходу.

Я получил оружие и вышел на улицу. Никого.

— Отлично, носюра. Где он?

— Она. Где-то справа.

Я снял браунинг с предохранителя и огляделся. Среди выгоревших коробок домов по-прежнему никого не было видно. Эта часть города пострадала очень сильно. С другой стороны, «Нашей банде», контролирующей «Метрополь», не потребовалось ничего восстанавливать. Подфартило ребятам. Драконам, например, приходилось поддерживать целую электростанцию, чтобы получать доход с других банд. Парни Теда мучились с водяным резервуаром, «Бастинады» как последние суки ишачили на марихуановых плантациях, «Черные» с Барбадоса ежегодно теряли по два десятка человек, расчищая радиационные

воронки по всему городу... А «Нашей банде» хватало одного кинотеатра.

Кто был вожаком, сколько лет назад из одиночек стали формироваться банды — все это меня не касалось. Блад заменил мне заботливую мать. Он знал, чем стоит заниматься.

— Она повернула здесь, — сказал носюра.

Я едва поспевал за ним. Вдали по-прежнему светились радиационные холмы. Теперь я не сомневался, что Блад прав. Наш таинственный незнакомец мог направляться только к шахте в подземный город, в подниз. Нет, точно девчонка.

При этой мысли мои ягодицы сжались. Кажется, удастся трахнуться. Прошел почти месяц с тех пор, как Блад унохал мне телку, одиночку с Маркет-Баскет. Несло от нее, как от помойки, и я подцепил лобковых вшей, но это была женщина, а после того, как я ее связал и пару раз двинул по роже, она стала как шелковая. Правда, плевалась и кричала, что убьет меня, как только вырвется. Чтобы не рисковать, я не стал ее потом развязывать. Недельки две назад я заходил на то место, но ее там уже не было.

— Осторожнее, — проворчал Блад, почти невидимый в сплошной тьме, окружающей кратер.

На дне кратера что-то шевелилось. Пробираясь сквозь ничейную землю, я понял, почему большинство банд и одиночек составляли парни. На Войне поубивало почти всех девчонок, как и всегда бывает на войнах. Так говорил мне Блад. А те, что рождались, чаще всего не были ни мальчиками ни девочками. Их били о стену, как только вытягивали из матерей.

Те немногие телки, которые не ушли в подниз с добродорядочными, были крутыми одинокими суками, наподобие той из Маркет-Баскет, сильными и жилистыми. Такая глазом не моргнет, отхватит бритвой твое мясо, как только ты наладишься его использовать. Так что с годами найти себе подходящую задницу становится труднее и труднее.

Но время от времени какой-нибудь телке надоеает быть собственностью банды, или роверы про-

водят рейд, в который попадается случайная девчонка из поднизу, или вот как сейчас: добропорядочная телочка решила посмотреть, что же такое крутая порнушка.

Неужели удастся потрахаться? Скорей бы.

3

Впереди не было ничего, кроме разрушенных останков домов. Один из кварталов буквально размазали по земле, словно гигантская плита ухнула с небес — шлеп! — и все, что оказалось под ней, обратилось в мелкую крошку.

Телка была встревожена и испугана, я это видел. Она металась среди развалин, постоянно оглядывалась по сторонам и через плечо. Понимала, что здесь опасно... Если бы только она знала, насколько опасно!

В уничтоженном квартале сохранилось только одно здание. Оно сиротливо торчало в самом дальнем его конце, словно провидение позволило ему сохраниться. Телка нырнула внутрь, и спустя мгновение я увидел мигающий свет. Фонарик? Возможно.

Мы с Бладом пересекли улицу и оказались перед черным строением — все, что осталось от МХО, то есть от Молодежной христианской организации. Блад научил меня читать. А что, черт побери, означает Молодежная христианская организация? Иногда умение читать порождает больше вопросов, чем неумение, и поневоле думаешь: лучше бы ты оставался тупым.

Я не хотел ее выпускать — там, в доме, как раз все условия, чтобы ее потрахать, — и выставил Блада на страже у главного входа, а сам побежал вокруг. Разумеется, все двери и окна были выбиты, так что попасть внутрь не составляло особого труда. Я подтянулся и перевалил через подоконник.

Темно. Ни звука, за исключением ее шагов, доносящихся с другой стороны МХО. Есть при ней приправа или нет, рисковать я не собирался. Я передернул браунинг и вытащил свой «сорок пятый».

С этого даже не надо снимать предохранитель, он всегда на взводе.

Я осторожно пошел по комнате. Похоже, какая-то раздевалка. Весь пол был усеян битым стеклом и мусором, краска на стоящих рядами ящиках сгорела, очевидно, от тепловой волны, ударившей в окно много лет назад.

Дверь висела на одной петле; я осторожно пролез в проем и оказался в бассейне. Огромное, пустое помещение, кое-где на полу кафельные плитки поотскакивали. Воняло — что неудивительно, поскольку вдоль стены лежали мертвецы или то, что от них осталось. Какой-то нерадивый уборщик сгреб их в одну кучу, а закопать поленился. Я натянул шейный платок на нос и рот и пошел дальше.

Добрался до другой стороны бассейна, зашагал по коридору с разбитыми лампочками на потолке. Видно было хорошо: в выбитые окна струился лунный свет, к тому же в стенах были провалы.

Теперь я ее слышал — телка возилась совсем рядом, за дверью. Я подобрался к двери поближе. Она была приоткрыта, сквозь щель было видно, что пол с другой стороны завален штукатуркой и мусором. Если я попытаюсь ее открыть, будет много шума. Так что надо выждать момент.

Прижавшись к стене, я старался разглядеть, чем занимается моя крошка. Она была в огромном спортзале, большой фонарь поставила на гимнастического коня. С потолка зала свисали канаты; были еще брусья, турник высотой в восемь футов, уже покрытый ржавчиной, висели кольца, в углу валялся трамплин, рядом — шест для балансировки. У дальней стены — шведская стенка, наклонные скамейки для качания пресса, еще пара трамплинов. Надо будет запомнить это место, здесь гораздо лучше тренироваться, чем в развалюхе, которую я оборудовал на старой автосвалке. Надо держать себя в форме, если ты одиночка.

Телка скинула одежду. Стояла, раздевшись догола, и дрожала. Было и вправду прохладно; я видел, что тело ее покрылось гусиной кожей. Она была

немаленькой — примерно пять футов и шесть или семь дюймов, с хорошей грудью и, пожалуй, худоватыми ногами.

Она расчесывалась. Волосы спадали ей на спину. При свете фонаря я не видел, рыжая она или шатенка, но не блондинка, точно. Это хорошо — я тащусь с рыжих. Кроме того, у нее отличные груди. Лица я не видел, волосы были такие пышные и пушистые, что закрывали все.

Снятое барахло она бросила на пол, а надеть собиралась что-то разложенное на гимнастическом коне. На ногах у нее были забавные туфельки, как мне показалось, с длинными каблуками.

Я не мог пошевелиться. Неожиданно до меня дошло, что я не могу пошевелиться. Она была хороша. По-настоящему хороша. Я ловил дикий кайф просто от того, что стоял и смотрел, как вогнута ее талия и выпуклы ее бедра, как шевелятся мышцы возле грудей, когда она поднимает руки вверх и причесывается. Черт побери, действительно странно: я получал кайф от того, как телка причесывается! Как это говорят... женственно, что ли... Красивая картинка.

Я никогда еще так не смотрел на телку. Раньше мне попадались одни прошмондовки, которых вынюхивал Блад. Их я хватал, сгребал — и дело с концом. Телки в порнушках тоже не такие, как эта, — мягкая и гладенькая, несмотря на гусиную кожу. Так бы всю ночь и пялился.

Она отложила расческу, вытащила из кучки одежды трусики и влезла в них. Затем надела лифчик.

Никогда не приходилось видеть, как телки это делают. Она надела его задом наперед, вначале на талию, и застегнула. Затем перевернула так, чтобы чашечки оказались впереди, и, приподняв вначале одну, потом вторую, втиснула туда свои груди, и только потом накинула на плечи бретельки.

Телка потянулась за платьем, а я тихонько отодвинул ногой мусор и штукатурку и взялся за дверь, готовясь к рывку.

Она подняла платье над головой... Как только она всунула голову и оказалась вся спутана, я рванул дверь. Раздался страшный треск, полетела штукатурка и прочий хлам, и, прежде чем телка успела выбраться из платья, я был уже на ней.

Она завизжала, а я с треском сорвал с нее платье, прежде чем она успела сообразить, что вообще происходит.

Лицо у нее было диким, просто диким. Глаза большие — не могу сказать, какого цвета, они были в тени. Широкий рот, маленький носик, скулы как у меня — высокие и продолговатые, а на правой щеке ямочка. Она уставилась на меня, едва живая от страха.

И тогда — вот уж совсем странно — я почувствовал, что должен ей что-нибудь сказать... Не знаю что. Что-нибудь. Мне было неприятно, что она испугалась, но что, черт возьми, я мог сделать? В конце концов я собирался ее поиметь, не мог же я ее успокаивать: мол, бояться нечего? Мне надо было кончить, вот и все. И тем не менее потянуло сказать: «Эй, не бойся. Трахнемся, да и все». (Подобного со мной не случалось. Никогда не возникало желания говорить с телками. Засадить — да, а говорить — нет.)

Но это прошло. Я сделал ей подножку и швырнул на пол. Потом направил на нее «сорок пятый», и ротик девочки открылся в форме буквы «О».

— Теперь я хочу взять борцовский мат вон в том углу, на нем будет удобнее, а ты не шевелись, потому что, если дернешься, я отстрелю тебе ногу. А потом все равно трахну, только останешься еще и без ноги.

Я подождал, пока она даст знать, что поняла, и, после того как девчонка медленно кивнула, я, не сводя с нее ствola, отошел к огромной куче матов и стянул самый верхний. Подтащив мат к телке, я перевернул его чистой стороной вверх и стволом приказал ей перебираться. Она послушалась, села, оперлась на руки и подогнула ноги.

Я расстегнул молнию на джинсах и снянул одну штанину. И заметил, что она смотрит на меня как-то странно. Я застыл.

— Ты чего уставилась?

Я разозлился. Не знаю почему, но разозлился.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Голос у нее оказался мягкий и какой-то бархатистый, словно горло было выстлано бархатом или чем-то подобным.

Она сводила с меня глаза, ожидая ответа.

— Вик, — сказал я.

— Вик... а дальше?

Я сразу и не понял, о чем она. Потом сообразил.

— Вик. Просто Вик.

— Хорошо, а как зовут твою мать и отца?

Тогда я начал смеяться и стаскивать джинсы дальше.

— Ну ты и дура, — сказал я сквозь смех.

Она обиделась. Это снова меня разозлило.

— Перестань кривиться, зубы выбью.

Она сложила руки на бедрах.

Я спустил штаны до щиколоток. Через кроссовки они не снимались. Пришлось балансировать на одной ноге, а со второй сбрасывать кроссовку. При этом не сводить с телки ствола. Это было сложно, но у меня получилось.

Я стоял перед ней голый снизу по пояс, а она чуть подвинулась вперед и скрестила ноги, не убирая рук с бедер.

— Снимай все, — потребовал я.

Некоторое время телка не двигалась, и я подумал, что она хочет повыдергиваться. Но она вдруг откинулась назад и сняла лифчик. Потом приподнялась и снянула трусики.

Неожиданно она перестала выглядеть испуганной. Она смотрела на меня в упор и я увидел, что глаза у нее синие.

И вдруг самое нелепое...

Я не мог этого сделать. То есть не совсем так. Я имею в виду, мне хотелось ее трахнуть, но она продолжала смотреть на меня и была такой

хорошенькой, что... Никто из одиночек мне не поверит, но я с ней заговорил. Стоял перед телкой в спущенных джинсах, в одной кроссовке, будто придурок.

— А тебя как зовут?

— Куилла Джун Холмс.

— Странное имя.

— Мама говорит, что в Оклахоме много таких имен.

— Вы оттуда?

— Да, — кивнула она, — до войны мои родители жили там.

— Так они уже старые?

— Да, но они молодцы.

Мы говорили друг с другом и мерзли. Я видел, что ей холодно, потому что она дрожала.

— Ладно, — пробормотал я, собираясь присесть рядом, — пожалуй, нам стоит начать...

Черт бы все побрал! Блад, чтоб он сдох! Представьте, именно в этот момент влетает в зал, скачет через мусор и штукатурку, поднимает столб пыли, потом скользит на заднице, пока не упирается в нас.

— Ну и? — раздраженно спросил я.

— Ты с кем разговариваешь? — изумилась девица.

— С ним. Бладом.

— С собакой?!

Блад посмотрел на нее и отвернулся. Он хотел что-то сказать, но она его перебила:

— Значит, правда, будто вы умеете разговаривать с животными?

— Ты собираешься слушать ее всю ночь или, может быть, хочешь узнать, чего я прибежал?

— Ладно, чего тебе?

— У тебя неприятности, Альберт.

— Ты можешь серьезно?

Блад мотнул головой в сторону входа в МХО:

— Банда. Здание окружено. Я насчитал их человек пятнадцать или двадцать.

— Откуда они узнали, что я здесь?

Блад опустил голову и поежился.

— Ну?

— Какой-то шелудивый унюхал ее в кинотеатре.
— Прекрасно!..
— Что теперь?
— Теперь будем отбиваться, вот что теперь. У тебя есть лучшие предложения?
— Только одно.
Я ждал.
Он улыбнулся:
— Надень штаны.

Девчонка, эта Куилла Джун, была в полной безопасности. Я соорудил для нее убежище из дюжины борцовских матов. Шальная пуля ее не заденет, и, если они пришли не за ней, ее не найдут.

Я залез по канату на перекладину, выложил браунинг и патроны к нему. Как бы мне сейчас пригодился автомат, брен или томпсон!.. Я проверил «сорок пятый» — пуля в стволе — и разложил на перекладине запасные магазины.

Блад залег в тени у входа. Он предложил, чтобы я вначале прикончил несколько собак из банды, — дать ему свободу действий.

Это меня беспокоило меньше всего.

Вообще-то я предпочел бы устроить засаду в другой комнате, с единственным входом, но я не знал, успели они войти в здание или нет. Так что выбора не было.

Наступила тишина. Стихла даже эта Куилла Джун. Я потратил драгоценные минуты, убеждая ее, что ей лучше спрятаться и что со мной одним ей будет лучше, чем с двадцатью бандитами.

— Если ты, конечно, хочешь еще повидаться с мамой и папой, — предупредил я ее. После этого я завалил ее борцовскими матами.

Тишина.

Затем одновременно донеслись два звука. Кто-то очень тихо передвигался в дальнем конце бассейна — под сапогами крошилась штукатурка. А со стороны главного входа тихонько постукивали металлом по дереву. Значит, меня берут в клещи. Отлично, я готов.

Снова тишина.

Я навел браунинг на дверь раздевалки. Она так и осталась открытой. Силуэт в дверях тянул на пять футов и десять дюймов. Я опустил прицел на полтора фута — так будет лучше. Я давно понял: нельзя целиться в голову. Надо брать самую широкую часть тела: грудь, живот.

Неожиданно снаружи послышался лай, кусок темноты отделился от главного входа и скользнул в зал — прямо напротив Блада. Я даже не пошевелил стволом.

Вошедший в зал ровер сделал пару осторожных шагов, размахнулся и швырнул в темноту не то камень, не то железку. Так вызывают огонь. Я даже не пошевелил стволом.

Когда штуковина, которую он бросил, ударилась об пол, с двух сторон из бассейна в спортзал ворвались роверы, по одному с каждого входа. Автоматы наготове, стволами вниз. Прежде чем они сориентировались, я выжал курок, перенес ствол и нажал еще раз. Оба упали. Точное попадание, прямо в сердце. Бац, и оба готовы. Ни один даже не пошевелился.

Тот, который был в дверях, засуетился, и в ту же секунду Блад накрыл его. Рр-р-ръяф!

Носюра перепрыгнул через выставленный ствол автомата и погрузил клыки в горло ровера. Парень завизжал, и Блад отскочил, унося в зубах кусок мяса. Несчастный стоял на одном колене и издавал страшные булькающие звуки. Я всадил ему в башку порцию свинца, и он ткнулся мордой в пол.

Все снова затихло.

Неплохо. Очень даже неплохо. Трое готовы, а они даже не выяснили нашей позиции.

Блад опять забился в нишу у входа. Он не произнес ни слова, но я знал, о чем он думает. Что это могут быть трое из семнадцати, трое из двадцати, а может, и трое из двадцати двух. Точно никак не выяснишь, хоть сиди здесь всю неделю, так и не узнать, сколько человек нас поджидают. К тому же они всегда могут пополнить боезапас, а у меня рано или поздно кончатся патроны, равно как и еда, да и

эта девчонка, Куилла Джун, тоже будет отнимать внимание. В конце концов мы проголодаемся и совершим какую-нибудь глупость, или я расстреляю все патроны, и тогда они хлынут внутрь, как ливень из тучи.

Ровер со всей дури влетел в зал, на полной скорости сделал кувырок, метнулся в противоположную сторону и, прежде чем я успел прицелиться, трижды выстрелил по разным углам. Случайно он оказался почти подо мной, что позволило мне сберечь патрон двадцать второго калибра. Я беззвучно поднял «сорок пятый» и снес подонку ползатылка. Пуля пробила голову и сорвала почти все волосы. Он рухнул на пол.

— Блад, винтовку!

Пес выскочил из темноты, подхватил винчестер и утащил его в дальний угол, где были свалены маты. Я видел, как из кучи высунулась рука, схватила винчестер и затянула его внутрь. Ладно, по крайней мере там я его всегда заберу, когда мне понадобится.

Отважный пес снова кинулся к убитому и принял сдирать с него пояс с патронами. Блада могли уложить от двери или из окон, но он довел дело до конца. Отважный пес! Я это запомню и накормлю его чем-нибудь вкусненьким, когда мы отсюда выберемся. В темноте я улыбнулся... Если мы отсюда выберемся, мне не придется беспокоиться о вкусной корежке для Блада, она была разбросана по всему залу.

Пока Блад тащил пояс в укрытие, двое роверов решили попытать счастья с собаками. Они ворвались в зал через окна и сразу же раскатились в разные стороны, в то время как их псы — страшный, как смерть, и огромный, как дом, акита и цвета свежего дермы сука добермана — влетели в зал через главный вход и тоже кинулись в разные стороны. Мне удалось поймать акиту в прицел, и он скуля покатился по полу. Доберман налетел на Блада.

Но выстрел выдал мою позицию. Один из бродяг резанул от бедра, и пули с мягким наконечником измочалили вокруг меня все стропила. Я потянулся за браунингом, и в это время мой «сорок пятый»

сокользнул с перекладины и полетел вниз. Я дернулся за ним, но он выскользнул у меня из рук и с грохотом ударился об пол. Ровер изрешетил место, где я только что был. Но я уже стелился по перекладине, и он принял палить на звук.

В то же мгновение раздался выстрел из винчестера. Второй бродяга, до сих пор прятавшийся в темноте, рухнул на пол, зажимая руками рваную рану в груди. Куилла пристрелила его, не вылезая из укрытия.

У меня не было времени сообразить, что происходит... Блад с доберманом катились по полу, издавая ужасные звуки, а ровер таки угодил пулей в торчащий из-за перекладины ствол моего браунинга, и он полетел на пол. Я остался без оружия. Подлец притаился в темноте, поджиная, когда я высунусь.

Снова прогремел винчестер, и ровер открыл огонь по матам. Куилла нырнула в укрытие, и я понял, что на большую поддержку с ее стороны я рассчитывать не могу. Но мне и не надо было большего. Пока ровер стрелял по матам, я перевалился через перекладину и скользнул вниз по канату, чувствуя, как до волдырей сгорают ладони. Спустившись достаточно низко, я принял раскачиваться, изо всех сил дергаясь во все стороны и с каждым разом увеличивая амплитуду. Подонок палил по мне, как по мишени, стараясь угадать траекторию, но мне удавалось уйти с линии огня. Наконец у него кончились патроны, и я, качнувшись как только мог сильно, полетел в его сторону, отпустил канат и рухнул на врага задницей. Он шлепнулся о стену, и в следующую секунду я был на нем, а мои большие пальцы — глубоко в его глазницах. Он визжал, собаки визжали, девчонка визжала, а я колотил сволочь головой об пол, пока он не затих. Тогда я схватил его автомат тридцатого калибра и бил подонка прикладом до тех пор, пока не стало ясно, что он мою жизнь больше осложнять не будет.

Потом я нашел свой «сорок пятый» и пристрелил добермана.

Блад поднялся и отряхнулся. Он был изрядно потрепан.

— Спасибо, — промямлил псина и затрусили в темноту зализывать раны.

Я пошел к Куилле Джун.

Она рыдала. По всем парням, которых мы уко-кошили. А больше всего — по тому, которого завалила сама. Мне никак не удавалось прервать ее стенания, и под конец я треснул ее по роже и сказал, что она спасла мне жизнь и вообще немного помогла.

Притащился Блад:

— Как мы будем отсюда выбираться, Альберт?

— Надо подумать.

Я подумал и понял, что дело безнадежное. Скольких бы мы ни убили, будут приходить новые. Теперь это для них дело чести. Их чести.

— Как насчет пожара? — предложил Блад.

— Смотаться под прикрытием огня? — Я покачал головой. — Не выйдет. Они окружат все здание.

— А если мы и не будем выходить? Сгорим вместе с домом?

Я посмотрел на него. Отважное и, главное, чертовски умное решение.

5

Мы собрали весь деревянный мусор, все маты, разломали шведскую стенку, стащили в кучу к деревянной перегородке зала трамплины, шесты, скамейки — короче, все, что горит, и подожгли ненавистный хлам. Затем мы проследовали за Бладом к месту, которое он для нас присмотрел. Котельная, глубоко в подвале. Там мы все забрались в котел и задраили люк, оставив открытым только вентиляционный клапан. С собой мы также прихватили один мат и все оружие и боеприпасы, которые удалось забрать из зала.

— Что-нибудь чуешь? — спросил я Блада.

— Пока беру только одного парня. Здание горит хорошо.

— Сможешь определить, когда они свалят?

— Возможно. Если они свалят.

Куиллу Джун от всего происшедшего била дрожь.

— Не наложи в штаны, — сказал я ей. — К утру здание рухнет, они пройдутся по развалинам, найдут кучи обгорелого мяса и, надеюсь, не станут определять, где женское. И все будет прекрасно... если мы здесь не задохнемся.

Она едва заметно улыбнулась и приняла бравый вид. Отличная оказалась девчонка. Улеглась на мат и прикрыла глаза, стараясь уснуть. Я тоже был весь измочаленный. И тоже закрыл глаза.

— Справишись? — спросил я Блада.

— Постараюсь. Ты лучше поспи.

Я кивнул и тут же отъехал.

Когда я проснулся, Куилла Джун крепко спала, положив голову мне на плечо и обняв меня за талию.

Я едва мог перевести дух. Как в жаровне. Черт, это и была жаровня, к стенке котла не прикоснешься. Блад залез на наш матрас — только борцовский мат не позволял нам всем испечься заживо — и спал, положив голову на лапы.

Девчонка спала по-прежнему голая. Я положил руку ей на грудь — теплая. Куилла пошевелилась и прижалась ко мне еще теснее. Я испытал сильнейшее возбуждение.

Потом я осторожно стянул джинсы и забрался на нее. Почувствовав, что я раздвигаю ей ноги, она проснулась, но было уже поздно.

— Не надо, остановись... что ты делаешь, прекрати....

Она была полусонная, слабая и, как мне показалось, не хотела по-настоящему сопротивляться. Вскрикнула, когда я начал, но потом все пошло как по маслу. Весь мат был залит кровью. А Блад по-прежнему спал.

Раньше все происходило по-другому. Блад кого-нибудь мне выслеживал, я заваливал, оглушал и смывался, не дожидаясь возможных дурных последствий.

Под конец она прогнулась, обхватила мою спину ногами так, что у меня ребра затрещали, и опус-

тилась — медленно-медленно, как делаю я, когда качаю пресс в самодельном спортзале на автосвалке. Глаза ее были закрыты, она казалась расслабленной. И счастливой. Уж я-то знаю.

Мы проделали это несколько раз; спустя некоторое время предлагать стала она, но я не возражал. А потом мы лежали рядом и разговаривали.

Она расспрашивала меня о Бладе, и я рассказал ей, как случилось, что боевые собаки научились телепатировать и разучились добывать себе пищу, так что заниматься этим пришлось одиночкам или роверам, и как собаки вроде Блада вынюхивают телок для своих хозяев.

Я спросил ее, как живут люди в поднизе.

— Там очень хорошо. И очень спокойно. Все друг с другом вежливы. Как во всех маленьких городах.

— В каком именно ты живешь?

— В Топеке. Это совсем рядом.

— Да, знаю. Шахта находится в полумиле отсюда.

Я как-то раз туда забрел, из любопытства.

— Ты когда-нибудь был в поднизе?

— Нет, и не уверен, что мне этого хочется.

— Почему? Там очень хорошо. Тебе понравится.

— Дерьмо.

— Это грубое слово.

— А я грубый.

— Не всегда.

Я начал злиться.

— Слушай, задница, чего ты мелешь? Я тебя загнал в угол и хорошенько оттряхнул, что ты нашла во мне хорошего? У тебя, что, мозгов не хватает...

Она улыбалась:

— А я не возражаю. Мне понравилось. Хочешь еще?

Я был потрясен. И отодвинулся подальше.

— Тебя совсем, черт побери, перемкнуло! Не знаешь, что одиночки могут запросто изувечить девчонку из подниза? Ни разу не слышала родительских напутствий? «Смотри не суйся туда, там грязные вонючие волосатые одиночки». Никогда тебе такого не говорили?

Она положила руку мне на бедро и полезла вверх, царапая меня ноготками. Я снова возбудился.

— Родители ничего не говорили мне про одиночек, — прошептала Куилла, а затем затащила меня на себя, поцеловала, я ничего не смог с собой поделать. Пришлось ее еще раз трахнуть.

Боже, так продолжалось часами. Блад проснулся и проворчал:

— Слушайте, я не могу больше делать вид, что сплю. Я хочу есть. И я ранен.

Я спихнул девчонку — на этот раз она была сверху — и осмотрел Блада. Доберман отхватил у него добрый кусок правого уха, под пастью все было разорвано, шерсть на одном из боков вымокла от крови. Он был в ужасном состоянии.

— Да ты в ужасном состоянии! — сказал я.

— Ты сам не розочка, — огрызнулся он.

— Может мы выбраться отсюда?

Блад скривил морду и покачал головой:

— Ничего не принимаю. Наверное, котел завалило обломками. Надо вылезти и посмотреть.

Мы некоторое время препирались, а потом решили, что, если здание рухнуло и хоть немного остыло, бродяги его уже обследовали. Если они не полезли в котел, значит, нас основательно засыпало. Или здание еще горит. В таком случае они еще здесь, дожидаются своего часа.

— Уверен, что справишься в таком состоянии?

— Полагаю, выбора у меня нет, — проворчал Блад. Он действительно выглядел плохо. — Ты, похоже, решил трахаться до посинения, так что действовать придется мне.

Я почувствовал, что с ним что-то неладно. Он явно невзлюбил Куиллу Джун.

Я отвинтил заглушку люка. Не открывается. Тогда я лег на спину и уперся в него обеими ногами. То, что навалилось сверху, вначале не поддавалось, потом люк сдвинулся с места и наконец с треском распахнулся.

Я выглянул наружу. Верхние этажи рухнули на подвал, все превратилось в золу и пепел. Отовсюду

валил дым, сквозь который едва сочился дневной свет.

Я вылез наружу, обжегшись о край котла. Блад выпрыгнул следом и начал искать проход в развалинах. Котел был почти полностью завален. Это хорошо, скорее всего роверы наспех осмотрели подвал и решили, что мы сгорели. Но я хотел, чтобы Блад выяснил все наверняка. Он уже побежал прочь, когда я его окликнул. Он нехотя вернулся.

— Что еще?

Я окинул псину взглядом.

— Ты паскудно себя ведешь.

— Подавай в суд.

— Черт бы побрал твою собачью душу, что за вожжка тебе под хвост попала?

— Не вожжка. Телка твоя.

— Что тут такого? У меня и раньше были бабы.

— Да, только никто так на тебе не вис. Помяни мое слово, Альберт, с ней будут проблемы.

— Не валяй дурака!

Он не ответил. Посмотрел на меня с негодованием и порыл осматривать окрестности. Я влез обратно и закрутил люк.

Она потребовала еще. Я сказал, что не хочу. Блад испортил мне настроение. Я был порядком на взводе. И не знал, на кого из них злиться.

Но Бог ты мой, до чего она была хороша!

Куилла вроде как надулась и села, обхватив ноги руками.

— Расскажи мне еще о поднизе, — сказал я.

Вначале она ломалась, говорила неохотно, но потом увлеклась и журчала как ручеек. Я многое узнал. Может, когда-никогда сумею это использовать.

Всего в бывших Соединенных Штатах и Канаде в поднизе осталось около двух сотен тысяч человек. В свое время они ушли жить в шахты, колодцы и глубокие туннели; на западе люди селились в естественных пещерах. Со временем они перебрались на глубину от двух до пяти миль. И были это в основном тупоголовые в худшем виде: южные баптисты,

фундаменталисты, законопослушные лохи, настоящие дубины среднего класса, потерявшие вкус к дикой жизни. Они заставили последних ученых хорошенко поработать, придумать им разные штуки, а потом выперли бедолаг наверх — не хотели никакого прогресса. Но не хотели и упадка, они вообще не хотели никаких волнений. Лучше всего жилось на свете до Первой войны, и они смекнули, что, если удастся это время воссоздать и сократить, они будут жить спокойно и долго. Дерьмо! Я бы в их подземелье в первый день спятил.

Куилла Джун улыбнулась и снова принялась ко мне приставать. На этот раз я ее не оттолкнул. Она стала меня трогать, внизу и повсюду, а потом сказала:

— Вик?

— Угу.

— А ты любил когда-нибудь?

— Что?

— Ты когда-нибудь любил девушку?

— Черт подери, думаю, нет!

— А ты знаешь, что такое любовь?

— Конечно, знаю.

— Но если ты никогда не любил...

— Не строй из себя дуру. Я вот никогда не получал пулю в голову, но прекрасно знаю, что мне это не понравится.

— А я готова поспорить: ты не знаешь, что такое любовь.

— Ну, если это означает жить в поднизе, то я и знать не хочу.

На этом разговор закончился. Она повалила меня на пол, и мы проделали это еще разок. Когда все закончилось, я услышал, что в люк котла скребется Блад.

— Все чисто, — сказал он, когда я выглянула.

— Ты уверен?

— Сто процентов. Можешь надеть штаны, — произнес он язвительно. — И вылезай, надо кое о чем поговорить.

Я посмотрел на него и увидел, что он не шутит. Натянув джинсы и кроссовки, я вылез из люка.

Пес мой затрусила прочь, перемахнул через обогревшие балки и выбрался на воздух. Снаружи рухнувшее здание напоминало сгнивший осколок зуба.

— Выкладывай, что тебя тревожит, — сказал я.

Он взобрался на бетонную плиту, и мы стали нос к носу.

— Не делай из меня дурака, Вик.

Я понял, что он говорит серьезно. Не придуривается с Альбертом, называет меня Вик.

— Поясни.

— Прошлой ночью, парень. Мы ведь могли ее оставить им и смыться. Это было бы умно.

— Я хотел ее.

— Да, знаю. Об этом я и говорю. Но уже наступило сегодня, та ночь прошла. Ты поимел ее полсотни раз. Чего мы еще тянем?

— Я хочу еще.

Теперь он завелся.

— Да? Ну так послушай меня, дружище. Я тоже кое-чего хочу. Я хочу жрать, хочу избавиться от боли в боку, и я хочу выбраться из этого дерьяма! Не исключено, что они еще не угомонились.

— Успокойся. Мы сумеем все уладить. Не значит же это, что она не может с нами идти.

— Не может, — машинально поправил меня Блад. — А это, кажется, что-то новенькое!.. Мы теперь путешествуем втроем, если я правильно понял?

Теперь забеленелся я:

— Ты что-то затякал как пудель!

— А ты запел как гомик!

Я размахнулся, чтобы отвесить ему затрещину. Пес не пошевелился. Я опустил руку. Я никогда не был Блада. И не хотел начинать сейчас.

— Извини, — тихо произнес он.

— Все в порядке.

Но друг на друга мы не смотрели.

— Вик, дружище, ты за меня отвечаешь, не забывай.

— Тебе нет необходимости мне это говорить.

— А по-моему, есть. Позволь кое о чем напомнить. Например, как тебя схватил на улице сожженный.

Меня передернуло. Сволочь был весь зеленый, как мшистый камень, и светился, как грибок. У меня тогда все опустилось.

— А я на него набросился, так?

Я кивнул. Так, шелудивый, так.

— А ведь я мог запросто сгореть и погибнуть, мне пришел бы конец, прав я или не прав?

Я снова кивнул. Теперь я злился по-настоящему. Не люблю, когда меня заставляют чувствовать вину. У нас с Бладом все было поровну. И он это знал.

— А ведь я это сделал, так?

Помню, как заорал этот выродок. Боже, он был похож на слизь с ресницами!

— Так, так, не разглаголь как проповедник.

— Ты хотел сказать «не разглагольствуй».

— Как угодно! — заорал я. — Завязывай эту тему, иначе мы можем пересмотреть наши условия!

— По-моему, самое время, невежа, люмпен!

— Что еще за «люмпен», недоумок? Впрочем, ладно, не объясняй, наверняка гадость. Фильтрой базар, ты, сучонок, не то я тебе задам!

Мы отвернулись в разные стороны и минут пятнадцать молчали. Никто не знал, что делать дальше.

Под конец я взял себя в руки. Я говорил тихо и медленно. Мол, несмотря ни на что, я собираюсь и дальше ходить с ним, а он проворчал, что это в моих интересах, в городе найдется немало крутых одиночек, которые за счастье посчитают иметь рядом такого сенсора. На это я ответил, что не люблю, когда мне угрожают, и что пусть прополощет себе пасть, а то из нее ненароком помойку сделают. Он взвился и потрусиł прочь. Я еще разок послал его вдогонку и зашагал к котлу, срывать злость на этой Куилле Джун.

Но когда я сунул голову в котел, оказалось, что она меня ждет. С пистолетом убитого ровера. И так гвозданула меня рукояткой по лбу, что я потерял сознание и перевалился через люк.

— Говорил тебе, от нее добра не жди, — ворчал Блад, наблюдая, как я промываю рану раствором из медпакета. Когда я дергался, он злорадно скалил пасть.

Отложив вату, я принялся ползать по котлу, собирая все оружие и патроны, какие только мог унести. Неожиданно на глаза мне попался предмет, выпавший, очевидно, из кармана телки.

Небольшая металлическая пластина, около трех дюймов в длину и полутора в ширину. На ней был выдавлен целый ряд цифр, кроме того имелись беспорядочно пробитые отверстия.

— Что это? — спросил я Блада.

Он осмотрел и обнюхал штуковину.

— Скорее всего удостоверение личности. Может быть, по нему выпускают из поднизу.

Я принял решение.

Сунув железку в карман, я вылез из котла и зашагал в сторону шахты.

— Куда тебя черт понес? — кричал мне в спину Блад. — Слышишь, вернись, тебя там убьют!.. Я хочу жрать, будь оно проклято!.. Альберт, сукин сын! Немедленно возвращайся!

Я продолжал идти. Я должен был разыскать эту суку и выбить из нее мозги. Даже если для этого придется спуститься в подниз.

Спустя час я был у шахты, ведущей в Топеку. Мне показалось, что Блад идет следом. Наплевать. Меня распирала злость.

Вот и шахта: высокий, прямой, ничем не примечательный столб из блестящего черного металла. В диаметре он достигал двадцати футов и сверху был совершенно плоским, этаким стаканом уходил в землю. Я подошел прямо к нему и вытащил из кармана

металлическую карточку. В этот момент кто-то потянул меня за правую штанину.

— Слушай, придурок, не смей спускаться!

Я отогнал его пинком, но он вернулся.

— Послушай, Альберт...

— Меня зовут Вик, недоумок!

— Хорошо, хорошо, давай серьезно. Вик. — Тон его смягчился. — Вик. Послушай меня.

Он пытался установить контакт. У меня все кипело, но он взывал к моему разуму. Я пожал плечами и опустился на землю рядом с ним.

— Вот что я скажу, парень: эта девка сбила тебя с толку. Ты и сам понимаешь, что не можешь пройти вниз. Там все продумано и отработано. Они знают всех своих и ненавидят одиночек. И без тебя достаточно бандитов пытались проникнуть в подниз, чтобы насиливать и красть. У них хорошая защита. Тебя просто убьют.

— А тебе-то какое дело? Ты, кажется, всегда утверждал, что без меня тебе лучше.

При этих словах Блад втянул голову в плечи.

— Вик, мы вместе уже три года. Всякое было, плохое и хорошее. Но это может оказаться самым плохим. Я боюсь, парень. Боюсь, что ты не вернешься. А я голоден, я не хочу искать себе напарника... ты же знаешь, одиночек сейчас мало, почти все сбиваются в банды, я не хочу быть бродячим псом. Я ведь уже не молод. И я ранен.

Я кивнул. Блад говорил по делу. Но в голове у меня застряла эта сука Куилла Джун, девчонка, которая меня провела. И ее мягкие груди... и звуки, которые она издавала, когда я был на ней...

Я потряс головой. Я должен был отомстить.

— Я должен это сделать, Блад. Просто должен.

Он тяжело вздохнул и еще глубже втянул голову в плечи. Он понял, что все бесполезно.

— Ты даже не понимаешь, что она с тобой сделала, Вик.

Я поднялся.

— Я постараюсь вернуться быстро. Подождешь?

Он долго молчал, а я ждал его ответа. Наконец он произнес:

— Немного подожду. Может, я буду здесь, может, нет.

Я понял. Обойдя вокруг столба из черного металла, я нашел прорезь и сунул в нее карточку. Раздалось негромкое гудение, затем секция столба скользнула в сторону. Я и не заметил, что столб состоит из секций.

Перед тем как сделать шаг вперед, я повернулся и увидел Блада. Мы смотрели друг на друга, а столб продолжал гудеть.

— Пока, Вик.

— Береги себя, Блад.

— Возвращайся скорее.

— Постараюсь.

— Ну, давай.

После этого я повернулся и шагнул внутрь. Секция за мной стала на место.

7

Надо было быть умнее. Следовало знать, следовало хотя бы заподозрить. Конечно, время от времени телки из подниза выбираются поглазеть, что творится на поверхности, что случилось с городами (еще как случилось!). Потому я и поверил, когда она, свернувшись калачиком, рассказывала, как хотела посмотреть в кино на девушку с мужчиной — мол, в Топеке все фильмы скучные, жалостливые и тупые, девчонки в школе только и говорят про порнуху, а у одной даже была книжка-комикс на восьми страницах... Да, я ей поверил. В этом была логика. А следовало ведь заподозрить, когда она оставила эту металлическую пластинку! Это было так очевидно. Блад пытался мне втолковать... Придурок? Мягко сказано!

Как только стальной круг встал на место, гудение усилилось и со стен заструился холодный свет. Со стены. Я находился в круглом помещении с одной стеной, у которой было две поверхности — внешняя

и внутренняя. Стена излучала свет и гудение, а затем пол, на котором я стоял, разошелся в стороны точно так же, как секция на входе. Я остался стоять, как мышь в картонке, только пола подо мной уже не было; если не смотреть вниз, можно было и стерпеть.

Я осторожно огляделся. Пол сомкнулся над моей головой, а я летел вниз по трубе, почти не набирая скорости. По крайней мере, теперь буду знать, что такое шахта падения.

Время от времени мимо мелькали непонятные указатели, вроде «10 УРОВ.», или «АНТИПОЛ 55», или «БРИДЕРСОН», или «НАСОСНАЯ-6»... я с трудом разбирал надписи. Падение не прекращалось.

Наконец я долетел до самого низа, где было написано «ГРАНИЦЫ ГОРОДА ТОПЕКА. НАС. 22860». Я приземлился без труда, слегка подогнув колени, чтобы смягчить удар, но и это оказалось излишним.

Я снова воспользовался металлической пластиной, и диафрагма, на этот раз гораздо большего размера, раскрылась. Впервые в жизни я увидел подниз.

Он простирался передо мной миль на двадцать, а в конце его ограничивал мутный светящийся горизонт цвета консервной жести. Горизонт загибался вверх, вверх, вверх и тянулся до того места, где стоял и плялся на него я, после чего шел вниз, вниз, вниз и замыкал собою огромную трубу высотой в одну восьмую мили. На самом дне этой трубы кто-то выстроил город, как две капли воды похожий на фотографии из промокших книжек, которые иногда попадаются в разрушенных библиотеках наверху. Я видел такую фотографию, один к одному. Аккуратные домишкы, изогнутые улочки, подстриженные лужайки, деловой центр — короче, все, что должно быть в Топеке.

Кроме солнца, кроме птиц, кроме облаков, кроме дождя, кроме снега, кроме холода, кроме ветра, кроме муравьев, кроме грязи, кроме гор, кроме океана, кроме бескрайних полей пшеницы, кроме звезд, кроме луны, кроме лесов, кроме диких животных, кроме...

Кроме свободы.

Они были законсервированы здесь, как сардины в банке. Законсервированы.

У меня перехватило горло. Мне захотелось наружу. Наружу!.. Я задрожал, руки похолодели, на лбу выступил пот. Каким безумием было спускаться сюда! Надо немедленно выбраться наружу. Наружу!

Я повернулся к трубе шахты, и в это мгновение меня схватили.

Ну Куилла Джун, ну сука!.. Как же я не догадался!

Штуковина которая меня схватила, оказалась квадратной, словно ящик, и зеленою, вместо рук у нее были щупальца с варежками на конце, и она каталась по рельсам.

Ящик оторвал меня от земли, сдавливая ненавистными варежками, и я ничего не мог сделать, разве что пнул его пару раз в огромный глаз впереди — не нанеся, впрочем, никакого вреда, он даже не отреагировал. Высотой машина была фути четыре, я почти касался земли кроссовками. Ящик покатил по рельсам в сторону Топеки, волоча меня за собой.

Повсюду были люди: сидели в креслах-качалках у дверей, косили газоны, слонялись по заправочной станции, кидали деньги в автоматы, размечтали белой полосой дорогу, продавали газеты на углах, слушали небольшой оркестр в парке на площадке в виде раковины, играли в классики и прятки, начищали до блеска пожарный насос, сидели на скамейках, читали, мыли окна, подстригали кусты, приподнимали шляпы при виде дам, везли в проволочных тележках молочные бутылки, расчесывали лошадей, швыряли палку собакам, плескались в общем бассейне, выписывали мелом цену на овощи возле лотка, гуляли с девушками, взявшись за ручки — и все смотрели на везущую меня металлическую сволочь.

А в ушах у меня звучал голос Блада, когда он говорил за минуту до того, как меня понесло в шахту:

— Там все продумано и отработано. Они знают всех своих и ненавидят одиночек. И без тебя

достаточно бандитов пытались проникнуть в подниз, чтобы насиливать и красть. У них хорошая защита. Тебя просто убьют.

Спасибо, псина!

Прощай.

Зеленый ящик въехал в деловую часть города и свернулся к зданию. Я едва успел разобрать надпись: «Бюро контроля услуг», а потом ящик вкатился в открытую дверь, за которой меня ожидали с полдюжины мужчин, два старика, причем один совсем старый, и несколько женщин. Зеленый ящик остановился.

Ко мне подошел здоровенный тип, забрал из руки металлическую карточку и передал ее старейшему из присутствующих — иссущенному коту в мешковатых штанах и зеленом козырьке от солнца. Рукава его клетчатой рубашки держались на подвязках.

— Куилла Джун, Лью, — доложил тип старику.

Лью бросил карточку в левый верхний ящик стола и сказал:

— Не мешает его обезоружить, Аарон.

Тип, забравший карточку, поснимал с меня все оружие.

— Теперь освободите его, — распорядился старый дурень.

Аарон зашел за ящик, что-то щелкнуло и щупальца в перчатках втянулись в ящик. Я шлепнулся на пол. Руки онемели, и я принялся растирать одну, потом вторую.

— Ну что, мальчик... — начал было Лью.

— Не перди, жопа!

Женщины покраснели. Лица мужчин напряглись.

— Я же говорил, что ничего не выйдет, — сказал, обращаясь к Лью, другой старики.

— Да, дела плохи, — пробубнил кто-то из молодых.

Лью наклонился в своем кресле с прямой спинкой и вытянул в мою сторону скрюченный палец:

— Тебе лучше быть повежливее, мальчик.

— А тебе лучше было не рожать выблядков!

— Все без толку, Лью, — произнес кто-то.

— Беспризорник, — фыркнула одна из женщин с носом большим и изогнутым, будто клюв.

Лью таращился на меня маленькими злобными глазками. Я знал, что во рту этой мрази — безобразной черной щели — нет ни одного зуба, который бы не сгнил и не вонял. Ну и рожа. Он походил на птицу, которая собиралась клевать мои кости.

— Аарон, думаю, стоит снова его зафиксировать.

— Ладно, подождите, — я поднял руку.

Аарон остановился и посмотрел на Лью. Тот кивнул и снова погрозил мне скрюченной лапой.

— Ты будешь себя хорошо вести, сынок?

— Думаю, да.

— Ты лучше не думай, а веди себя по-человечески.

— Ладно. Не бзди.

— И поосторожней в выражениях.

На это я ничего не ответил. Старый осел.

— Ты — часть нашего эксперимента, парень. Мы перепробовали много способов, чтобы затащить сюда одного из вас. Посылали на захват хороших людей, но никто из них не вернулся. Так что мы пошли на хитрость: решили заманить одного из вас.

Я улыбнулся. Куилла Джун... Ну, я с ней разберусь!

Одна из женщин, немногим моложе Птичьего Клюва, подошла ко мне и уставилась прямо в лицо:

— Лью, ничего не выйдет. Это же грязный маленький убийца. Посмотри на его глаза.

— А что, если воткнуть тебе ствол в задницу, сука?

Тетка отпрыгнула. Лью рассердился.

— Извините, — сказал я. — Не люблю, когда обзываются. Дело чести, понятно?

Старик откинулся в кресле и пробурчал:

— Оставь его в покое, Мез. Я пытаюсь договориться, а ты все осложняешь.

Мез отошла и уселась вместе с остальными.

Да это просто Бюро добрых услуг какое-то!..
Уроды.

— Как я уже говорил, мальчик, мы проводим эксперимент. Мы здесь в Топеке около двадцати лет. Внизу хорошо. Спокойные, уважаемые люди, которые по-доброму относятся друг к другу, почитают старших, и вообще жизнь размеренная и приятная во всех отношениях. Мы растем и процветаем.

Я терпеливо ждал.

— Но, как оказалось, некоторые из нас не могут больше иметь детей, а женщины рожают в основном девочек. Нам нужны мужчины. Мужчины определенного типа.

Я захотел. В подобную удачу даже не верилось. Меня хотят сделать жеребцом-производителем!.. Я просто не мог остановиться, все смеялся и смеялся.

— Грубиян! — не выдержала одна из женщин.

— Это весьма щекотливое дело, парень, не осложней его еще больше. — Мне показалось, что Лью смущен.

Ну надо же, я всю жизнь мотался как угорелый в поисках бабы там, наверху, а они предлагают мне обслуживать женское население целого города!.. Я сел на пол и хохотал, пока по щекам не потекли слезы.

Наконец я успокоился:

— Отлично. Заметано. Но у меня тоже есть несколько пожеланий.

Лью ждал.

— Первое, это Куилла Джун. Я хочу затрахать ее до потери пульса, а потом треснуть по башке, как она меня!

Они закудахтали, поднялся шум. Наконец Лью прошамкал:

— Мы не потерпим здесь никакого насилия, но что касается Куиллы Джун, то начать можно и с нее. Она ведь способна рожать детей, Айра?

Тощий желтолицый человек кивнул. Ему все это явно не нравилось. Сто процентов, папаша Куиллы.

— Ладно, пора начинать, — сказал я и расстегнул джинсы. — Выставляйте телок.

Женщины завопили, а мужики схватили меня и отволокли в гостиницу. Там мне объяснили, что, прежде чем приступить к работе, я должен хоть немного ознакомиться с Топекой, потому что все это... как бы сказать... необычно, и людям надо дать привыкнуть к мысли, что это неизбежно... Если я выполню их условия, они затянут еще пару бычков с поверхности, а потом выпустят нас на волю.

Так началась моя жизнь в Топеке, началось знакомство с людьми и их жизнью. Все было здорово, по-настоящему здорово. Люди сидели в креслах-качалках у дверей, косили газоны, слонялись по заправочной станции, кидали деньги в автоматы, размечали белой полосой дорогу, продавали газеты на углах, слушали небольшой оркестр в парке на площадке в виде раковины, играли в классики и прятки, начищали до блеска пожарный насос, сидели на скамейках, читали, мыли окна, подстригали кусты, приподнимали шляпы при виде дам, везли в проволочных тележках молочные бутылки, расчесывали лошадей, швыряли палку собакам, плескались в общем бассейне, выписывали мелом цену на овощи возле лотка, гуляли с девушками, взявшись за ручки, и все это до смерти мне надоело.

Через неделю я готов был волком выть.

Мне казалось, что эта консервная банка меня задушит. Я чувствовал на себе давление земли.

Питались они искусственным дерьямом: искусственные груши, имитация мяса, поддельные цыплята, эрзац-кукуруза и фальшивый хлеб. На вкус все это отдавало мелом и пылью.

Вежливость? Господи, да от ихних слашавых и лживых манер меня тошило. Это у них называлось «культура».

«Здравствуйте мистер такой-то. Ах, здравствуйте, мистер другой-то. Как вы поживаете? А как малышка Джейн? Идете на собрание общины во вторник?»

Меня просто выворачивало.

Такой чистотой, аккуратностью и вежливостью человека можно в могилу свести. Не удивительно, что мужики здесь раскисли и ни на что не способны; по крайней мере не способны делать детей с палочками вместо щелочек.

Первые дни на меня все смотрели со страхом, будто только и ждали, что вот сейчас я взорвусь и забрызгаю все дермом. Потом, мало-помалу, ко мне привыкли. Лью сводил меня в лавку, где подобрал комбинезон и рубашку, в которую любой одиночка попал бы с расстояния в милю. Мез, выжившая из ума старая сука, та самая, которая назвала меня убийцей, изъявила желание меня подстричь, чтобы я выглядел ци-ви-ли-зо-ван-но. Но меня от нее тошили, и я сказал:

— Чего лезешь, ведьма? Или твоего старика тебе не достаточно?

Она аж кулак в рот засунула, а я заржал как конь:

— Можешь отстричь у него яйца, если хочешь, а мои волосы не тронь.

Убежала как наскакидаренная.

Так оно и шло. Я слонялся без дела, меня кормили на убой и до поры до времени прятали от меня молодое мясо, все ждали, пока город дозреет.

От такой жизни у меня на время, наверное, поехала крыша. Я стал бояться замкнутых пространств, все время выскакивал на крыльце и там коротал ночи. Затем это прошло; я начал нарочно орать, ругался, хамил... Потом и это прошло, я утих, все надоело, мне стало скучно. Смертельно скучно. Как в консервной банке.

И стал я подумывать о том, как бы отсюда держнуть. Началось с того, что я вспомнил пуделя, которого скормил Бладу. Он мог прийти только из подниза. И он не мог подняться по падающей шахте. Значит, есть и другие выходы.

Мне предоставляли достаточно большую свободу передвижения по городу. Лишь бы я вел себя хорошо и не делал ничего неожиданного. Зеленый ящик — караульная сволочь — находился всегда поблизости.

И я нашел выход. Ничего особенного: я знал, что он должен быть, и я его нашел.

Затем я выяснил, где хранят мое оружие, и я был готов.

Почти готов.

9

Наконец наступил день, когда Аарон, Лью и Айра пришли за мной. Я к тому времени совсем одурел. Сидел на крылечке своей гостиницы и покуривал трубку из початка кукурузы. Рубашку я снял, чтобы немного загореть. Только вот солнца тут у них не было.

Они зашли во двор.

— Доброе утро, Вик, — приветствовал меня Лью. Старый пердун ковылял с палочкой. Аарон одарил меня улыбкой — так улыбаются огромному черному быку, который вот-вот засадит породистой корове. Взглядом Айры можно было растапливать печь.

— А, Лью, как поживаете? Доброе утро, Аарон, доброе утро, Айра.

Лью это понравилось.

Подождите, сволочи, я вам устрою!

— Ну что, ты готов встретиться с первой дамой?

— Всегда готов, — отрапортовал я и поднялся.

— Хорошо покурил? — фальшиво улыбнулся Аарон.

Я вытащил трубку изо рта.

— Истинное наслаждение.

Я даже не зажигал эту чертову штуку.

Меня провели на улицу Мэриголд к низенькому домику с желтыми жалюзями и белым заборчиком из колышков.

— Это дом Айры, — сказал Лью. — Куилла Джун — его дочь.

— Надо же, кто бы мог подумать? — протянул я, широко открыв глаза.

Айра стиснул челюсти.

Мы вошли.

Куилла Джун сидела на кушетке рядом с матерью, точной ее копией, только старой и высохшей.

— Миссис Холмс, мое почтение, — сказал я и слегка поклонился.

Она улыбнулась. Напряженно, но улыбнулась.

Куилла Джун сидела, сдвинув ножки и положив руки на колени. В волосах у нее вилась ленточка.

Голубая.

Под цвет глаз.

Внутри у меня что-то оборвалось.

— Куилла Джун, — сказал я.

— Доброе утро, Вик.

После этого все бестолково затоптались, а Айра принял охать и причитать, что надо скорее покончить с этим грязным отвратительным делом и тут же бежать в церковь, просить милосердного Господа о прощении, чтобы он не успел покарать их всех молнией в задницу, и тому подобное.

Я протянул руку, Куилла Джун, не поднимая глаз, подала свою, и мы прошли в маленькую спальню, где она замерла и низко опустила голову.

— Ты им не рассказала? — спросил я.

Она покачала головой.

И вдруг желание ее убить прошло. Мне захотелось ее обнять. Очень крепко. И я ее обнял. А она зарыдала, прижалась к моей груди, заколотила меня кулачками по спине...

— О, Вик, прости меня, пожалуйста, прости, я не хотела, меня заставили! Меня подослали, и я очень боялась. Я люблю тебя, а они притащили тебя сюда, но это же ведь не грязно, как говорит мой отец, ведь правда, это не грязно?

Я обнимал ее, целовал, а потом спросил, хочет ли она уйти со мной, и она ответила: да, да, да, очень хочет. Тогда я сказал ей, что мне придется причинить вред ее отцу, чтобы убежать, а она посмотрела на меня взглядом, который мне прекрасно знаком.

Несмотря на свою порядочность, Куилла Джун Холмс не очень праздновала богобоязненного папашу.

Я спросил, есть ли у нее что-нибудь тяжелое, вроде подсвечника или дубинки, и она сказала, что нет. Тогда я порылся в спальне и нашел в комоде пару папашиных носков. Отвинтив два здоровенных медных шара с кровати, я уложил их в носок. Потом взвесил. Самое то.

Она не сводила с меня огромных глаз.

— Что ты собираешься делать?

— Хочешь отсюда смотреть?

Она кивнула.

— Тогда становись за дверью. Или нет, подожди, лучше ложись в кровать.

Куилла забралась в постель.

— Отлично. Теперь задери юбку, сними трусы и раздвинь ноги.

Она в ужасе уставилась на меня.

— Делай что я говорю, если хочешь отсюда выбраться!

Она молча повиновалась. Я подогнул ей колени, побольше оголил бедра и, встав у двери, прошелся:

— Теперь позови отца. Только его.

Куилла поколебалась секунду, а потом голосом, который не надо было подделывать, позвала:

— Папа, папа, зайди сюда, пожалуйста! — После чего закрыла глаза и замерла.

Айра Холмс забежал в комнату и с отвалившейся челюстью уставился на предмет своих тайных вожделений. Я пинком захлопнул дверь и со всей силы гвозданул его по голове. Череп треснул, брызги полетели на простины, а папаша рухнул на пол.

Услышав стук, Куилла открыла глаза. Ноги ее были забрызганы, и ее тут же стошило. Я понял, что заманить в комнату Аарона она уже не сможет, поэтому приоткрыл дверь и позвал сам:

— Аарон, будьте так любезны, зайдите на минуту, пожалуйста!

Тот вопросительно посмотрел на Лью, который обсуждал происходящее с миссис Холмс. Лью кивнул, и Аарон вошел в комнату. Увидев кустик волос

между ног Куиллы, кровь на простынях и лежащего на полу Айру, Аарон открыл рот, но, прежде чем он успел заорать, я что было мочи его треснул. Он почему-то не падал, и мне пришлось стукнуть его еще два раза. Потом я пнул его в грудь, чтобы расчистить проход. Куиллу Джун все рвало.

Я схватил ее за руку и потащил к двери. Она упиралась, но я распахнул дверь и выволок девчонку в гостиную. Увидев нас, Лью оперся на тросточку и вскочил. Я выбил трость, и старый пердун кулем свалился на пол. Миссис Холмс уставилась на дочь, не понимая, куда делся ее муженек.

— Он в спальне, — сказал я уже из дверей. — Милосердный Господь попал ему в голову.

Куилла Джун все время отставала, ее мучило, а может, она пыталась сообразить, куда подевались ее трусики.

Мое оружие заперли в одном из кабинетов «Бюро контроля услуг». Пришлось сделать небольшой крюк мимо моего отеля, где под крыльцом был припрятан ломик, который я умыкнул с автозаправки, а оттуда уже мы прямиком направились в БКУ. Какой-то клерк попытался меня остановить, и я развалил ему ломиком голову. Затем выбил дверь в кабинет Лью, сорвал замки со шкафа и вытащил винтовку, «сорок пятый», все патроны, нож, пику, рюкзак и быстро привел себя в порядок.

К тому времени Куилла Джун начала что-то соображать:

— Куда же мы теперь, куда же мы теперь... о, папа, папочка!

— Давай-ка без папочки, Куилла Джун. Ты сказала, что хочешь идти со мной. Я ухожу. А ну, встряхнись! Если решила быть со мной, крошка, не отставай.

Она была слишком напугана, чтобы возражать.

Я вышел на улицу и увидел, что прямо на меня катит взбесившийся зеленый сторожевой ящик — щупальца выпущены, а вот перчаток не было, вместо них торчали крючья.

Я опустился на колено, намотал ремень винтовки на предплечье, аккуратно прицелился и вломил ему прямо в огромный глаз на передке. Один выстрел, бам! Выбил ненавистный глаз, стекла брызнули во все стороны, посыпались искры, зеленый ящик зашипел и на полном ходу влетел в дом, дымясь и изрыгая пламя. Красиво.

Я обернулся, чтобы поторопить Куиллу Джун, но ее не было. Зато по улице неслись обитатели городка, а впереди всех, как подраненный кузнечик, ковылял с палкой Лью.

И вдруг раздались выстрелы. Оглушительная пальба. Из «сорок пятого», который я дал Куилле Джун. Она пристроилась на крыльце, профессионально уложив ствол на перила, и валила по толпе, как Дикий Билл Элиотт из фильма сороковых годов.

Но глупо, мамочка моя, как глупо!.. Сейчас нам нельзя терять время, надо уходить.

Прыгая через три ступеньки, я побежал к ней. Она улыбалась и смеялась. Целясь в какого-нибудь идиота из толпы, она высовывала язычок, глаза ее блестят... Бац — идиот валится на землю.

Просто создана для стрельбы!

Наконец Куилла взяла на прицел свою костлявую мамашу. Я хлопнул ее по затылку, пуля прошла мимо, а старуха, споткнувшись, запрыгала дальше. Куилла Джун обернулась, и в глазах ее плясал огонь убийства.

— Из-за тебя я промахнулась, — сказала она, и мне стало не по себе.

Я отобрал у нее «сорок пятый». Пустая трата патронов.

Таша девчонку за собой, я побежал через все здание, нашел подходящий балкон и прыгнул вниз. Куилла поначалу испугалась, но я сказал:

— Телке, которая преспокойно собиралась завалить собственную мамашу, не к лицу бояться такой высоты.

Она перебралась через перила и повисла на руках.

— Не бойся, — успокоил я, — ты даже трусов не намочишь, у тебя их нет.

Она заклекотала, как птичка, и отпустила руки. Я поймал ее, мы выскочили на другую улицу и огляделись. Погони было не видно.

Схватив Куиллу Джун за руку, я побежал к южной оконечности Топеки. Там находился ближайший выход на поверхность, который мне удалось отыскать во время моих странствий по городу. Через пятнадцать минут мы были на месте, запыхавшиеся и обессиленные, как котята.

Вот и он, большой воздухозаборник.

Я сбил ломиком засовы, и мы влезли внутрь. Вверх уходили лестницы. Все правильно — должны же они его ремонтировать и чистить. Все, как и должно было быть. Мы полезли вверх.

Мы лезли долго, очень, очень долго.

Каждый раз, выбиваясь из сил, Куилла Джун спрашивала меня откуда-то снизу:

— Вик, ты любишь меня?

Я все время говорил «да». И не только потому, что так и было. Главное, это помогало ей лезть.

10

Мы вышли к поверхности в миле от того места, где спускались в подниз. Я отстрелил заглушки и болты, и мы вылезли наружу. Им следовало быть поумнее. С Джимми Кэгни* шутки плохи!

У них не было ни единого шанса.

Куилла Джун выдохлась. Я ее не винил. Но проводить ночь в поле я не собирался. Там творилось такое, о чем я и днем старался не думать. Между тем темнело.

Мы побрели к шахте.

Блад ждал.

Выглядел он плохо. Но ждал.

* Джеймс Кэгни (1899—1986) — американский актер, одна из первых звезд говорящего кино. Прославился исполнением роли гангстера в фильме «Враг общества».

Я наклонился и поднял его голову. Он приоткрыл глаза и тихо сказал:

— Привет!

Я ему улыбнулся. Боже, как я был рад его видеть!

— Мы выбрались, слышишь?

Он попытался подняться, но не смог. На раны было страшно смотреть.

— Ты ел?

— Нет. Вчера поймал ящерицу... или позавчера. Я голоден, Вик.

Подошла Куилла Джун. Блад увидел ее и закрыл глаза.

— Надо спешить, Вик, — сказала она. — Пожалуйста. Они могут преследовать нас и наверху.

Я попытался поднять Блада. Он был тяжелый, как труп.

— Слушай, Блад, я смотаюсь в город и достану еды. Я быстро обернусь. Ты только жди.

— Не ходи туда, Вик, — прохрипел он. — Я ходил на разведку спустя день после твоего ухода. Они поняли, что мы не сгорели в спортзале. Не знаю как, но поняли. Может, какой-нибудь пес учаял следы. Я все время был здесь, сюда они не суются. Не удивительно — ты не представляешь, что здесь творится ночью... ты не представляешь...

Он задрожал.

— Успокойся, Блад.

— Город для нас закрыт, Вик. Нам нельзя туда возвращаться. Надо искать другое место.

Это резко меняло дело. Выходит, в город нельзя, а идти дальше при таком состоянии Блада мы не могли. И я знал, что каким бы крутым одиночкой я ни был, без него мне не выжить. А здесь не достать еды. Ему требовалась пища, требовалась хоть какая-то медицинская помощь... Что-то надо было делать — быстро. И умно.

— Вик, — высоким капризным голосом произнесла Куилла Джун, — с ним все будет в порядке. Пойшли. Надо торопиться!

Я посмотрел на нее.

Солнце садилось. Блад дрожал у меня на руках.

— Если ты меня любишь, то пойдешь!

Я не выживу один без него. Я это знал.

Если я люблю ее. Она еще в кotle спрашивала:
знаю ли я, что такое любовь?

Костерок был совсем маленький, ни один бродяга не смог бы его засечь с окраины города. Без дыма. После того как Блад поел, я оттащил его к воздухозаборнику, примерно в миle от шахты, и всю ночь просидел рядом. Он спал хорошо. Утром я его хорошенько перевязал. Он выдержит, он очень сильный.

Блад еще раз поел. С прошлой ночи оставалось много еды.

Я и кусочка не взял. Не чувствовал голода.

В то утро мы тронулись в путь через зловещую пустыню. Найдем другой город и поселимся там.

Идти приходилось медленно, Блад еще хромал.

Прошло немало времени, прежде чем в голове у меня перестал звучать ее голос: «А ты знаешь, что такое любовь?»

Конечно, знаю.

Парень любит свою собаку.

МЕСТО БЕЗ НАЗВАНИЯ

Так рождаются легенды.

Норман никогда не страдал от обилия маслянистых курчавых волос, и, возможно, именно поэтому ему никогда не удавалось стать жиголо. Или, как говорил сам Норман: «Не люблю лакировки». Поэтому он нашел выход: Норман Могарт стал сутенером.

Ну, поправим семантику. В эпоху, когда мусорщик называется инженером санитарной службы, водитель грузовика — исполнителем транспортных услуг, а уборщики — контролерами по ведению домашнего хозяйства, лопата никогда не бывает просто лопатой. («Черные Пантеры», внимание!)

Норман Могарт был агентом по связям в бюро развлечений.

Тьфу. Норман был сутенером.

В данный момент он усиленно занимался маркетингом сочного товара по имени Мадлен — пышнотелой семнадцатилетней пуэрториканки, находящей детскую радость в плотском соитии и ненасытно жаждущей фруктовых жвачек. Дела шли отменно. Говоря откровенно, Норман заколачивал приличные бабки. На пальто из шерсти альпаки красовался вельветовый воротник, автомобиль «порше» был полностью выкуплен, счета в клубе регулярно оплачивались. Каждый день приносил не меньше тридцати двух долларов.

The Place with no Name
© М. Гутов, перевод, 1997

Норман Могарт применял искусственную эндокринную стимуляцию.

Тыфу. Норман был наркоманом.

Неправда, что подсевшие на кокаин более чувствительны, чем простые пыхальщики, ширяльщики, ищечки, любители марихуаны, гонщики, кристаллисты, колесники, кислотники или балдежники. Просто кокаин догоняет не сразу и не отключает, так что когда лицо противоположного пола начинает, как принято говорить в Брил-Билдинге, «克莱иться», нюхальщик не может отказать.

Соответственно, когда Мадлен — черт в юбке — начинала kleить своего антрепренера, Норман счастливо и обессиленно уступал. Подобная безнравственность — лучше сказать «гибкость моральных устоев» — и привела к пренеприятной проблеме.

Мадлен захотелось повалиться под кустами в знаменитом Бруклинском парке. Задержавший их полицейский проявил необычайное рвение — не ранее чем утром того же дня капитан устроил ему страшную выволочку за сон в полицейской машине. Происшествие оставило Нормана со спущенными штанами и без источника дохода.

Спустя три недели и шестьсот семьдесят два доллара Норман остался и без денег, и без порошка. Дружки пронюхали о его несостоятельности и фантастическим образом поисчезали. Норман попал в клещи.

На отвесном склоне, по которому человек скатывается вниз, есть точка, после которой он уже перестает быть человеком. Он может сохранять прямохождение, но это уже вопрос анатомии скелета, а не этики. Норман дошел до этой точки и пролетел ее — с воплем. Так поезд издает необычный свист, проносясь мимо опоры, благодаря доплеровскому эффекту.

Норман начал сходить с ума. Голод уже не был временным, он стал вещью в себе. Прилип как грязь, наполнял рот ржавчиной. В темноте кинотеатра, куда Норман иногда забегал хоть на минуту успокоиться и взглянуть на чаплиновские «Огни большого

города», он почувствовал резкий, болезненно-сладкий запах травки, и его чуть не вырвало. Вместо этого он запалил тридцатидолларовую трубку, подаренную ему Элизой на день рождения за год до того, как она выскочила замуж за одного из своих клиентов, торговца тростями из Огайо. Аромат табака скрасил невзгоды, и Норман обрел возможность тащиться дальше тернистым путем, в кромешной тьме, не отвлекаясь на мелкие радости.

Нужно искать другую проститутку. Неистовую Мадлен законопатили в Женский исправительный дом на углу Шестой и Гринвич. Это было ее второе задержание. Нужно искать другую проститутку — или брать аптеку с наркотиками и деньгами в кассе.

Но Норман отличался врожденной осторожностью.

Тыфу. Норман был несчастным трусом.

Что же касается первоначального решения, здесь тоже не везло. Ни одной стоящей девчонки в округе не осталось. Ибо в своем роде и в своей сфере Норман любил качественный товар. Продукт с душком осквернял его ноздри и неизбежно вел к утрате репутации. В сложившемся положении любое решение оформлялось в иероглиф банкротства.

Вот он перед вами, Норман Могарт, раздиаемый между желаниями и возможностями. Покачивающийся на ветерке отчаяния.

Только в такой ситуации Норман мог совершить то, что совершил.

Он напал на женщину, когда она повернулась, чтобы запереть машину. Это было единственное безлюдное место на Гудзон-стрит. Норман рассчитал, что, если подождать в подъезде китайской библиотеки, неизбежно попадется человек, поздно возвращающийся в многоквартирные дома на Кристофер и Бликер. Буквально через пять минут подъехала машина.

Когда женщина вышла и повернулась запереть дверцу, Норман пошел в атаку. Он ткнул в спину жертвы маленькой трубкой, которую таскал в кармане пальто, и зловеще произнес:

— Это пистолет, леди!

Незнакомка отреагировала совсем не так, как ожидал Норман. Она молниеносно крутнулась на носке правой ноги и отвела «ствол» в сторону. Спустя мгновение Норман Могарт сцепился с женщиной, прошедшей курс самообороны в молодежной еврейской ассоциации. Норман не успел оглянуться, как его поддели мощным бедром, швырнули на машину, а потом ударили ногой. Удар был вполне профессиональный — прямо под сердце, отчего по всему телу, до самого мозга, полетели осколки черного стекла.

Последующее Норман помнил весьма смутно. Он схватил женщину за ногу и изо всех сил дернул вверх, отчего незнакомка полетела на землю. Юбка и пальто задрались выше бедер. Потом он семь или восемь раз ударили ее в лицо рукояткой трубы.

Когда осколки черного стекла улеглись, Норман сообразил, что сидит на грязных кирпичах Гудзон-стрит над кучей мертвого мяса.

Так он и сидел, пока в него не уперся луч патрульного автомобиля.

Норман Могарт дернулся и на четвереньках заполз за машину. Потом вскочил, выронил липкую трубку и со всех ног кинулся бежать. На узенькой улочке налетел на какого-то человека, отшвырнул его в сторону и побежал дальше, к центру. Он несся по Гудзон-стрит, а сзади надрывалась сирена полицейского автомобиля. На Джейн-стрит Норман нырнул в первый попавшийся подъезд. Поднялся на один этаж, потом еще на один, потом еще, пока не уперся в лестницу на чердак. Затем побежал по крышам, цепляясь за мокрое белье и крича от страха, потому что он не знал, что это.

Наконец ему попался пожарный спуск с короткой, скрипучей лестницей внизу. Норман спрыгнул в незнакомую аллею, с которой, однако, был выход на Седьмую авеню. Перебежав, лавируя между машинами, Седьмую, Норман выскочил на соседнюю улицу и только там остановился, сунул руки в карманы.

пальто и зашагал, низко наклоняя голову и благодаря Бога за то, что погоня отстала.

На тротуаре вспыхнула вывеска, и он остановился.

Надпись в витрине гласила:

СПАСЕНИЕ ВНУТРИ

Норман Могарт сомневался лишь миг. А потом потянул на себя дверь.

Магазин был пуст. В самом его центре стоял маленький, иссущенный, морщинистый человечек с торчащими ушами.

— Вы слишком рано, — сказал этот странный тип.

Норман Могарт вдруг испугался. В голосе маленького человечка чувствовался безошибочный призвук безумия. Он некоторое время смотрел на продавца, потом ему стало тошно; Норман резко повернулся и протянул руку к дверной ручке. Пальцы его ткнулись в пустоту. Двери не было.

— Вы пришли раньше почти на девяносто секунд, — пробурчал человечек. — Теперь придется ждать, иначе все пойдет кувырком.

Норман попятился. Он продолжал пятиться сквозь то место, где должна быть дверь, потом стена, тротуар перед магазином, улица... Ничего не было, он по-прежнему оставался в магазине, размеры которого увеличивались по мере его движения.

— Лучше выпусти меня отсюда, сумасшедший старик, — дрожащим голосом произнес Норман.

— Ну вот, теперь пора.

Старик заковылял к Норману. Норман развернулся и бросился прочь. Он бежал через безлискую, пустынную равнину бытия. Он бежал, а вокруг не было ни гор, ни ям — вообще ничего, на чем можно было бы задержать взгляд. Словно вокруг простиралась созданная в телевизионной студии панорама пустоты.

Наконец измученный Норман бессильно опустился на пол магазина, а старичок засуетился.

— Ну вот. Теперь пора.

Он скрестил ноги и уселся перед Норманом Могартом. С некоторым страхом Норман отметил, что сидит человечек в воздухе, на высоте примерно одного фута от пола.

Норман зажмурился.

Старик заговорил так, словно Норман только что вошел в магазин:

— Добро пожаловать, мистер Могарт. Значит, вам нужно спасение. Отлично, именно это я и продаю. Спасение. Внутри.

Норман открыл глаза.

— Кто вы?

— Скромный торговец.

— Оставьте, я серьезно: кто вы?

— Ну, если вы так настаиваете...

Старик замерцал и изменил форму. Норман в ужасе отпрянул. Силуэт замерцал и снова превратился в старика.

— Вас устраивает подобное объяснение?

Норман энергично закивал головой.

— Ну вот. Так вы хотите спасти или нет, мистер Могарт? Обещаю, что в случае отказа полиция задержит вас через несколько минут.

Поколебавшись лишь самую малость, Норман кивнул.

— Хорошо. Значит, договорились. От всего сердца благодарю вас.

В последнюю секунду Норман уловил необычный тон старика. Затем он стал растворяться. Взглянув вниз, он увидел, как его ноги исчезают — медленно, безболезненно.

— Подождите, — завопил Норман. — Остановите это! Вы демон? Дьявол или что-то в этом роде? Я попаду в ад? Эй, да подождите же вы! Если я попаду в ад, мы должны заключить договор!.. Что я получаю взамен? Прекратите! Я же растворяюсь! Эй вы, гном или эльф, кто вы там?

В магазине остались лишь глаза, уши, верхняя губа и клочок волос Нормана. Дождавшись, пока все растворится, старичок сказал:

— Можете называть меня Симон.

Затем, подобно чеширскому коту, Норман растворился окончательно. В последний момент ему показалось, что старичок добавил:

— Или Петр. Роли это не играет...

В первый, самый болезненный момент возвращения в сознание Норман Могарт понял лишь то, что смотрит вверх. Он лежал на спине, через плечо и грудь еще был переброшен карабин. По мере того как первый момент растягивался будто теплая патока, превратившись в минуту, потом в пять, десять, странные мысли стали уходить: о другой жизни, о женщине, о том, как он бежал, о старичке, как все начало растворяться, пока совсем не исчезло и превратилось... во что? К нему постепенно возвращались чувства, каждое обремененное новыми воспоминаниями; они прилегали очень четко, словно всегда принадлежали его сознанию.

Норман продолжал смотреть вверх, сквозь сплетенные ветви джакаранды; чувства занимали свои ниши, а он размышлял о распавшейся плоти и о том, как сладко пахнут цветы.

Кажется, это случилось холодным вечером? Сейчас стоял день, и было очень тепло. А дождь? Да. Еще какой. Лило как из ведра, подумал он. Во всяком случае земля под ним хлюпала, одежда промокла до нитки, волосы прилипли ко лбу, а на стволе и прикладе карабина застыли бусинки воды.

Наконец Норман сообразил, что рюкзак так и остался у него на спине... при падении он полетел на спину, отсюда этот болезненный горб, из-за которого нельзя лежать ровно. Он перевалился на бок, и боль тут же прошла.

В гигантских листьях над головой скопились лужицы воды. Странные птицы кружились в воздухе, дожинаясь своей очереди утолить жажду из причудливых сосудов. Одна птица...

Он никогда ее не видел, по правде говоря, и не верил в местные легенды про птиц с ослепительным

оперением, цвет которого меняется в дождь. Туземцы, как дети, не видят очевидных вещей, завороженные своими фантазиями. И вот она, над головой — беспечная птица из Страны чудес, хотя какая здесь может быть Страна чудес... Значит, это правда.

Норман любовался глазами птицы, огромным клювом, расцветкой, похожей на мадрасский рисунок, бегущий, переливающийся всеми цветами: красным, желтым, зеленым... Рядом с ним, в раздувшемся от дождя пруду, похожие на загнившее мясо цветы джакаранды всасывали в себя чистую воду.

Что все это значит? Действие кокаина?

Норман окончательно пришел в себя, и, словно ставя точку, птица с сумасшедшими глазами взмыла в светло-голубое небо. Он неуклюже поднялся, ухватился за ствол, поправил за спиной рюкзак. Ему чудилось, что он поднимается выше и выше, пугало, доходяга, пока, наконец, он не выпрямился и не взглянул на мир. А потом посмотрел на свое искаженное рябью отражение.

Норман долго не узнавал себя. С телом было что-то не так. Он помнил другое тело, холод и страх, и то, что тому, другому, было больно... Затем он узнал себя.

Сколько он здесь пролежал? Его лихорадило, потом температура спадала, чтобы подняться снова. Вулканический жар, послушный неведомому ритму... Но сегодня ему было легче. Похоже даже, удастся идти, не подкрепляясь травами. (Он начал подозревать, что отравился какой-то ядовитой травой.) Ага, вот мысль, принадлежащая этому телу. (Между тем винтовка ничуть не стала легче: печальное открытие.) Кокаин?

Перед ним простирались джунгли — неизведанные, суровые, многоглазые и безразличные, готовые однако к тому, что он шагнет с тропинки, вторгнется в вечно зеленое царство, перед которым он, Норман Могарт, ничто. (Меня зовут Гарри Тимонс-младший. Меня зовут...) Норман Могарт вздохнул.

Потом он упорно шел вперед, как и положено белому человеку, а джунгли царапали его когтями и усиками, исторгая сухой и резкий кашель.

Неизвестность вокруг и внутри пугала Нормана. (Сам Господь, как ему казалось, перепугался бы на его месте!) Но он знал, что где-то за серо-зеленым каркасом джунглей, там, куда не забредают ни индейцы, ни пеоны, есть место, вселяющее страх, место за пределами сознания и памяти, Место без названия, где он найдет то, что искал. Там он найдет легендарного Прометея, принесшего огонь, прикованного к скале, с выклеванной печенью, вечно возрождающегося. И ради этого он преодолеет страх в тысячу раз больший, чем страх перед джунглями. Или перед неизвестностью внутри себя.

Норман упорно брел на юго-запад, прорубая дорогу мачете, механически переставляя ноги в тяжелых башмаках, прокладывая путь своему измученному телу. Человек слишком запуганный и ничтожный, чтобы найти то, что он искал. Его крошечные голубоватые глазки в очках с проволочной оправой, водянистые и слабые (астигматизм!), казалось, не смогли бы даже распознать величия. Но он здесь, он шагает вперед, и где-то впереди, за сочащимися росой зарослями, его ждет живая легенда. Надо только в это верить. Продолжать верить.

Это был настоящий кошмар: рухнувший в озеро самолет, мгновенная гибель остальных пассажиров, невероятное спасение... Он с ужасом вспомнил тошноту и лихорадку в воде, кишащей какими-то тварями, как уже наполовину утонувший забрался в узкую, обгорелую щель и погрузился во тьму безмыслия. Хлюпающие о края его убежища волны убаюкивали сознание. Он наконец достиг долгожданной эйфории, отсутствия ощущений, о чем мечтали поклонники пейота, умевшие видеть в вечернем ветре джунглей тайную игру светотени.

(Но если он помнил все это, даже в бреду, почему эти мысли мелькали на фоне посторонних мыслей другого, маленького человека с холодной кирпичной улицы?)

Он шел дальше.

Что там говорили о нем индиос? О Гарри Тиме — Нормане Могарте?

Он слышал эту историю на дюжине диалектов. Что только сумасшедший пойдет в Место без названия. В первый раз у него едва хватило дыхания дослушать до конца столь неправдоподобную историю. Кто, кроме Нормана Могарта, разглядел бы параллель между образами священного змея в легендах, пришедших из Ригведы* и Гэндзи-Моногатари**? Кто еще? Даже двадцать сносок в Хейки-Моногатари — все сходится до последней точки.

Норман шел вперед. Кожу источили свирепствующие в этих краях три разновидности грибка; он знал, что глаза его скоро должны стать цвета молока иламы, а уши через несколько дней перестанут различать шелест листьев, но к тому времени он найдет, что искать, если это, конечно, существует. Надо только дойти до места, где цвета Йоатля потекут как краска, а потом семь раз пройти по семь метров, и там, зажатый в трещине живого камня...

Он остановился, от жара и боли по щекам текли черные слезы. Разумеется, его донимал не гриф. Никакой гриф его внутренностей не терзал. Так ему сказали. Это западная версия, искаженная история о принесшем огонь. Он, Хупоклапиол, принес не огонь, а ложь, не опаленную истину, а великое откровение неправды, и за это его селезенку вырывает из дрожащего тела Йоатль, птица с сумасшедшими глазами, и перья ее переливаются кровавой краской над Его загорелым, бессмертным телом.

И вот он нашел окровавленную цветную птицу, а значит и все остальное — правда.

Погруженный в собственное безумие («Как глубоко я увяз в огненном бреду», — поражался Норман,

* Ригведа — собрание священных гимнов (10 в. до н. э.), первый известный памятник индийской литературы. (Здесь и далее примеч. пер.)

** Гэндзи-Моногатари — японское эпическое произведение о борьбе двух кланов (10—12 вв.).

осознавая, что лишь один из шести образов соответствует реальному миру, остальные же результат лихорадки, боли, а может быть, той, другой, жизни, которой он, кажется, жил), Могарт вдруг услышал слабый звук... безумный звук, донесшийся сквозь зелень.

Глаза его загорелись, он отчаянно бросился сквозь сплетение ползучих растений, выскочил на обрыв и взглянул вниз, стараясь рассмотреть, откуда шел звук. Тупой, гудящий звук живой смерти. Внизу, рассекая равнину, катился коричневый поток, извилистая лента опустошения, кишащего голода и буйства. Вот они, марабунты! Боевые муравьи, передвижной ад, рот, не знающий наполнения, муравьиная армия, сметающая на своем пути все и так же неожиданно исчезающая в джунглях — до следующего раза.

Норман наблюдал за ними издалека, с холодком ощущая, как медленно возвращается рассудок. Ибо нельзя взглянуть в лицо такой разрушительной силе и сохранить собственное безумие, от такой невообразимой массы смерти не уйти даже в двери иллюзии. Он долго смотрел в долину, следя за миллионноногой змеей, пожирающей на своем пути все. Затем, содрогнувшись от сознания собственной ничтожности и бессилия перед силами природы, Норман отвернулся и шагнул под сулящую защиту листву джунглей. Марабунты шли параллельно ему, но они были далеко и не представляли непосредственной угрозы. Они просто напоминали (невероятный звук все еще слышался), как он одинок и как бессилен, всегонавсего человек, в то время как в долине находились настоящие боги.

Если бы не желто-голубые галлюцинации, он бы никогда не нашел входа в Место без названия.

Жар усилился, грибки, поразившие руки и ноги,казалось, вступили с ним в состязание, стараясь овладеть его телом, прежде чем он найдет свою

цель. Больше всего он боялся, что они заползут в глаза.

Потом начались галлюцинации: каждый лист, каждая пылинка, солнце и камни — все стало излучать круги света. Весь мир заполнился миллионами желтых и голубых кругов, сквозь которые он брел, теряя сознание. Затем он вышел к гряде невысоких холмов и уставился на их очертания, надеясь разглядеть проход в желто-голубой радуге.

Проход зарос листвой, и, если бы не излучение кругов света, он никогда бы его не разглядел. Фактически это было единственное чистое место, как просветление в бреду. Он вырубил листву мачете, потом откатил в сторону несколько камней. Впереди было темно.

Норман Могарт сделал шаг, потом еще. Постоял, прислушался. Тишина. Он вдохнул и сделал еще шаг. Со страхом двинулся вперед, повесил мачете на пояс, закинул винтовку за спину. Протянул руки. Нашупал стены прохода. Вперед. Глубже и глубже внутрь горы. Вперед. Где-то далеко мелькнул свет. А он продолжал стремиться вперед, с удивлением отметив, что круги перед глазами пропали. Дошел до выхода. Шагнул наружу. И увидел Его.

Могарт находился на площадке, широкой лентой охватывающей гору изнутри. Внизу, очень далеко внизу, различалась горловина давно погасшего вулкана. Возле вулкана, на широкой площадке прямо напротив него сидел прикованный к скале Прометей.

Норман Могарт зашагал по кромке, глядя попеременно то на цель своего путешествия — невероятную фигуру, склонившуюся над каменными обломками, то себе под ноги.

Приблизившись, Норман осознал, что перед ним человек. Такой, каких никогда не было на Земле. Кожа Прометея имела темно-коричневый, почти каштановый оттенок. Закрытые глаза представляли собой вертикальные разрезы. Вокруг рта, напоминав-

шего бесформенный провал во всю нижнюю часть лица, шевелились небольшие мясистые отростки, отдаленно напоминающие усы сома. Отростки слегка подрагивали, следя неведомому ритму.

Прометей откинулся назад, разбросав в стороны руки с перепончатыми пальцами. Огромные синие металлические болты были вкручены сквозь кисти рук глубоко в камень. Тело опутывала цепь из такого же металла. Ластоподобные стопы были также пробиты болтами.

Не успел Норман подойти ближе, как сверху раздался крик: огромный Йоатль камнем пошел вниз и сел, сверкая сумасшедшими глазами, на грудь прикованного. (Могарт вдруг сообразил, что у него — человека? — огромная грудь и слишком много ребер.) Птица изогнула шею в вонзила клюв в каштановую плоть. Спустя мгновение клюв окрасился кровью, а Могарт смог разглядеть сеть шрамов, покрывающих прикованное существо.

Тогда он завопил. Во все горло. Птица смерила его насмешливым взглядом и взмыла ввысь. Прометей, услышав его голос, поднял голову и взглянул перед собой.

Могарт бежал к Прометею. Ему хотелось что-нибудь сказать, но он не знал что.

Первым заговорил Прометей. На неведомом Могарту языке.

— Я не понимаю... тебя...

Прикованный на мгновение прикрыл глаза, потом забормотал что-то себе под нос, словно припоминая молитву, и наконец произнес:

— Твои слова. Правильны.

— Да, да, теперь я понимаю... Ты?..

Человек с трудом улыбнулся — измученной, болезненной улыбкой облегчения и страсти.

— Значит, Справедливость, наконец, прислала тебя. Мое время истекло. Я очень тебе благодарен.

Норман Могарт не понимал, о чем идет речь.

— Сейчас, — произнес прикованный, сосредоточенно прикрыв глаза. — Пора. Прикоснись ко мне.

Могарт засомневался. Потом, повинуясь призыву темнокожего человека, протянул руку и прикоснулся к каштановой плоти.

На какое-то мгновение все смешалось, а когда он смог снова сфокусировать зрение, на площадке никого не было, а сам Могарт был прикован к тому месту, где только что находился Прометей. Он был один. Совершенно один. Прикованный вместо Прометея, он сам стал принесшим огонь.

В ту ночь, после того как несколько раз прилетал Йоатль, ему приснился первый сон. Сон, живущий на огне.

И вот что ему приснилось:

Они были любовниками. Из их любви возникло сострадание к существам этого примитивного мира. Они принесли огонь познания, вопреки закону Справедливости вмешались в нормальный процесс развития другого мира. Их приговорили. Одного — быть прикованным к скале, там, где никогда не ступит нога человека. Другого — к публичной казни.

Но они были бессмертными, и значит, им предстояла вечная жизнь и вечные муки. От них исходила странная энергия, поэтому Йоатль, наклевавшись, пламенел всеми цветами радуги.

Но сейчас их срок подошел к концу.

И Справедливость выбрала двух других. Один сменялся прямо сейчас: Норман Могарт встал на место человека, которого люди звали Прометеем. А другой... он был чужестранцем, таким же, как Прометей, и позволил дикарям этого мира совершить лишний шаг на пути мудрости. В то же самое время их разделяли миллионы лет, ибо время не имело значения для этих чужестранцев.

А любовники теперь были свободны. Они могут вернуться и начать все сначала, ибо уже заплатили свою цену.

Норман Могарт лежал на скале, закрыв глаза и размышляя о двух мужчинах, которые любили друг

друга и всех существ этого мира. Он думал о них, в то время как они сами возвращались в другое Место без названия.

Он думал о себе, и ему было больно, но совсем несчастным он себя не чувствовал. Сколько это продолжится, он не представлял, но это был не самый худший способ скоротать вечность.

Он думал о человеке, предназначенному Справедливостью на место другого, и знал, что, когда снова придет апрель, он получит свой терновый венец.

Потому что так рождаются легенды в умах дикарей даже в Месте без названия.

МОНЕТЫ С ГЛАЗ ПОКОЙНИКА

Товарняк медленно тащился из Канзаса. В моем нутряном бурдюке не осталось почти ни капли влаги. И не было ни травы, ни воды, чтобы наполнить его. Когда товарняк добрался до окраинных маневровых путей станции, уже стемнело. Я перевалился через край открытого вагона, спрыгнул на ходу, пробежал футов двадцать, поскользнулся, упал на четвереньки и перекувырнулся. Встав, я увидел, что в ладони врезались крупинки белого известняка; я выковырял их, хотя было очень больно.

Затем посмотрел по сторонам, пытаясь определить свое местонахождение по отношению к городу, и, заметив вдали шпиль Первой баптистской, пошел через пути в нужном направлении. Навстречу мне как бешеный рванул станционный легавый. Я почернел. Он остановился и принял скрести в затылке, оглядываясь вокруг.

Через сорок минут я добрался до центра города, пересек его и пошел по направлению к Малому городу — негритянскому району.

Я нашел вход в котельную церкви Святой Троицы Христа Спасителя и, улыбаясь, пробрался внутрь. За двенадцать лет они так и не удосужились починить замок и задвижку. Ступеньки были еле видны в темноте подвала, но я без колебаний шел вперед — так ребенок находит дорогу к своей спальне, когда в доме погашен свет.

Pennies, off a Dead Man's Eyes
© Издательство «Полярис», перевод, 1997

Сверху то и дело раздавался приглушенный гул голосов — из ризницы, из покойницкой, из зала.

Там лежал Джедедия Паркман. Восьмидесяти двух лет, усопший, усталый, дошедший до конца бесконечной дороги, по которой он брел, спотыкаясь, — черный, бедный, гордый, беспомощный. Нет, не беспомощный.

Я поднялся из подвала по лестнице, положил свою белую руку на рассохшееся дерево двери и представил себе всю ту черную массу, что давит на дверь с другой стороны. Джед прыснул бы со смеху.

Сквозь щель у косяка виднелась только противоположная стена; я тихонько приоткрыл дверь. Зал был пуст. Все перешли уже в ризницу. Сейчас начнется заупокойная служба. Пастор расскажет прихожанам о старом Джеде — каким хорошим человеком он был, какое доброе было у него сердце, как он подбирал бродячих котят и бездомных ребят. Как много народа обязано ему жизнью. Джед только фыркнул бы.

Я успел вовремя. А как другие бродячие коты?

Я закрыл за собой подвальную дверь и скользнул вдоль стены к кладовке — маленькой комнатке рядом с ризницей. Мгновение — и я внутри. Выключил в кладовке свет, на случай если придется почернеть, а затем подкрался к двери напротив. Приоткрыл ее и посмотрел в щелочку на ризницу.

После взрыва бомбы церковь пришла в полную негодность. Слухи об этом распространились аж до Чикаго: семеро убитых, дьякон Уилки ослеп — ему попали в глаза осколки стекла. Службу приспособились проводить в ризнице.

Там рядами стояли складные стулья. На них сидело население Малого города. Два ряда вокруг стен. Одно-два белых лица, как у меня. Я узнал и кое-кого из бродячих котят. Двенадцать лет прошло: вид у них был вполне преуспевающий. Но они не забыли.

Я смотрел и подсчитывал черных. Сто восемнадцать. Несколько дней назад, когда я был в Канзасе, их было сто девятнадцать. Теперь сто девятнадцатый чернокожий житель негритянского района Данвилла

лежал, окруженный цветами, в гробу, установленном на козлах в центре ризницы.

Привет, старый Джед.

Двенадцать лет — подумать только!

Боже, до чего ты спокоен. Ни ухмылки, ни смешочка, Джед. Ты умер. Я знаю.

Он лежал, скрестив на груди руки. Большие за- скорузлые лапищи-грабли сложены мозолями вниз. Ногти поблескивают в свете свечей. Матерь Божья, ему сделали маникюр!.. Старый Джед просто взвыл бы: сотворить такое с человеком, который всю жизнь грыз ногти почти до мяса!

Лежит себе в ящике, уставив носки начищенных черных кожаных туфель прямо в потолок; курчавые, черные с проседью волосы прижаты к шелковой обивке гроба (восемьдесят два, а волосы до сих пор не белые!); лежит в своем лучшем костюме, в чистенькой белой рубашке с длинными рукавами и в желтом галстуке. Как на витрине. Смотрит, небось, сейчас на себя с небес — он всегда в них верил, — смотрит на себя, этакого красавчика, и горделиво ухмыляется.

На глазах по серебряному доллару. Чтобы заплатить Сыну человеческому за перевоз через реку Иордан.

Выходить из кладовки я не стал. Да и не собирался. Чересчур много вопросов. Кое-кто из прихожан мог меня вспомнить, особенно бывшие беспризорники. Я просто стоял там и ждал, чтобы проститься со старым Джедом наедине.

Служба была недолгой. Поплакали, как полагается, а потом помаленьку разбрелись. Две женщины все норовили улечься рядом с ним в гроб. Бог его знает, как Джед отреагировал бы на это. Я подождал, пока ризница не опустела. Пастор с двумя прихожанами прибрались, оставив стулья стоять до завтра, погасили свет и ушли. Осталась тишина со множеством теней да свечи, исправно догоравшие дотла. Я повременил еще, для пущей уверенности, затем приоткрыл дверь пошире и шагнул через порог.

Наружная дверь в ризнице скрипнула, и я поспешил убрался назад. Дверь отворилась. Высокая стройная женщина прошла меж стульев к открытому гробу. Лицо ее скрывала вуаль.

Нутряной бурдюк мой в этот миг опустел окончательно. Прокладку стало жечь огнем. Я был уверен, что женщина слышит бурчание. Спрыснул прокладку желудочным соком — это поддержит ее на время, пока я не доберусь до травы и воды. В животе горело.

Я не мог разглядеть лицо женщины под вуалью. Она подошла к гробу и уставилась на Джеда Паркмана. Протянула руку в перчатке к телу, отдернула ее, протянула опять — и так и замерла, держа ладонь в воздухе над хладным трупом. Медленно откинула вуаль назад, на широкополую шляпу.

У меня аж дух захватило. Белая женщина. Не просто красивая — сногшибательная. Одно из тех созданий, которых Господь сотворил для того, чтобы смотреть на них, не отрываясь. Я не решался выдохнуть: кровь так стучала в висках, что я боялся спугнуть незнакомку.

Она все смотрела на труп, потом снова медленно протянула руку. Осторожно, очень осторожно сняла монеты с мертвых глаз старого Джеда. Бросила их в сумочку. Опустила вуаль, повернулась было... но остановилась, поцеловала кончики пальцев и коснулась ими холодных губ усопшего.

А затем повернулась и вышла из ризницы. Очень быстро.

Я как стоял, так и застыл на месте, ошелбенело глядя в никуда.

Когда вы забираете монеты с глаз покойника, это означает, что ему нечем будет расплатиться за перевправу на небеса. Белая женщина послала Джедедию Паркмана прямиком в преисподнюю.

Я пошел за ней.

Если бы я не свалился, то перехватил бы ее еще до поезда. Она не успела уйти далеко, но в животе у меня горело так сильно, что я чуть не вырубился. Однажды в Сиэтле со мной уже было такое. Я еле

успел улизнуть из палаты, пока мне не сделали рентген. Вломился в больничную кухню, запихал в бурдюк около восьми фунтов травяного салата и полбуылки шипучки и вылетел в пижамке босиком на улицы Сиэтла в самый разгар зимы.

Я об этом и не вспоминал, пока не шмякнулся мордой об асфальт за полквартала от железно-дорожной станции Данвилла. Ноги вдруг стали ватными — и готово дело. Хорошо еще, ума хватило почернеть, прежде чем свалился. И под колеса мог угодить запросто. Сколько я так провалялся — не знаю, но, по-моему, недолго. Пришел в себя и пополз, как змеюка, на брюхе, к газону. Приподнялся на локтях, травки пожевал. Потом встал, проковылял полквартала до станции и присосался к фонтанчику, бившему из стены. Пил, пока кассир не выглянул из окошечка и не уставился на меня. Почернеть я не мог, он смотрел мне прямо в лицо.

— Что вы там делаете, мистер?

Лава в животе улеглась. Я мог ходить. Подошел к нему, говорю:

— Моя невеста... Понимаете, мы с ней поссорились, она направлялась сюда...

Я сделал паузу. Он наблюдал за мной, не раскрывая рта.

— Видите ли, в четверг у нас свадьба. Мне жаль, что я на нее наорал. Я был вне себя... Черт, мистер, вы не видали ее? Высокая, вся в черном, с вуалью?

Ну прямо точь-в-точь Мата Хари.

Старик поскреб в щетине, отросшей с утра.

— Она купила билет до Канзаса. Поезд вот-вот тронется.

Только тут до меня дошло, что я все время слышу пыхтение локомотива. Когда бурдюк пустеет, я будто в отключке. Ко мне вернулись запахи и звуки, я почувствовал шероховатую поверхность подоконника билетной кассы под рукой. И чуть не вышиб дверь. Поезд был готов к отправке; почту уже погрузили. За спиной орал во весь голос кассир:

— Билет! Эй, мистер... Билет!

— Куплю у проводника!

Я вскочил на подножку. Поезд тронулся.

Я открыл дверь в вагон и пробежал глазами по рядам пульмановских сидений. Она сидела, глядя через окошко во мглу. Я двинулся было к ней, но передумал. Между нами были пассажиры. Не в вагоне же с ней разбираться! Я плюхнулся на плюшевое сиденье, и в воздух взметнулись клубы пыли.

Нагнувшись, я снял правую туфлю. Вот он, мой двадцатник, сложен аккуратненько. Последняя зачанка. Но я знал, что скоро проводник начнет компостировать билеты. Мне не хотелось, чтобы меня поймали, как Джеда Паркмана. Я был намерен оплатить свой проезд.

Приедем в Канзас, там и разберемся.

Ехать в пульмановском вагоне довольно непривычно, но, надо сказать, приятнее, чем в товарняке.

Она вошла в телефонную будку и набрала по памяти номер. Затем направилась к стоянке напротив вокзала. Чуть погодя подкатил грузовичок с двумя женщинами на переднем сиденье, и незнакомка села рядом с ними. Я почернел, открыл заднюю дверцу и устроился сзади. Они обернулись, но ничего не разглядели в темноте. Крепко сбитая шоферюга-лесбиянка спросила:

— Что, черт возьми, это было?

Прыщавая с пластиковыми волосами, сидевшая посередине, протянула руку назад над спинкой сиденья и опустила кнопку замка.

— Ветер, — сказала она.

— Какой еще ветер? — возмутилась шоферюга, но все-таки нажала на газ.

Мне всегда нравился Канзас, да и прокатиться с ветерком люблю, даже зимой. Но женщины мне не понравились. Ни одна из них.

Грузовичок мчался по направлению к Уэстону, почти до границы с Миссури. Я знаю там один заводик, где делают лучший в мире «бурбон». Шоферюга притормозила возле большого дома, стоявшего в этом

довольно-таки нищем районе особняком. У двери горел только один фонарь. Бордель, должно быть. Ну да, так и есть.

Я не понял, но решил, что непременно разберусь, в чем тут дело. Я-то прибыл на место, а Джед все еще в пути.

— Заплатишь прямо девочке, — сказала шоферюга.

Я выбрал высокую и стройную в шальварах и лифчике. Вряд ли она отличается умом. С таким-то лицом идти на панель — тупость непроходимая! А может, тут что другое?

Мы поднялись наверх. Комната как комната, обыкновенная спальня. На кровати — куча зверюшек: жираф в розовую крапинку, коала, плюшевый суслик или ондатра, я их вечно путаю. Над зеркалом снимок кинодивы в рамочке. Девица сняла шальвары, и я сказал:

— Потолкуем.

Она бросила на меня скучный взгляд: опять извращенец попался.

— С вас еще два доллара, — сказала она.

Я покачал головой:

— Пятерки хватит за все.

Она пожала плечами и села на краешек кровати, вытянув вперед тонкие ноги. Мы уставились друг на друга.

— Почему ты послала Джеда в ад?

Голова ее дернулась, и она задрожала, как гончая, сбившаяся со следа. Даже не спросила меня ни о чем.

— Убирайся к чертовой матери!

— За пять баксов мне кое-что причитается.

Она спрыгнула с кровати и, не дойдя до двери, завизжала:

— Брен! Брен! Ко мне, Брен! На помощь!

Здание сотряслось до самого фундамента, где-то раздался артиллерийский залп, а потом на меня на-двинулось нечто большое и волосатое. В дверь этому

типу пришлось протискиваться боком. Он протащил меня через комнату к столу, припер к нему спиной и принял сгибать, пока перед глазами у меня не поплыл потолок. Девушка выбежала из комнаты, не переставая визжать. Когда она скрылась за дверью, я с ним покончил.

За окном была декоративная решетка с плющом. Я полез, цепляясь за стебли, а когда они кончились, спрыгнул вниз.

Ночь я провел на веранде ближайшего дома, в кресле-качалке. Видел, как приехала «скорая», а за ней полиция. Потом они уехали, но две полицейские машины без мигалок задержались надолго. Не думаю, чтобы по долгу службы.

Я прождал двое суток. Спал все там же, на веранде. Я мог бы почернеть до полной невидимости, но между мной и борделем было три незастроенных участка, а владельцы дома с верандой куда-то уехали. На зимние каникулы, надо полагать. Вокруг было полно сорняков и травы, в пустую молочную бутылку я набрал снега и оставил таять. Ночью я почернел и стащил печенья, молока и вяленого мяса из круглосуточного магазина. Я обычно ем немного. Только вот кофе недоставало.

На второй день я взломал в доме окно. Чтобы приготовиться к приему.

Вечером она вышла на улицу.

Я почернел, подстерег ее за углом, и она налетела прямо на мой кулак.

Я уложил ее на кровать под балдахином в спальне уехавших хозяев. Когда она пришла в себя и села, я сидел, развалившись в кресле напротив. Она потрясла головой, огляделась, увидела меня и дернулась с воплем прочь. Я выпрямился и произнес очень мягко:

— Брене помнишь? Я могу сделать с тобой то же самое... А теперь вернемся к нашим баранам, — сказал я, вставая, когда мои слова подействовали.

Я подошел к ней и встал рядом с кроватью. Она лежала, буквально оцепенев от ужаса.

— Откуда ты знаешь Джеда? — Голос мой звучал спокойно, но внутри все кипело.

— Я его дочь.

— Придется заставить тебя говорить правду.

— Я не вру! Он мой... Он был моим отцом.

— Ты белая.

Она ничего не ответила.

— О'кей, тогда зачем ты послала его в ад? Ты знаешь, что значит взять у покойника монеты.

Она нехорошо рассмеялась.

— Послушай, я понятия не имею, кто ты такая, но этот старик подобрал меня, когда мне было семь лет, и вырастил, и поставил на ноги. Он многое значил для меня, поэтому я вполне могу разозлиться и сделать из тебя котлету. Отбивную с хреном — почище, чем из Брена. Может, теперь соблаговолишь наконец сказать мне, зачем ты подложила такую свинью человеку, который был добр ко всем?

Лицо ее ожесточилось. Она боялась, но все равно ненавидела.

— Ни черта ты не знаешь, понял? Да, он был добр ко всем. Ко всем, кроме своего собственного ребенка. — И добавила тихо: — Ко всем, кроме меня.

Я не мог понять: она что — больная? Или с приветом? Или просто дурачит меня? Врать ей вроде нет резона. К тому же она видела, чтосталось с Брено. Нет, она говорила правду — по крайней мере, верила в то, что говорила.

Белая девушка — дочь старого Джеда? Бред какой-то. Разве что...

Бывают такие люди — странненькие, с выви-
хами, ты узнаешь их чутьем по ауре, по запаху, и
стоит тебе только подобрать к ним единственное
слово — «наркоман», или «нимфоманка», или «про-
ститутка», или «расист» — ключевое слово, опре-

деляющее их скрытый порок, как тебе становятся ясными все странности поведения. Однословные люди. Одно слово — и они перед тобой как на ладони. Одно слово — «алкаш», или «диабетик», или «пуританин», или...

— Превращенка.

Она не ответила. Просто смотрела на меня с ненавистью. Я вгляделся в ее черты, чтобы увидеть следы превращения, но, само собой, ничего не заметил. Она делала это мастерски. Теперь ясно, что произошло между ней и старым Джедеией Паркманом. Почему она поцеловала покойника и отправила его прямиком в ад. Но не в такой ад, на какой обрек ее Джед. Если он был способен так любить бездомных котят вроде меня, могу себе представить, какую горькую ненависть, и разочарование, и стыд вызывала в нем плоть от плоти его, которая выдавала себя не за ту, кем была на самом деле.

— Люди — странные создания, — сказал я ей. — Он подбирал всех без разбору, ему было плевать, кто они и откуда. По крайней мере до тех пор, пока они не врали. В нем было много любви.

Она ждала, что я сделаю с ней что-нибудь ужасное, и готовилась к неизбежному. Я рассмеялся — но не так, как любил смеяться Джед.

— Киса, я не твой папуля. Он наказал тебя на всю оставшуюся жизнь. А мы с тобой — мы оба не белые и слишком похожи, чтобы мне наказывать тебя.

Превращенка. Как вам это нравится? Да она не знает даже, на что похожа цветовая граница! Чёрное на белое — черт возьми, ну конечно! Джед, Джед, бедный ты старый негритос. Ты знал, что я не могу вернуться домой, вернуться в тот мир, откуда я пришел — где бы это ни было, — и ты научил меня превращаться, чтобы выжить, но не сумел справиться, когда подобное случилось с тобой.

Я вытащил последние пять баксов из кармана и бросил их на кровать.

— Разменяй, детка, и оставь пару серебряных долларов для собственной переправы. Может, Джед там тебя подождет, и вы выясните свои отношения.

Я почернел и пошел к двери. Она, разинув рот, уставилась на то место, где я стоял. Я обернулся с порога.

— Сдачу оставь себе, — сказал я.

В конце концов, она же заплатила за меня взнос, разве нет?

ВАСИЛИСК

*Что было пользы проткнуть острием копья василиска
Мурру несчастному? Яд мгновенно по древку разлился,
В руку всосался ему; поспешно меч обнаживши,
Он ее тотчас отсек, у плеча отделивши от тела.
И, наблюдая пример своей собственной смерти
ужасной,
Смотрит, живой, как гибнет рука.*

Марк Анней Лукан, «Фарсалия»*

Возвращаясь из ночного патрулирования за внешним периметром базы, младший капрал Вернон Лестиг угодил в ловушку, устроенную врагом. Он шел последним, прикрывая отход отряда от оставленного совсем недавно сектора номер восемь, слишком сильно отстал и сбился с поросшей травой тропинки. Он не знал, что продолжает двигаться параллельно тропе, по которой шли его товарищи, всего в тридцати ярдах от их левого фланга, и шагал вперед, надеясь догнать своих. Лестиг не заметил расставленных под самыми необычными углами заостренных кольев, смазанных ядом и с безграничным терпением поджидавших свою жертву. Два стоявших рядом колышка пробили ботинок; первый проткнул свод стопы, прошел рядом с лодыжкой и остался внутри ботинка; другой прошил подошву и расщепился, ударившись о

Basilisk

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1997

* Перевод Л. Е. Остроумова.

малую берцовую кость над пяткой, так и не поранив кожу.

Короткое замыкание цепей, одновременно перегорели все электрические лампочки, вакуум сжался, змеи сбросили кожу, заскрипели колеса фургонов, огромные стеклянные панели рассыпались в пыль, бор дантиса ударил по нервным окончаниям, рвота проложила огненные следы в глотке, разорвалась девственная плева, отчаянно заскребли по классной доске ногти, вспенилась вода; потекла лава. Сверхновая, вспышка боли. Сердце Лестига остановилось, дрогнуло и снова забилось — неуверенно; мозг умер, отказываясь принять на себя страшный удар; все чувства отключились. Он сделал здоровой левой ногой нетвердый шаг в сторону, вырвал один колышек из земли и, падая на землю, потерял сознание.

А в это время к нему приближалось огромное черное чудовище с разверстой пастью, чудовище, окутанное беспросветным мраком. Оно устремилось в это бесконечное путешествие без горизонта, оставив позади царство мифов, чтобы попасть в момент, предшествующий проникновению яда в плоть человека — ящероподобный дракон с глазами, похожими на маслянистые озера, в ультрафиолетовых дымных глубинах которых клубится смерть. Могучие мускулы под гладкой шкурой цвета ночи, опытный бегун из потерянной земли, с точными движениями искусного танцовщика. Вечно бодрствующий страж веры, неслышно крадущийся сквозь туманные заслоны почти непроходимых барьеров, воздвигнутых, дабы отделить людей от их господ.

В тот самый миг, когда ботинок уже почти коснулся бамбукового колышка, василиск пересек последнюю границу времени и пространства, мысли и измерений, чтобы стать некой тенью в лесном мире Вернона Лестига. В процессе этого перехода все удивительным образом изменилось: агатовая, маслянистая шкура изрыгающего смерть дракона начала мерцать, по бескрайним равнинам ослепительной молнией пронесся губительный жар, золотистые

вспышки взметнулись над горными вершинами, и возникло великолепное существо в тысячу цветов. Зеленые бриллианты пламенели на шкуре василиска, словно миллионы смертоносных глаз безымянного бога. Рубины налились кровью насекомых, застывших в янтаре на заре просыпающегося мира. Золотые самоцветы, ежесекундно меняющие форму, запахи, оттенки... ткали филиганный мозаичный рисунок на гобелене его шкуры. Изящный, призрачный, сверкающий калейдоскоп плоти, приводимый в движение могучими мышцами. Василиск вошел в мир.

А Лестигу еще только предстояло испытать боль.

Существо подняло лапу с шелковистыми подушечками и опустило ее прямо на кончики заостренных колышков. Василиск расслабился, и колышки проткнули чувствительные черные полумесяцы его лапы. Темная дымящаяся жидкость смешалась с древним восточным ядом. Василиск убрал лапу, и две одинаковые раны в одно мгновение исцелились, зарубцевались и исчезли.

Исчезли. Короткое напряжение мускулов, прыжок, темный воздух вспенился — василиск метнулся вверх, в пустоту, и пропал. Пропал.

И в тот самый миг, когда туманное порождение мрака скрылось, Вернон Лестиг наступил на заостренные бамбуковые колышки.

Хорошо известно, что всякий, кто утолит жажду вурдалака, вампира, сам становится одним из них и его уста обязательно припадут к чудовищному кубку, чтобы поднять его в честь нового господина и привлечься к его власти и таинствам.

Василиски не ведут свое происхождение от вампиров, да и могущество их не имеет отношения к власти пьющих кровь. Хозяин василиска послал его завербовать младшего капрала Вернона Лестига совсем не случайно. В темной вселенной царит закон и порядок.

Младший капрал Вернон Лестиг всеми силами гнал сознание прочь, словно на клеточном уровне

понимал, что, стоит чувствам проснуться, как на него, будто стая голодных псов, набросится чудовищная, невыносимая боль. Но алый прибой поднимался все выше, выше, поглощая его растворяющееся тело, и вот наконец невыносимая мука, точно разбушевавшееся море крови, накатила, ворвалась, превращаясь в длинные свивающиеся волны. Лестиг закричал, он выл до тех пор, пока ему не сделали инъекцию, тогда боль чуть притупилась, и Вернон потерял контакт с клубящимся хаосом, в который превратилась его правая нога.

Вернон Лестиг снова пришел в себя, было темно, и он подумал, что наступила ночь. Потом он открыл глаза, но вокруг по-прежнему царил мрак. Правая нога отчаянно зудела. Он заснул — на этот раз не впал в кому, а провалился в настоящий сон.

Когда Вернон очнулся в следующий раз, день так и не наступил... Он открыл глаза и понял, что ослеп. Нашупав левой рукой солому, сообразил, что лежит на циновке. Плен. Тогда Вернон заплакал, потому что теперь знал — ему не требовалось даже проверять это, — что ему ампутировали стопу. А может быть, и всю ногу. Он плакал из-за того, что больше не сможет выскочить из машины, чтобы пропустить кружку горького перед обедом; он плакал из-за того, что всякий раз, когда пойдет в кино, люди будут смотреть на него и делать вид, что ничего не замечают; он плакал из-за Терезы — теперь ей придется принимать нелегкое решение; он плакал о том, как будет выглядеть на нем одежда; он плакал о туфлях; и о многом, многом другом. Проклинал своих родителей и патруль, врагов и тех, кто послал его сюда, он хотел, мечтал, отчаянно молился, чтобы хоть кто-нибудь из них поменялся с ним местами. А когда он уже не мог больше плакать и просто желал смерти, за ним пришли, отвели его в какую-то хижину и начали допрашивать. Ночью. Ночью, которую он теперь постоянно носил с собой.

Они были древним народом, их предки испытали многовековое рабство — страдания значили для них не больше едва различимого шепота алого облака,

плывущего в небе пустынной планеты, что вращается вокруг далекой звезды. Но они хорошо знали, как использовать боль в качестве инструмента, и не видели зла в подобных деяниях: ведь с точки зрения народа, познавшего рабство, зло правит душами тех, кто выковал кандалы, а вовсе не тех, кто вынужден их носить. Никакое деяние, совершенное во имя свободы, не может быть слишком чудовищным.

Поэтому Лестига пытали до тех пор, пока он не рассказал все, что они хотели знать. Ему не удалось скрыть ничего. Расположение частей, направление дальнейшего передвижения, личный состав, оружие, цель миссии, слухи, свое имя и звание и даже личные номера своих товарищней, те, что ему удалось вспомнить, свой адрес в Канзасе, цифры, стоявшие на водительском удостоверении и кредитной карточке, телефон Терезы...

Они все равно не оставили Лестига в покое. Его подвесили на деревянной стене, связав руки сзади, так что кровь не могла циркулировать, а суставы норовили выпрыгнуть из плеч, и били по животу бамбуковыми палками, не кормили и не поили, так что он не мог проронить ни единой слезинки. Однако дыхание с глубоким, тяжелым хрипом вырывалось из его груди; и один из палачей сделал ошибку: он подошел к Лестигу и, схватив за волосы, наклонился, чтобы задать очередной вопрос. И тогда младший капрал Вернон Лестиг — падая, падая — глубоко выдохнул, сражаясь за жизнь, и случилось страшное.

Передовой отряд с базы захватил вражескую позицию, боевые вертолеты сели на поляну, и в штаб поступил рапорт, в котором говорилось, что в данном районе все вражеские солдаты, кроме одного, мертвы, а среди них, в грязи, на полу крытой соломой хижины обнаружен находящийся без сознания младший капрал Лестиг Вернон К., личный номер 526-90-5416. И тела девяти вражеских офицеров, которые погибли необъяснимой чудовищной и странной смертью — Господи, вы бы только видели, на

что это было похоже — не иначе, какая-то невиданная болезнь, а нашему новому лейтенанту стало так худо, что он там все заблевал. И мы не знали, что делать с тем единственным типом, что выполз из кустов; видно, эта штука не успела до него добраться, только вот лицо у парня уже начало растворяться... наши ребята со страху чуть в штаны не наделали и...

Тогда передовой отряд немедленно переместили на другую позицию, а туда послали военную разведку. Место было немедленно огорожено, ввели строжайшую секретность; а от единственного солдата противника, оставшегося в живых — того, с разлагающимся лицом — успели узнать, прежде чем он умер, что Лестиг все рассказал. Лестига отправили санитарным вертолетом в полевой госпиталь, оттуда в Сайгон, а дальше, через Токио, в Сан-Диего — где было решено предать младшего капрала военно-полевому суду за предательство и сговор с врагом. Дело привлекло внимание газет, но суд проходил за закрытыми дверями. Однако прошло довольно много времени, Лестига оправдали, ему даже выплатили солидную компенсацию за потерю ноги и зрения. Он снова отправился в госпиталь, где провел одиннадцать месяцев, там ему даже удалось в некотором смысле вновь обрести зрение, хотя теперь он был вынужден носить темные очки.

После этого Вернон Лестиг отправился домой в Канзас.

Между Сиракузами и Гарден-Сити, сидя у забрызганного дорожной грязью окна призрачного поезда, медленно продвигающегося по плоским степям Канзаса, Лестиг бездумно смотрел в окно.

— Эй, вы капрал Лестиг?

Вернон Лестиг тряхнул головой и увидел в окне привидение. Обернулся — перед ним возник разносчик с подносом, на котором лежали бутерброды, плитки шоколада, освежающие напитки, на груди разносчика висела сумка со свежими газетами.

— Нет, благодарю, — сказал Лестиг, отказываясь от всего сразу.

— Скажите, вы ведь тот самый капрал Лестиг?.. — Разносчик развернул одну из газет и быстро заглянул в нее. — Да, конечно, вот здесь. Видите?

Лестиг просмотрел почти все газеты, но эта была местной. Он начал искать мелочь.

— Сколько с меня?

— Десять центов. — На лице разносчика промелькнуло удивление, которое тут же сменилось улыбкой. — Вы так давно здесь не были, что успели забыть, сколько стоит газета, да?

Лестиг дал ему две монетки по пять центов и, быстро отвернувшись к окну, развернул газету. Прочитал заметку. Это был тяжелый удар. Нашел упоминание о редакционной статье. Перевернул несколько страниц, прочитал, что было написано в статье. Люди возмущены, говорилось там. Довольно тайных процессов. Мы должны посмотреть в лицо своим военным преступлениям. Заговор правительства и военных. Хватит нянчиться и возвеличивать предателей и убийц, говорилось в редакционной статье.

Лестиг выпустил газету из рук, и она медленно соскользнула на пол.

— Тебя следовало расстрелять, если хочешь знать мое мнение! — Разносчик, не закончив фразу, устремился к выходу из вагона.

Лестиг даже не повернулся в его сторону. И сквозь темные очки, защищавшие больные глаза, он видел слишком хорошо. Подумал о долгих месяцах слепоты, снова вспомнил о том, что делали с ним в той хижине, и засомневался: может, было бы лучше, если бы зрение к нему так и не вернулось.

Дорога на Рок-Айленд была отличной дорогой, как раз по ней ему и следовало ехать. Домой. Неожиданно все окутал туман — теперь такое происходило с ним довольно часто, — словно улучшение зрения носило временный характер, запасной генератор периодически включался, чтобы поддерживать его, а

потом выключался, когда нагрузка становилась слишком большой. Через некоторое время свет и зрение вернулись. Но все равно землю обволакивала серая дымка.

Где-то в ином месте, окутанное иной дымкой, огромное чудище сидело на задних лапах, от его изукрашенной самоцветами шкуры исходил хроматический свет, в лапе оно что-то держало. Из мягких подушечек — черных лун — торчали блистающие когти. Оно наблюдало, дышало, дожидалась, пока зрение Лестига прояснится.

В Уичито Вернон Лестиг взял напрокат автомобиль и поехал в Графтон, до которого оставалось шестьдесят пять миль. Поезда в этом городке больше не останавливались. Железнодорожное движение в Канзасе постепенно сходило на нет.

Лестиг вел машину в мертвую тишину. Не стал включать радио. Ничего не напевал себе под нос, не кашлял, ехал, устремив взгляд вперед, не замечая холмов и долин, мимо которых проезжал, — так было покончено с мифом о плоском, как доска, Канзасе. Лестиг вел машину, словно человек, который, обладай он воображением, мог бы представить себя черепахой, неотвратимо влекомой к солнечному морю.

Он ехал параллельно линии песчаных холмов, идущих вдоль южной части Арканзаса, свернул на шоссе номер 96 возле Элмера, ниже Хатчinsonса, потом на юг, на семнадцатое шоссе. Он три года не ездил по этим дорогам, а кроме того, все это время не плавал и не катался на велосипеде. Если ты чему-то научился, это уже на всю жизнь.

Как Тереза.

Или дом. Невозможно забыть.

Или хижина.

А еще запах, там. Невозможно забыть.

Лестиг пересек северную развилку и свернул на запад, на шоссе номер 17, возле водохранилища Чейни. Он въехал в Графтон, когда начали спус-

каться сумерки, кровавый нарыв солнца медленно катился в сторону холмов. Пустынные здания заброшенного цинкового рудника, закрытого вот уже двенадцать лет, торчали на фоне неба, словно растопыренные черные пальцы гигантской руки, поднятой над ближайшими холмами.

Лестиг объехал монумент в честь павших солдат и матросов, единственным украшением которого была полоса, выложенная ракушками. Ветер полоскал флаг над мэрией, и еще один — над почтой.

Становилось темно. Он включил фары и габаритные огни. Странное дело — дымка перед глазами придавала уверенности, словно защищая от земли, одновременно знакомой и чужой.

Магазины на Фитч-стрит были закрыты, однако реклама над шатром кинотеатра «Утопия» горела ярко, а возле будочки, где продавались билеты, собралась небольшая толпа. Лестиг притормозил в надежде увидеть знакомое лицо, и люди начали на него глядеть. Парнишка, которого он не узнал, показал на него пальцем и повернулся к своим друзьям. В заднее зеркало Лестиг заметил, как двое из них вышли из очереди и направились в соседний магазин, где продавались сласти. Он проехал через деловую часть города и повернул к своему дому.

Включил дальний свет, но даже мощные фары не смогли разогнать туман, сквозь который он продвигался вперед. Если бы Веронон Лестиг обладал даром фантазии, он мог бы предположить, что видит свой мир глазами какого-то чужеродного, невиданного существа. Однако он никогда не обладал развитым воображением.

Дом, в котором его семья прожила шестнадцать лет, был совершенно пуст.

На воротах висела табличка: «ПРОДАЕТСЯ». Лужайка перед домом заросла сорняками. Кто-то спилил росший во дворе дуб; падая, дерево сломало часть лестницы, ведущей наверх.

Лестиг пробрался внутрь через угольную кучу, сваленную за домом, обследовал каждую комнату на

первом и втором этажах. Дело продвигалось медленно: он ходил, опираясь на алюминиевый костыль, а перед глазами висела тусклая пелена. Его родные покинули дом в спешке — мать, отец и Нелона. В шкафах, забившихся в угол, словно испуганные зверьки, висели пальто и куртки. Пустые картонные коробки валялись на полу в кухне, в одной из них Лестиг нашел чашку с отбитой ручкой. Заслонки в камине остались открытыми, и дождь превратил пепел в черную густую пасту. В кухне на полке стояла банка с черносмородиновым вареньем, покрытым плесенью. Повсюду лежал толстый слой пыли.

Лестиг коснулся разорванной занавески на окне в гостиной и в тот же миг заметил фары машин, сворачивающих на подъездную дорожку к дому. Три из них остановились одна за другой, бампер к бамперу. Еще две — у въезда, свет их фар залил гостиную бледным сиянием. Открылись двери.

Лестиг быстро отодвинулся от окна и присел.

В свете фар перемещались темные тени, казалось, незваные гости не могут принять никакого решения и о чем-то спорят. Наконец один из них отошел в сторону, в руке у него что-то блеснуло; удар тяжелого гаечного ключа по окну, звон бьющегося стекла.

— Лестиг, вонючий улюдок, а ну выходи!

Вернон Лестиг неуклюже, но бесшумно проковылял через гостиную в кухню и начал спускаться по лестнице в подвал. Он был достаточно осторожен и поэтому оставил открытым окно, выходящее на угольную кучу... через узкую щель было видно, что там кто-то стоит. Они окружили весь дом. Под ногой хрустнул уголь.

Тогда Лестиг бесшумно прикрыл окно и повернулся к лестнице, ему не хотелось, чтобы его поймали в подвале. Сверху снова послышался звон бьющегося стекла.

Неловко, цепляясь за перила, он стал подниматься по лестнице, сейчас костыль был совершенно бесполезен, впрочем, Лестиг перемещался довольно бы-

стро и вскоре оказался на верхнем этаже. Тут была комната его родителей; он открыл дверь и вошел. Застекленная дверь покосилась и держалась только на одной петле. Отсюда можно было спуститься вниз по пожарной лестнице. Лестиг сделал первый шаг, стараясь не наступать на те ступеньки, которые сломали ветки упавшего дуба. Внимательно посмотрел вниз, вдоль стены, но там никого не было видно. Вцепившись одной рукой в перила, бросил костиль в темноту, перекинул тело на другую сторону лестницы, крепко сжал бедрами один из шестов, на которых крепилась лестница — он много раз спускался вниз именно таким образом, когда был маленьким мальчиком, чтобы поиграть с приятелями после того, как его уложили в постель.

Все произошло так быстро, что даже потом Лестиг так и не понял, что же именно случилось. Прежде чем его нога коснулась земли, кто-то наскочил на него сзади. Он попытался удержаться на шесте, как обезьянка на детской игрушке, и даже отпихнул нападавшего здоровой ногой; однако его быстро стащили с шеста и с размахом швырнули на землю. Тогда он попробовал перекатиться, но уткнулся в ствол щёлковицы. Решил сделать обманный финг, сжался в пружину, но в этот момент кто-то лягнул его в бок, и он упал на спину. Тёмные очки слетели с лица, и сквозь дымный туман он с трудом рассмотрел человека, который прыгнул ему на грудь, подняв над головой какой-то толстый и длинный предмет... Лестиг отчаянно старался разглядеть врага... на-прягся...

В следующий миг человек, сидевший у него на груди, отчаянно взвыл, оружие упало на землю, он прижал к лицу руки, вскочил и, спотыкаясь, бросился прочь, ломая кусты и продолжая вопить.

Лестиг пошарил вокруг, нашел очки, надел их и обнаружил, что лежит на костилях. С его помощью встал — так слаломист опирается на палку во время сложного виража.

Лестиг захромал в сторону заднего крыльца соседнего дома, обошел его и оказался перед пустыми машинами, стоящими у подъездной дорожки, фары по-прежнему заливали дом грязноватым тусклым светом. Он скользнул за руль, сразу понял, что этим автомобилем управлять не сможет, выбрался наружу, подошел к другой машине, с облегчением разглядел автоматическую коробку передач и тихонько открыл дверцу. Усевшись за руль, повернул ключ зажигания. Двигатель заурчал, а из-за дома показались темные силуэты.

Когда они выскочили на улицу, Лестиг уже уехал.

Он сидел, погрузившись в беспросветный мрак, сидел в украденной машине. Перед домом Терезы. Не перед тем домом, в котором она жила, когда Веронон Лестиг ушел на войну три года назад, а перед домом человека, за которого Тереза вышла замуж шесть месяцев назад, когда имя Лестига впервые появилось на первых полосах газет.

Он подъехал к дому ее родителей, но там было темно. Он не мог — да и не стал бы — врываться туда, но ему удалось заметить записку на почтовом ящике, для почтальона, чтобы тот переправлял письма, адресованные Терезе, по новому адресу.

Лестиг сидел и барабанил пальцами по рулю. Правое бедро болело после падения. Рукав рубашки был оторван, а на левом плече осталась длинная, неглубокая царапина, которую он получил, продираясь через кусты. К счастью, она уже перестала кровоточить.

Наконец он выполз из машины, засунул под мышку костыль и, качаясь, точно набравшийся матрос, заковылял к двери. Над белой пластиковой кнопкой звонка была прикреплена блестящая табличка, на которой вычурными буквами красовалось выгравированное имя: «ХОВАРД». Лестиг нажал на кнопку, и где-то далеко в доме послышался мелодичный звон.

Тереза была в голубых хлопчатобумажных шортах и старой мужской рубашке, когда-то явно принадлежавшей её мужу.

— Верн... — ее голос пресекся прежде, чем она успела сказать: «Ох», или «Что ты...», или «Мне сказали...», или «Нет!»

— Можно войти?

— Уходи, Верн, мой муж...

Изнутри дома донесся голос:

— Кто там, Терри?

— Пожалуйста, уходи, — прошептала она.

— Я хочу знать, куда уехали мама, папа и Неола.

— Терри?

— Я не могу с тобой разговаривать... Уходи!

— Что, черт возьми, здесь происходит, я должен знать!

— Терри? Кто там?

— До свидания, Верн. Мне... — Она захлопнула дверь, так и не сказав слов «мне очень жаль».

Он повернулся, собираясь уйти. Где-то вдали напряглись могучие, узловатые мышцы, горло громадного пресмыкающегося сжалось, а когти блеснули в свете звезд. Перед глазами Лестига поплыл туман, потом на одно короткое мгновение все вокруг озарил пронзительный свет. В его душе вскипела ярость. Он снова повернулся к двери, прислонился к стене и начал барабанить по ограде костылем.

В доме послышалось какое-то движение; донесся умоляющий голос Терезы, она пыталась уговорить кого-то не выходить из дома, но уже через секунду дверь распахнулась — на пороге стоял Гарри Ховард, постаревший и раздобревший, и такой злой, каким Лестиг никогда его не видел, а ведь они учились вместе в колледже — тогда-то и виделись в последний раз. Гарри был раздражен: он ожидал увидеть очередного продавца Библии, бродягу, девушку, собирающую пожертвования, или просто хулигана, но, когда он узнал Лестига, его лицо перекосила злобная гримаса.

Ховард прислонился к косяку и сложил руки на груди так, что стали особенно заметны мощные бицепсы под рукавами зеленой футболки.

— Добрый вечер, Верн. Когда вернулся?

Лестиг выпрямился, костыль больно упирался ему под мышку.

— Я хочу поговорить с Терри.

— Мы не знали, когда именно ты прикатишься, Верн, впрочем, не сомневались, что ты обязательно объявишься. Как война, дружище?

— Ты дашь мне с ней поговорить?

— А никто ей не мешает, приятель. Моя жена имеет полную свободу, когда дело доходит до разговоров с ее бывшими поклонниками. Моя жена, вот так-то. Ты понял... дружище?

— Терри? — Лестиг наклонился вперед и закричал через плечо Ховарда.

Гарри Ховард положил ему руку на грудь и одарил особой, ослепительной улыбкой.

— Не делай из себя дурака, Верн.

— Я поговорю с ней, Ховард. Прямо сейчас, даже если мне придется пройти сквозь тебя.

Ховард выпрямился, продолжая держать руку на груди Лестига.

— Ах ты, жалкий, трусливый сукин сын, — проговорил он очень тихо, а потом толкнул Лестига.

Тот отлетел назад, костыль выпал из руки и покатился по ступенькам.

Ховард посмотрел вниз, и улыбка любимца женщин исчезла с его лица.

— Не возвращайся, Верн. В следующий раз я вырву твоё вонючее сердце.

Дверь захлопнулась, Лестиг услышал громкие голоса, звук пощечины.

Тогда он подполз к костылю и, опираясь на стену, выпрямился. Хотел вломиться в дверь, но вовремя вспомнил, что был Лестигом, бегуном, когда-то... а Ховард играл в футбол. И сейчас играет. И будет играть по воскресеньям — с детьми, которых сделает

прохладными субботними ночами в постели с Терезой.

Он вернулся к машине и долго сидел там, погрузившись в беспроблемный мрак.

Лестиг не знал, сколько прошло времени, когда перед окошком мелькнула тень. Он быстро поднял голову.

— Верн?..

— Лучше вернись. Я не хочу больше причинять тебе неприятности.

— Он наверху, пишет какие-то отчеты. Когда Ховард демобилизовался из военно-воздушных сил, он получил очень хорошую работу в «Шуп Моторс». Мы нормально живем, Верн. Он так замечательно со мной обращается... о, Верн... почему?! Почему ты это сделал?

— Тебе лучше вернуться.

— Я ждала, Господи, ты же знаешь, я ждала, Верн. Но появились те ужасные статьи в газетах... Верн, почему ты это сделал?

— Да перестань, Терри. Я устал, оставь меня в покое.

— Весь город, Верн!.. Было так стыдно. Понаехали разные репортеры, люди с телевидения, они заполонили весь город, разговаривали буквально с каждым. Твоя мать и отец, и Неола, они больше не могли здесь оставаться...

— Где они теперь, Терри?

— Уехали, Верн. В Канзас-Сити, я думаю.

— О Господи!

— Неола живет поближе.

— Где?

— Она не хочет, чтобы ты знал, Верн. Кажется, она вышла замуж. Мне известно наверняка, что она изменила фамилию... Лестигов здесь теперь не любят.

— Мне нужно с ней поговорить, Терри. Пожалуйста. Ты должна сказать, где она живет.

— Не могу, Верн. Я обещала.

— Тогда позвони ей. У тебя есть номер ее телефона? Ты можешь с ней связаться?

— Да, кажется, есть. О, Верн...

— Позвони ей. Скажи, что я буду ждать ее в городе до тех пор, пока она не приедет повидаться со мной. Сегодня. Пожалуйста, Терри!

Она помолчала, а потом негромко сказала:

— Ладно, Вернон. Ты хочешь, чтобы она встретилась с тобой в вашем доме?

Лестиг подумал о темных тенях в сиянии фар и о том человеке, что с воплем умчался прочь, когда он сам лежал возле шелковицы.

— Нет. Скажи, что я буду ждать в церкви.

— Святого Мэтью?

— Нет. В баптистской.

— Она же давно закрыта!

— Я знаю. И была закрыта еще до того, как я уехал. Мне известно, как туда забраться. Неола должна вспомнить. Скажи, что я буду ее ждать.

Входная дверь дома распахнулась, Тереза Ховард подняла лицо и бросила короткий взгляд через крышу украденной машины. Она даже не сказала прощальных слов, только ее прохладная рука быстро скользнула по лицу Лестига, а потом Тереза побежала к дому.

Понимая, что снова пришло время отправляться в путь, драконоподобное, несущее смерть существо опустилось на ноги и начало медленно продвигаться вперед сквозь клубящиеся туманы беспредельной вечности. Тихое, нетерпеливое урчание клокотало у него в горле, в безжалостных глазах пламенела радость.

Лестиг лежал на церковной скамье, когда незакрепленные доски ризницы заскрипели; Неола пришла. Он сел, протер сонные глаза и надел темные очки. Ему почему-то стало легче.

Неола подошла к кафедре перед алтарем и остановилась.

— Вернон?

— Я здесь, сестричка.

Она направилась в сторону его скамейки, но, не доходя трех рядов, остановилась.

— Зачем ты вернулся?

Во рту у него сразу пересохло. Ему вдруг страшно захотелось пива.

— А куда мне было идти?

— Неужели тебе недостаточно тех несчастий, которые ты уже и так навлек на папу, маму и меня?

Ему хотелось рассказать ей о своей правой ноге и зрении, которых он лишился где-то в Юго-Восточной Азии. Но, глядя на маленькое, бледное лицо сестры, повзрослевшее и какое-то безмерно измученное, он понял, что не сможет произнести ни слова.

— Это было ужасно, Верон. Ужасно. Они приходили и говорили с нами, никак не хотели оставить нас в покое. Установили телевизионные камеры и постоянно вели съемку дома, мы даже на улицу не могли выйти. А когда они убрались, пришли люди из города, стало еще хуже; о Господи, Верн, ты не поверишь, что они вытворяли. Однажды ночью пришли и начали все ломать, спилили дерево, а когда папа попытался их остановить, ужасно его избили.

А он думал о своей ноге.

— Мы уехали, Верн. Потому что не могли иначе. Мы надеялись... — Она замолчала.

Он думал о хижине и о запахе.

— Да, сестричка, я понимаю.

— Мне очень жаль, Верн. Мне правда жаль, милый. Почему ты так с нами поступил? Почему?

Лестиг долго ничего не отвечал, и тогда она подошла к нему, обняла и поцеловала в шею, а потом скользнула в темноту... Скрипнули доски, он снова остался один.

Он просто сидел на скамейке и ни о чем не думал. Смотрел в темноту до тех пор, пока глаза не начали вытворять с ним странные штуки: ему показалось, будто он видит, как в тусклом свете, льющемся из окна, танцуют крошечные пылинки. Потом отблески изменили оттенки, слились, стали алыми, и Лестигу

почудилось, что он смотрит в зеркало, в глаза какого-то отвратительного существа... Голова разболелась, глаза стало жечь...

И сама церковь изменилась каким-то странным, необъяснимым образом: стала таять, закружилась, Лестиг мучительно пытался сделать вдох, и тогда церковь вдруг превратилась в хижину; его снова подвергли допросу.

Он полз.

Полз по грязному полу, цепляясь пальцами и оставляя на земле борозды, пытаясь убежать... от них.

— Ползи! Ползи — и тогда, может быть, мы оставим тебе жизни!

Он полз, их ноги находились на уровне его глаз, он пытался добраться до одной из них, коснуться, а они его били. Снова и снова. Но боль — еще не самое страшное. Клетка, в которой его держали бесконечные дни и ночи, была слишком маленькая, чтобы выпрямиться во весь рост, слишком узкая, чтобы лечь, открытая дождям и насекомым, которые устраивали гнезда и откладывали личинки в воспаленном обрубке его правой ноги — чесалось так, что он уже не мог терпеть. И свет, падающий от висящей над клеткой лампы, свет, который не выключался ни на секунду, ни днем ни ночью. И никакого сна. И вопросы, бесконечные вопросы... И он полз... Господи, как он полз... если бы ему не мешали, он прополз бы вокруг земли, опираясь на окровавленные руки и единственную ногу, разрывая в клочья форменные брюки... он полз и полз, только чтобы ему дали поспать, чтобы безжалостные стрелы боли перестали терзать измученное тело... он дополз бы до центра Земли, выпил бы менструальную кровь планеты... только ради того, чтобы его оставили в покое хотя бы на время, чтобы позволили выпрямить ноги и немного поспать...

Почему ты так с нами поступил, почему?

Потому что я человеческое существо, и я слаб — никто не вынес бы такое. Потому что я человек, а не сборник правил, в которых говорится, что я обязан все это вынести. Потому что мне не давали спать, и я не хотел там находиться, но никто не пришел, чтобы меня спасти. Потому что я хотел жить.

Он услышал, как скрипнули доски.

Лестиг заморгал и застыл на месте, прислушиваясь. Кто-то забрался в церковь. Он протянул руку к темным очкам, но не достал их, ему пришлось наклониться вперед, и в этот момент костыль с громким стуком соскользнул на пол. Тут они на него и набросились.

Он так и не узнал, была это та же самая компания или нет.

Они перевернули скамейку и схватили Лестига прежде, чем он успел сделать с ними то, что заставило типа, пришедшего в его дом, убежать с диким криком прочь. Этот парень, окутанный запахом тления, лежал сейчас в городском морге, накрытый простыней, на которой простили зеленые пятна.

На Лестига набросились, начали бить, он отлетал от одного к другому... и тогда он взглянул в безумные глаза на лице мандрила, который посмотрел в его сторону.

Посмотрел. В тот самый момент существо несущее смерть нанесло свой удар.

Человек закричал, принял раздирать ногтями лицо, с которого кусками начала сходить плоть... упал на спину, увлекая за собой еще двоих, а Лестиг вдруг вспомнил, что случилось тогда, в хижине, вспомнил свой вздох и взгляд. Здесь, в Храме Господнем, он тоже глубоко вздохнул, а затем выдохнул им в лица, посмотрел на них через жестокую ночную пустоту иной вселенной, и они возопили... и начали умирать один за другим. Так что очень скоро он снова остался один. А те, что пришли со стороны ризницы, куда они попали, прошлись за Неолой — их предупредил по телефону Гарри Ховард, который выбил эту информацию из

своей жены, — те, другие, остановились, повернулись и бросились бежать...

Теперь только Вернон Лестиг, брат василиска, служившего безымянному, находящемуся далеко от них Богу, только Лестиг остался среди изуродованных тел тех, кто еще совсем недавно были живыми людьми.

Одиночно стоял он посреди церкви и чувствовал, как в нем пульсируют, набирая силу, могущество и ярость, как сияют глаза, ощущал смерть, примостившуюся на кончике языка, гибельный ветер в легких. Он знал: наконец спустилась ночь.

Они перекрыли единственые две дороги, по которым можно было покинуть город. Потом собрали все переносные лампы и прожектора, которые сумели отыскать, а так как многие работали на цинковом руднике, у них нашлись старые каски с фонарями; еще они обмотали тряпки вокруг длинных палок, облили их керосином и подожгли, а затем отправились на поиски мерзкого предателя, который убил их мужей, сыновей и братьев. Никто не смеялся, когда в безумной пляске огней толпа шла по городу, как в каком-нибудь старом фильме. В фильме о преследовании чудовища. Никому из них это не пришло в голову, а если бы и пришло, они все равно не стали бы смеяться.

Они искали всю ночь, но не нашли его. А когда наступил рассвет, они потушили лампы и факелы, вместо парковочных огней включили фары — карауны машин принялись рыскать по городу, но им вновь не удалось отыскать Лестига. Тогда они собрались на центральной аллее, чтобы решить, что делать дальше.

И он был там.

Он стоял высоко над ними, на монументе, воздвигнутом в честь павших солдат и матросов, где он провел всю ночь в ногах у фигуры солдата-пехотинца первой мировой войны, чья правая рука с зажатой в ней винтовкой была поднята высоко вверх. Он возвы-

шался над ними, и они поняли символичность его жеста.

— Ставьте его оттуда! — крикнул кто-то.

Толпа бросилась к бронзовому монументу.

Вернон Лестиг стоял и смотрел на них; казалось, его совершенно не беспокоят ружья, дубинки и другое оружие в их руках.

Первым человеком, забравшимся на постамент, был Гарри Ховард, на лице которого застыла улыбка любимца скандирующей на футбольном матче толпы. Глаза Лестига округлились под темными очками, он снял их коротким небрежным жестом и посмотрел на большого, сверкающего белозубой улыбкой продавца автомобилей.

Толпа закричала, словно превратившись в единое целое... застыла, когда все еще дымящееся тело мужа Терезы упало им на руки. Сведенный судорогой торс, широко раскинутые руки.

Стоявшие в задних рядах бросились бежать. Лестиг отсек им путь к отступлению. Толпа остановилась. Какой-то мужчина поднял пистолет, собрался выстрелить, но тут же уронил оружие — в единый, короткий миг его лицо обуглилось, а на месте глаз появились гнойники.

Они остановились. Застыли в мире трепещущих мускулов, энергии, не находящей выхода.

— Я покажу вам! — выкрикнул Лестиг. — Я покажу, на что это похоже! Вы хотели знать — и я вам покажу!

Он выдохнул, и люди начали умирать. Потом он посмотрел, и упали другие. И тогда он сказал — безмятежно, так чтобы услышали все:

— Очень легко говорить, пока это не происходит с вами. Вы же ничего не знаете. Патриоты! Живете, разговариваете друг с другом, обсуждаете идиотские законы о том, что нужно быть храбрым, но вы не знаете — до тех пор, пока не приходит ваш черед. Я знаю — и это совсем нелегко. Теперь ваша очередь.

Он показал на землю.

— Встаньте на колени и ползите, Патриоты! Ползите ко мне, и, может быть, я оставлю вам жизнь. На колени и, как животные, ползите ко мне.

Кто-то в толпе закричал, и человека тотчас же настигла смерть.

— Ползите, я сказал! Ползите ко мне!

Тут и там люди начали опускаться на землю. Какая-то женщина в дальней части толпы бросилась бежать, Лестиг сжег ее, и тело рухнуло на землю; сразу же те, кто стоял рядом, попадали на колени. Потом целые группы людей не выдержали напряжения и присоединились к ним; вскоре большая часть толпы покорилась ему. Прошло еще несколько мгновений, и все опустились на колени.

— Ползите! Ползите, мои храбрые, ползи как следует, мой народ! Ползите, чтобы познать простую истину: лучше жить как угодно... выжить, потому что вы люди! Ползите, и вы поймете, что ваши лозунги — дермо, а законы написаны для других! Ползите ради спасения своей проклятой жизни! Ползите!

И они ползли. Продвигались вперед на руках и ногах, по траве, цементу и грязи, проринаясь сквозь кусты. Они ползли к нему.

Где-то очень далеко, в туманной мгле на троне, возвышаясь над всеми, сидел Он, в боевом шлеме, а у его ног промстился улыбающийся василиск.

— Ползите, и пусть Бог проклянет вас!

Однако Лестиг не знал, какому богу служит.

— Ползите!

И тогда женщина, повесившая золотую звезду на своем окне, находившаяся в самом центре толпы, подползла к полицейскому револьверу тридцать второго калибра, коснулась его, пальцы сжали рукоять, она подняла пистолет и крикнула:

— За Кенни-и-и-и!.. — И выстрелила.

Пуля сломала ключицу Лестига, его развернуло в сторону, он попытался ухватиться за бронзовые обмотки солдата-янки, сохранить равновесие, чтобы

не отвести взгляда, но костыль уже давно упал вниз, а люди уже стояли на ногах и стреляли... стреляли...

Тело похоронили в безымянной могиле, и никто больше не вспоминал о Лестиге. Где-то далеко, на высоком троне, поглаживая лоснящуюся шкуру василиска, лежавшего у Его ног, как верный пес, Закованый в Доспехи тоже не говорил об этом. Не было никакой необходимости. Лестиг исчез, но ничего иного и не ожидалось.

Оружие деактивировано; но Марс, бессмертный Марс, Бог Который Никогда Не Умирает, Повелитель Будущего, Хранитель Мрака, Всемогущий Поборник Войны, Господин Всех Людей... Марс был доволен.

Вербовка прошла успешно. Власть народу.

ДРЕЙФУЯ У ОСТРОВКОВ ЛАНГЕРГАНСА*: 38° 54' СЕВЕРНОЙ ШИРОТЫ, 77° 00' 13" ЗАПАДНОЙ ДОЛГОТЫ

Проснувшись однажды утром после беспокойной ночи, Моби Дик обнаружил, что превратился на своем ложе из бурых водорослей в чудовищного Ахава**.

С трудом выбравшись из утробы влажных простыней, он проковылял на кухню и набрал воды в чайник. Уголки глаз склеились. Он подставил голову под кран, и по щекам потекла холодная вода.

Повсюду в гостиной были разбросаны дохлые бутылки. Сто одиннадцать пустых бутылок из-под робитуссана и ромилара-СF***. Моби Дик-Ахав прошелся между ними к двери, приоткрыл ее — дневной свет больно ударил по глазам.

— О Господи, — пробормотал он и, зажмутившись, наклонился, чтобы поднять газеты с крыльца.

В полумраке своего дома развернул газету. Заголовок гласил: «БОЛИВИЙСКИЙ ПОСОЛ НАЙДЕН МЕРТВЫМ», ниже подробно описывалось, как было

Adrift Just Off the Islets of Langerhans: Latitude 38°54' N, Longitude 77°00'13" W

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1997

* П. Лангерганс (1847—1888) — немецкий анатом, описал вырабатывающие инсулин эндокринные клетки в поджелудочной железе, впоследствии названные его именем. (Здесь и далее примеч. пер.)

** Моби Дик — белый кит, персонаж одноименного романа Германа Мелвилла; считается классическим воплощением зла. Капитан Ахав — персонаж того же романа, вечный противник Моби Дика.

*** Редкие лекарства.

обнаружено в брошенном холодильнике на пустыре в Сикокасе, штат Нью-Джерси, зверски расчлененное тело посла.

Засвистел чайник.

Он отправился на кухню — совершенно голый. Проходя мимо аквариума, заметил, что мерзкая рыба все еще жива, сегодня утром она что-то насвистывала —казалось, щебечет голубая сойка, — а на поверхности мутной воды лопаются пузырьки. Моби Дик-Ахав остановился возле цистерны с водой, включил свет и вгляделся в волокна колеблющихся водорослей. Рыба ни за что не желала умирать. Она убила остальных жителей цистерны — куда более красивых и дружелюбных, и резвых, даже больших и опасных рыб — убила всех, одну за другой, а потом выела им глаза. Теперь она плавала в аквариуме в одиночестве — правительница своих грошовых владений.

Он пытался погубить рыбу всеми возможными способами — не шел лишь на прямое убийство и не прекращал кормить; однако бледно-розовая скорпена прекрасно чувствовала себя в темной грязной воде. А теперь она еще и запела, как голубая сойка... Он ненавидел рыбу с такой страстью, что едва мог сдерживаться.

Из пластмассовой коробочки высыпал на ладонь немного хлопьев, растер их между пальцами, как советовали делать специалисты, и наблюдал за разноцветными гранулами рыбного корма, молоки, семенников рыб, морских креветок, личинок однодневок, овсяных хлопьев и яичного желтка, которые несколько секунд плавали на поверхности воды, пока не вынырнула отвратительная голова, чтобы пожрать все это.

Отвернулся, яростно проклиная рыбу. Она не желала умирать. Как и он сам, это чудовище не желало умирать.

В кухне, наклонившись над кипящей водой, он впервые осознал смысл положения, в котором оказался. И хотя он еще не подошел к той грани, за

которой человека поджидает пожирающее разум разложение, в воздухе уже ощущалось отвратительное дыхание — так дикий зверь закатывает глаза, почувствав аромат раздираемой на части падали — один лишь этот запах с каждым днем все ближе подводил его к безумию.

Он поставил на кухонный стол чайник, чашку, достал два пакетика с чаем. На специальной подставке, которую обычно использовали для поваренной книги, чтобы было удобно туда заглядывать во время приготовления еды, со вчерашнего вечера так и остался стоять не прочитанный томик с переводом «Кодекса Майя». Он налил воды в чашку, бросил туда пакетики и попытался сосредоточиться. Упоминания об Ицамне, верховном божестве пантеона Майя, основной сферой влияния которого была медицина, расплывались у него перед глазами. Икstab, богиня самоубийства, куда больше отвечала его сегодняшнему настроению — утро выдалось просто отвратительное. Он попытался читать, но слова проплывали мимо, лишенные смысла. Потягивая чай, он обнаружил, что думает о холодном полном круге Луны. Через плечо бросил взгляд на кухонные часы. Семь сорок четыре.

С недопитой чашкой чая в спальню. На кровати, где он метался в беспокойном сне, остался отпечаток его тела. А на металлических прутьях изголовья болтались наручники с прилипшими клочьями волос и запекшейся кровью. Он потер запястья в тех местах, где кожа была стерта чуть ли не до кости, и пролил на себя немного чая. «Не приложил ли я руку к тому, что случилось месяц назад с боливийским послом?» — мелькнула мысль.

Его наручные часы лежали на секретере. Он проверил их. Семь сорок шесть. До встречи с «Консультационной службой» оставалось чуть меньше часа с четвертью. Он вошел в ванную, включил душ, и ледяные струйки ударили в кафель стены. Повер-

нулся к аптечке с шампунем. К зеркалу был прикреплен бинт, на котором красовалась аккуратная надпись:

ПУТЬ, ПО КОТОРОМУ ТЫ СЛЕДУЕШЬ, СЫН МОЙ,
ТЕРНИСТ, НО В ЭТОМ НЕТ ТВОЕЙ ВИНЫ.

Потом, открыв дверцу и вытащив бутылку травяного шампуня с приятным лесным ароматом, Лоренс Талбо решил смириться со своим положением, вздохнул, встал под безжалостный душ, и ледяные арктические воды обрушились на его измученное тело.

Комната номер 1544 центрального здания аэропорта Тишман была мужским туалетом. Он остановился напротив двери с большой буквой «М» и вытащил из внутреннего кармана пиджака конверт. Бумага была хорошего качества и приятно хрустела, когда он доставал изнутри листок. Адрес правильный — все совпадает. Тем не менее номер 1544 оказался мужским туалетом. Талбо уже повернулся, чтобы уйти. Чья-то злобная шутка; он не находил в ситуации ничего смешного; во всяком случае, не в его нынешних обстоятельствах.

Талбо сделал один шаг в сторону лифта.

Дверь мужского туалета начала мерцать, затуманилась, как ветровое стекло автомобиля зимой, надпись на ней изменилась. Он прочитал:

КОНСУЛЬТАЦИОННАЯ СЛУЖБА

Комната номер 1544 и в самом деле оказалась «Консультационной службой», как и было написано на отличной бумаге пригласительного письма, которое Талбо получил в ответ на свой запрос, сделанный после того, как он наткнулся на крайне осторожную рекламу в «Форбсе».

Он открыл дверь и вошел. Девушка за письменным столом тикового дерева улыбнулась, а взгляд Талбо заметался между милыми ямочками, появившимися у нее на щеках, и ногами — стройными

длинными ногами, которые были видны в прямоугольнике стола.

— Мистер Талбо?

Он кивнул:

— Лоуренс Талбо.

Она снова улыбнулась:

— Мистер Деметр примет вас немедленно, сэр. Хотите что-нибудь выпить? Кофе? Сок? Кока-кола?

Талбо вдруг заметил, что его рука, словно по собственной воле, коснулась кармана, где лежало письмо.

— Нет. Благодарю вас.

Когда она встала и направилась к внутренней двери, Талбо спросил:

— А что вы делаете, когда кто-нибудь спускает воду на ваш письменный стол?

Талбо не собирался шутить, потому что был рассержен. Девушка повернулась и посмотрела на него. Он ничего не смог прочитать в ее оценивающем взгляде.

— Проходите, мистер Деметр вас ждет, сэр.

Она открыла дверь и отошла в сторону, пропуская посетителя. Тот прошел внутрь, ощущив мимолетный аромат мимозы.

Кабинет напоминал читальный зал привилегированного клуба для мужчин. Старые деньги. Полнейшая тишина. Темные, тяжелые деревянные панели. Навесной потолок из звукопоглощающей плитки, закрепленный специальным образом — внутри, вероятно, пряталась электропроводка и имелись небольшие полости. Ноги Талбо утонули в толстом мягким ковре цвета апельсинов и жженой умбры. Сквозь огромное, в целую стену, окно виден был не город, а залив Ханаума у острова Оаху. Яркие аквамариновые волны напоминали клубок змей и, словно кобры, поднимали увенчанные белыми пенными шапками головы, а потом обрушивались на ослепительно желтый песок побережья, питая его смертоносным ядом. На самом деле это вовсе не было окном; в кабинете вообще не было окон. Фотография. Самая настоящая, великолепно исполненная фотография — не голо-

грамма и даже не проекция. Эта стена выходила куда-то в иную реальность, в иные измерения. Талбо ничего не знал об экзотической растительности, но почему-то был уверен, что высокие деревья с острыми, точно лезвие бритвы, листьями, которые росли на берегу, ничем не отличались от тех, что изображаются в книгах, посвященных каменноугольному периоду развития Земли, и существовали задолго до того, как на ней появились древние ящеры. То, что он видел, исчезло давным-давно.

— Мистер Талбо, рад вас видеть. Я — Джон Деметр.

Хозяин кабинета выбрался из своего кресла с подголовником, и Талбо пожал протянутую руку — холодную жесткую ладонь.

— Садитесь, пожалуйста, — предложил Деметр. — Хотите что-нибудь выпить? Кофе? Сок? Кока-кола?

Талбо покачал головой. Деметр жестом отпустил секретаршу; она закрыла за собой дверь — бесшумно, уверенной и твердой рукой.

Талбо сел в кресло и принял внимательно изучать Деметра — чуть больше пятидесяти, роскошные волосы падают на лоб седыми, абсолютно естественными прядями, ясные голубые глаза, правильные черты симпатичного, жизнерадостного лица, большой простодушный рот. Невероятно опрятный человек. Темно-коричневый деловой костюм явно сшит на заказ и прекрасно сидит. Джон Деметр держался уверенно, сидел скрестив ноги, так что были видны длинные черные носки, теряющиеся где-то в районе голени. Начищенные до блеска ботинки.

— У вас очень интересная дверь. Та, что ведет в контору, — проговорил Талбо.

— Мы будем обсуждать мою дверь? — поинтересовался Деметр.

— Если у вас возникнет такое желание. Впрочем, я пришел сюда не за этим.

— У меня не возникнет такого желания. Так что давайте поговорим о ваших проблемах.

— Я видел объявление. Оно меня заинтриговало. Деметр ободряюще улыбнулся:

— Четверо составителей рекламных объявлений потратили немало сил, чтобы сформулировать все подобающим образом.

— Это объявление привлекает внимание.

— Только тех, чье внимание должно привлекать.

— Вы намекнули на солидные деньги. Оченьдержанно. Консервативные, надежные клиенты, несколько звезд. Мудрые, старые совы.

Деметр переплел пальцы, кивнул — понимающий добрый дядюшка.

— В самое яблочко, мистер Талбо: мудрые, старые совы.

— Мне нужна информация. Определенная, особая информация. Насколько конфиденциальна ваша служба, мистер Деметр?

Добродушный дядюшка, мудрая, старая сова, улыбающийся бизнесмен понял все, что стояло за вопросом, все, что не было сказано. Он несколько раз кивнул. А потом снова улыбнулся:

— У меня и в самом деле хитрая дверь, не правда ли? Тут вы совершенно правы, мистер Талбо.

— Я считаю, что это даже слишком мягко сказано.

— Надеюсь, она скорее отвечает на вопросы наших клиентов, чем озадачивает их.

Только сейчас Талбо откинулся на спинку кресла.

— Думаю, меня это устраивает.

— Отлично. В таком случае почему бы нам не перейти к делу? Мистер Талбо, у вас возникли проблемы — вы не можете умереть? Я правильно вас понял?

— Вы очень деликатны, мистер Деметр.

— Отличительное качество.

— Да. Вы все правильно поняли.

— Однако вы столкнулись со сложностями, причем довольно необычными.

— Внутренний круг.

Деметр встал и принялся ходить по кабинету, дотронулся до астролябии, стоящей на полке, коснулся хрустального графина в серванте, сложенных стопкой и скрепленных деревянной дощечкой газет «Лондон Таймс».

— Мы ведь специализируемся на информации, мистер Талбо. Мы поможем вам понять, что нужно сделать, но исполнение — ваша проблема.

— Если меня обеспечат *modus operandi**, все остальное я сумею сделать сам.

— Вы кое-что отставили в сторону.

— Совсем немного.

— Консервативные клиенты? Несколько звезд, надежные люди?

— В самое яблочко, мистер Деметр.

Деметр вернулся к своему креслу, снова уселся.

— В таком случае отлично. Если вы напишете очень аккуратно, очень определенно о том, чего хотите — в основном мне это известно из вашего письма, но для заключения контракта необходима точность, — я думаю, что смогу заняться сбором данных, которые помогут решить вашу проблему.

— Сколько это будет стоить?

— Давайте сначала выясним, чего вы хотите.

Талбо кивнул. Деметр потянулся к кнопке на небольшом журнальном столике, рядом с креслом, нажал. Дверь открылась.

— Проводите, пожалуйста, мистера Талбо в рабочий кабинет и дайте ему все необходимые письменные принадлежности. — Секретарша улыбнулась и чуть прошла вперед, дожидаясь, когда Талбо последует за ней. — И принесите нашему гостю что-нибудь выпить, если он пожелает. Кофе? Или сок?

Талбо никак не отреагировал на это предложение.

— Мне, возможно, понадобится время, чтобы правильно все сформулировать. Вполне может получиться, что я буду вынужден поработать столь же старательно, как и ваши составители рекламных объявлений. Давайте я лучше отправлюсь домой и принесу вам все завтра.

У Деметра сделался озабоченный вид.

---

* Способ действия (лат.).

— Тут могут возникнуть определенные сложности. Именно поэтому мы и предоставляем тихое место, где очень удобно было бы сосредоточиться.

— Вы предпочитаете, чтобы я остался и сделал все сейчас.

— Внутренний круг, мистер Талбо.

— Завтра здесь может оказаться самый обычный туалет.

— В самое яблочко.

— Пошли, Сьюзан. И принесите мне стакан апельсинового сока.

Талбо последовал за секретаршей по коридору, расположенному в дальнем конце приемной. Раньше он его не заметил. Секретарша остановилась возле какой-то двери, открыла ее перед Талбо. В маленькой комнатке стояли секретер и удобное кресло. Приглушенно звучала какая-то музыкальная запись.

— Я схожу за апельсиновым соком, — сказала секретарша.

Талбо вошел и уселся у секретера. Прошло довольно много времени, прежде чем он написал на листке бумаги пять слов.

Два месяца спустя, после нескончаемого потока молчаливых посыльных, которые приносили на утверждение черновые проекты договора, потом приходили снова, чтобы забрать уточненный вариант, возвращались с контрпредложениями, опять уходили с переработанными вариантами, снова приходили на конец с подписанным Деметром окончательным договором и ждали, пока Талбо изучал и подписывал этот окончательный вариант — два месяца спустя последний, немой посланник принес карту. Талбо проследил, чтобы финальная выплата «Консультационной службе» была произведена в тот же самый день, и больше не пытался понять, в чем заключается ценность пятнадцати вагонов кукурузы — выращенной так, как это делают только зуни*.

---

* Племя североамериканских индейцев.

Два дня спустя он прочитал небольшую заметку в «Нью-Йорк Таймс», в которой сообщалось, что из железнодорожного тупика неподалеку от Альбукерке таинственным образом исчезли пятнадцать вагонов с фермерской продукцией. Начато официальное расследование.

Карта была очень подробной и казалась точной.

Талбо потратил несколько дней на изучение «Анатомии» Грэя, а когда убедился в том, что Деметр и его компания честно заработали те безумные деньги, что он им заплатил, сделал междугородный звонок. Телефонистка дальней связи переключила его на внутреннюю, и он стал ждать, предварительно подробно объяснив, что ему требуется, — в трубке потрескивали разряды статического электричества. Талбо настоял на том, чтобы в Будапеште, на другом конце провода, прозвучало ровно двадцать гудков, вдвое больше, чем оператор имел право предоставить одному клиенту. Трубку взяли на двадцать первый гудок. Каким-то чудом пропал фоновый шум, и Талбо услышал голос Виктора, да так четко, точно тот был с ним в одной комнате.

— Да! Алло! — Нетерпеливый, как всегда сердитый голос.

— Виктор... это Ларри Талбо.

— Ты откуда звонишь?

— Из Штатов. Как ты?

— Занят. Тебе чего?

— У меня есть один проект. Я хочу нанять тебя и твою лабораторию для его выполнения.

— Об этом забудь. Я подошел к завершающей стадии своей работы и никому не позволю мне мешать.

Талбо понял, что Виктор сейчас повесит трубку. Он быстро проговорил:

— Сколько тебе нужно времени?

— Для чего?

— До окончания работ.

— Примерно еще шесть месяцев, восемь или десять — если что-нибудь пойдет не так. Я же сказал: забудь, Ларри. Меня нет.

— Давай хотя бы поговорим.

— Нет.

— Я ошибаюсь, Виктор, или ты мне кое-что должен?

— Ты вспомнил о долгах после стольких лет?

— Долги вызревают с годами.

Наступило долгое молчание, Талбо слушал мертвую тишину. В какой-то момент он даже подумал, что Виктор положил трубку. Наконец:

— Ладно, Ларри. Поговорим. Только тебе придется приехать; я слишком занят, чтобы тратить время на самолеты.

— Прекрасно. У меня полно свободного времени. — Короткое молчание. А потом он добавил: — У меня нет ничего, кроме свободного времени.

— После полнолуния, Ларри. — Виктор произнес это, старательно выделяя каждое слово.

— Естественно. Встретимся там, где в прошлый раз, в то же самое время, тридцатого числа. Помнишь?

— Я помню. Хорошо.

— Спасибо. Я очень тебе признателен.

Ответа не последовало.

— Как твой отец? — мягко спросил Талбо.

— До свидания, Ларри, — ответил Виктор и повесил трубку.

Они встретились тридцатого числа, в безлунную ночь, на барже с мертвецами, которая курсировала между Будой и Пештом. Ночь выдалась подходящей: пронизывающий холодный туман, словно трепещущее покрывало, ниспадал на Дунай.

Старые приятели пожали друг другу руки, спрятавшись за дешевые деревянные гробы, и, поколебавшись несколько секунд, все-таки обнялись, точно братья. Баржу освещал тусклый старый фонарь и еще несколько бортовых огней, в их свете улыбка на лице Талбо казалась напряженной. Он сказал:

— Ладно, давай выкладывай, ждать больше нечего.

Виктор ухмыльнулся и зловеще прошептал:

И даже тот, кто сердцем чист
И вознесет пред сном молитву,
Вдруг станет волком, если ярость
его погубит душу,
И серп луны в осеннем небе засияет.

Талбо поморщился:

— И другие песни из того же альбома.

— Ты по-прежнему возносишь молитвы пред сном?

— Перестал, когда понял, что это не помогает.

— Понятно. Мы что, забрались сюда, чтобы заработать воспаление легких, обсуждая рифмы?

На измученном лице Талбо появилось грустное выражение:

— Мне нужна твоя помощь, Виктор.

— Я готов тебя выслушать, Ларри. Но сомневаюсь, что смогу сделать что-нибудь еще.

Талбо обдумал его слова и сказал:

— Три месяца назад я обратил внимание на объявление в «Форбсе», это журнал для бизнесменов. «Консультационная служба». Все было сформулировано весьма хитроумно, очень сдержанно, мелким шрифтом напечатано в месте, которое не сразу бросается в глаза. Понятно только тому, кто знает, как прочитать. Не стану тратить время на ненужные подробности, но дальше все было следующим образом: я ответил на это объявление, осторожно, но так, чтобы они смогли меня понять, намекнул на свои проблемы. Упомянул солидные деньги. Я надеялся. Так вот, у меня получилось. Они прислали письмо, в котором назначили встречу. Я подумал, что это вполне может оказаться еще одним пустым, ложным следом... Одному Богу известно, сколько их уже было.

Виктор закурил «Черно-золотые собрани», и едкий дым поплыл в туманную ночь.

— Но ты все равно пошел.

— Пошел. Очень необычный внешний вид, сложная система безопасности; у меня возникло ощущение,

почти уверенность, что они прибыли, ну... не знаю, откуда или из какого времени...

Неожиданно во взгляде Виктора появился живой интерес.

— Ты сказал «из какого времени»? Путешественники во времени?

— Понятия не имею.

— Любопытно, я все время предполагал, что такое должно когда-нибудь случиться. Потому что это неизбежно. Они обязательно должны были бы объявиться.

Он замолчал, задумался. Талбо вернул его к действительности.

— Я не знаю, Виктор. Честное слово, не знаю. Однако сейчас меня беспокоит не это.

— Ах да. Верно. Прости, Ларри. Продолжай. Ты с ними встретился...

— С человеком по имени Деметр. Мне кажется, тут прячется ответ. В его имени. Тогда мне это в голову не пришло. Деметр... Когда-то в Кливленде, много лет назад, я знал одного владельца цветочной лавки с таким же именем. А потом я заинтересовался этим вопросом и выяснил, что так звали богиню земли в греческой мифологии... Ничего общего. По крайней мере, так мне кажется.

Мы с ним поговорили. Он понял, в чем заключается моя проблема, и сказал, что возьмется за ее решение. Но потребовал, чтобы я конкретизировал, чтобы абсолютно точно сформулировал, что хочу от него получить — для заключения контракта. Одному Богу известно, как Деметр собирался претворить его в жизнь, однако я уверен, что он смог бы это сделать — у него было окно, Виктор, оно выходило на...

Виктор отбросил сигарету прямо в кроваво-черный Дунай.

— Ларри, что ты несешь?

У Талбо слова застряли в горле. Виктор был прав.

— Я на тебя рассчитываю, Виктор. Боюсь, моя обычная уверенность в себе несколько поколеблена.

— Да ладно, не переживай так. Рассказывай дальше, а там посмотрим. Успокойся.

Талбо кивнул, ему стало легче.

— Я описал суть проблемы. Мне для этого понадобилось всего пять слов.

Он засунул руку в карман пальто и вытащил сложенный листок бумаги. Протянул своему собеседнику. Виктор развернул листок и в тусклом свете фонаря прочитал:

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ КООРДИНАТЫ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ МОЕЙ ДУШИ

Виктор почти сразу понял смысл фразы, но еще долго продолжал смотреть на две строчки, написанные печатными буквами. Когда он протянул листок Талбо, у него на лице появилось новое выражение.

— Ты не хочешь сдаваться, так ведь, Ларри?

— А как насчет твоего отца?

— Да... — Лицо человека, которого Талбо называл Виктором, погрустнело. — И знаешь, — сухо добавил он после короткой паузы, — отец находится в состоянии кататонии вот уже шестнадцать лет, потому что не хотел сдаваться. — Он снова замолчал. А потом тихо сказал: — Всегда полезно знать, когда следует сдаться, Ларри. Это часто имеет смысл. Иногда нужно просто взять и оставить проблему в покое.

Талбо тихонько фыркнул:

— Тебе легко так говорить, старина. Ты же когда-нибудь умрешь.

— А это уже нечестно, Ларри.

— В таком случае помоги мне, черт побери! Я еще ни разу не подходил так близко к решению моей проблемы. Теперь ты мне нужен. У тебя есть специальные знания.

— А ты думал о «ЗМ», или «Ренд», или даже «Дженерал Дайнемикс»? У них там работают отличные парни.

— Иди к черту.

— Ладно. Извини. Дай-ка мне немного подумать.

Баржа с трупами плыла по невидимой воде — безмолвная, окутанная туманом, без Харона, без Стикса, всего лишь обычная общественная служба;

баржа с мусором незаконченных предложений, невыполненных поручений, несбывшихся мечтаний. Если не считать этих двоих, что плыли вместе с ней, обсуждая свои проблемы, груз судна уже давно оставил позади решения и обязательства.

А потом очень тихо, обращаясь скорее к самому себе, чем к Талбо, Виктор сказал:

— Можно сделать это при помощи микротелеметрии. Либо посредством прямого применения технологии микроминиатюризации или уменьшения сервомеханизма, включающего в себя сенсоры дистанционного управления и само исполнительное устройство. Ввести в кровеносную систему при помощи солевого раствора. Отключить тебя при помощи «русского сна» и подсоединиться к чувствительным нервным окончаниям, чтобы ты почувствовал или смог контролировать устройство, точно находясь там... сознательный перенос точки зрения.

Талбо выжидающе посмотрел на него.

— Впрочем, нет, — сказал Виктор. — Ничего не выйдет.

Он продолжал думать. Талбо засунул руку в карман его пальто и вытащил пачку «Собрания». Закурил и продолжал молча ждать. С Виктором всегда так. Он должен отыскать путь в лабиринте.

— Может быть, биотехнический эквивалент: созданный искусственно микроорганизм или личинка... инъекция... установить телепатическую связь... Нет. Слишком много недостатков: возможно возникновение нового эго или конфликта контроля. Изменение восприятия. Может быть, ввести какое-нибудь существо, которое станет размножаться... Нет. Не выйдет.

Талбо курил, загадочный восточный дым обволакивал его легкие.

— А как насчет... ну, скажем, только в качестве гипотезы, — проговорил Виктор, — предположим, это в определенной степени находится в каждом сперматозоиде — такая идея уже проверялась. Развить сознание в одной клетке и отправить ее на выполнение... забудь, метафизическая чушь. О проклятье,

проклятье, проклятье... это нужно хорошенько обдумать, потребуется время, Ларри. Уезжай, дай мне возможность как следует поразмыслить. Я с тобой свяжусь.

Талбо погасил сигарету о борт баржи и выпустил последнюю струю дыма.

— Ладно, Виктор. Насколько я понимаю, моя задача так тебя заинтересовала, что ты готов ею заняться.

— Я ученый, Ларри. Следовательно, я попался. И был бы полнейшим идиотом, если бы этого не произошло. Это относится напрямую... к тому, что мой отец...

— Понимаю. Я уеду. И подожду.

Баржа безмолвно продвигалась вперед — один искал решение новой задачи, другой размышлял над своими проблемами. На прощание они обнялись.

На следующее утро Талбо улетел домой и ждал много ночей, но, когда в небе сияла полная луна, он знал, что молиться о помощи бесполезно. Молитвы только мутят воду. И гневят богов.

Когда зазвонил телефон и Талбо взял трубку, он уже знал, что означает этот звонок. Пока он ждал вестей от Виктора, каждый раз, когда просыпался телефон, Талбо чувствовал, что это не Виктор.

— Мистер Талбо? «Вестерн Юнион». У нас телеграмма для вас из Чехо-Словакии.

— Прочитайте, пожалуйста.

— Она очень короткая, сэр. В телеграмме говорится: «Приезжай немедленно. След найден». И подпись: «Виктор».

Талбо отправился в путь через час после получения телеграммы. С тех пор как он вернулся из Будапешта, самолет стоял наготове — полные баки, разработанный маршрут. Вот уже семьдесят два дня возле двери томился собранный заранее чемодан, паспорт с визами лежал во внутреннем кармане пиджака. Когда Талбо покинул свою квартиру, в ней еще некоторое время ощущалось его присутствие.

Полет показался Талбо бесконечным, он знал, что самолет находится в воздухе дольше, чем необходимо.

На таможенном контроле, даже несмотря на самую высокую правительственную поддержку (все эти бумаги были просто шедеврами фальшивок) и взятки, Талбо решил, что три мелких служащих с великолепными усами являются настоящими садистами и получают истинное удовольствие, издеваясь над ним; они наслаждались своей, пусть и короткой, зато надежной властью.

Сказать, что наземный транспорт был медленным, значит ничего не сказать. Талбо подумал о Человеке из патоки, который не может бежать, пока не согреется, а когда согреется, становится слишком слабым и мягким, чтобы бегать.

И неудивительно, совсем как в самой страшной главе дешевого готического романа, именно в тот момент, когда древнее такси находилось в нескольких милях от цели, в горах неожиданно разразилась яростная электрическая буря. Гроза возникла на крутой горной дороге, разорвав черное, словно разверстая могила, небо и закрыв собой горизонт.

Водитель, неразговорчивый человек, чей акцент указывал на то, что он родился в Сербии, удерживал огромный автомобиль на середине дороги с упорством участника родео.

— Мистер Талбо.

— Да?

— Гроза усиливается. Повернуть назад?

— Сколько нам еще осталось?

— Около семи километров.

В этот момент фары высветили небольшое дерево, которое буря вырвала с корнем и бросила прямо на машину. Водитель резко крутанул руль и нажал на педаль газа. Голые ветки застучали по крыше — точно ногти царапнули по школьной доске. Талбо поймал себя на том, что затаил дыхание. Смерть его не страшила, но вся ситуация была такой пугающей, что лишала способности здраво размышлять.

— Мне нужно там быть.

— Тогда поедем дальше. Не беспокойтесь.

Талбо откинулся на сиденье. Он видел в зеркало заднего вида, что серб улыбается. Вдруг почувствовав себя в полной безопасности, Талбо посмотрел в окно. Темноту разрывали вспышки молнии, а окружающий пейзаж принимал зловещие, тревожные очертания.

Наконец они прибыли к месту назначения.

Лаборатория — нелепый современный куб, белоснежный на фоне зловещего базальта гор — устроилась над дорогой, изрытой колеями. Они несколько часов поднимались в горы, и теперь над ними выселились Карпаты, словно хищники, выжидающие подходящего момента, чтобы напасть.

Водитель с трудом справился с последними полутора милями, ведущими к зданию лаборатории: теперь мимо проносились мутные потоки воды, которая тащила за собой ветки и всякую грязь.

Виктор уже ждал гостя. Не тратя времени на длинные приветствия, он велел одному из своих помощников взять у Талбо чемодан, а сам повел его в подвальный этаж лаборатории, где несколько техников проворно исполняли свои обязанности, курсируя между огромными контрольными панелями и громадным зеркальным стеклом, подвешенным на тросе к потолку.

Атмосфера была наэлектризована напряженным ожиданием; Талбо чувствовал это в острых, коротких взглядах, которые бросали на него техники, в том, как Виктор, вцепившись в рукав его пальто, тянул за собой, в наводящей ужас готовности приборов необычного вида — они напомнили Талбо лошадей перед стартом, — вокруг которых сновали мужчины и женщины. Глядя на Виктора, Талбо понял, что вот-вот в этой лаборатории родится что-то новое и совершенно замечательное. Возможно, наконец, после страшного, бесконечно долгого ожидания в этой комнате со стенами, выложенными белой плиткой, он обретет мир.

Виктор был не в силах молчать, слова сами рвались наружу.

— Последняя проверка, — сказал он, показывая на двух женщин возле совершенно одинаковых приборов, установленных друг против друга у стен, между которыми висело зеркальное стекло. Талбо решил, что приборы напоминают ему невероятно сложные лазерные проекторы. Женщины медленно раскачивали их вправо и влево на универсальных шарнирах, тихонько жужжали какие-то устройства. Виктор дал Талбо время разглядеть приборы повнимательнее, а затем пояснил:

— Это не лазеры. Гразеры*. Обрати на них внимание, они наполовину обеспечат решение твоей проблемы.

Техники направили приборы на стекло и кивнули друг другу. Одна из женщин, та, что постарше — ей было около пятидесяти, — позвала Виктора:

— Все готово, доктор.

Виктор махнул рукой, показывая, что понял ее, и снова повернулся к Талбо:

— Мы бы и раньше справились, если бы не гроза. Продолжается уже неделю. Нам она не страшна, только вот случайная молния ударила в главный трансформатор. В течение нескольких дней пришлось обходиться запасным, на то, чтобы снова набрать необходимую мощность, ушло время.

В стене, справа от Талбо, начала открываться дверь — очень медленно, точно она была необыкновенно тяжелой, а тот, кто с ней сражался, совсем обессилел. Желтая, покрытая эмалью дощечка на двери сообщала большими черными буквами по-французски:

ВХОДИТЬ ТОЛЬКО С ЛИЧНЫМИ
КОНТРОЛЬНЫМИ ПРИБОРАМИ

* Гразер — устройство для получения когерентного гамма-излучения, аналог лазера. Название образовано сокращением английских слов «усиление гамма-излучения при помощи вынужденного излучения» (gamma rays amplification by stimulated emission of radiation). (Примеч. ред.)

Дверь наконец полностью раскрылась, и Талбо увидел предупредительную надпись на другой стороне:

ОСТОРОЖНО, РАДИАЦИЯ!

Под словами красовался трехрукий треугольный знак. Талбо подумал об Отце, Сыне и Святом Духе. По совершенно необъяснимой причине.

А потом заметил надпись внизу и понял, что причина все-таки имелась.

НЕ ОТКРЫВАТЬ ЭТУ ДВЕРЬ БОЛЕЕ ЧЕМ НА ТРИДЦАТЬ СЕКУНД

Внимание Талбо было одновременно сосредоточено на двери и Викторе. Он сказал:

— Мне кажется, ты обеспокоен этой грозой.

— Не обеспокоен, — ответил Виктор. — Просто стараюсь проявить осторожность. Она никоим образом не может помешать проведению эксперимента, если только не произойдет еще одного прямого попадания молнии, в чем я очень сильно сомневаюсь — мы предприняли особые меры предосторожности на этот счет, — однако мне совсем не хотелось бы, чтобы у нас возникли проблемы с напряжением во время снимка.

— Снимка?

— Послушай, я тебе сейчас все объясню. Я должен это сделать, чтобы твой малыш обладал знанием. — Виктор улыбнулся, увидев, что Талбо ничего не понимает. — Не беспокойся.

В дверь вошла пожилая женщина в лабораторном халате и остановилась справа и позади Талбо, явно дожидаясь, когда они закончат разговаривать, чтобы обратиться к Виктору.

Виктор посмотрел на нее:

— Да, Надя?

Талбо тоже взглянул на женщину. И внутри у него все сжалось, словно там выпал кислотный дождь.

— Вчера мы потратили немало сил на определение причины горизонтальной нестабильности поля, — сказала она тихо, невыразительно, словно читала страницу отчета. — Связанные с этим отклонения луча помешали успешному получению копии. — Восемьдесят, не меньше. Серые глаза утонули в складках морщинистой кожи цвета печеночного паштета. — Днем ускоритель был отключен для проведения ремонтных работ. — Высохшая, уставшая, согнутая, слишком много костей для этого кожного мешка. — Главный излучатель в С48 был заменен частью вакуумной камеры. — Талбо испытал невыносимую боль. Им завладели мучительные воспоминания, темные полчища муравьев вгрызались в мягкое, податливое, беззащитное вещество его мозга. — Два часа лучевого времени потерялись во время ночной смены, потому что в зале переключения не сработал соленоид в новом вакуумном клапане.

— Мама?.. — хрипло прошептал Талбо.

Женщина вздрогнула, обернулась, и ее глаза пепельного цвета широко раскрылись.

— Виктор, — промолвила она, в голосе звучал ужас.

Талбо стоял, не шевелясь, и Виктор сильно сжал его руку.

— Спасибо, Надя, отправляйтесь к целевой станции В и запустите вторичные лучи. Немедленно.

Женщина проковыляла мимо и быстро скрылась за другой дверью в стене, которую открыла для нее одна из более молодых женщин-техников.

Талбо со слезами на глазах смотрел ей вслед.

— О Господи, Виктор. Это была...

— Нет, Ларри, нет.

— Господи спаси меня, это была она! Но как, Виктор, скажи, как такое может быть?

Виктор повернулся к Талбо и приподнял его подбородок свободной рукой.

— Посмотри на меня, Ларри. Проклятье, я сказал: посмотри на меня. Это была не она. Ты ошибся.

В последний раз Лоуренс Талбо плакал, когда проснулся под кустом гортензии в ботаническом

саду, расположенному неподалеку от Художественного музея в Миннеаполисе; рядом с ним лежало нечто неподвижное и покрытое кровью. У себя под ногтями он обнаружил запекшуюся кровь, грязь и кожу. Именно тогда он узнал о наручниках и о том, что может освободиться от них, только когда его сознание находится в определенном состоянии. Сейчас ему снова захотелось плакать. Снова. У него была причина.

— Подожди-ка минутку, — сказал Виктор. — Ларри, ты меня подождешь? Я вернусь очень быстро.

Талбо ждал его возвращения, а волны наполненных болью воспоминаний окатывали душу. В этот момент в дальнем конце комнаты в стену скользнула дверь, и появилась голова еще одного техника в белом халате. Талбо увидел массивные приборы и машины, расставленные в огромном помещении за этой дверью: титановые электроды, конусы из нержавеющей стали. Ему показалось, что он узнал ускоритель протонов Кокрофта-Уолтона*.

Виктор вернулся со стаканом какой-то молочно-белой жидкости. Протянул стакан Талбо.

— Виктор... — позвал его техник из дальней двери.

— Выпей это, — велел Виктор Талбо, а потом повернулся к технику.

— Мы готовы.

Виктор махнул ему рукой и сказал:

— Еще минут десять, Карл, а потом включай первую фазу и дай нам знать.

Техник кивнул и исчез в огромном помещении; дверь скользнула на место, скрыв от всех остальных впечатляющее помещение, набитое сложным оборудованием.

— А это было другой частью мистического, магического решения твоей проблемы, — улыбаясь,

* Кокрофт Джон Дуглас — английский физик, создал в 1932 г. совместно с Уолтоном первый ускоритель протонов. Уолтон Эрнест Томас Синтон — ирландский физик, в 1951 г. получил Нобелевскую премию совместно с Кокрофтом.

проговорил физик. Теперь он был ужасно похож на гордого отца.

— А что я сейчас выпил?

— Успокоительное. Мне твои галлюцинации совершенно ни к чему.

— Это не было галлюцинацией. Как ее зовут?

— Надя. Ошибаешься: ты никогда раньше не видел этой женщины. Разве я солгал тебе хоть раз? Сколько лет мы знаем друг друга? Мне нужно твое доверие, если ты хочешь, чтобы у нас все получилось.

— Ладно, я в порядке.

Молочно-белая жидкость уже начала делать свое дело. Руки Талбо больше не дрожали, лицо снова приобрело нормальный цвет.

Неожиданно Виктор стал очень серьезным — учений, которому некогда тратить время на всякие пустяки, а следует сообщить важную информацию.

— Вот и хорошо. На какое-то мгновение мне показалось, что я зря потратил столько сил на подготовку... Ну, — снова мимолетная улыбка коснулась его губ, — знаешь, я вдруг решил, что никто не придет на вечеринку, к которой я так тщательно готовился.

Талбо тихонько хихикнул и пошел вслед за Виктором в угол, к телевизионным мониторам, установленным на убирающихся в стену полках.

— Так вот, выслушай краткое объяснение того, что мы собираемся сделать.

Ученый по очереди включил все двенадцать мониторов, на которых были изображены тускло блестящие, массивные приборы и установки.

На мониторе №1 можно было разглядеть бесконечный подземный туннель с абсолютно белыми стенами. Большую часть своего двухмесячного ожидания Талбо потратил на чтение; теперь он знал, что туннель — «прямая беговая дорожка» главного кольца ускорителя элементарных частиц. Гигантские магниты, надежно закрепленные в своих бетонных колыбелях, чуть заметно светились в полумраке.

На мониторе № 2 был изображен туннель с линейным ускорителем.

На мониторе № 3 Талбо увидел предварительный ускоритель Кокрофта—Уолтона.

Монитор № 4 показывал главный ускоритель, а на мониторе № 5 изображался зал переключений изнутри. Мониторы от № 6 до № 9 следили за основными экспериментальными зонами установки.

Оставшиеся три монитора показывали, что происходит в подземных исследовательских лабораториях, а на последний было выведено изображение главного зала, где стоял и смотрел на двенадцать экранов Талбо... на двенадцатом мониторе стоял Талбо и смотрел на двенадцатый...

Виктор выключил экраны.

— Что ты видел?

Но Талбо был в состоянии думать только о старой женщине по имени Надя. Не может быть.

— Ларри! Что ты видел?

— Мне кажется, — заговорил Талбо, — я видел ускоритель частиц. Такой же большой, что и протонный синхротрон ЦЕРН в Женеве.

На Виктора его слова произвели впечатление.

— А ты, оказывается, кое-что почитал.

— Мне это принесло огромную пользу.

— Ну-ну, давай-ка посмотрим, смогу ли я произвести на тебя впечатление. Ускоритель ЦЕРН достигает мощности до 33 ГэВ; машины, расположенные под нами, могут выдавать мощность, которая равняется 15 ГэВ.

— «Гига» — значит миллиард.

— А ты и в самом деле немало прочитал! Пятнадцать миллиардов электрон-вольт. От тебя невозможно ничего скрыть, не так ли, Ларри?

— Кроме одной вещи.

Виктор ждал, что он скажет.

— Ты сможешь справиться с моей проблемой?

— Да. Метеорологи утверждают, что гроза пройдет практически над нами. У нас есть целый час, этого вполне достаточно для завершения опасной части эксперимента.

— Скажи, ты можешь это сделать?

— Да, Ларри. Я не люблю повторять одно и то же по несколько раз. — В голосе Виктора не звучало никаких сомнений, ничего похожего на «да, но», которые Талбо много раз слышал раньше. Виктор сумел найти решение задачи.

— Извини. Я волнуюсь. Если мы готовы, зачем ты мне все это рассказываешь?

Виктор хитро улыбнулся и процитировал:

— Как ваш волшебник, я намерен предпринять опасное и технически необъяснимое путешествие в высшие слои стратосферы — чтобы посоветоваться и вообще пообщаться со своими коллегами волшебниками*.

— Остановись! — Талбо умоляюще вскинул вверх руки.

— Ладно. Слушай внимательно. Если бы в этом не было необходимости, я не стал бы тебе ничего объяснять; поверь, нет ничего тоскливее, чем слушать собственный голос, читающий лекцию. Но твой малыш должен владеть всеми теми знаниями, которыми владеешь ты. Итак, слушай. Начинаются скучные, но весьма информативные объяснения.

ЦЕРН — *Conseil Europeen pour la Recherche Nucleaire*** — обосновался в Женеве неподалеку от Большой Машины. Голландия потеряла выгодный заказ: всем известно, что в долинах отвратительно кормят. Небольшая деталь, но весьма существенная.

Восточное отделение ЦЕРН — *Conseil de l'Europe de l'Est pour la Recherche Nucleaire* — ВЦЕРН, было вынуждено избрать это отдаленное место высоко в Карпатах (а не в куда более гостеприимных городах вроде Клужа в Румынии, Будапешта в Венгрии или Гданьска в Польше) только потому, что оно нравилось Виктору — другу Талбо. На ЦЕРН работали Дал, Видероэ, Говард, Адамс и Рейк; зато у ВЦЕРН

* Цитата из «Волшебника страны Оз» Л. Ф. Баума. (Примеч. ред.)

** Европейский совет по ядерным исследованиям (фр.).

был Виктор. Одно уравновешивало другое. Он имел право заказывать музыку.

Поэтому лаборатория была построена строго в соответствии с пожеланиями Виктора, а ускоритель частиц оказался мощнее того, которым располагали ученые ЦЕРН, и даже превосходил четырехмильное кольцо ускорителя в Национальной лаборатории Ферми в Батавии. На самом деле это был самый крупный и совершенный синхрофазotron в мире.

Только семьдесят процентов экспериментов, проводящихся в подземной лаборатории, производилось по заказу ВЦЕРН, который финансировал ее деятельность. Сто процентов всего персонала комплекса были преданы Виктору, а не ВЦЕРН и Восточному блоку, не философиям и догмам... а человеку. Так что судьбу почти трети всех экспериментов, проводимых на кольце ускорителя с диаметром в шестнадцать миль, решал лично Виктор. Если ВЦЕРН об этом и знал — а им было бы весьма непросто получить подобную информацию, — никаких возражений не поступало. Семьдесят процентов плодов, которые приносил им гений, — намного лучше, чем ничего.

Если бы Талбо стало раньше известно о том, что Виктор занялся исследованиями в области природы структуры элементарных частиц, он не стал бы тратить время, связываясь с разными псевдоучеными, потратившими годы на изучение его проблемы и обещавшими все, но не сумевшими добиться ничего. До тех пор пока «Консультационная служба» не указала путь — тот самый, которым он следовал ранее, в каждом возможном направлении, за исключением одного, где смешивались тени и материя, реальность и фантазия, — до тех пор он просто не нуждался в экзотических талантах Виктора. Пока ВЦЕРН купался в лучах уверенности, что их собственный гений помогает им находиться на переднем крае современной физики, Виктор готовился подарить старому другу смерть. Сейчас он рассказывал, каким образом

Лоуренс Талбо сможет отыскать свою душу, как именно он сумеет проникнуть в собственное тело.

— Решение твоей проблемы состоит из двух частей. Во-первых, мы создадим идеальное изображение, которое будет в сто тысяч или в миллион раз меньше оригинала. Во-вторых, мы должны будем оживить его, превратить образ в нечто телесное, материальное; нечто существующее на самом деле. Твоя миниатюрная копия будет обладать всем тем, чем владеешь сейчас, всеми своими воспоминаниями и знаниями.

У Талбо улучшилось настроение. Молочно-белая жидкость успокоила разбушевавшиеся воды его памяти. Он улыбнулся и сказал:

— Я рад, что проблема оказалась простой.

Виктор погрустнел:

— На следующей неделе я намерен изобрести паровой двигатель. Будь посерьезнее, Ларри.

— А всему виной коктейль из Леты, которым ты меня напоил.

Виктор поджал губы, и Ларри понял, что нужно срочно взять себя в руки.

— Извини, продолжай.

Виктор поколебался несколько мгновений, справился с легким чувством вины.

— Первая часть проблемы решается при помощи наших новых гразеров. Мы сделаем твою голограмму при помощи волны, рожденной не электронами атома, а ядром... эта волна в миллион раз короче и у нее гораздо большая разрешающая способность, чем у лазерной волны. — Он подошел к огромному зеркальному стеклу, висящему в самом центре лаборатории; новые гразеры были направлены в самый его центр. — Иди сюда.

Талбо послушно за ним последовал.

— Это голографическая пластина, по-моему, всего лишь лист фотографического стекла, разве я не прав?

— Частично прав, — ответил Виктор, коснувшись рукой десятифутовой квадратной пластины.

Он приложил палец к крошечному пятнышку в самом центре стекла, и Талбо наклонился, чтобы получше рассмотреть то, на что показывает Виктор, но ничего сначала не увидел, лишь через несколько мгновений заметил едва различимую рябь; а когда приблизил к ней лицо, разглядел тонкий муаровый рисунок, словно его глазам предстал изысканныйшелковый шарф.

Тогда он снова повернулся к Виктору.

— Микроголографическая пластина, — пояснил Виктор. — Меньше чипа*. Именно в него мы и заключим твой дух, только уменьшенный в миллионы раз. Он станет размером с клетку или с одно из крошечных кровяных телец.

Талбо фыркнул.

— Прекрати, — устало проговорил Виктор. — Ты перебрал, и в этом моя вина. Давай начинать. К тому времени как мы будем готовы, ты придешь в норму... Надеюсь, твой двойник получится трезвым.

Его раздели догола и поставили перед фотографической пластиной. Та из женщин-техников, что была постарше, направила на него гразер. Талбо услышал тихий щелчок и решил, что это включился какой-то прибор, а потом Виктор сказал:

— Ну хорошо, Ларри, вот и все.

Талбо не сводил с них глаз, он ждал продолжения.

— Все?

Техников, казалось, обрадовала и развеселила его реакция.

— Готово, — повторил Виктор.

Все произошло так быстро, что Талбо даже не заметил, как излучатель сделал свое дело.

— Это все? — еще раз спросил он.

Виктор засмеялся. А потом его смех заразил и всех остальных в лаборатории. Техники цеплялись за приборы, по щекам Виктора текли слезы; вокруг

---

* Полупроводниковый кристаллик с интегральной схемой.

Талбо бушевало всеобщее веселье, а он стоял возле крошечного неровного пятнышка на стекле и чувствовал себя умственно отсталым.

— Готово? — снова беспомощно произнес он.

Прошло довольно много времени, прежде чем люди успокоились, и Виктор отвел Талбо в сторону от огромного стекла.

— Дело сделано, Ларри, и мы можем продолжать. Ты замерз?

Обнаженное тело Талбо было покрыто пятнышками мурашек, словно причудливым рисунком. Кто-то из техников принес ему одежду. Он стоял и просто наблюдал. Теперь он уже больше не находился в центре внимания.

Все смотрели на другой граzer и крошечное переливающееся пятно голографической пластины. На несколько мгновений напряжение отпустило участников эксперимента; сейчас на лицах опять появилось сосредоточенное, напряженное внимание. Виктор надел на голову наушники, и Талбо услышал, как он сказал:

— Хорошо, Карл. Включайте на полную мощность.

Почти мгновенно лабораторию наполнил шум заработавших генераторов. У Талбо вдруг заболели зубы. Звук нарастал, превратился в невыносимый вой, а потом перешел за порог слышимости.

Виктор махнул рукой своей помощнице — той, что находилась у усилителя, установленного за стеклянной пластиной. Она быстро наклонилась к окуляру проектора и включила прибор. Талбо не увидел никакого луча, зато услышал тот же тихий щелчок, что и прежде, затем раздалось негромкое гудение, и там, где он стоял несколько мгновений назад, в воздухе повисла голограмма, изображавшая обнаженного Ларри Талбо в полный рост.

Он вопросительно посмотрел на Виктора. Тот кивнул, и Талбо приблизился к призраку, попытался его коснуться, но рука прошла насквозь, подошел поближе, заглянул в карие глаза, заметил поры на

носу — даже зеркало не давало такого точного изображения. Его передернуло, точно кто-то коснулся души ледяной рукой.

Виктор разговаривал с тремя техниками-мужчина-ми, а через несколько минут они занялись изучением голограммы с помощью чувствительных приборов, оценивающих степень четкости и сложности призрачного образа. Талбо наблюдал, зачарованный и напуганный. Ему казалось, что он вот-вот отправится в самое главное путешествие своей жизни; путешествие, добраться до конечной цели которого он так мечтал.

Один из техников махнул Виктору рукой.

— Чисто, — сказал он Талбо. А потом, повернувшись к девушке-технику, стоявшей возле второго усилителя, скомандовал: — Ладно, Яна, убирай его отсюда.

Девушка включила двигатель, проектор развернулся на резиновых колесах и откатился в сторону. Талбо стало немного грустно: его копия, обнаженная и беззащитная, задрожала и растаяла, будто утренний туман, исчезла в тот самый момент, когда девушка выключила проектор.

— Отлично, Карл, — говорил в это время Виктор, — теперь давайте стойку. Уменьшай отверстие и жди сигнала. — Потом, повернувшись к Талбо, он пояснил: — А вот и твой крошечный двойник, приятель.

Талбо почувствовал, что возрождается.

Другая женщина-техник вкатила стальную стойку высотой в четыре фута и поставила ее в самом центре лаборатории — таким образом, что крошечная, блестящая игла, расположенная на верхней части стойки, касалась легкой зыби на стекле. Это и была самая важная стадия эксперимента. Создание голографического изображения в полный рост обеспечивало точность воспроизведения. Сейчас же наступил момент рождения живого существа, Лоуренса Талбо, обнаженного, размером с малюсенькую клетку, обладающего сознанием, опытом, воспоминаниями и желаниями настоящего Талбо.

— Карл, ты готов? — спросил Виктор.

Талбо не услышал ответа, но Виктор кивнул, словно прислушивался к чему-то.

— Отлично, убирайте луч! — скомандовал он.

Все произошло так быстро, что Талбо почти ничего не заметил.

Микропионовый луч состоял из частиц в миллионы раз меньше, чем протон, чем夸克, меньше, чем мюон или даже пион. Виктор назвал эти частицы микропионами. В стене появилось отверстие, из которого вырвался луч, прошел сквозь голограммическую рябь в стекле и снова исчез, когда отверстие в стене закрылось.

Все это заняло миллиардную долю секунды.

— Готово, — объявил Виктор.

— Я ничего не вижу, — сказал Талбо и тут же понял, каким дураком, вероятно, кажется этим людям. Естественно, он ничего не видел. Потому что видеть было нечего... невооруженным глазом.

— Он... он там?

— Ты там, — поправил его Виктор.

Ученый махнул рукой одному из лаборантов, который стоял у стены возле стеллажа с инструментами и приборами в коробках, и тот поспешил к нему с небольшим, аккуратным микроскопом в руках. Он каким-то непонятным Талбо образом прикрепил микроскоп к верхней части стойки, а потом отошел в сторону.

— Вторая часть твоей проблемы решена, Ларри, — сказал Виктор. — Иди, взгляни на Лоуренса Талбо.

Лоуренс Талбо подошел к микроскопу, настроил его таким образом, чтобы была видна блестящая поверхность крошечной иглы, и увидел себя, уменьшенного до невероятных размеров.

Он смотрел сам на себя. Он себя узнал, хотя видел только огромный карий глаз циклопа, взирающий на него с поверхности гладкого стеклянного спутника, заслонившего небеса Лоуренса Талбо.

Он помахал рукои. лаз моргнул.
«Начинается», — подумал Талбо.

Лоуренс Талбо стоял у края огромного кратера, являвшегося пупком Лоуренса Талбо. Заглянул в бездонную пропасть, где останки пуповины образовывали петли и бугры, гладкие, исчезающие в непроглядном мраке. Он стоял, приготовившись начать спуск, и вдруг ощутил запах собственного тела. Сначала пот, а потом и те запахи, что поднимались изнутри: аромат пенициллина, словно ты кусаешь фольгу больным зубом; меловой дух аспирина защекотал волоски в носу, будто озорник решил помахать в воздухе тряпкой, которой только что вытирали классную доску; вонь гниющей еды, переваренной и уже превращающейся в отходы. Все эти запахи, словно симфония черных тонов, рождались в его теле.

Талбо уселся на круглый край пупка и скользнул вперед. Перескочил через какой-то выступ, пролетел несколько футов, снова заскользил, уносясь в темноту. Падал он совсем недолго и наконец наткнулся на мягкую, податливую, немного пружинящую поверхность, где был перевязан пупок. Темноту на дне пропасти неожиданно разрезал ослепительный луч света. Прикрыв глаза ладонью, Талбо посмотрел вверх, на небо. Там, ярче, чем тысяча сверхновых, сияло солнце. Виктор передвинул хирургическую лампу, чтобы помочь ему. Пока у него еще была такая возможность.

Талбо заметил, как за светом движется какая-то огромная тень, ему вдруг показалось, что он обязательно должен разгадать, что же это такое. И на мгновение, прежде чем зажмуриться от невыносимо яркого сияния, он понял, что это было. Кто-то наблюдал за ним, глядя из-за хирургической лампы, нависшей над спящим на операционном столе обнаженным телом Лоуренса Талбо.

Это была та пожилая женщина — Надя.

Он долго неподвижно стоял, думая о ней.

Потом опустился на колени и пощупал материал, которым был устлан пол шахты пупка.

Ему показалось, что он чувствует какое-то движение под поверхностью — так течет вода под тонким слоем льда. Тогда он улегся на живот и, прикрыв ладонями глаза, прижался лицом к мертвой плоти. Возникло ощущение, что он смотрит через слюду. Трепещущая мембрана, сквозь которую виднелся заросший просвет пупочной вены. Никакого входного отверстия. Талбо прижал ладони к упругой поверхности, и она слегка поддалась, но не более того. Чтобы отыскать сокровище, ему придется идти по карте Деметра — теперь она навеки запечателась в его памяти — и проделать немалое расстояние, но сначала необходимо отыскать возможность проникнуть в собственное тело.

Однако у него не было никаких инструментов, которые помогли бы ему это сделать.

Талбо, одиноко стоящего у врат собственного тела, вдруг охватила ярость. Вся его жизнь состояла из страданий, чувства вины и ужаса, явившихся результатом событий, над которыми он был не властен. Пентаграммы, полная луна и кровь; ни одной унции лишнего веса из-за жесткой диеты: пища, богатая протеинами; кровь лучше, чем у любого другого здорового индивида мужского пола, триглицериды и холестерин всегда сбалансированы в лучшем виде. И смерть — вечный незнакомец.

Ярость переполняла Талбо. Он услышал невнятный стон, упал лицом вниз и начал рвать атрофированвшуюся пуповину зубами — он не раз использовал их для аналогичных целей. Сквозь кровавую пелену он все же понимал, что рвет собственное тело, но в данный момент это показалось ему вполне приемлемым самобичеванием.

Посторонний — да, он был посторонним всю свою сознательную жизнь, но теперь гнев поможет ему больше не оставаться снаружи. С демоническим упорством вырывал он все новые куски плоти, пока мембрана наконец не поддалась — образовалось отверстие, сквозь которое он мог войти в себя...

Талбо был ослеплен вспышкой света, порывом ветра — это высвободилось нечто, прятавшееся под

покровами кожи и ждавшее своего часа, и в одно короткое мгновение перед тем, как нырнуть в небытие, он понял, что Кастанеда устами Дона Хуана говорил правду: толстый пучок белых паутинообразных волокон, с золотыми блестками, пронизанных нитями света, вырвался из сросшейся вены, поднялся вдоль ствола шахты в сторону безукоризненно чистого неба.

Метафизическая, невидимая цветоножка уходила вверх, поднималась все выше, в то время как у Талбо закрылись глаза и он соскользнул в черноту.

Он полз на животе по просвету потока из центра, где брали свое начало вены, идущие сквозь амниотическую оболочку к зародышу, — продвигался вперед, подобно разведчику по вражеской территории, используя локти и колени, словно лягушка, открывал головой сплющившийся туннель ровно на столько, чтобы можно было пробираться дальше. Света было вполне достаточно: внутреннюю часть мира, который назывался Лоуренс Талбо, заливало золотистое сияние.

Карта вывела его из узкого туннеля по нижней полой вене к правому предсердию, а затем через правый желудочек сердца, легочные артерии, клапаны к левой стороне сердца (левое предсердие, левый желудочек) и аортам — три коронарные артерии над клапанами — и вниз по дуге — обходя сонную и другие артерии — к сплетению артерий брюшной полости, откуда они разбегаются в самые разные стороны: к желудку и двенадцатиперстной кишке, к печени и селезенке. А потом по диафрагме он опустится к поджелудочной железе. И там, среди островков Лангерганса по координатам, которые получил в «Консультационной службе», найдет то, что украли у него однажды, в страшную ночь полнолуния, много лет назад. И отыскав это, обеспечив себя вечным сном, а не просто физической смертью от серебряной пули, он остановит свое сердце — как именно, ему еще пока неизвестно, но он обязательно это узнает —

и тогда Лоуренсу Талбо, который стал тем, что он сейчас созерцает, придет конец. Там, в хвосте поджелудочной железы, питаемой кровью из селезеночной артерии, спрятано величайшее сокровище. Дороже дублонов, пряностей и шелка, дороже масляных ламп, в которые заточал джиннов Соломон... там его ждет последний и сладкий вечный мир, освобождение от чудовищного уродства.

Талбо прополз сквозь последние несколько футов слизшейся вены, и его голова оказалась в открытом пространстве. Он висел вверх ногами в пещере с темно-оранжевыми стенами.

Тогда он высвободил руки и уперся ими в потолок пещеры — только так ему удалось вытащить все остальное тело из туннеля. Он рухнул вниз, пытаясь в последний момент повернуться, чтобы основной удар пришелся в плечо, однако что-то больно полоснуло его по шее.

Он немного полежал, дожидаясь, пока прояснится в голове, потом встал и зашагал вперед. Пещера выходила на небольшой карниз. Талбо взглянул на раскинувшийся перед ним ландшафт. Скелет какого-то странного существа, лишь отдаленно напоминающего человека, скорчившись лежал у стены. Талбо не хотелось приближаться к нему, не хотелось рассматривать повнимательнее. Он оглядел мир мертвых оранжевых скал — местность была настолько неровной и пересеченной, что напоминала вид на лобную долю мозга, извлеченного из черепа.

Небо было светло-желтым, ярким и ласковым. Огромный каньон его тела, лишенный горизонта, казалось, представлял из себя бесконечное скопление раскрошившегося камня, умершего вот уже многие века назад. Поискив немного, Талбо нашел подходящий спуск с карниза и отправился в путь.

Здесь была вода, благодаря этому он мог жить. По всей вероятности, в этой сухой и мертвой стране дождь шел гораздо чаще, чем можно было предположить. Талбо не дано было следить за течением

дней или месяцев, потому что тут не существовало ни дня, ни ночи — всегда одно и то же ровное, великолепное золотое сияние, — но ему казалось, что путешествие вниз по центральному хребту оранжевых гор заняло почти шесть месяцев. За это время дождь шел сорок восемь раз — примерно дважды в неделю. После каждого дождя купели повсюду наполнялись водой для крещения, и очень скоро Талбо обнаружил, что, если пятки его обнаженных ног остаются мокрыми, он может идти долго, не чувствуя усталости. Если он и ел, то не помнил, что и как часто.

И нигде не встретил никаких признаков жизни.

Кроме одиноких скелетов, лежащих у оранжевых стен. Часто у них не хватало черепа.

Наконец Талбо удалось найти перевал через хребет. Теперь он спускался к подножию гор по более пологим склонам, снова поднимался вверх по узким, извилистым тропинкам, которые уходили все выше и выше к пышущему жаром небу. Добравшись до вершины, он обнаружил, что спуск с противоположной стороны будет несложным. Талбо быстро продвигался к цели; оставалось всего несколько дней.

По дороге в долину он услышал, как поет какая-то птица. Талбо пошел на ее голос и оказался у кратера с магматической породой — довольно большого, прятавшегося между поросшими травой склонами. Он наткнулся на него случайно и, поднявшись, вскоре уже стоял у края вулкана и заглядывал вниз.

Кратер превратился в озеро. От озера поднимался резкий неприятный запах, какой-то печальный. Птица продолжала петь; но Талбо не видел ее в золотом небе у себя над головой. Его затошило от вони, испускаемой озером.

Тогда он уселся на край кратера и принял смотреть вниз, неожиданно сообразив, что озеро наполнено мертвыми существами, плавающими там вверх брюхом; пурпурные и голубые, совсем как задушенные дети, гниющие, белесые, они медленно кружились,

переворачивались, качались в подернутой легкой зыбью воде; у них не было конечностей, не было лиц. Он спустился к ближайшему выступу вулканической скалы и стал разглядывать мертвые существа.

К нему что-то поплыло. Он отодвинулся. Тогда оно поплыло быстрее, выбралось на поверхность у стены кратера, продолжая распевать свою песенку сойки, подобралось к останкам какого-то существа и вырвало из тела кусок гниющей плоти. А потом задержалось всего на одно мгновение, чтобы напомнить Талбо, кто является властелином этой территории.

Как и сам Талбо, эта рыба не желала умирать.

Талбо долго сидел на краю кратера, глядя вниз на озеро, на мертвые мечты, которые качались на волнах, словно червивая свинина в сером бульоне.

Через некоторое время он пошел прочь от кратера и озера, снова пустился в путь. Он плакал.

Когда Талбо наконец добрался до берега панкрайского моря, он обнаружил там множество вешей, которые потерял или отдал еще в детстве. Нашел деревянный пулемет на треноге — пулемет был грязно-зеленого цвета и вонял тра-та-та, стоило только дернуть за деревянную ручку. Отыскался и набор игрушечных солдатиков — целых две армии, одна прусская, а другая французская, ее возглавлял миниатюрный Наполеон Бонапарт. Микроскоп, слайды, чашки Петри и множество химикатов в симпатичных бутылочках с одинаковыми этикетками. Бутылка с монетками. Тряпичная кукла, что надевают на руку, — у нее была голова обезьяны, а на перчатке лаком для ногтей подписано имя «Роско». Шагомер; красивая картинка с изображением экзотической птички, причем ее сделали из настоящих перьев; трубка из стержня кукурузного початка. Целая коробка призов: картонный набор детектива с порошком для снятия отпечатков пальцев, невидимыми чернилами и списком секретных кодов; кольцо, к которому было прикреплено нечто,

напоминающее пластиковую бомбу, — когда он оторвал красное донышко от бомбы и прикрыл ее ладонями, то в самой глубине увидел крошечные вспышки; фарфоровая кружка с изображением девочки и собаки; значок для расшифровки секретных сообщений, в центре красного пластмассового круга красовалось зажигательное стекло.

Однако тут было не все.

Талбо не помнил, чего не хватало, но твердо знал, что это очень важный предмет. Так же точно он знал, что ему просто необходимо открыть секрет окутанной мраком фигуры, которая прошла мимо хирургической лампы, когда он находился у края пупка. То, что пропало, имело для него огромное значение.

Он забрался в лодку, найденную у берега панкрайтического моря, и сложил все свои находки в водонепроницаемый ящик под одним из сидений. Вытащил большой, формой напоминающий собор радиоприемник и положил на сиденье рядом с уключиной.

А потом столкнул лодку в алые воды, измазав щиколотки и икры, а когда вода поднялась выше колен, забрался в лодку и направился в сторону островов. То, что пропало, имело для него огромное значение.

Когда на горизонте появились острова, ветер стих. Глядя на кровавое море, Талбо спокойно дрейфовал — он попал в точку с координатами 38 градусов 54 минуты северной широты и 77 градусов 00 минут 13 секунд западной долготы.

Он попил из моря, и его затошнило. Поиграл с игрушками из водонепроницаемого ящика. Слушал радио: передачу про очень толстого мужчину, который занимался тем, что разгадывал разные убийства, потом инсценировку «Женщины в окне», где главные роли исполняли Эдвард Г. Робинсон и Джоан Бенетт; историю, начавшуюся на большом железнодорожном

вокзале, загадочные приключения одного богача, который умел становиться невидимым, затуманивая сознание окружающих его людей; с удовольствием выслушал драму с напряженным сюжетом, которую рассказал человек по имени Эрнест Чэппел —proto, как группа людей спустилась в батискафе в горнодобывающую шахту, затем еще ниже, а через пять миль на них напали птеродактили. Потом пришло время новостей в изложении Грэма Макнами. В самом конце программы незабываемый голос Макнами сообщил своим слушателям о курьезном случае, который мог оказаться интересным для всех:

«Дата и место: Огайо, двадцать четвертое сентября, 1973 год. Марта Нельсон провела в больнице для умственно отсталых девяносто восемь лет. Сейчас ей сто два года, ее поместили в государственное заведение этого типа недалеко от Ориента, что в штате Огайо, двадцать пятого июня 1875 года. Личное дело и медицинская карта Марты Нельсон погибли во время пожара примерно в 1883 году, и никто не может сказать наверняка, почему она попала в это заведение. Раньше оно называлось “Колумбийский государственный институт для слабоумных”. “У нее не было ни малейшего шанса”, — сказал доктор А. З. Софоренко, назначенный директором два месяца назад. Еще он заявил, что эта женщина, по всей видимости, стала жертвой “евгенической тревоги”, которая, по словам доктора, была весьма распространенным явлением в конце девятнадцатого века. В то время было принято считать, что, раз люди созданы “по образу и подобию Бога”, все умственно неполноценные существа воплощают в себе зло или есть порождение самого дьявола, поскольку не являются цельными человеческими личностями. “Тогда, — продолжал доктор Софоренко, — верили, что, если извлечь такое неполноценное существо из общества и поместить его в специальное учреждение, грязь не запятнает остальных. Вероятно, эта женщина и стала одной из жертв подобного образа мышления. Никому не ведомо, была ли она на самом деле умственно отсталой;

ее жизнь прошла зря. Для своего возраста она ведет себя вполне разумно. У нее нет родственников, и в течение последних семидесяти восьми или даже восьмидесяти лет она общалась только с персоналом нашего заведения».

Талбо молча сидел в своей маленькой лодочке, на мачте печально, словно забытое украшение, повис парус.

— Талбо, с тех пор как я забрался в тебя, мне довелось плакать больше, чем за всю предыдущую жизнь, — сказал он, продолжая плакать.

Мысли о Марте Нельсон, женщине, про которую он никогда в жизни не слышал, про которую никогда и не узнал бы, если бы случайно, случайно, случайно, не услышал совершенно случайно, — мысли о ней металлись у него в сознании, точно ледяной вихрь.

Поднялся холодный ветер, наполнил парус, лодка больше не дрейфовала, ее несло прямо к берегу ближайшего острова. Совершенно случайно.

Талбо стоял там, где на карте, сделанной Деметром, было обозначено местонахождение его души. Несколько безумных мгновений он хихикал, сообразив, что предполагал найти здесь огромный мальтийский крест или «х» капитана Кидда — хоть какой-нибудь знак, чтобы понять наверняка, что попал туда, куда нужно. Но тут был только мягкий зеленый песок, совсем как детская присыпка, который ветер поднимал и, придавая ему самые причудливые формы, уносил в кроваво-красное панкреатическое море. Нужное Талбо место находилось между линией прилива и огромным строением, напоминающим Бедлам*, которое господствовало над всем островом.

Талбо еще раз посмотрел на крепость, возвышавшуюся в самом центре крошечного островка, — квадратная, словно вырубленная из цельного куска чудовищной черной скалы, она, может быть, возникла в результате какой-нибудь естественной катастрофы. Здесь не было ни одного окна, никаких дверей — по

---

* Психиатрическая больница в Лондоне.

крайней мере, Талбо их не видел, хотя и мог обозревать две стены строения. Ему это не понравилось. Темный бог правил пустым королевством. Он подумал о рыбе, которая не желала умирать, и вспомнил идею Ницше о том, что боги умирают тогда, когда в них перестают верить.

Талбо опустился на песок, вспомнив, как несколько месяцев назад так же точно упал на колени, чтобы разорвать плоть пуповины, и принял копать мягкую легкую пыль.

Чем больше он копал, тем быстрее песок заполнял песчаную ямку. Талбо встал в самый ее центр, расставил ноги пошире и стал выбрасывать грязь назад, совсем как собака, ищащая кость.

Когда его пальцы коснулись края ящика, он сломал ноготь и вскрикнул от боли.

Потом расчистил песок вокруг ящика и просунул под него свои кровоточащие пальцы, чтобы ухватиться получше. С силой потянул и вытащил ящик наружу.

Отнес на берег и уселся на песок.

Это был самый обычный ящик. Простой, деревянный, похожий на старинную шкатулку для сигар, только побольше размером. Талбо долго вертел его в руках и совсем не был удивлен, когда не обнаружил ни зловещих иероглифов, ни оккультных знаков. Это сокровище не такого рода. А потом он снова перевернул ящик и открыл крышку. Внутри находилась его душа. Талбо вовсе не эту вещь предполагал найти в ящике. Но ведь именно этого предмета не хватало среди его сокровищ.

Зажав находку в кулаке, он прошел мимо ямки, которая быстро заполнялась зеленым песком, в сторону бастиона в самом центре островка.

Мы будем скитаться мыслью
И в конце скитаний придем
Туда, откуда мы вышли,
И увидим свой край впервые*.

T. C. Элиот

* «Четыре квартета», перевод А. Сергеева.

Оказавшись внутри, в задумчивом сумраке крепости — и обнаружив, что войти сюда оказалось гораздо проще, чем он предполагал (дурной признак!), — Талбо понял: идти можно только вниз, другого пути нет. Сырые, черные ступеньки кривой лестницы неумолимо уходили вглубь, внутрь строения, ниже уровня панкреатического моря — крутые ступеньки, отполированные тысячами ног, что прошли тут за бесконечные годы, пролетевшие с тех самых времен, когда проснулась человеческая память. Было темно, и все же Талбо видел, куда идет. Он не стал задумываться над тем, как такое может быть.

По дороге ему не встретилось ни комнат, ни залов, но у самого дна строения он увидел дверь в конце большого зала. Дверь была сделана из переплетенных железных прутьев, таких же черных и сырых, как и камни крепости. Сквозь прутья Талбо рассмотрел нечто бледное и неподвижное в дальнем углу... скорее всего камеры. На двери не было замка.

Он коснулся ее рукой, и она распахнулась.

Тот, кто жил в этой камере, никогда не пытался открыть дверь; или попытался, но в конце концов решил остаться здесь.

Талбо двинулся в сторону густого мрака.

После долгого молчания он наклонился и помог ей встать на ноги — все равно что взял в руки мешок с увядшими цветами, хрупкими, в ореоле мертвого воздуха, лишенного даже тени воспоминаний о сладостном аромате. Поднял ее на руки и понес.

— Закрой глаза, Марта, а то они заболят от слишком яркого света, — сказал он и принялся подниматься вверх по бесконечной лестнице, к золотому небу.

Лоуренс Талбо сидел на операционном столе. Он разлепил веки и посмотрел на Виктора. Улыбнулся какой-то странной, мягкой улыбкой. Впервые за годы их дружбы Виктор увидел, что страдание покинуло лицо Талбо.

— Все прошло хорошо?

Талбо кивнул.

Они посмотрели друг на друга и ухмыльнулись.

— Как у тебя обстоят дела с криоконсервацией? — спросил Талбо.

Брови Виктора удивленно полезли вверх.

— Хочешь, чтобы я тебя заморозил? Я думал, ты мечтал добиться более определенного, постоянного результата... ну, скажем, серебро.

— В этом нет необходимости.

Талбо огляделся по сторонам. И увидел, что она стоит у дальней стены возле одного из газеров. Она со страхом смотрела на него. Талбо улыбнулся, и на одно короткое мгновение она снова стала юной девушкой. А потом отвернулась. Он взял ее за руку, и она подошла с ним к столу, к Виктору.

— Я был бы тебе крайне признателен, если бы ты мне объяснил, что здесь происходит, Ларри, — сказал физик.

И Талбо ему рассказал, рассказал все.

— Моя мать, Надя и Марта Нельсон — все они одно, — закончил Талбо, — зря прожитые жизни.

— А что в ящике? — спросил Виктор.

— Как ты относишься к символизму и космической иронии, друг мой?

— До сих пор мне вполне хватало Юнга и Фрейда, — ответил Виктор и улыбнулся.

Талбо крепко взял пожилую женщину за руку и сказал:

— Это был старый, ржавый значок с клоуном.

Виктор отвернулся. Когда он снова посмотрел на друга, тот улыбался.

— Это вовсе не космическая ирония, Ларри... это фарс, — сказал Виктор.

Он был зол и не скрывал этого.

Талбо молчал, давая возможность Виктору самому все понять.

Наконец тот сказал:

— Что, черт подери, это должно означать — невинность?

Талбо пожал плечами:

— Наверное, если бы я знал, то не потерял бы значок. Всего лишь значок, не более того. Маленький металлический кружочек размером в полтора дюйма, с булавкой. А на нем нарисовано косоглазое лицо, ярко оранжевые волосы, широкая улыбка, нос картошкой, веснушки — он именно таким и был. — Талбо помолчал немного, а потом добавил: — Мне кажется, это как раз то, что я искал.

— Теперь, найдя его, ты больше не хочешь умереть?

— Мне нет необходимости умирать.

— И я должен тебя заморозить?

— Нас обоих.

Виктор недоверчиво на него посмотрел:

— О Господи, Ларри!

Надя стояла молча, словно не слышала их разговора.

— Виктор, выслушай меня: там находится Марта Нельсон. Зря прожитая жизнь. А Надя находится здесь. Я не знаю, почему и каким образом это получилось, но... Еще одна зря прожитая жизнь. Я хочу, чтобы ты создал ее уменьшенный двойник, так же, как сделал мой, и послал внутрь. Он ее там ждет, он может все исправить, Виктор. И он все исправит в конце концов. Он будет с ней рядом, когда она вернет украденные годы. Он сможет стать — я смогу стать — ее отцом, пока она будет еще ребенком, потом другом, затем, когда она начнет взрослеть, приятелем, когда станет женщиной — поклонником, любовником, мужем, товарищем в старости. Разреши ей побывать теми женщинами, которыми ей не позволили быть, Виктор. Ты не имеешь права отнимать у нее этот шанс во второй раз. А когда все будет кончено, возникнет начало...

— Как, ради всего святого, черт подери, каким образом? Приди в себя, Ларри! Что значит вся эта метафизическая чепуха?

— Я не знаю как. Это существует, и все! Я там был, Виктор, я провел там несколько месяцев или лет, и я совсем не изменился, не превратился в волка; там нет Луны... нет ни дня, ни ночи, только

золотой свет и тепло. Я могу попытаться возместить ущерб. Я могу вернуть две жизни. Виктор, пожалуйста!

Физик молча посмотрел на него, затем перевел взгляд на пожилую женщину. Она улыбнулась ему, а потом непослушными, изуродованными артритом руками сняла одежду.

Когда она прошла сквозь заросшую протоку, ее ждал Талбо. Она казалась усталой, и он понял, что ей надо как следует отдохнуть, прежде чем они начнут трудный путь через оранжевые горы. Он помог ей спуститься на пол пещеры и уложил на мягкий бледно-желтый мох, который захватил с собой с островов Лангерганса, когда шел сюда вместе с Мартой Нельсон. Две пожилые женщины лежали рядом, Надя заснула почти мгновенно. А он стоял и смотрел в их лица.

Они были совершенно одинаковыми.

А потом Талбо подошел к уступу и взгляделся в хребты оранжевых гор. Скелеты его уже не пугали. Он почувствовал, что воздух внезапно похолодел, и понял, что Виктор приступил к криоконсервации.

Он еще долго так стоял, сжимая в кулаке левой руки маленький стальной значок с хитрым и одновременно простодушным лицом забавного существа, нарисованного при помощи всего лишь четырех ярких красок.

Через некоторое время он услышал, как внутри пещеры плачет ребенок, один ребенок, и тогда Талбо повернулся, чтобы снова пуститься в самое простое путешествие своей жизни.

А где-то отвратительная, дьявольская рыба неожиданно распластала жабры, перевернулась брюхом вверх и медленно погрузилась во мрак.

ВИДЕНИЕ

«Я прекрасно помню время, когда мысли о глазе заставляли меня холодеть».

Чарльз Дарвин, 1860 год

— Эй, Берни. Вон там. В дальней кабинке... видишь?

— Не сейчас. Я устал. И отдыхаю.

— Да ну тебя, Берни, ты только посмотри на нее.

— Гребби, если ты от меня не отвяжешься и не дашь мне спокойно надраться, я тебе череп раскрою.

— Ладно, будь по-твоему. Только они серо-голубые.

— Что?

— Да ничего, Берни. Ты же сказал «отвяжись», считай, что я и отвязался.

— Ну-ка повернись ко мне, приятель.

— Я выпиваю.

— Слушай, ты, придурок, мы целый день ищем...

— А теперь, когда я тебе что-то скажу, ты меня станешь слушать?

— Извини, Гребби. Ну хорошо, хорошо, так где она?

— Вон там. Видишь?

— В клетчатом джемпере?

— Нет, другая, сидит в тени, вон в той будке, за клетчатым джемпером. В пиджаке... подожди, сейчас свет на нее упадет... вот! Разглядел? Серо-голубые, как раз то, что нужно Доку.

— Гребби, а ты отличный охотник.

— Угу, точно.

— А теперь отвернись и перестань плятиться, а то еще заметит. Мы ее заполучим.

— Как Берни? Тут полно народа.

— Ну, уйдет же она когда-нибудь отсюда. Домой, например.

— И тут-то мы ее и схватим, верно, Берни?

— Гребби, угомонись, не мешай мне поддавать.

— О Господи, приятель, мы заживем, как короли, когда доставим их Доку.

— Гребби!

— Ладно, ладно, Берни. Какие у нее красивые глазки!

Издалека, постепенно приближаясь, наплыв и крупный план.

В фотообъективы судна Дальнего Следования по мере приближения корабля к Земле территории, окружающая дороги, посадочные полосы и самые разнообразные постройки и сооружения главного административного порта Северных Межзвездных Путешествий напоминали похожее на пышку лоскутное одеяло, сделанное руками какого-то безумца — таким невероятным было сочетание цветов. В самом центре круга как раз и располагался порт СМП, выстроенный из какого-то серого сплава, специальным способом обработанного, чтобы выстоять под жестокими ударами арктических ветров. Порт окружала нейтральная зона из белоснежного пластика, в ткань которого были вплетены тончайшие электрические нити. Ничто не могло пересечь этой мертввой зоны без специального разрешения. Маяк, установленный на лоскутном одеяле, испускал миллион вспышек в секунду, словно безмолвная Цирцея без конца заманивала гостей, приглашая их познать самые восхитительные удовольствия. Корабль опускается, опускается и, наконец, садится на свою посадочную полосу, а на его экранах пропадает изображение. И тогда туристы покидают борт судна Дальнего Следования, проходят по подземным кори-

дорам и попадают в административные здания, чтобы выполнить разнообразные формальности: заполнить документы, подвергнуться медицинской проверке и таможенному досмотру.

Дальше пассажиры и команды судов садятся в вагончики, по подземным рельсовым дорогам проезжают под нейтральной зоной и покидают территорию космопорта. Все бумаги подписаны; теперь забота о собственной безопасности снова ложится на плечи каждого, единственной защитой от окружающей действительности остаются микроскопические приспособления, встроенные в одежду. Очень скоро людей посадят в специально оборудованные клетки, которые поднимут их на поверхность.

Вот на экране снова появляется та же картинка. Похожая на разноцветную пышку территория за портовыми сооружениями предстает глазам новых гостей и тех, кто возвращается из далекого космоса. Территория плотно и без всякого плана застроена магазинами, гостиницами, пивными, развлекательными заведениями и ресторанами. Эти здания будто заброшены сюда ветром и расставлены вплотную друг к другу. А между ними, причудливо извиваясь, пролегли темные аллеи. Помойки Лондона и Гринвич-виллиджа в Нью-Йорке — до Кризиса — были именно такими, словно заросли голодных растений. Возле каждой двери стоял свой зазывала, который, безумно размахивая руками, приглашал, заманивал посетителей в открытую пасть зверя, дарующего непередаваемые радости. Особые приспособления испускали яркие лучи прямо в глаза прохожим, исследуя сетчатку и определяя скрытые желания. Психозонды не прерывно завывали, рекламируя свой товар с помощью подпороговых раздражителей и стараясь перекрыть сигнал соседа, наполняя воздух тайными и заманчивыми предложениями, особенно если в радиусе их действия оказывался турист с туго набитым кошельком. А под землей работало мощное оборудование, издавая время от времени тихие жалобные стоны — даже механические внутренности были не в состоянии справиться с поставленными перед ними

сложнейшими экономическими задачами. Толпы двигались, подчиняясь сложному, лишенному логике рисунку — сначала в одну сторону, потом в другую, следя за волнами психозонда, оказавшегося на мгновение сильнее остальных, или соблазнившись волнями зазывалы, расхваливающего свой товар во время возникшей на секунду паузы, или неожиданно подчиняясь воздействию других механических приспособлений, включенных на полную мощь.

Эти толпы состояли из праздношатающихся бездельников, охотников, уличных грабителей, мальчишек-карманников, проституток всех мастей, перекупщиков, шулеров, мелких воришек, хулиганов, наркоманов, бандитов, жуликов, мальчишек на побегушках, наводчиков, подставных лиц, подонков всех возрастов, красавчиков, громил, фальшивомонетчиков, инопланетян, представителей трехсот различных федераций, наемных убийц и, конечно же, наивных дурачков, мужланов, простаков и туристов, вполне созревших для того, чтобы стать жертвой мошенничества.

Следуя за одним из таких потоков, по аллее, названной Путь Кошелька, вы подойдете к круглой двери в зеленом одноэтажном здании. На вывеске красуется название «ЭЛЕГАНТ», выписанное яркими буквами. А войдя внутрь, вы поймете, что оказались в баре, где подают крепкие спиртные напитки.

Оглядев полутемное помещение бара, вы остановите взгляд на стойке, возле которой устроилась парочка парней; они обращают внимание только на то, что в состоянии оплатить их кредитные карты, и поглощают спиртное так, что бармен только и успевает молча наполнять быстро пустеющие стаканы. Бывалый посетитель наверняка сразу поймет, что это охотники: специалисты, занимающиеся обнаружением и доставкой тех частей человеческих тел, на которые в данный момент имеется спрос в Кнокс-шопах.

А оглядевшись повнимательнее, вы, может быть, заметите (в тот момент, когда вращающиеся световые шары под потолком бара выхватят из тени

дальнюю кабинку) невероятно привлекательную молодую женщину с серо-голубыми глазами. Видно, что она очень устала. Если же вам удастся взглянуть на нее вблизи, у вас на долгие мгновения перехватит дыхание, так прекрасна эта молодая женщина. А потом вы посмотрите ей в глаза... ее чудесные глаза.

Все это, все эти сказочные прелести, вы найдете в месте, которое называется Конецсвета.

Верна пыталась потопить воспоминания в стакане спиртного. От наркотиков ей становилось нехорошо, тошнило, а кроме того, они никогда не давали необходимого результата. Но стаканчик чиггера с ромом отлично справлялся с задачей... если, конечно, поглотить достаточное количество этой дряни. Пока она еще даже не начала приближаться к нужному уровню. Воспоминания об инопланетянине и о том, что ей пришлось делать, чтобы доставить ему удовольствие, все еще оставались с ней — держались на поверхности, как дермо. С тех пор как Верна покинула безопасный дом и решила полагаться только на себя, несчастья так и преследуют ее. А сегодня это отвратительное существо, этот слизняк из...

Верна не могла вспомнить названия планеты, откуда было родом это мерзкое существо. Там оно обитало в какой-то жиже, в состоянии, которое можно рассматривать благословением только с точки зрения тех, кто выращивает другие живые существа, чтобы потом употреблять в пищу.

Она заказала новую порцию спиртного и немного хлеба, собираясь макать его в густую жидкость. Желудок сжался от боли.

Должен же быть какой-то выход. Чтобы покончить с этой профессией, с нищетой и болью, которые являются отличительной чертой этой планеты, считавшейся самой богатой и могущественной. Верна заглянула в свою кружку и увидела ее содержимое совершенно новыми глазами.

Коричневая, похожая на суп густая жидкость, на ее поверхности то тут, то там возникают янтарные

точки. Верна представила себе, что это водоворот, который, вращаясь вокруг собственной оси, увлекает ее в глубину своего серебристого сияния, на самое дно, туда, где уже ничего нет... медленно, медленно вращаясь, вращаясь... глаз безумца. Воронка, наполненная живым, ослепительным ореолом, мерцающим холодным жаром, который устремляется против движения, изо всех сил рвется на поверхность кружки, где возникает едва заметное свечение, радужный блистающий купол.

Верна опустила хлеб в воронку и стала наблюдать, как та исчезает, разрывается, точно тончайшее кружево. Тогда Верна вытащила хлеб, пропитавшийся жидкостью, и оторвала кусочек своими ровными, белыми зубами — представив себе, что это плоть ее матери. Сидни, мать Верны, наделила девушку этим проклятьем, этими глазами. Они не позволяли ей увидеть мир таким, каков он есть, каким мог бы быть, каким бывает; потому что она видела его волшебными глазами, которые с тех пор, как ей исполнилось пять, каждый день наполняли ее жизнь ужасом. Сидни, ее мать, занималась тем же ремеслом, что и сама Верна, а раньше этим же промышляла и мать ее матери; Сидни зачала свою дочь от неизвестного, безымянного отца, одного из своих клиентов. Только вот он был наделен генами, наградившими ребенка глазами. Глазами вечности.

Верна изо всех сил старалась напиться, но у нее ничего не получалось. Еще хлеб, еще кружка, еще чиггер с ромом... Она продолжала сидеть в своей крошечной кабинке, твердо решив, что не вернется на аллеи. Вполне возможно, что инопланетянин ищет ее, собираясь затребовать полагающуюся ему долю мерзости иекса — ведь он заплатил деньги, может снова заставить пить напиток под названием «мушквош». Верна содрогнулась от отвращения; картинки, возникающие в ее мозгу благодаря глазам вечности, были яркими, никогда не исчезали, не покидали ее, не превращались в воспоминания.

Она проклинала свою мать и думала о том, что эта ночь, наверное, бесконечна.

Старая женщина, очень старая женщина, женщина старше любого родившегося в один с ней день человека, кивнула своим костюмерам. И они принялись прикрывать ее отвратительную наготу дорогими тканями. У нее были голубые волосы. Она не произнесла ни единого слова.

Теперь, когда ему удалось справиться с проблемой кровяного давления на волокна в задней доле головного мозга, он не сомневался, что пересаженные органы смогут превратить возникший в мозгу неопределенный образ окружающего мира во вполне осознанное понятие. Он, конечно же, не станет давать никаких гарантий на предмет того, сумеет ли реципиент справиться с потоком впечатлений, возникающих при столкновении с внешним миром во всем его многообразии — который становится во много раз сложнее, если смотреть на него трансплантированными глазами, подвергшимися мутациям, — но его клиентов вряд ли остановит отсутствие таких гарантий. Они устроили самую настоящую очередь. Как-то раз он сказал: «Обычный человеческий глаз в идеале способен различить десять миллионов оттенков цвета; после пересадки — десять миллиардов оттенков или даже более». Стоило ему произнести эти слова, как они попались. Они... она... готовы заплатить сколько угодно. А это как раз то, что нужно, чтобы убраться с этой проклятой планеты, из этой гниющей ямы, которая когда-то называлась Землей.

В одной из колоний Кендо-4, где жизнь легка и приятна, его ждет чудесная собственность. Он прибудет туда, как принц из заморской страны. И проживет оставшиеся ему годы в удовольствии и удобстве, станет уважаемым гражданином. И никогда больше не будет Кнокс-доктором, который вынужден выполнять отвратительную работу за огромные деньги, платить полиции и гангстерам, будто бы «защищающим» его.

Осталось сделать всего одну операцию. Нужна свеженькая парочка глаз для этой старой карги с голубыми волосами. Нужно сделать работу всего один, последний раз — и он свободен от мешающего свободно дышать страха, отчаяния и грязи! Он получит долгожданную свободу и отправится в колонию, где жизнь легка и беспечальна.

В Кнокс-шопе доктора Бrima стоял холод. Крошечные ванночки с питательным раствором необходимо было содержать при чрезвычайно низких температурах. Даже в своем утепленном комбинезоне доктор Brim замерзал.

А на Кендо-4 всегда тепло.

И охотников, вроде Гребби и Берни, на Кендо-4 нет. Там нет странных женщин и мужчин, и детей с сияющими глазами. И не будет еще не остывших тел, которые приносят к нему прямо из аллей, чтобы он расправился с ними, как мясник, разрубая на составные части. Там не будет ванночек с холодным питательным раствором, в котором плавает холодная плоть. Ни грязи, ни позора, ни взяточ, ни страха.

Доктор Brim прислушался к тишине, царившей в операционной.

Ему показалось, что она наполнена чем-то иным, в ней не просто отсутствовали звуки. Тишина была какой-то чересчур глубокой, наполненной целым миром едва различимых шорохов, шепотов.

Он повернулся и посмотрел на ванночки в ходильнике. Сквозь легкий налет инея на прозрачной дверце можно было без особого труда разглядеть различные части тел, плавающие в питательном растворе. Рты, нервные узлы, конечности, все еще цепляющиеся за жизнь... Оттуда доносились какие-то звуки.

Доктор Brim слышал их и раньше.

Беззвучные голоса мертвых.

Беззубые рты произносили его имя: «Бrim, иди сюда, Brim, подойди к нам, посмотри на нас, поближе, чтобы мы могли с тобой поговорить, поближе, чтобы мы могли тебя коснуться, показать тебе, какой холод ждет тебя».

Он дрожал... конечно же, потому что в операционной очень холодно. «Сюда, Бrim, иди сюда, мы хотим тебе что-то сказать: мы поведаем тебе о мечтах, которые не сбылись из-за тебя, о желаниях и о прерванных жизнях. Позволь нам к тебе прикоснуться, доктор Brim».

Он стоял, покусывая нижнюю губу, усилием воли пытаясь заставить голоса смолкнуть. И они затихли, прекратили свои бессмысленные мольбы. Бессмысленные — потому что очень скоро придут Гребби и Берни и приведут сюда мужчину, или женщину, или ребенка с сияющими серо-голубыми глазами, и тогда он позвонит старой карте с голубыми волосами, а когда она прибудет в Кнокс-шоп, сделает операцию... и будет свободен.

Там всегда тепло и, естественно, всегда будет тихо — на Кендо-4.

Отрывок из жалобы, поданной в суд за клевету. Истец Кристабель Парсонс 26 против журнала «Ликвид», «Ликвид ньюсфакс пабликейшнс», совета директоров ЛНП и еще трехсот одиннадцати неназванных ответчиков.

Из статьи, напечатанной в журнале «Ликвид»:

«Ее зовут Кристабель Парсонс 26. Она является двадцать шестым директором Минэ. Эта женщина владеет баснословным состоянием, размещенным в трех федерациях, дома, принадлежащие ей, можно найти на ста пятидесяти восьми мирах, ее подданных не сосчитать, а власть безгранична. Она является одним из последних тиранов, которых принято называть маклерами власти.

Внешне Кристабель Парсонс напоминает добрую старенькую бабушку: морщинки вокруг глаз, не завитые голубые волосы, специальные протезы на ногах, помогающие при ходьбе. Но достаточно провести всего один час в обществе этой женщины, почувствовать ее магнетизм, жажду господства, природную силу... и становится очевидным ее дешевое фиглярство, притворство ради собственного развлечения.

Директор Минэ сбрасывает все свои маски и предстает перед вами в таком откровенном виде, в каком вы вряд ли захотели бы ее увидеть.

Безжалостная, беспринципная, абсолютно аморальная, утомленная сверх меры самыми разнообразными удовольствиями и развлечениями, которые в состоянии предоставить в ее распоряжение галактика, Кристабель Парсонс 26 намеревается прожить остаток жизни (сейчас ей сто десять лет, и врачи с О-Полинора, медицинской планеты, построенной и заселенной благодаря ее стараниям, пообещали ей еще по меньшей мере сто пятьдесят лет в обмен на вложения, о которых даже неприлично говорить вслух) в погоне за изысканными, экзотическими удовольствиями и развлечениями.

Журналу "Ликвид" удалось проникнуть в окружение директора во время Большого Тура Нити, совершенного совсем недавно (обратите внимание на таблицы в начале нашего обзора, они помогут вам привести в соответствие расположение планет относительно вашей собственной). За время, проведенное нашим корреспондентом среди окружения великой дамы, события происходили с такой головокружительной быстротой и в таком количестве, что мы находим невозможным перечислить их все в одном коротком обзоре. Из порта Рекойл, расположенного в одном конце Нити, до Земли, находящейся в другом — мы еще не получили самого свежего отчета нашего корреспондента, — удалось собрать множество абсолютно достоверных данных о происходящих там событиях, а также непосредственных наблюдений, которые мы предоставим нашим читателям в серии из одиннадцати статей, начиная с сегодняшней.

Сейчас директор Минэ и ее свита прибыли в СМП, причем им удалось очень ловко избежать контакта с представителями средств массовой информации. Журнал "Ликвид" с удовольствием сообщает вам, что, невзирая на непредвиденные обстоятельства, эксклюзивная серия репортажей нашего корреспондента относительно загадочных причин посещения директором Земли, впервые за шестьдесят лет, окажется

единственной, посвященной этой невероятной личности, которая появится в печати со времени восхождения на "престол" Кристабель Парсонс 26 и смерти ее предшественника.

Учитывая историю вмешательства в дела средств массовой информации и цензуру, имевшую место во всех предыдущих попытках рассказать общественности о делах Кристабель Парсонс 26, против преждевременной утечки имеющихся у нас сведений были предприняты меры предосторожности столь серьезные, сколь серьезен и сам предмет наших репортажей».

Примечание: комитет по расследованию известает, что десять следующих статей обещанной серии так и не были опубликованы. Встречный иск номер 1031.

Они едва успели вставить свои кредитные карточки в щель и выскочить вслед за ней на улицу. Девушка заплатила, когда кабинка, где она сидела, на одно короткое мгновение погрузилась в тень; а охотники осторожно посмотрели в ее сторону и увидели, что она уже встала из-за стола и спешит к выходу. Словно почувствовала преследование. Совершенно невероятно.

— Берни...

— Я ее вижу. Пошли.

— Ты думаешь, она поняла, что мы за ней охотимся?

Берни не стал тратить силы на ответ. Быстро заплатил за выпивку и бросился вслед за девушкой. Гребби замешкался всего на одну минутку, а потом присоединился к своему партнеру.

В аллее было совсем темно, но потоки кроваво-красного и зеленого света, словно море в ясный день, окатывали прохожих, изливаясь из радужной оболочки, прикрывающей вход в заведение на углу. Девушка повернула направо, покинула Путь Кошелька и начала прятываться сквозь толпу зевак, направляющихся к Боевому цирку Ярдли. Берни и

Гребби добрались до конца аллеи как раз в тот момент, когда девушка проскочила мимо рикш, и помчались за ней, ловко лавируя среди толпы. Они чувствовали, как под ногами пульсируют механизмы, дающие жизнь Конецсвету. Шуршание электрических цепей смешивалось с криками и лязгом оружия, которые доносились из цирка Ярдли.

Девушка шла очень быстро, а потом свернула с главной улицы. Гребби начал задыхаться, его короткие, толстые ножки отчаянно болели, тело, почти лишенное шеи, вытянулось вперед — он изо всех сил старался поспевать за Берни. Слева возник Проход Обжор; девушка миновала группу туристов из Хорта, украшенных кричащими орнаментами, и повернула в аллею.

— Берни, подожди...

Худощавый охотник даже не оглянулся на своего напарника. Он оттолкнул в сторону женщину-зазывалу, пытающуюся при помощи специальной электронной сети затащить его в свободный дом, и исчез в Проходе Обжор. Зазывала поймала Гребби.

— Барышня, пожалуйста... — взмолился Гребби, однако активные частицы в сети уже ухватились за него, наполнив кровь желанием погрузиться в радости, которые поджидали внутри дома. Зазывала потащила свою жертву к входу, но тут появился Берни, размахнулся и хорошенько ей врезал. Стасил сеть с Гребби, который, бессмысленно размахивая руками, направлялся к свободному дому, дал ему звонкую пощечину.

— Если бы ты не был мне нужен, чтобы тащить ее...

Верна остановилась, чтобы отдохнуться. В полу-мраке аллеи ее глаза слабо светились; сначала серый цвет, нежные пепельно-серые крыльышки мотылька... умирающий Египет; потом голубой, туманно-голубое свечение ртути в воде... губы трупа. Теперь, когда праздноболтающиеся зеваки остались далеко позади, схватить ее будет совсем не трудно.

Она не знала, куда идет. По правде говоря, когда особый дар видения, бесконечные воспоминания затопили ее разум, когда глаза привыкли к бесконеч-

ным вспышкам света, сменяющимся мгновениями мрака, в который погружался дешевый, грязный бар, она смогла увидеть...

Верна заставила себя выбросить эти мысли из головы. Самым отвратительным в даре видения было то, что увиденное никогда ее не покидало. Почти самым отвратительным.

...Когда Верна снова смогла видеть окружающее ясно и четко, она бросилась прочь из бара, как делала это каждый раз, оказываясь среди людей. Именно поэтому она и решила стать одной из немногих проституток, соглашавшихся обслуживать инопланетян. Гнусное занятие, но ей было проще находиться рядом с рыхлыми, влажными, скользкими существами с далеких планет, чем с мужчинами, женщинами и детьми, ведь она видела, как они...

Верна приказала себе не думать об этом, уже в который раз. Но эти мысли обязательно вернутся; они всегда возвращались — потому что никуда не уходили. Вот что самое плохое в видении.

«Да благословит тебя Бог, Матушка Сидни. Да благословит тебя Бог. Оставайся там, где ты есть. Где бы ты ни была; может, ты горишь в адском пламени рядышком с моим папашей — не знаю уж, кем он был». Эта и еще несколько таких же, созидающих ненавистью, мыслей помогали Верне жить.

Она пошла медленнее. Не обращая ни малейшего внимания на приглушенные жалобные мольбы, издаваемые какими-то кучами тряпья, прячущимися в темных закоулках аллеи. Отбросы человечества, которым уже нечего продать. Но ведь это не означало, что они не испытывают нужды.

Из мрака мусоропровода появилась рука, костлявые пальцы коснулись ноги Верны, сжались.

— Пожалуйста...

Слабый, чуть слышный голос, почти лишенный жизни, высохшие листья, похожие на конвульсивно сжимающийся кулак несчастного калеки.

— Заткнись! Отцепись от меня! — Верна споткнулась, не смогла сохранить равновесие и упала прямо на ухватившую ее костлявую руку. Послышался

сухой хруст, тихий стон — и изувеченная конечность скрылась в темноте мусоропровода.

Верна остановилась и принялась отчаянно вопить в пустоту, понося умирающее существо, скрывшееся среди отбросов:

— Оставь меня в покое! Я убью тебя, если ты от меня не отстанешь!

— Это она? — спросил Берни.

Гребби уже пришел в себя.

— Может быть.

Они бросились бежать по Проходу Обжор и увидели Верну в слабых отблесках огней, отражающихся от стен аллеи. Она топала ногами и выла.

— Похоже, с ней могут возникнуть проблемы, — проговорил Берни.

— Чокнутая, вот что я тебе скажу, — проворчал Гребби. — Давай врежем ей как следует, и все будет в порядке. Док ждет. Он ведь вполне мог послать и других охотников. Нельзя терять время, а то получится, что все зря...

— Помолчи-ка. Она тут такое устроила, что вот-вот появится полиция.

— Да, но...

Берни схватил его за рукав.

— А что, если она связана с какой-нибудь шайкой, ты, идиот?

Гребби промолчал.

Они прижались к стенке, наблюдая за девушкой, которая постепенно успокаивалась. Наконец она расплакалась и побрела дальше по аллее. Охотники тихонько последовали за ней, остановившись лишь затем, чтобы заглянуть в черную дыру мусоропровода. Сухой, тосклиwyй стон доносился откуда-то из глубины. Гребби передернуло.

Верна оказалась в поле действия ультразвуковых зазывал заведений, продающих наркотики, что выстроились по всей длине Проспекта Отваги. Они не произвели на нее никакого впечатления — наркотики никогда не привлекали Верну, у нее болел от них желудок, они только усиливали ее видение и никогда не помогали забыться. Она знала, что в конце концов

ей придется вернуться к своему занятию — найти еще одного клиента. Однако если слизняк-инопланетянин полагает...

Откуда-то появился фоксмартин в понcho и облегающем одеянии. Он потянулся к Верне, держась своими более короткими отростками за металлический поручень у тротуара, и что-то сказал ей. Она не поняла слов, но смысл был вполне ясен, и она улыбнулась, причем ей не было дела до того, как воспримет инопланетянин ее улыбку — посчитает проявлением дружелюбия или, наоборот, враждебности. А потом очень четко произнесла:

— Пятьдесят кредитов.

Фоксмартин засунул чахлую конечность в карман понcho и вытащил снимок на жидких кристаллах: изображение земной женщины и фоксмартина без защитного костюма. Верна бросила на него всего лишь один взгляд и быстро отвернулась. Перед ней стоял совсем другой фоксмартин, не тот, что был на снимке; похоже, это порнография. Она оттолкнула от лица кристаллы. Фоксмартин спрятал снимок в карман и что-то сердито проворчал.

— Сто пятьдесят кредитов, — сказала Верна, заставляя себя взглянуть на инопланетянина, хотя перед глазами у нее стояла мерзкая картинка — тошнотворные отростки на мягкой, темной коже женщины.

Фоксмартин спрятался в тени, пошарил в кармане и вытащил на свет кредиты.

Гребби и Берни наблюдали за происходящим из Прохода Обжор.

— Кажется, они договорились, — пробормотал Гребби. — И как только она может заниматься этим с таким страшилищем?

Берни молчал. Как люди вообще могут заниматься теми гнусностями, которыми они занимаются ради того, чтобы оставаться в живых? Просто занимаются, и все. Дело обстояло бы иначе, если бы можно было выбирать. Эта девушка похожа на него — она лишь делает то, что вынуждена. Берни не нравился толстяк Гребби. Но им можно было командовать, он с

готовностью принимал чужое превосходство, а это стоит немало.

Они пошли за девушкой с вечными глазами. Там временем взяла у инопланетянина кредиты и направилась в сторону толпы, прогуливающейся по Проспекту Отваги. Фоксмартин обвил талию Верны длинным щупальцем. Девушка не смотрела на своего спутника, но Берни показалось, что она вздрогнула. Впрочем, с такого расстояния трудно судить наверняка. Может быть, он и ошибся: эта штучка привыкла обслуживать всяких тварей.

Доктор Брим сидел в углу операционной, наблюдая за скрытым от всех остальных глаз движением жизни в Кнокс-шопе. Его взгляд перебегал с одного предмета на другой, потому что он видел, как невидимые пытаются дотянуться до него. Те, что лишены всего. Те, что живут в питательных растворах, и те, что стараются изо всех сил выбраться из мусорных контейнеров. Доктор Брим знал, что в глазах можно увидеть любовь и ненависть, и страх, а еще ему было известно, что глаза не смогут выразить никаких чувств, если им не помогут в этом лицевые мышцы. Но он чувствовал, что его глаза полны страха. Безмолвие, наполненное движением, движением жизни в холодной операционной.

Слизняк-инопланетянин поджидал Верну. Он появился из расположенного в подвале входа в какое-то заведение, двигаясь так ловко, так быстро, что Берни и Гребби застыли на месте, мгновенно забыв свой план зарезать фоксмартина, схватить девушку и постараться поскорее смыться с места происшествия. Он вытек из темноты и наполнил узкий проход влажными воплями ярости. Фоксмартин попытался втиснуться между инопланетянином и Верной; но слизняк поднялся, а потом обрушился на него. Раздался тошнотворный чавкающий звук, материя, из которой состоял фоксмартин, превратилась в мягкую бесфор-

менную массу, хрустнули кости, вытек костный мозг, во все стороны полетели куски плоти.

Когда слизняк соскользнул с останков фоксмартина, Верна закричала и метнулась прочь от маслянистого серого червя, направившегося прямо к ней. Берни принял отчаянно ругаться. Гребби бросился вперед.

— Что, черт подери, ты можешь тут сделать? — спросил Берни, схватив за руку своего напарника. — Мы ее упустили, вот проклятье!

Однако Верна бросилась прямо к ним, а слизняк вытянулся, стараясь заполнить собой проход, он струился за ней, точно приливная волна. Да, да, она видела... образ растоптанного, лишенного жизни существа... видела тысячи раз, словно одно зеркало отражалось в другом, а то — в третьем... и так до бесконечности, тень за спиной реальности... только она не знала, что все это значит... не хотела знать! Обслуживая инопланетян — каким бы извращенным и мерзким ни было это занятие, — она получала единственно доступную ей возможность сохранить рассудок, жить дальше, надеясь на то, что рано или поздно найдется выход, что она сможет покинуть Землю. Да, она знала, что фоксмартин умрет, но разве это имело какое-нибудь значение? Он ведь не человек — так, нечто, существо, которое, будь оно в здравом уме, ни за что не стало бы вступать в сексуальные отношения с человеком; ему это было необходимо, потому что люди каким-то там образом его возбуждали. А теперь она оказалась в ловушке...

Верна бросилась к Гребби и Берни, а слизняк продолжал неистовствовать, издавая возмущенные булькающие звуки. Он был в ярости, он рассвирепел, он продолжал тащиться за ней, волнуясь и раскачиваясь всем телом. Гребби сделал шаг вперед, Верна наскочила на него, и они оба отлетели к стене. Берни развернулся и бросился бежать в ту сторону, откуда они пришли. Громадная тень, слизняк-инопланетянин вдруг словно распух, стал в три раза больше, чем был до сих пор, и заполнил собой вход в аллею.

Берни увидел впереди свет и бросился к нему.

Неожиданно он почувствовал, как земля у него под ногами задрожала, что-то посыпалось в механизме внизу, какие-то части... В ушах раздался оглушительный вой, и он понял, что слышит его уже некоторое время. Вдруг ему показалось, что сама аллея тяжело вздохнула, его отбросило в сторону, лицом в расплавленное окно обретенного здания. Металлический тротуар всучился, Берни, отчаянно размахивая руками, наконец упал и сполз вниз по стене. Сидя на куче искореженного металла, не сводя глаз с входа в аллею, он вдруг увидел, что тело инопланетянина окутало голубое, а потом оранжевое сияние.

Верна лежала совсем рядом со слизняком, так что жар обжег ей ногу. Толстый маленький человечек, тот, с которым она столкнулась, остался где-то под ее врагом. Он умер. Покинул этот мир. Как и фокс-мартин.

А вот слизняк ревел от боли, рос прямо на глазах, становился все больше и чудовищнее, вот он уже добрался до окон второго этажа. Верна не понимала, что происходит. Слизняк взвыл еще отчаяннее, еще громче... Она почувствовала горький запах озона, горящего стекла, кипящей смазки, серы.

Слизняк-инопланетянин вспыхнул синим, потом оранжевым огнем, казалось, он светится изнутри... Затем сморщился, растекся, издал последний, чмокающий стон боли и сгорел. Верна на четвереньках отползла подальше, в сторону выхода из аллеи, света и ошеломленного человека, поднимающегося на ноги. Может быть, он ей поможет.

— Эта мерзкая штука убила Грэбби. Не знаю, что там произошло. Совершенно неожиданно все вокруг как будто взбесилось. Машины, расположенные под землей, всю ночь издавали странные звуки; похоже, возникла перегрузка, не знаю. А может быть, виновата та мерзкая тварь — какая-нибудь ее часть попала под плиты ограждения и повредила машину,

вот все и взорвалось. Мне кажется, она погибла, как на электрическом стуле... не знаю я. Но девица здесь, и у нее есть то, что вам нужно, а я хочу получить всю сумму — мою долю и долю Гребби!

— А ну-ка не кричи, подонок. Моя пациентка может прибыть в любой момент.

Верна лежала на операционном столе и наблюдала за ними. Видела их. Тени внутри теней внутри теней. Отражения. «Заплатите ему, доктор, — подумала она, — это не имеет никакого значения. Он скоро умрет. И вы тоже. А то, что произошло с Гребби, можно назвать удовольствием по сравнению с тем, что ждет вас. Да благословит тебя Бог, Сидни, оставайся там, где ты есть». Ей ничего не изменить, не залить спиртным возникающие перед глазами картишки, не забыться, погружаясь в вонючую плоть существ из других миров и с других звезд. Но через несколько минут, всего через несколько мгновений она освободится от своей тяжкой ноши; ей даруют мир, хотя они и сами об этом ничего еще не знают. «Заплатите ему, доктор, и давайте уже займемся делом».

— Неужели нужно было избивать ее?

— Я ее не избивал, черт вас подери! Ударил всего один разок, я всегда так делаю. Она не ранена. Вам же все равно нужны только глаза. Давайте платите!

Кнокс-доктор достал деньги из небольшого мешочка, висевшего на поясе комбинезона, отсчитал кредиты, количество которых удовлетворило охотника, и спросил, словно эта мысль пришла ему в самый последний момент — так ребенок пытается отыграть хотя бы одно очко уже после того, как он окончательно сдался:

— В таком случае почему она вся в крови?

— Отвали, док, — прорычал Берни и принял считать деньги. — Она пыталась сбежать от того червя. И падала раз двести. Я же говорил. Если вас не удовлетворяет товар, который я доставляю, поищите себе другого охотника. Ну-ка скажите мне, сколько еще охотников доставили бы вам парочку

серо-голубых глазок за такое короткое время? Стоило вам позвонить, и вы получили все, что хотели.

Доктор Брим не успел ответить на его вопрос. Радужная оболочка входа расширилась, и в Кнокс-шоп ввалились три громадных флоридца, быстро обошли операционную, проверили хранилище, офис, консультационный кабинет, мусорные контейнеры, а потом вернулись к радужной оболочке входа и с оружием в руках встали возле нее.

Брим и Берни молча за ними наблюдали, охотник, помимо воли, был восхищен их сноровкой и готовностью исполнить любой приказ. Они были представителями планеты с повышенной гравитацией, Берни однажды видел, как флоридаец пробил кулаком пластину из пластистила толщиной в два дюйма.

Один из инопланетян прошел сквозь радужную оболочку, что-то сказал — ни Берни, ни доктор не видели кому, — а потом снова вернулся в операционную. Прошло несколько мгновений, и стало слышно, как по проходу в Кнокс-шоп двигается группа людей.

Кристабель Парсонс 26 появилась в операционной, жестом отпустила телохранителей; остались лишь те трое, что вошли первыми. Затем она хлопнула руками по бедрам, активизировав механизм протезов, поддерживавших ее ноги. Она стояла, гордо выпрямившись, и оглядывалась по сторонам.

— Доктор, — сказала она, небрежно кивнув доктору Бриму вместо приветствия, а потом перевела взгляд на охотника.

— Здравствуйте, директор. Рад вас видеть. Надеюсь, вы найдете...

— Довольно! — Она смотрела на Берни. — Этот человек должен умереть?

Берни попытался что-то сказать, но Брим быстро, испуганно проговорил:

— Нет, нет, конечно же, нет. Этот джентльмен очень помог в том, чтобы привести наш план в исполнение. Он как раз собирался уходить.

— Да, я ухожу.

Старуха жестом подозвала одного из охранников, и флоридец схватил Берни за плечо. Охотник поморщился, хотя тяжеловес сейчас явно выступал в роли швейцара. Он потащил Берни в сторону радиальной оболочки; ни тот ни другой в операционную не вернулись.

— А присутствие этих... э-э, джентльменов необходимо, директор? — спросил доктор Брим. — Нам предстоит очень сложная операция, и они могут...

— Они будут помогать, — железным голосом проговорила Кристабель Парсонс 26.

Потом снова коснулась своих бедер, что-то там нажала, и протезы образовали вокруг ее высохших ног нечто, напоминающее паутину. После этого она прошла через операционную и приблизилась к Верне, неподвижно лежавшей на операционном столе. Брим удивился тому, что его клиентка не замечает холода, царящего в помещении: он по-прежнему дрожал в своем утепленном комбинезоне, она же была одета в полуупрозрачное одеяние из мерцающих перьев. Казалось, могущественная старуха не обращает ни малейшего внимания на холод Кнокс-шопа.

Кристабель Парсонс 26 подошла к Верне и заглянула девушке в лицо. Верна закрыла глаза. Директору Минэ не дано было узнать, почему девушка не могла на нее смотреть.

— Я обладаю исключительным качеством, дитя, качеством абсолютной честности. Если ты будешь вести себя хорошо, я сделаю все, чтобы ты ни на секунду не пожалела о случившемся.

Верна открыла глаза. Кристабель Парсонс 26 с шумом выдохнула.

Они были именно такими, как нужно. Серо-голубые, внутри клубится дивный, жутковатый туман, великолепные, потрясающие глаза.

— Что ты видишь? — спросила директор.

— Уставшую пожилую женщину, которая и сама не понимает, что больше всего на свете хочет только одного — умереть.

Охранники сделали шаг вперед. Кристабель Парсонс 26 жестом остановила их.

— Как раз наоборот, — сказала она, — я хочу жить, не только для себя... но и для тебя тоже. Можешь не сомневаться, если ты нам поможешь, получишь все, что пожелаешь.

Верна посмотрела на Кристабель Парсонс 26, уви-
дela ее и поняла, что старуха лжет. Вечные глаза всегда говорят правду. Эта древняя хищница хотела заполучить в свое владение все; она готова пожерт-
вовать ради этого всеми. Могла ли Верна уповать на доброту и сострадание с ее стороны? В самых не-
значительных количествах. Но если ты не можешь рассчитывать на жалость со стороны собственной матери, разве можно ждать чего-нибудь от чужого тебе человека?

— Я вам не верю.

— Тебе нужно только попросить. — Хищница улыб-
нулась.

На одно короткое мгновение. Выглядело это ужас-
но. Верна еще долго видела эту отвратительную гри-
масу.

— Я хочу получить билет на корабль Дальнего Следования.

— До какого места?

— До какого захочу.

Директор махнула рукой в сторону одного из охран-
ников.

— Доставьте ей миллион кредитов. Нет. Пять миллионов.

Телохранитель поспешил покинуть Кнокс-шоп.

— Пройдет всего несколько минут, и ты увидишь, что я умею держать свое слово, — сказала Кристабель Парсонс 26. — Я готова платить за удовольст-
вия.

— Вы хотели сказать, что готовы заплатить за мою боль.

Директор повернулась к доктору Бrimу:

— Ей будет больно?

— Почти нет. Должен признать, что главным об-
разом больно будет вам.

Он стоял, сцепив перед собой руки: ребенок, который боится обидеть могущественного взрослого.

— Ну а теперь расскажи мне, на что это похоже, — велела Кристабель Парсонс 26, и ее лицо осветилось волнением и ожиданием.

— Мутационный процесс еще не прошел всех стадий развития, директор. Явление довольно редко встречается... — Брим замолчал, потому что его посетительница метнула на него злобный взгляд.

Ее вопрос был адресован не ему.

Верна закрыла глаза и начала говорить. Она рассказала старухе о видении. О способности увидеть тенденции — так рыба в подземных пещерах видит изменение течения воды, так пчелы видят потоки ветра, а волки видят тепло, излучаемое человеческим телом, так летучие мыши видят стены пещер в абсолютной темноте. О способности видеть воспоминания, все, что когда-либо с тобой случилось, плохое и хорошее, прекрасное и отвратительное, то, что остается в памяти и что забывается, самые ранние и самые свежие события, все это возникает мгновенно, четко, с подробностями, все твое прошлое встает перед глазами — стоит тебе только пожелать. А еще Верна поведала Кристабель Парсонс 26 о красках, ощущениях населяющих воздух бактерий, о бесконечно незначительных нюансах строения дерева и камня, и металла, об исключительно сложных изменениях, происходящих вокруг, изменениях, которые не в состоянии уловить глаз обычного человека, например, о пламени зажженной свечи, о том, какого цвета бывает мороз и дождь, луна и артерии, пульсирующие под кожей человека; о немыслимом переплетении тонов и красок в отпечатках пальцев на кредитах, таких причудливых, что они напоминают картины старого художника Джексона Поллока. Верна рассказала, что видение дает возможность увидеть мир таким, каким его не видит ни один человек. Тени и связи, работу сложного механизма, коим является тело человека, день, переходящий в ночь, пространство между пространством внутри пространства,

которое составляет улицы, невидимые нити соединяющие людей...

Верна говорила о видении, она поведала старой хищнице почти обо всем. Кроме способности видеть всех, как в стробоскопе. Тени внутри теней, тени рядом с тенями, тени, создающие отвратительные, мучительные, страшные картины, которые ты не в силах больше переносить. Об этом она не говорила. Где-то примерно в середине повествования вернулся охранник и положил в карман ее платья пять миллионов кредитов.

Когда девушка замолчала, Кристабель Парсонс 26 повернулась к Кнокс-доктору:

— Я хочу, чтобы вы сохранили ей жизнь, причинив как можно меньше вреда. Вам следует позаботиться о ее благополучии в той же степени, как и о моем. Надеюсь, вы меня поняли?

Бrimu было явно не по себе. Он облизал губы, подобрался поближе к директору Минэ (не сводя при этом глаз с флоридцев, которые продолжали неподвижно занимать свои посты возле радужной оболочки входа):

— Могу я поговорить с вами наедине? — прошептал он.

— У меня нет секретов от этой девушки. Она готова наградить меня великим даром. Можете относиться к ней так, словно она моя дочь.

Доктор сжал зубы. В конце концов, это ведь его операционная! Он здесь главный, и не имеет никакого значения, что эта беспринципная старуха обладает неограниченной властью. Он в упор посмотрел на Кристабель Парсонс 26, но она не отвела и не опустила взгляда. Тогда он подошел к операционному столу, где лежала Верна — не в состоянии пошевелиться, парализованная держателем, вмонтированным в стол. Доктор опустил анестезионный купол к ее лицу, и легкий, белоснежный туман мгновенно заклубился в куполе.

— Должен сказать вам, директор, теперь она нас не слышит...

(Однако Верна была в состоянии видеть рисунок слов, оставляющих в воздухе след, так что она прекрасно поняла, что хотел сказать доктор Брим.)

— ...что пересадка мутировавших глаз по-прежнему считается нелегальным бизнесом. Если уж называть вещи своими именами, эти операции приравниваются к убийству; а учитывая, что деталей, необходимых для трансплантации, недостаточно, Медиком относит это преступление к разряду особо тяжких. За него полагается разрушительное воздействие на кору головного мозга. Позволив этой девушке остаться в живых, вы страшно рискуете. Даже человек, обладающий вашей властью, вряд ли будет чувствовать себя спокойно, зная, что подобное существо находится на свободе и угрожает вашему благополучию.

Директор Минэ по-прежнему не сводила с него глаз. И Брим почему-то подумал о ящерицах. А когда она прикрыла глаза всего на одно короткое мгновение, он представил себе покрытые пленкой, беспрерывно мигающие глаза пресмыкающегося.

— Доктор, девушка не доставит нам никаких не приятностей. Я хочу, чтобы она оставалась в живых до тех пор, пока я не пойму, что она больше не может меня ничему научить относительно того, как следует обращаться с глазами.

Брим был потрясен.

— Мне абсолютно наплевать на выражение вящего лица, доктор. Вы считаете, что я веду себя нечестно с этой крошкой, и тем не менее именно вы виноваты в том, что она попала в такое положение. Вы оторвали ее от любимых ею людей или места, где она хотела бы находиться, раздели догола, разложили на этом столе, точно это не человек, а кусок мяса, лишили возможности двигаться, подвергли воздействию анестезии; вы собираетесь лишить ее глаз, наградить радостями слепоты после того, как она всю свою жизнь владела даром, недоступным обычному человеку. И вы делаете все это не во имя науки, не ради процветания человечества, даже не из

любопытства — вы желаете получить за свою работу деньги. Я считаю, что выражение вашего лица, доктор, оскорбительно. И советую вам сделать все, что в ваших силах, чтобы изменить неблагоприятное впечатление, которое у меня о вас сложилось.

Брим побледнел и задрожал еще сильнее — в комнате явно становилось все холоднее. Он снова услышал голоса — его звали части человеческих тел, плавающие в ванночках с питательным раствором. Краем глаза он заметил какое-то движение.

— Я хочу только одного, доктор Брим, я хочу, чтобы вы дали мне гарантии, что все будет сделано идеально. Я не потерплю ничего другого. Мои телохранители получили соответствующие инструкции.

— Возможно, я являюсь единственным хирургом, способным сделать такую операцию и дать гарантии, что не возникнет никаких неприятных последствий. То, как вы станете обращаться с глазами после операции, уже не мое дело, дальше ситуация выходит из-под моего контроля.

— Результат будет мгновенным?

— Я вам это обещаю. Благодаря разработанной мной технологии, пересадка пройдет легко и без проблем.

— А если что-нибудь пойдет не так... вы сможете пересадить глаза вторично?

Брим колебался.

— Это достаточно сложно. Вы уже немолоды, существует определенный риск; но это можно сделать. И снова должен вам сказать, что вряд ли с такой операцией справится какой-нибудь другой хирург. Кроме того, она будет стоить очень дорого. Потому что потребуется новая пара здоровых глаз.

Кристабель Парсонс 26 одарила его еще одной из своих наводящих ужас улыбок.

— Кажется, вы считаете, что вам недостаточно заплатили, доктор Брим?

Он промолчал. Ответа и не требовалось.

Верна все это видела и поняла. Если бы она могла улыбнуться, она бы непременно это сделала; гораздо радостнее, чем директор Минэ. Стоит ей умереть — а девушка не сомневалась, что так и будет, — и придут покой и освобождение. А нет — ну что ж... Хуже жизни нет ничего.

Теперь они расхаживали по комнате. От стены отодвинули еще один операционный стол, подготовили, раздели Кристабель Парсонс 26, один из оставшихся телохранителей поднял ее, точно высохшую ветвь дерева, и положил на стол.

Верна увидела испускающее легкое свечение вибрирующее острье электронного скальпеля, приближающегося к своему лицу. Словно божественный перст, она благословила его, подумав в самое последнее мгновение о матери.

Кристабель Парсонс 26, единственная владелица нескольких миров, бесчисленного множества производств, целых народов, пресыщенная путешественница по вселенной, которая уже давно не представляла для нее ни малейшего интереса, открыла глаза.

Первым делом она увидела операционную, охранников у операционного стола, не сводящих с нее напряженных взглядов, доктора, помогающего одеться девушке возле другого операционного стола... там, где совсем недавно были глаза девушки, зияли черные дыры.

Снаружи послышался какой-то шум. Один из охранников повернулся к радужной оболочке входа, который по-прежнему оставался открытым.

Именно в этот момент ощущение нового видения накатило на директора Минэ. Свет, мрак, дым, тени, сияние, прозрачные покровы, сумрак, калейдоскоп цвета, оттенки — тонкие, изысканные, едва различимые, резкие, яркие, ослепительные, насыщенные, строгие, хрустальные... и все это сразу, в одно-единственное мгновение!

И кое-что еще. Гораздо важнее. О чем девушка не сказала, не выдала даже намеком, не хотела, чтобы она знала! Тени внутри теней!

Кристабель Парсонс 26 увидела флоридцев. Увидела их впервые. Теперь она знала, какими они будут в момент смерти. Словно ее глазам предстал множественный образ, увиденный через увеличительное стекло портрет. Сначала телесная оболочка, а потом — точно не имеющая границ аура, испускаемая ими и одновременно им навязанная, — тысячи картин из их будущего. И как они умрут, как будут выглядеть в смерти. Не само действие, не то, как все произойдет, а результат. Страшный, наводящий ужас результат насилия отнятой жизни. Жизни гниющей, тошнотворной, безмерно уродливой, безобразнее любой из картинок, рожденных воображением, потому что она увидела все это благодаря вечным глазам, что улавливали все неразличимые для нормальных глаз детали, присущие вместилищам для хранения жизни, из которых эта жизнь извлечена самым безжалостным образом. Кристабель Парсонс 26 повернула голову; она не могла ни говорить, ни кричать, ни плакать, как собака — а ей так этого хотелось!.. И она увидела девушку и увидела доктора.

Невыносимое зрелище.

Директор резко села, не обращая внимания на боль в высохших ногах. Открыла рот и заставила себя завопить.

Шум в прихожей стал громче, а через несколько секунд нечто заползло в операционную.

Кристабель Парсонс 26 выла, словно животное, которое не в состоянии справиться с охватившим его ужасом. Телохранители повернулись и посмотрели на нее, в их глазах появились изумление и страх... а в это время в комнате появился Берни. Она его увидела, и это было хуже всего, потому что он умирал сейчас, из сосуда вытекала жизнь — прямо сейчас, у нее на глазах! Ее вопль превратился в тоскливый собачий вой. Берни был не в состоянии говорить — на его лице не осталось той части, которая

могла бы произносить звуки. Он с трудом видел окружающее, потому что у него остался всего один глаз. Его лицо было покрыто кровью и разбито так, что и на лицо перестало быть похоже: Громила-флоридац не был злым человеком, просто он родился на Флориде, а его соплеменники были самыми настоящими варварами. Он потратил на Берни немало времени.

Руки Бrima замерли на застежке платья Верны, он бросил взгляд через ее плечо и увидел ничем не напоминающую человека массу, ползущую по полу и оставляющую за собой вонючие темные следы. В глазах доктора появился ужас.

Флоридцы подняли оружие почти одновременно, но существо на полу крепко сжимало пистолет, который оно — непонятно, необъяснимо, невероятно — каким-то образом умудрилось отнять у одного из убийц, и выстрелило. Голова телохранителя качнулась, тело дернулось и повалилось на другого охранника. Оба упали на операционный стол, где сидела директор Минэ и вопила, выла, наполняя помещение дикими отчаянными стонами, исполненными смертной мукой. Стол перевернулся, и старуха с вечными глазами упала на пол.

Бrim понял, что произошло. Берни не увели. Он был настоящим глупцом, когда поверил, что она позволит кому-нибудь из них оставаться в живых. Пока флоридац пытался высвободиться из-под трупа, прижавшего его к полу, доктор Brim быстро схватил свой электронный скальпель и бросился на охранника. Они сражались всего несколько мгновений, а потом Brimu удалось аккуратно отрезать флоридцу голову. Из рук телохранителя выпало оружие. Brim с трудом встал, покачнулся и наткнулся на силовой трансформатор. Дверца открылась, и тогда Кнокс-доктор, вцепившись рукой в грудь, сделал два шага вперед. Его руки легко проникли в собственное тело, он удивленно на них посмотрел, а потом рухнул на пол.

Что-то тихо булькнуло, и то, что совсем недавно было охотником Берни, испустило дух. В доме мертвцев воцарилась тишина.

Тишина, если не считать непрерывных рыданий Кристабель Парсонс 26. Она испускала такие все-поглощающие стенания, такие страшные, нечеловеческие вопли, что они стали чем-то вроде тикающих в тишине часов, непрекращающейся жизни уснувшего города. Привычный звук, на который не обращаешь внимания.

Верна все слышала, но не знала, что произошло. Она опустилась на колени и поползла в сторону радужной оболочки, по крайней мере, так ей казалось. Кончиками пальцев левой руки она наткнулась на что-то влажное, поползла дальше. Кончиками пальцев правой руки дотронулась до чего-то теплого и неподвижного, провела рукой, нашупала изуродованное тело. Справа доносился какой-то равномерный шелест — Верна догадалась, что это работает не выключенный электронный скальпель, который терзает пустоту, не понимая, что больше никому не может причинить вреда.

Затем она нашупала дверцу и поняла, что оказалась около контейнера, довольно большого. Тогда Верна заползла в него, закрыла дверцу и лежала там очень тихо.

Прошло совсем немного времени, в операционной возникло какое-то движение, телохранители Кристабель Парсонс 26, задержавшиеся по причинам, которые так и остались неизвестными Верне, подняли ее на руки и унесли, а могущественная властительница миров продолжала выть, потому что появились новые люди, и она поняла, что скоро увидит то, чего панически боится и не хочет увидеть. Собственное отражение, себя в момент смерти; она знала, что будет находиться в здравом уме и памяти и сможет осознать увиденное.

Издалека, постепенный наплыв, крупный план.

Из диспетчерской башни административного порта СМП видно, что корабль Дальнего Следования находится на посадочной полосе, затем начинает медленно отплывать от своего причала. Белая дымка, или пар, или, может быть, ионизированный туман поднимается над посадочной полосой, когда стартует корабль. Огромное судно уходит в небо, а мы наводим на него свои объективы. Продвигаемся вперед, присматриваемся к кораблю повнимательнее, сни- мааем его блестящий бок, а потом быстро переключаем внимание на его внутренности.

Все чувствуют себя превосходно. Все наблюдают за тем, как планета Земля исчезает из виду, словно окно, украшенное прекрасными витражами. Экраны в главной кают-компании показывают Конецсвета и СМП, и северную пустыню, и изъеденный разложением земной шар, а корабль мчится прочь, в непроглядный мрак космоса.

Это видят все пассажиры. Они видят корабль, друг друга, страницы книг, которые держат в руках, надежду на лучшее будущее, что поджидает их в конце путешествия. Они все видят.

Но вот, присмотревшись повнимательнее, мы замечаем, что одна пассажирка слепа. Она сидит, выпрямившись в своем кресле, положив руки на колени. Она прекрасно одета и, если не считать темных пятен под изысканной непрозрачной лентой, прикрывающей глаза, ее можно было бы назвать красивой. Мы даем наплыв, делаем снимок крупным планом и только тогда замечаем, что изящество и привлекательность женщины рождены чувством все-поглощающего покоя и удовлетворения, написанным у нее на лице.

Давайте задержимся на одно короткое мгновение и рассмотрим это лицо повнимательнее. Женщина поразительно спокойна. Нам бы следовало пожалеть ее, потому что мы знаем, что слепота, неспособность видеть мир — это ужасное несчастье, проклятье, выпадающее на долю человека. И тогда нам приходит в голову, что это, вероятно, замечательная

женщина, раз она сумела смириться с таким трагическим положением вещей и продолжает жить дальше.

Нам кажется, что, если бы нас лишили зрения, мы бы точно покончили все счеты с жизнью. А мрак Вселенной окутывает корабль, направляющийся к другим мирам.

«Если б врата познания были открыты, людям открылась бы бесконечность»*.

Уильям Блейк, «Бракосочетание Рая и Ада»

---

* Перевод А. Я. Сергеева.

Содержание

Контракты души

Вы меня слышите?

перевод М. Гутова

7

Задним числом: 480 секунд,

перевод И. Васильевой

22

Вместе с маленьким народцем,

перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

30

Живой и невредимый в одиноком путешествии,

перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

48

Странное вино,

перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

63

Партнеры

Люди для технического обслуживания,

перевод А. Шельваха

75

Чернокнижник Смит,

перевод А. Шельваха

100

Соната для зомби,

перевод А. Шельваха

121

Классика

«Покайся, Арлекин!» — сказал Тиктакщик,

перевод Е. Доброхотовой

141

Красотка Мэгги Деньгоочи,

перевод М. Гутова

156

Тварь, что кричала о любви в самом сердце мира,

перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

195

Парень с собакой, <i>перевод М. Гутова</i>	209
Место без названия, <i>перевод М. Гутова</i>	255
Монеты с глаз покойника, <i>перевод И. Васильевой</i>	270
Василиск, <i>перевод В. Гольдича, И. Оганесовой</i>	281
Дрейфуя у островков Лангерганса: $38^{\circ} 54'$ северной широты, $77^{\circ} 00' 13''$ западной долготы, <i>перевод В. Гольдича, И. Оганесовой</i>	304
Видение, <i>перевод В. Гольдича, И. Оганесовой</i>	349

МИРЫ ХАРЛНА ЭЛЛИСОНА

Собрание фантастических произведений

Том третий

Составители *А. Новиков, Д. Смушкович*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Ж. Голубева, А. Хиршфелде*

Оператор компьютерной верстки *В. Рихтер*

Оформление шмуктитулов: *В. Ковалев*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 7.05.97. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Антиква. Печать высокая.

Усл. печ. л. 20,16. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 636.

Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

ХАРЛАН ЭЛЛИСОН

Его называют «Льюисом Кэрроллом двадцатого века». За сорок лет своей карьеры Харлан Эллисон собрал восемь с половиной «Хьюго», три «Небьюлы», пять премий имени Брэма Стокера (за лучшее произведение в жанре «хоррор»), включая награду «за вклад в развитие жанра», две премии имени Э. А. По (за лучший американский детектив), «Серебряное перо» журналистики от международного ПЕН-клуба и — единственный — четыре премии Гильдии писателей Америки за лучший сценарий года, не говоря уже о наградах помельче — больше, чем любой другой писатель.

Его имя стало синонимом не только грандиозного успеха, но и выдающегося литературного мастерства. А еще — сильной воли, твердого характера, необычайной требовательности к себе и другим, к слову и делу.

Невозможно перечислить все достижения писателя на его творческом пути. По мотивам его рассказов снимались такие фильмы, как знаменитый «Терминатор» и фантастический телесериал «Вавилон-5». Произведения Харлана Эллисона не раз включались в антологии лучших рассказов года. А по сборникам его эссе о телевидении обучаются студенты в сотнях университетов.

Теперь самый выдающийся из современных американских прозаиков, представляет свои произведения российскому читателю. Лучшие из 1700 рассказов, написанных им за долгие годы, включены в это собрание, одобренное автором лично. Специально для российских читателей Харлан Эллисон написал новые предисловия ко многим рассказам, вошедшим в золотой фонд мировой литературы.